This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,221,568

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES

Poselianin, E.

Е. Поселянинъ.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

и

РУССКІЕ ПОДВИЖНИКИ

18-го ВѢКА.

СЪ ПОРТРЕТАМИ И РИСУНКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, 45.
1905.

BX
595
.P85
1905a

Книги, составленныя Е. Поселяниномъ:

Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божіимъ строилась Русская земля. Изд. 6-ое. Цѣна 35 коп.

Сказаніе о святыхъ вождяхъ земли Русской. Цѣна 40 коп.

Кіево-Печерскій Патерикъ. Въ полномъ переводѣ на русскій языкъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Іоасафъ Царевичъ. Христіанская повѣсть. Изд. 2-ое. Ц. 35 коп.

Дружина мученика Іуліана. Разсказъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Ц. 25 к.

Воины Христовы. Разсказы изъ жизни святыхъ. Ц. 40 к.

На богомолье. Очеркъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

Старецъ Серафимъ Саровскій. Изд. 3-е. Ц. 25 к.

Для школъ и народа *А. С. Пушкинъ*. Избранныя произведенія. Ц. 30 к.

Русскіе подвижники 19-го вѣка. 2-е значительно дополненное изданіе. Съ портретами и съ рисунками. Ц. 2 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученич. библ. сред. учеб. зав. Мин.*

Дѣтская вѣра и оптинскій старецъ Амвросій. Ц. 20 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ учит. библ. низш. уч. и въ безпл. народ. чит. и библіотеки.*

Божья рать. Разсказы изъ жизни святыхъ. Ц. 40 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. низшихъ учил. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

Въ похвалу Богородицы. (Знаменія Ея благодатной, чудесной силы, являемыя вѣрующимъ чрезъ Ея св. иконы). Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 40 к.

Задушевныя бесѣды. Ц. 20. к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ учит. библ. низшихъ учил. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

Преподобный Серафимъ Саровскій чудотворецъ. (Съ новыми свѣдѣніями о старцѣ). Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1903 г., Ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя народныя чит. и библ. и въ ученич. библ. низшихъ училищъ.* (24 окт. 1903 г. № 33010).

Reprinted by
JUH

Отъ Спб. Дух. Ценз. Ком. печ. дозв Спб., 20 декабря 1903 г. Старшій Цензоръ Архимандритъ Филаретъ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

130696-225

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весь почти восемнадцатый вѣкъ представляетъ собою одну изъ самыхъ сложныхъ эпохъ русской исторіи.

То былъ вѣкъ полнаго переустройства рѣшительно почти во всѣхъ областяхъ этой жизни. Какъ часто болѣзненъ бываетъ чрезмѣрно быстрый ростъ организма, такъ же болѣзненно было многое въ тѣхъ коренныхъ, внезапныхъ преобразованіяхъ, которыми точно желали искоренить все старое, даже если оно было хорошо, искоренить только лишь оттого, что оно было старое, а на мѣстѣ этого стараго насадить новое, не всегда удачное.

Въ этой погонѣ за нововведеніями было немало неудачнаго и преувеличеннаго. Желали освѣжить религіозную жизнь народа—и ударились въ протестантизмъ; желали усовершенствовать монашество — и чуть было не разрушили его.

Но, славу Богу, время и жизнь — жизнь, мудрый, осторожный врачъ историческихъ заблужденій и ошибокъ—исправили все, что непрочнаго, скороспѣлаго было въ реформахъ XVIII вѣка.

И, если мы сравнимъ время Θеофана—эту эпоху доносовъ, судовъ надъ архіереями, погибавшими въ ссылкахъ и казематахъ,—съ эпохою Платона, стоящаго на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ: несмотря на то, что и при немъ были недочеты въ положеніи церкви, — мы будемъ удивлены чрезвычайною разницею между настроеніями и, такъ сказать, колоритами обѣихъ эпохъ. Въ первой—общая смятенность, подавленность, страхъ; во второй — тишина и спокойствіе.

Въ тѣсныхъ рамкахъ настоящей книги мы разсмотримъ выдающіяся событія въ русской духовной жизни XVIII вѣка и помянемъ труды тѣхъ дѣятелей вѣры и просвѣщенія духовнаго, чьи руки спасли Россію отъ великой, угрожавшей ей опасности умаленія въ ней праотеческой вѣры, и вывели изъ бурь корабль русской Церкви съ нерастраченнымъ Ея сокровищемъ — всею полнотою и истиною православія.

Въ этотъ же трудъ включены и жизнеописанія славнѣйшихъ подвижниковъ благочестія за 18-й вѣкъ, соотвѣтствующія по содержанію моей книгѣ „Русскіе подвижники 19-го вѣка“.

Кромѣ жизнеописаній подвижниковъ, главнѣйшими пособіями при составленіи этой книги послужили труды гг. Чистовича *Θеофанъ Прокоповичъ и его время*, Шляпкина *Св. Димитрій Ростовскій* и Знаменскаго, о Русской Церкви въ эпоху Екатерины II.

Е. Поселянинъ.

С.-Петербургъ.
Декабрь, 1904 г.

ГЛАВА I.

Религіозныя воззрѣнія Петра Великаго.— Недовольство приверженцевъ старины. — Послѣдній патріархъ Адріанъ. — Переходное время. — Монастырскій приказъ. — Мѣстоблюститель Стефанъ Яворскій и его стояніе за православіе.

Послѣдній патріархъ московскій Адріанъ былъ человѣкъ стараго склада, со столь неподвижными убѣжденіями, что никакъ не могъ сочувствовать дѣятельности Петра, страстною рукой увлекавшаго Россію по пути реформъ.

Насколько патріархъ Адріанъ былъ вѣренъ старинѣ, видно изъ того, что онъ предавалъ анаѳемѣ брадобритіе, что лютеранскія вѣрованія возбуждали въ немъ ненависть не большую, чѣмъ куреніе табака. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ жалуется, что многіе „отъ *пипокъ табацкихъ и злоглаголствъ люторскихъ*, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли“. Въ этой проповѣди его звучитъ глубокое недовольство на вольнодумство новаго времени: „Совратясь со стезей отцовъ своихъ, говорятъ: „для чего это въ церкви такъ дѣлается? Нѣтъ въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ... „Едва только святымъ книгамъ узнаетъ имя или складъ словесный, и уже учитъ архіереевъ и священниковъ, монастыри править, устрояетъ чинъ церковный“.

Въ началѣ царствованія Петра, когда юный царь сперва былъ подъ опекою царевны Софьи, потомъ подъ вліяніемъ матери своей, Натальи Кирилловны Нарышкиной, до того ненавидѣвшей иностранцевъ, что она никогда не допускала ихъ къ своей рукѣ,— такое направленіе не шло въ разрѣзъ съ главнымъ теченіемъ времени.

Но Петръ выросъ, созрѣлъ, его характеръ отлился въ оригинальныя формы. Въ немъ не было духа древняго великорусскаго благочестія, онъ не дорожилъ формами этого благочестія, хотя былъ человѣкъ глубоко вѣрующій. Онъ всѣмъ существомъ своимъ былъ практикъ. Учившись на ходу, среди потѣхъ, онъ бросился прежде всего къ тому, въ чемъ видѣлъ пользу. Не вѣроисповѣдные толки, не блескъ богослуженій церковныхъ, къ чему такъ лежала душа былыхъ московскихъ князей и царей, занимала Петра, а крѣпости. верфи, флоты, пушки, ремесла. Большинство прежнихъ русскихъ людей не рѣшились бы знаться съ еретиками—иностранцами. Петръ же безъ всякаго сомнѣнія пошелъ къ нимъ за внѣшними знаніями.

Суровый дѣлецъ съ какою-то болѣзненной ненавистью къ религіозной исключительности: таковъ былъ Петръ, и такимъ вышелъ онъ отчасти благодаря обстоятельствамъ. Въ началѣ его царствованія произошли страшные бунты тупыхъ приверженцевъ старины, называвшихъ себя старовѣрами, волненія невѣжественной черни подъ личиною вѣры, во имя будто бы древняго православія, заговоръ на жизнь Петра, возстаніе стрѣльцовъ. И то, что всѣ эти люди прикрывались мнимою религіозностью, выставляли вѣру отцовъ, какъ знамя, за которое они боролись: все это и образовало въ Петрѣ такую вражду ко всему, что имѣло видъ религіозной обособленности и исключительности. Эти же обстоятельства придали реформамъ Петра крутой, насильственный, нѣсколько даже жестокій характеръ.

Но глубокою несправедливостью было бы обвинять Петра въ недостаткѣ любви къ Россіи, въ отсутствіи религіозныхъ чувствъ. Россію онъ любилъ пламенно, и въ отношеніяхъ къ Европѣ видѣлъ лишь орудіе для усиленія Россіи. „Европа, писалъ онъ, нужна намъ только на нѣсколько десятковъ лѣтъ. А послѣ того мы можемъ обернуться къ ней задомъ“.

Служеніе Россіи, ежедневный настойчивый трудъ для нея. представлялись Петру высокою религіозною обязанностью.

„О Петрѣ вѣдайте, говорилъ онъ предъ Полтавскою битвою, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи". „Молись и трудись,—повторялъ онъ часто и прибавлялъ къ этому слова апостола: аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ". Разъ онъ написалъ боярину Стрѣшневу: „Мы по заповѣди Божіей къ праотцу Адаму въ потѣ лица своего хлѣбъ ѣдимъ". Петръ сознавалъ, что самые упорные труды могутъ быть неудачны, если не будетъ на нихъ Божія благословенія. На это указываютъ его слова: „Быть трудолюбивымъ и честнымъ — вотъ лучшая политика человѣка, власть имущаго. Приноситъ она однакоже мало пользы, если не сопутствуетъ ей благословеніе Божіе". Въ великихъ обстоятельствахъ своей жизни Петръ всегда съ особою силою помнилъ о воздѣйствіи Провидѣнія. Такъ, по случаю взятія Азова, Петръ писалъ Шереметеву: „Письмо ваше о пресчастливой побѣдѣ съ превеликою радостью приняли и Господу Богу сердечно благодарили, ибо таковые случаи Ему единому приписывать достоитъ". При извѣстіи о заключеніи мира со Швеціей царь писалъ: „Николи наша Россія такого полезнаго мира не получала. За еже все—да будетъ Богу, всѣхъ благъ виновнику, выну хвала". Послѣ неудачи съ турецкой арміей на берегахъ Прута, Петръ писалъ въ Сенатъ: „Такъ воля Божія благоволитъ и грѣхи христіанскіе допустили.—Но мню, что праведный Богъ можетъ къ лучшему сдѣлать".

Петръ маливался Богу. По праздникамъ ходилъ въ церковь и по живости своего характера пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостолъ. Но все же нельзя сказать, чтобы онъ отличался особымъ благочестіемъ. Всѣ проявленія древне-русской набожности, постничество, многочисленные земные поклоны, много свѣчъ, зажженныхъ предъ образами, любовь къ звонкимъ колоколамъ: все это ему не нравилось, было не въ его духѣ. Но порою религіозное чувство вспыхивало въ немъ съ силою, искавшею внѣшняго выраженія. Когда послѣ страшной бури на Бѣломъ морѣ, онъ присталъ къ берегу у Пертоминскаго монастыря, то, полный благодарности къ Богу за

спасеніе жизни, онъ поставилъ на память объ этомъ крестъ. Одержавъ Полтавскую побѣду, которая прославила Россію громкою славою и дала ей значительное мѣсто среди европейскихъ державъ. Петръ, подъ наплывомъ сильнаго религіознаго чувства, воздвигъ на полѣ битвы собственноручно крестъ съ надписью: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709“. Проживая дни лѣченія въ Богеміи, въ Карлсбадѣ, Петръ часто удалялся для уединенной молитвы на гору неподалеку, гдѣ доселѣ деревянный крестъ означаетъ мѣсто царской молитвы.

Однажды государь прибылъ въ Смоленскъ для казни взбунтовавшихся стрѣльцовъ. Когда преступники были уже подведены къ плахѣ, изъ толпы народа къ ногамъ государя бросилась игуменья Смоленскаго монастыря Марѳа съ громкимъ воплемъ о помилованіи. Царь смягчился душою отъ этой неожиданной мольбы, подалъ рукою знакъ остановить казнь и отмѣнилъ ее. Ощущая сладость прощенія и желая отблагодарить Марѳу, царь приказалъ, чтобъ она требовала отъ него, чего пожелаетъ, и что онъ все исполнитъ. Марѳа просила воздвигнуть въ ея обители вмѣсто деревянной — каменную церковь, что и было сдѣлано.

Переѣзжая въ Петербургъ, Петръ перевезъ изъ Москвы много святынь въ видѣ прославленныхъ чудотворныхъ иконъ. Такъ, перевезъ онъ знаменитую Казанскую икону, свою келейную Нерукотвореннаго Спасителя, находящуюся понынѣ въ „домикѣ Петра Великаго“ на Петербургской сторонѣ, Знаменія Царскосельскую и Всѣхъ Скорбящихъ Радости.

Но, какъ всегда бываетъ съ людьми страстнаго характера, несочувствіе Петра къ набожности древнерусскаго характера выразилось въ формахъ черезчуръ рѣзкихъ, иногда непристойныхъ и даже не остроумныхъ.

Такъ, Петръ учредилъ „всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ“, во главѣ котораго поставилъ бывшаго своего учителя, пьяницу Никиту Зотова, съ титуломъ патріарха Иренбургскаго, Нузскаго и всего Кокуя; членамъ этой шутовской

компаніи были розданы имена экклезіарховъ, діаконовъ, и т. д.; самъ Петръ принялъ на себя должность протодіакона.

Понятно, что такіе поступки сильно возбуждали противъ Петра и его серьезныхъ реформъ ту часть русскаго общества, которая чтила старину. И дѣло дошло, наконецъ, до того, что его нѣкоторые считали антихристомъ. Къ чувству оскорбленнаго національнаго достоинства, раздраженнаго и задѣтаго неумѣстными придатками реформъ Петра, присоединилась и великая экономическая тягота, такъ какъ реформы, особенно военная часть, требовали громадныхъ расходовъ. Помимо издержекъ на военное дѣло, дорого стало русскому народу и построеніе Петербурга, къ которому сгоняли плотниковъ, каменьщиковъ и разнообразныхъ мастеровъ.

Не въ одной средѣ старой родовитой Москвы. крѣпко привязаннаго къ старинѣ служилаго сословія и являющагося всегда консервативнымъ элементомъ духовенства дѣятельность Петра осуждалась и вызывала тяжелое чувство. Въ скорости. съ какою Петръ преобразовывалъ Россію, было, конечно. нѣчто непосильное народу, который напрягался изъ послѣднихъ силъ.

Насколько правительству приходилось быть изобрѣтательнымъ въ собираніи денежныхъ рессуровъ съ народа, видно, напримѣръ, изъ указа о гробахъ отъ 15 января 1705 г. [1]): велѣно было отобрать дубовые гробы по указанной цѣнѣ, подъ страхомъ наказанія не приславшимъ; собранные продавать по цѣнѣ вчетверо; если принесутъ покойника въ дубовомъ гробѣ безъ указаннаго ярлыка, допрашивать.

Поборы натурою были постоянно. Монастырскій приказъ, вѣдавшій по смерти патріаха Адріана духовенство и монастыри и ихъ имѣнія, постоянно долженъ былъ доставлять на государственныя надобности крупныя средства. Въ 1705 году послѣдовалъ указъ архіереямъ и настоятелямъ монастырей давать жалованье „противъ прежнихъ дачъ съ убавкою“ и очень значительною, „а въ архіерейскихъ до-

[1]) Проф. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время, стр. 301.

махъ всякихъ чиновъ людямъ"... давать половину, а „другую половину сбирать въ монастырскій приказъ на дачу жалованья ратнымъ людямъ.

Въ Москву съ монастырей требовали лошадей на смотръ, не годятся ли для военнаго дѣла, требовали каменьщиковъ, кирпичниковъ, столяровъ, кузнецовъ и печатниковъ—и денегъ, денегъ, денегъ для корабельной стройки, для верфей, для войнъ. Въ 1707 году Петръ, нуждаясь въ деньгахъ для войны, далъ приказъ прислать въ Москву изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей серебряную казенную посуду, оправленную серебромъ сбрую и ломаное серебро, кромѣ освященныхъ сосудовъ и церковныхъ вещей.

Что силы населенія были истощены, видно, напримѣръ, изъ того, что сочувствовавшій реформамъ Петра новгородскій митрополитъ Іовъ пишетъ государю челобитную съ просьбой освободить его отъ посылки плотниковъ на Воронежскую верфь, а позже говоритъ о невозможности выслать денегъ: „У меня денегъ нѣтъ. Да освободитъ великій Государь насъ отъ такого несноснаго и невозможнаго даянія".

Вотъ, на почвѣ этого экономическаго изнуренія—и всякое неудовольствіе духовною, такъ сказать, стороною реформы принимало болѣзненное направленіе, выражавшееся хоть бы въ признаніи Петра антихристомъ.

Жаловались даже солдаты, жаловались горько. Сохранилось интересное подметное письмо 1716 года.

„Уже-де тому 15 лѣтъ, какъ началась война со Шведомъ. Нигдѣ мы худо не сдѣлали и кровь свою не жалѣючи проливали, а и понынѣ себѣ не видимъ покою, чтобы отдохнуть годъ или другой; женъ и дѣтей не видимъ. Сравнялиде насъ съ посохою, какъ пришелъ изъ кампаніи, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день, и ночь упокою намъ нѣтъ... Уже чрезъ мѣру лѣто и осень ходимъ по морю, чево не слыхано въ свѣтѣ; а зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ, съ голоду и холоду помираютъ. А государство свое все разорилъ, что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы".

Конечно, Петръ сознавалъ это недовольство населенія, которому въ государственныхъ видахъ должно было напрягаться до послѣдней возможности. Онъ глубоко страдалъ, видя непониманіе своихъ стремленій, своей жажды быстро, гигантскимъ шагомъ, двинуть Россію впередъ. И особенно тяжело ему было видѣть несочувствіе себѣ въ лицахъ, стоявшихъ на высотѣ, всѣми видныхъ, задававшихъ общій тонъ. А первымъ изъ такихъ лицъ былъ патріархъ.

Глубокая внутренняя рознь была между Петромъ и послѣднимъ русскимъ патріархомъ Адріаномъ. Петръ не принималъ отъ него того, что принималъ отъ совершенно неизвѣстныхъ ему лицъ. Выше было разсказано, какъ смоленская игуменья Марѳа вымолила у Петра избавленіе отъ казни стрѣльцовъ. Патріархъ Адріанъ въ Москвѣ, помня древнее право святителей московскихъ печаловаться за опальныхъ, пришелъ въ застѣнокъ съ иконою Богоматери на рукахъ и молилъ царя о пощадѣ стрѣльцовъ. Петръ не принялъ его печалованія. „Зачѣмъ ты здѣсь, — закричалъ онъ: — скорѣе уходи и поставь икону на свое мѣсто; знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой домъ и истинное благочестіе обязываетъ меня заботиться о народѣ и карать злодѣянія, ведущія къ общей гибели“.

Сперва Адріанъ рѣзко осуждалъ иноземные обычаи, вводимые царемъ, но скоро долженъ былъ замолчать. Послѣднее время онъ жилъ безвыѣздно, ни во что не вмѣшиваясь, подъ Москвой, въ своемъ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ.

Народъ былъ этимъ недоволенъ и говорилъ... „Какой онъ патріархъ? Живетъ изъ куска, бережетъ мантію да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ“.

Въ этомъ безучастіи патріарха, Петру видѣлось пассивное сопротивленіе своимъ реформамъ. Онъ казался Петру какъ бы сосредоточіемъ недовольства всей страны. Пусть онъ сейчасъ молчалъ. Онъ или его преемникъ могъ заговорить, а Петръ зналъ, что, въ случаѣ рѣзкаго осужденія патріархомъ реформъ, выйдетъ еще болѣе хлопотъ и недоразумѣній.

чѣмъ съ Никономъ. Когда Адріанъ въ 1700 году умеръ, Петръ, не увѣренный въ томъ, что найдетъ среди высшаго духовенства лицъ, безусловно сочувствующихъ его преобразованіямъ, рѣшилъ повременить выборомъ новаго патріарха. Начавшаяся Шведская война дала ему поводъ продлить переходное положеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что ему не достаетъ душевнаго спокойствія, необходимаго при выборѣ столь значительнаго лица, какъ патріархъ. Это было первымъ шагомъ къ отмѣнѣ патріаршества.

Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, а патріаршій домъ, домы архіерейскіе и монастырскія дѣла велѣно было вѣдать боярину Мусину-Пушкину: „сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палатахъ и писать монастырскимъ приказомъ".

Вѣдомству этого учрежденнаго, или, вѣрнѣе, возобновленнаго, 24 января 1701 года, приказа подлежало управленіе патріаршими, архіерейскими, монастырскими и церковными вотчинами; устройство и содержаніе тѣхъ церковныхъ учрежденій, отъ которыхъ были отобраны въ собственность государства эти вотчины; установленіе штатовъ, назначеніе настоятелей, строительная часть, посредничество между церковью и государствомъ. Учрежденіемъ этого приказа сдѣланъ былъ первый шагъ по переводу церковныхъ вотчинъ въ безусловное вѣдѣніе государства. Тотчасъ по учрежденіи приказа начали составлять переписи всего церковнаго имущества. По архіерейскимъ домамъ и монастырямъ разосланы были стольники, стряпчіе, дворяне и приказные.

Отмѣна патріаршества сильно не понравилась многимъ приверженцамъ старины, которые боялись, что эта отмѣна поведетъ за собою потерю церковью своей самостоятельности. Намѣстникъ патріаршаго престола былъ ограниченъ собраніемъ очередныхъ епископовъ, вызывавшихся поперемѣнно изъ епархій въ Москву. Совѣщанія между мѣстоблюстителемъ и этими епископами представлялись на утвержденіе Петра. Участіе въ духовномъ управленіи свѣтской власти стало сразу весьма значительнымъ. Совершенно устраненный монастыр-

скимъ приказомъ отъ множества упомянутыхъ выше весьма важныхъ дѣлъ, состоявшихъ раньше въ вѣдѣніи патріарха. митрополитъ Стефанъ и въ чисто духовныхъ дѣлахъ не имѣлъ почти никакой власти. Множество назначеній на мѣста духовнаго управленія шли помимо Стефана, по представленію Меншикова, Мусина-Пушкина и другихъ лицъ. Исключительно Мусинъ-Пушкинъ распоряжался патріаршею типографіей, сочиненіями, переводами, изданіемъ книгъ, даже исправленіемъ Библіи, хотя это исправленіе и было поручено надзору Стефана.

Вообще, ревностный къ православію, правдолюбивый Стефанъ много пострадалъ въ жизни, являясь одною изъ жертвъ той переходной эпохи.

Происходя изъ дворянской Волынской семьи, Стефанъ, въ жаждѣ образованія, долженъ былъ поступить въ славившіяся тогда галицкія и польскія училища, и для того, вѣроятно, на время отступить отъ православія. Присланный благодѣтелемъ своимъ, митрополитомъ кіевскимъ Варлаамомъ Ясинскимъ, въ Москву,—онъ былъ замѣченъ Петромъ, который услышалъ слово, произнесенное имъ надъ гробомъ боярина Шеина, и который искалъ ученыхъ и способныхъ монаховъ. особенно не враждебныхъ европейскому духу, чтобы такими монахами замѣщать епископскія каѳедры. Петръ призвалъ Стефана на Казанскую каѳедру, отъ которой онъ долго отказывался, такъ какъ въ Москвѣ его осыпали бранью и клеветами за его пребываніе у іезуитовъ. Въ Великороссію онъ внесъ съ собою ту любовь къ просвѣщенію, которая составляла отличительную черту малорусскаго монашества. принесъ и свое захватывающее, краснорѣчивое слово. Даже враги его говорили, что, уча въ церкви, онъ могъ по произволу заставить слушателей плакать или смѣяться.

Свой даръ слова онъ посвятилъ борьбѣ съ двумя современными ему язвами: расколомъ и протестантскими вѣяніями.

Онъ засталъ въ Москвѣ мнѣніе, что близко пришествіе антихриста, что Москва—Вавилонъ, а жители ея вавилоняне. слуги антихристовы и сыны погибели. Нѣкоторые брались

за вычисленія, назначали день и часъ, когда Христосъ придетъ на судъ, и предъ назначеннымъ ими временемъ дѣлали себѣ гробы, рыли могилы, закутывались въ саваны и ложились ожидать Христа.

Для вразумленія такихъ людей Яворскій написалъ сочиненіе съ обличеніемъ этихъ мнѣній, показывая, на основаніи св. Писанія, каковы будутъ истинные прзнаки пришествія антихриста.

Совершенно невозможную, дикую форму приняло въ Москвѣ распространеніе кальвинистскаго ученія. Полковой фельдшеръ Тверитиновъ, набравшись неправославныхъ мыслей у врача-иноземца, сталъ распространять хулы на многія изъ завѣтнѣйшихъ преданій церковныхъ: говорилъ противъ св. иконъ, креста, мощей, причастія, святыхъ, литургіи, противъ поминовенія усопшихъ, постовъ, значенія добрыхъ дѣлъ.

Онъ нашелъ себѣ послѣдователей между невѣжественными стрѣльцами и мастеровыми. Брадобрѣй Ѳома Ивановъ дошелъ до такого изступленія, что въ Чудовѣ монастырѣ при народѣ кричалъ хульныя слова на великаго святителя московскаго Алексія митрополита и разрубилъ ножомъ его икону. Стефанъ Яворскій послѣ этого ужаснаго событія тотчасъ нарядилъ тайное разслѣдованіе объ этомъ обществѣ и, найдя главныхъ виновниковъ, предалъ ихъ церковной анаѳемѣ; Ѳома былъ казненъ по гражданскому суду.

Чтобы оградить православныхъ отъ протестантской пропаганды, онъ написалъ знаменитый „Камень вѣры“, изданный уже по его кончинѣ.

Чѣмъ же кончилось это Тверитиновское дѣло для ревностнаго Стефана? Въ этомъ странномъ вѣкѣ самыя прямыя, ясныя дѣла принимали часто невѣроятный оборотъ. Государь остался недовольнымъ поспѣшностью въ рѣшеніи суда и строгостью приговора. Въ этомъ взглядѣ государя на дѣло нельзя не видѣть вмѣшательства сильныхъ при Дворѣ иностранцевъ, которые были очень недовольны дѣйствіями Стефана. Стефанъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ по этому дѣлу ему пришлось вынести много непріятностей.

Если Стефану удавалось иногда склонить царя къ какой-нибудь мѣрѣ въ пользу православія (въ 1719 году по его внушенію Петръ издалъ указъ не иначе дозволять бракъ лютеранина съ православнымъ лицомъ, какъ подъ условіемъ воспитать дѣтей въ православіи), то въ общемъ постоянная борьба, постоянное несогласіе идей Стефана съ тѣмъ, что творилось высшимъ духовнымъ управленіемъ, глубоко его угнетали. Смѣлый, благородный, откровенный, онъ говорилъ правду Петру, окруженному протестантами, которые за то и ненавидѣли его, какъ непримиримаго, стойкаго врага.

По словамъ апостола, „не взирая на лица“, въ пастырской дѣятельности своей, Стефанъ, если видѣлъ что неправильное, несоотвѣтственное достоинству Помазанника въ дѣйствіяхъ Петра, — онъ не страшился обличать его. Такъ, во время тяжкаго недоразумѣнія, столь прискорбно кончившагося, съ царевичемъ Алексѣемъ, на 17 марта, на память святого Алексія, человѣка Божія (день имянинъ царевича, находившагося тогда за границею), Стефанъ въ словѣ своемъ коснулся современныхъ событій и довольно рѣзко въ довольно прозрачныхъ намекахъ осуждалъ семейную жизнь Петра и жалѣлъ царевича. Вотъ это смѣлое мѣсто: „О! угодниче Божій, не забуди и тезоименинника твоего и особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой — онъ такожде по чужимъ домамъ скитается. Ты удалился отъ родителей—онъ такожде. Ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ, подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ — онъ такожде. Ты человѣкъ Божій:— онъ такожде рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій: покрый своего тезоименинника, едину нашу надежду“. А вотъ слова, ясно намекающія на Петра: „Море свирѣпое, море — человѣче законопреступный,— почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій; берегъ есть—во еже не прелюбы сотворити, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть во еже хранити благочестіе, посты, а наипаче четыредесятницу; берегъ есть почитати иконы“.

Быть можетъ, это не полное сочувствіе Стефана дѣятельности Петра раздражало Петра еще больше, чѣмъ молчаливое неодобреніе Адріана. Адріана, человѣка не блестящаго, не глубокаго образованія, можно было обвинить въ рутинѣ, тогда какъ Стефанъ былъ человѣкъ большихъ дарованій, большого ума, глубокаго европейскаго образованія, человѣкъ выдающійся, блестящій, но вмѣстѣ — человѣкъ, знавшій во всемъ мѣру, чего такъ не хватало во всю жизнь Петру... И къ концу жизни Стефана, мѣстоблюститель патріаршаго престола и вознесшій его по собственному выбору царь совершенно, кажется, не понимали другъ друга.

Царь находилъ, что недовольно дѣятеленъ Стефанъ, и обвинялъ его въ распущенности духовенства, во множествѣ праздношатающихъ поповъ и монаховъ, въ существованіи кликушъ и юродивыхъ, встрѣчавшихся весьма часто, во множествѣ вымышленныхъ чудесъ и ложно объявляемыхъ мощахъ: во всемъ это, ложное или истинное, равно, кажется, не нравилось Петру, тогда какъ всѣ проявленія древняго праотеческаго благочестія были дороги Стефану, и онъ относился къ нимъ, прежде чѣмъ гнать ихъ, безъ предубѣжденія, исключающаго всякую возможность спокойной критики, безпристрастнаго испытанія.

Хотя при учрежденіи св. Синода Стефанъ былъ назначенъ президентомъ его, многія синодальныя распоряженія того времени—отмѣненныя впослѣдствіи, какъ вредныя для Церкви — шли въ разрѣзъ со взглядами Стефана. Больной тѣломъ, угнетенный духомъ, онъ могъ оказывать лишь слабое сопротивленіе вѣянію новаго духа.

Онъ подавалъ протесты противъ новыхъ порядковъ, которые хотѣлъ завести царь въ духовной жизни русскаго народа. Но эти протесты обрушивались на его же усталую голову, навлекая на него гнѣвъ государя и вражду товарищей. Онъ былъ въ открытой враждѣ съ самымъ сильнымъ въ то время духовнымъ лицомъ, носителемъ взглядовъ Петра со всѣми ихъ заблужденіями, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, столь справедливо обвиняемымъ въ протестантизмѣ. Не разъ,

Стефанъ Яворскій.

когда Петръ уже избѣгалъ свиданій съ нимъ, Стефану приходилось оправдываться предъ государемъ письмами. Видя недовольство государя, вражду къ себѣ членовъ Синода, съ которыми онъ такъ не сходился взглядами, Стефанъ счелъ за лучшее удалиться изъ Петербурга. Не добившись объясненія съ государемъ, Стефанъ написалъ ему пространное письмо, помѣченное 27 іюня 1722 г. и подписанное: „Смиренный Стефанъ, пастушокъ Рязанскій“. Онъ скончался чрезъ четыре мѣсяца послѣ этого письма, оставляя свободное поле дѣйствій человѣку во всемъ, кромѣ любви къ просвѣщенію, противоположному съ нимъ, Ѳеофану Прокоповичу.

Тихимъ, отраднымъ свѣтомъ горитъ чистый образъ Стефана Яворскаго на порогѣ между двумя эпохами Русской Церкви. Если и лежитъ пятно на его молодости—временный католицизмъ, принятый изъ жажды знанія и изъ невозможности получить иначе полное образованіе, то клеветами, которыя ему потомъ пришлось перенести, онъ вполнѣ искупилъ этотъ грѣхъ. Онъ всѣми силами служилъ Церкви, православію, искалъ не личныхъ выгодъ, а пользы дѣла церковнаго, какъ, по крайнему разумѣнію своему, понималъ эту пользу. Ревностью въ проповѣди, независимостью въ обличеніи грѣха, сколь бы высоко, по человѣческимъ мѣркамъ, ни свилъ себѣ гнѣзда этотъ грѣхъ,—онъ напоминаетъ Іоанновъ Златоустовъ и Амвросіевъ Медіоланскихъ. Глубоко образованный, онъ тѣмъ не менѣе понималъ, что внѣшнее выраженіе религіознаго чувства нельзя гнать и осуждать, и потому, гдѣ могъ, шелъ противъ бури, старавшейся низвергнуть многіе обычаи праотеческаго благочестія, причемъ часто приходилось ограничиваться лишь безплоднымъ протестомъ—протестомъ, все же ясно доказывавшимъ всю чистоту его православія, всю непричастность его тѣмъ вліяніямъ протестантизма, которыя тогда такъ свободно злыми вихрями носились надъ Русскою землей.

ГЛАВА II.

Учрежденіе Св. Синода. — Мѣры къ упорядоченію религіознаго строя. — Взгляды Петра на монашество. — Оцѣнка тѣхъ и другихъ.

При патріаршемъ управленіи Церковь была независима отъ государства, и лицо патріарха какъ бы равнялось лицу государеву. Это казалось Петру неправильнымъ и не безопаснымъ. Онъ рѣшился ввести Церковь въ общій порядокъ государственной жизни, подчинить ее общей системѣ государственнаго правленія, какъ одну изъ его вѣтвей, и духовное правительство сдѣлать коллегіей наряду съ прочими. Церковь и духовенство становились въ общую подсудность государству по всѣмъ своимъ дѣламъ, исключая догматовъ и каноновъ. Званіе патріаршее уничтожилось само собою [1]).

Состояла духовная коллегія первоначально изъ президента (Стефанъ Яворскій), 2 вицепрезидентовъ (Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ), четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ.

Главною задачею, возложенною на духовную коллегію, было улучшеніе духовной жизни народа. Въ немъ были распространены самыя грубыя суевѣрія, не было часто самыхъ основныхъ понятій о вѣрѣ и о христіанской жизни.

Одинъ за другими стали выходить указы, имѣвшіе цѣлью преобразовать религіозную жизнь народа. Многіе изъ этихъ указовъ интересны тѣмъ, что рисуютъ намъ религіозно-бытовыя черты тогдашняго общества.

20 марта 1721 г. объявленъ указъ, „чтобъ обрѣтающіеся въ Москвѣ на Спасскомъ мосту [2]) и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній и службы, и каноны, и молитвы, которыя сочинены и сочиняются разныхъ чиновъ людьми

[1]) Ѳеофанъ и его время, стр. 71.

[2]) Въ тогдашнее время на Спасскомъ мосту, перекинутомъ чрезъ ровъ, отдѣлявшій тогда Кремль отъ Китай-города, были лавки съ книгами и лубочными картинами.

самовольно, письменныя и печатныя, безъ свидѣтельства и позволенія, описавъ, все отобрать въ Приказъ духовныхъ дѣлъ и запечатавъ держать до указу". Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ вышелъ указъ о прекращеніи, дѣйствительно, безобразнаго суевѣрнаго обычая: „Въ россійскомъ государствѣ по городамъ и селамъ отъ невѣждъ происходитъ нѣкоторое непотребство; а именно: ежели кто не бываетъ во всю свѣтлую седмицу Пасхи у утрени, такого обливаютъ водою и въ рѣкахъ и прудахъ купаютъ. И хотя себѣ простой народъ дѣлаетъ все будто на забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣлается не токмо здоровью, но и животу человѣческому тщета, ибо онымъ отъ невѣждъ купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапнымъ обліяніемъ ума лишаютъ". Добавляя, что этотъ обычай есть воспоминаніе языческаго праздника Купалы, указъ приказываетъ обычай „весьма истребить".

Въ 1722 году Дворъ находился въ Москвѣ, гдѣ былъ и Св. Синодъ, и члены его могли тамъ близко наблюдать всѣ проявленія духовной жизни народа и всѣ формы русской нобожности.

Многіе изъ отмѣненныхъ въ ту пору обычаевъ впослѣдствіи перестали преслѣдоваться и даже въ наше время не возбуждаютъ ни малѣйшаго осужденія.

Такъ, издано было запрещеніе „привѣшивать къ образамъ привѣсы, т. е. золотыя и серебряныя монеты и копейки, и всякую казну, и прочаго приношеннаго". Усердствующимъ было велѣно объяснять, „что на монетахъ иностранныхъ такія лица выбиты бываютъ, которымъ при иконахъ святыхъ не подобаетъ быти; а отъ серегъ и прочихъ таковыхъ привѣсовъ чинится иконамъ безобразіе, а отъ *иноплавныхъ укореніе и нареканіе на св. церковь наноситься можетъ*".

Вотъ одно изъ первыхъ проявленій этого погибельнаго страха: что скажутъ иностранцы о нашей жизни, какъ они посмотрятъ на выраженіе нашихъ религіозныхъ чувствъ? Какъ извѣстно, обычай этотъ благополучно процвѣтаетъ до-

селѣ, и очень понятно желаніе вѣрующихъ украсить чтимыя святыни.

Еще страннѣе отмѣненный впослѣдствіи указъ отъ 22 февраля 1722 года, „чтобы въ Москвѣ и въ городахъ изъ монастырей и приходскихъ мѣстныхъ церквей ни съ какими образами къ мѣстнымъ жителямъ въ домы отнюдь не ходить. Если же кому какое обѣщаніе, тотъ самъ бы приходилъ въ монастыри и церкви по обѣту". Этимъ заносилась рука надъ дорогимъ, древнимъ обычаемъ „подымать иконы къ себѣ на домъ".

Этотъ же указъ предъявляетъ требованіе, которымъ прямо словно хватали за руку человѣка, желавшаго подать на церковное строеніе: „Смотрѣть, чтобъ съ образами по Москвѣ, по городамъ и уѣздамъ для собиранія на церковь или на церковное строеніе отнюдь не ходили. И кто будетъ ходить, тѣхъ брать".

23 февраля открылось гоненіе на колокола: „Во всѣхъ всероссійскаго государства монастыряхъ колоколовъ не дѣлать изъ казны монастырской, а ежели есть разбитые, то и тѣхъ безъ повелительнаго указа изъ Св. Синода не передѣлывать и въ строеніе тѣхъ колоколовъ чрезъ собирателей—прошаковъ денегъ и прочаго не сбирать, и нигдѣ не просить".

Вотъ интересная черта московской набожности: „Въ Чудовѣ монастырѣ продается приходящимъ людямъ нѣкакій медъ, собственный его чудотворцевъ называемый; а въ церкви Василія Блаженнаго употребляется въ продажу нѣкакое масло, и въ почтеніи содержится. И въ другихъ монастыряхъ и церквахъ подобныя той продажи бываютъ. Такія продажи, яко подозрительныя, весьма пресѣчь".

28 марта былъ изданъ указъ, впослѣдствіи неисполнявшійся и возбудившій въ Москвѣ сильное волненіе. По свидѣтельству Берхгольца, онъ удивилъ и поразилъ и чернь, и многихъ старыхъ русскихъ вельможъ. Въ этомъ указѣ, подъ видомъ будто бы радѣнія о достоинствѣ церквей, воспрещались часовни, которыми Русь такъ любила и доселѣ любитъ отмѣчать знаменательныя тѣмъ нибудь мѣста. Нечего и го-

ворить о томъ, что жизнь смела этотъ невозможный и неразумный указъ.

Обычай этотъ, говоритъ указъ, „начался и утвердился будто бы отъ невѣждъ“, — что предъ святыми иконами, внѣ церкви стоящими (на внѣшнихъ церковныхъ стѣнахъ и на градскихъ вратахъ) вжигаются и нощію и днемъ свѣщи безъ всякаго молитвословія, а нѣкоторые невѣжды, оставивши посвященные молитвенные храмы. призываютъ предъ тѣ внѣшнія иконы невѣждъ священниковъ, и молитствуютъ на распутіяхъ и торжищахъ, гдѣ всегдашнее многонародное бываетъ собраніе, и явное чинятъ православнымъ церквамъ презрѣніе (?!), а инославнымъ даютъ причину укорительнаго на благочестіе порицанія (опять забота угодить иностранцамъ даже строемъ нашей духовной жизни!). Осудивъ существованіе „построенныхъ на торжищахъ и перекресткахъ. въ селахъ и въ другихъ мѣстахъ часовень“—указъ опредѣляетъ: „Предъ вышеупомянутыми внѣ церквей стоящими иконами мольбы и свѣщевозженія, тамо безвременно и безъ потребы бываемыя. весьма возбранить; также и часовенъ отнынѣ въ показанныхъ мѣстахъ не строить, и построенныя деревянныя разобрать. а каменныя употребить на иныя потребы тѣмъ. кто оныя строилъ“.

Такъ, заискивавшая въ иностранцахъ и готовая ради нихъ стыдиться и отказываться отъ родного, эпоха судила объ этомъ прекрасномъ обычаѣ. Прошли два вѣка. Россія стала культурнѣе, но, слава Богу. не снесла еще тѣхъ „внѣшнихъ иконъ“, противъ которыхъ такъ ратовалъ печальной памяти указъ. не погасила предъ ними лампадъ и свѣчей. не разорила часовенъ, а воздвигла и воздвигаетъ на видныхъ мѣстахъ, на площадяхъ городскихъ и перекресткахъ новыя часовни,— чаще всего для ознаменованія памятныхъ событій.

Когда подумаешь. какимъ великимъ почитаніемъ во всѣхъ слояхъ вѣрующей Россіи пользуются эти „внѣшнія иконы“. какъ знаменитая московская Иверская. какъ икона Спасителя на Спасскихъ воротахъ (предъ которою. замѣтимъ кстати. вымаливала сохраненіе своего жениха въ Хивинскомъ по-

ходѣ одна изъ поэтичнѣйшихъ героинь русской литературы, Сашинька Троекурова изъ *Перелома* Маркевича), какъ икона святителя Николая на Никольскихъ воротахъ, чудесно уцѣлѣвшая при разрушеніи отъ взрывовъ французами въ 1812 г. Никольской башни, — какъ вспомнишь про глубоко укоренившееся почитаніе этихъ святынь въ Москвѣ и подобныхъ имъ въ другихъ русскихъ городахъ (Смоленская надворотная, сопровождавшая отъ разореннаго Смоленска русскую армію въ 1812 году) и подумаешь, на что посягалъ этотъ злосчастный указъ, предписывавшій ни болѣе ни менѣе какъ разносить часовни и отогнать народное усердіе отъ „внѣшнихъ иконъ“,— станетъ грустно и больно и за эпоху, и за народъ, надъ которыми производилось такое духовное насиліе....

Интересенъ взглядъ Петра на монашество и то, какъ онъ хотѣлъ его преобразовать.

31 января 1724 года Петръ подписалъ указъ, которымъ предполагалось переустроить монашество, а размножившимся монастырямъ дать назначеніе, сообразное съ пользою государства. Указъ этотъ составленъ государемъ и дополненъ Ѳеофаномъ. Состоитъ онъ изъ историческаго объясненія о началѣ монашескаго чина и объ образѣ жизни древнихъ монаховъ, и изъ правилъ для монаховъ, избирающихъ монашество для уединенной жизни, и для ученыхъ монаховъ, ожидающихъ архіерейства.

Незадолго до смерти государь далъ указъ, чтобъ московскіе монастыри: — Чудовъ, Вознесенскій, Новодѣвичій, опредѣлить для больныхъ, старыхъ и увѣчныхъ, а Перервинскій для школъ, Андреевскій обратить въ воспитательный домъ для подкинутыхъ младенцевъ.

Прослѣдивъ развитіе монастырей, указъ говоритъ, что первые монастыри находились въ уединенныхъ мѣстахъ и питались трудами самихъ иноковъ. Но лѣтъ черезъ сто „отъ начала чина сего произошли, было, монахи лѣнивые, которые желая отъ чужихъ трудовъ питаться, сами праздны суще, защищали свою лѣность развращаемымъ отъ себя словомъ

Христовымъ (воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ, и Отецъ вашъ небесный питаетъ я), но цѣломудріе ихъ скоро обличено отъ прямыхъ монаховъ".

Затѣмъ въ такихъ выраженіяхъ говорится объ умноженіи монастырей: „Когда греческіе императоры, покинувъ свое званіе, ханжить начали, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли и монастыри не въ пустыняхъ уже, но въ самыхъ городѣхъ и вблизъ лежащихъ мѣстахъ строить начали и денежныя помощи требовали для сей мнимой святыни и трудами другихъ туне питаться восхотѣли. На одномъ каналѣ изъ Чернаго моря до Царя-града, который не болѣе 30 верстъ протягивается, съ 300 монастырей. И тако, какъ отъ прочаго несмотрѣнія, такъ и отъ сего, въ такое бѣдство пришли, что, когда осадили Царь-градъ, ниже 6,000 человѣкъ воиновъ сыскать могли,—сія гангрена зѣло было и у насъ распространяться начала".

Говоря о томъ, что монахи не стоятъ на высотѣ своего призванія и ѣдятъ даровой хлѣбъ, укоръ очень колоритно разсуждаетъ: „Нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, понеже большая часть тунеядцы суть. У насъ почти всѣ изъ поселянъ. Что оные оставили — явно есть, — не точію не отреклись, но прирекліись доброму и довольному житію, ибо дома былъ троеданникъ, то-есть: дому своему, государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое. Прилежатъ ли разумѣнію божественнаго писанія и ученія? Всячески нѣтъ. А что говорятъ—молятся: то и всѣ молятся.

„Чтоже прибыль обществу отъ сего? Во истинну токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть. Находится же иной способъжитія праздныхъ симъ не праздный, но богоугодный и не зазорный, еже служити прямымъ нищимъ, престарѣлымъ и младенцамъ. Ибо на многихъ мѣстѣхъ святое писаніе сіе не токмо похваляетъ, но и узаконяетъ".

Далѣе говорится про устройство въ монастыряхъ благо-

творительныхъ учрежденій, о возложеніи на нихъ содержанія престарѣлыхъ солдатъ, и, наконецъ, объ учрежденіи семинарій, откуда бы образованные воспитанники, ищущіе монашества для архіерейства, могли бы постригаться по достиженіи 30-лѣтняго возраста.

Какъ ни ѣдка эта критика русскаго монашества, къ сожалѣнію, приходится сказать, что въ ней много вѣрнаго, какъ много дѣльнаго въ мысли Петра занять иноковъ дѣлами благотворенія.

Но чуждый стремленій высоко духовныхъ, этотъ великій практикъ забылъ одно: что истинное монашество состоитъ въ отреченіи отъ всѣхъ дѣлъ міра, даже дѣла благотворенія. Монахъ бѣжитъ отъ міра, чтобъ, ничѣмъ не разсѣиваясь, тѣснѣе слиться съ Богомъ, и всякое внѣшнее дѣло, кромѣ молитвы, на этомъ пути будетъ только задерживать завершеніе духовнаго воспитанія монаха. Только тогда, когда онъ дожилъ до безстрастія, смирилъ себя, побѣдилъ въ себѣ привязанность къ міру и пріобрѣлъ духовную опытность,—только тогда иноку пора выступить на служеніе міру.

Тѣ лица „тунеядцы“, о которыхъ говоритъ указъ, пошли въ монастыри не по призванію и, чтобъ имъ, на мірской счетъ не коснѣть въ праздности, было очень хорошо придумать для нихъ какое-нибудь полезное занятіе. Уходъ за старыми, больными и слабыми было чрезвычайно для нихъ подходящее дѣло.... Но указъ совершенно забывалъ о людяхъ чисто духовнаго склада, созерцательнаго направленія, монахахъ по призванію, которые пошли въ монастырь для молитвы и подвиговъ духовныхъ; эти люди не могутъ заниматься внѣшними дѣлами, и хотя скудное, но имъ должно быть готовое содержаніе. Отдаваясь всецѣло духовному дѣланію, быстрыми шагами идя по пути нравственнаго совершенствованія, эти люди становятся потомъ руководителями, утѣшителями, просвѣтителями вѣрующихъ.

Мало обучиться въ семинаріи, устройство которыхъ было намѣчено тѣмъ же указомъ, чтобъ стать такимъ духовнымъ вождемъ, какъ были, напримѣръ, кіево-печерскіе святые или

преп. Сергій или множество другихъ русскихъ преподобныхъ, которые всѣ прошли ту иноческую школу, тотъ путь молитвенно-созерцательнаго монашества, котораго такъ не понималъ Петръ и которое этотъ указъ думалъ стереть съ лица земли.

Не Ѳеофаны Прокоповичи, обремененные знаніями, но безплодные духомъ, двигаютъ впередъ дѣло вѣры, а праведники, чтимые народомъ, разысканные имъ въ тиши обителей — тѣ люди, для созданія которыхъ вѣрнѣйшій путь — монастырь, какимъ онъ сложился въ прежней Руси.

И опять мы видимъ тутъ великое неуваженіе къ прошлому своего народа и столь тщетную и никогда почти исторіею неоправданную увѣренность — почеркомъ пера повернуть извѣстное жизненное явленіе, идущее по глубокому, давно проложенному исподволь, вѣками, руслу, — повернуть въ совершенно другую сторону.

И, какъ ни неблагопріятенъ былъ XVIII-й вѣкъ для русскаго иночества, къ концу вѣка оно уже, благодаря незабвенному петербургскому митрополиту Гавріилу, подняло снова голову, и, идя прежнимъ путемъ, молитвенно созерцательнымъ, дало много пышнаго цвѣта и, между прочимъ, выставило столь удивительное, столь чрезвычайное явленіе, какъ одинъ изъ величайшихъ людей всѣхъ эпохъ христіанства, дивный старецъ Серафимъ Саровскій.

Петръ, съ его ограниченными религіозными понятіями, не могъ понять, что аскетическое монашество, молитвенно-созерцательное, служитъ громадную службу обществу, представляя собою прибѣжище для встрѣчающихся во всякомъ обществѣ и во всякую эпоху людей тонкой духовной организаціи, которые задыхаются среди лжи, неправдъ и жестокостей міра и идеальныя стремленія которыхъ находятъ себѣ пылкое удовлетвореніе лишь въ пустынѣ, молитвѣ, постѣ и уединеніи. Онъ забылъ, что монастырь съ его истовымъ богослуженіемъ, съ его скопленною вѣками и сіяющею въ храмахъ священною роскошью, удовлетворяетъ эстетическому чувству народа, какъ бы видящаго въ этомъ великолѣпіи

храмовъ и божественныхъ службъ отблескъ страстно ожидаемой имъ райской вѣчной красоты. Онъ забылъ, чѣмъ сталъ монастырь для средневѣковаго русскаго общества, которому онъ помогъ вынести непомѣрную тяготу татарщины, какія духовныя силы монастырь Троицкій сумѣлъ пробудить въ погибавшемъ народѣ въ концѣ смутнаго времени. Онъ не хотѣлъ понять этой скрытой въ монастырѣ духовной силы и видѣлъ только отрицательную сторону монастыря, лѣнивыхъ и иногда пьяныхъ монаховъ, совершенно закрывая глаза на праведниковъ, какихъ и въ то время выставляли монастыри.

Онъ забылъ, что монастырь, при всемъ своемъ несовершенствѣ, какъ несовершенно всякое человѣческое учрежденіе, все же разрѣжалъ сгущенную, насыщенную зломъ атмосферу міра, все же былъ той отдушиной, которою легче всего лилась на народъ свѣжая религіозная струя.

Покорный формамъ жизни протестантскихъ государствъ, Петръ не далъ себѣ труда глубже вдуматься въ это длинными вѣками выросшее на родной почвѣ явленіе и думалъ рубить его главнымъ, быть можетъ, образомъ потому, что не находилъ его у своихъ западныхъ друзей.

ГЛАВА III.

Архипастыри стараго типа.—Іовъ новгородскій.—Св. Митрофанъ воронежскій.—Св. Дмитрій ростовскій и его просвѣтительная дѣятельность.

Мы видѣли, какъ много пришлось пострадать въ это время громаднаго вліянія иноземцевъ такому истово православному, хотя и просвѣщенному, человѣку, какимъ былъ Стефанъ Яворскій.

Счастливѣе его были архіереи, сохранившіе въ себѣ все лучшее содержаніе московской Руси, но поставленные далеко отъ столицы съ ея рѣзко выраженными вѣяніями дня, съ ея интригами, чуждые участія въ высшемъ церковномъ управленіи и поглощенные дѣломъ пастырства, въ предѣлахъ лишь

своихъ епархій. Такими святителями были Іовъ новгородскій, Митрофанъ воронежскій, Димитрій ростовскій. Двухъ послѣднихъ считаютъ часто епископами новаго типа, но, кажется, что разумное сочувствіе одного разумнымъ мѣрамъ Петра, просвѣщенность и любовь къ просвѣщенію другого, ничуть не ставятъ ихъ врозь съ лучшими представителями іерархіи московскаго періода русской исторіи. Развѣ Кипріанъ, Фотій, Алексій, Макарій московскіе, развѣ Гурій и Варсонофій казанскіе, развѣ Стефанъ пермскій не сѣяли усердною и настойчивою рукой просвѣщеніе, развѣ Петръ и Филиппъ и Гермогенъ не были государственными дѣятелями въ самомъ прямомъ значеніи этого слова?

Если мы называемъ трехъ этихъ святителей представителями стараго типа іерархіи, мы хотимъ указать на глубокую вѣрность всѣхъ трехъ церковнымъ и народнымъ преданіямъ, на ихъ органическую преданность православію, на наполнявшую ихъ жизнь и превыше всего въ нихъ стоявшую заботу о Церкви. Наконецъ, на ихъ горячее стремленіе къ правдѣ, къ правдолюбію и къ праведности. Не такого склада, не такого направленія чувствъ и мыслей были архіереи, полные заботы о себѣ, занятые происками въ это бурное и смутное время, больше мнившіе о личныхъ выгодахъ, чѣмъ о достоинствѣ Церкви, и весьма равнодушные и къ судьбѣ паствы и къ дѣлу личнаго нравственнаго самосовершенствованія, каковы были Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеодосій Яновскій, Георгій Дашковъ, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующихъ главахъ.

Постриженникъ Сергіевой Лавры и архимандритъ ея, а съ 1697 года архіепископъ новгородскій, Іовъ завелъ у себя въ епархіи училища для образованія достойныхъ священниковъ, пригласивъ для этого къ себѣ извѣстныхъ ученыхъ, грековъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ. Іовъ выстроилъ у своего архіерейскаго дома обширное двухъэтажное зданіе, до нашего времени носящее имя „Лихудіевскаго училища“. Въ шесть лѣтъ они основательно образовали своихъ учениковъ, а чрезъ этихъ самыхъ учениковъ митрополитъ завелъ потомъ

до 14 русскихъ школъ по уѣзднымъ городамъ и значительнымъ монастырямъ своей обширной епархіи.

Лихуды трудились такъ же въ переводѣ на русскій языкъ латинскихъ и греческихъ книгъ; въ помощь имъ попечительный Іовъ вызвалъ изъ Москвы ихъ учениковъ, между которыми былъ извѣстный Каріонъ Истоминъ, и составилъ при своемъ домѣ общество переводчиковъ. Изъ написанныхъ въ Новгородѣ Лихудами сочиненій извѣстно, между прочимъ, *обличеніе противъ Лютера и Кальвина*, особенно благовременное по тогдашнимъ обстоятельствамъ.

Извѣстенъ Іовъ и благотворительностью. Онъ устроилъ въ Новгородѣ три больницы, странноприимницу и домъ для незаконнорожденныхъ и подкидышей близъ Новгорода, въ Колмовѣ—упраздненномъ монастырѣ, приписанномъ къ владычному дому. Іовъ, поселяясь тутъ лѣтомъ, самъ наблюдалъ за своими „найденышами“. Царь, узнавъ объ этомъ человѣколюбіи Іова, повелѣлъ приписать къ его дому разныя вотчины и въ 1715 году повелѣлъ у церквей при оградахъ сдѣлать госпитали „по примѣру учрежденныхъ въ Новгородѣ Іовомъ митрополитомъ“. Въ лѣтахъ глубокой старости онъ просилъ царя отпустить его на покой или къ Троицѣ, гдѣ онъ постригался, или въ Колмовъ, къ его безроднымъ дѣтямъ. Но царь не отпустилъ его. Митрополитъ Іовъ скончался 3 февраля 1716 года.

Святитель Митрофанъ, когда-то вдовый священникъ, уже не молодымъ былъ избранъ первымъ епископомъ Воронежской епархіи, гдѣ предстояла ему борьба съ расколомъ. Находясь въ Москвѣ для хиротоніи, онъ могъ убѣдиться въ ожесточеніи раскола, такъ какъ присутствовалъ при буйствѣ Никиты Пустосвята съ его приверженцами въ Грановитой палатѣ, когда Никита вырвалъ бороду вступившему съ нимъ въ пререканія о вѣрѣ епископу холмогорскому Аѳанасію.

Св. Митрофанъ показалъ себя искреннимъ радѣтелемъ о благѣ Россіи. Готовясь къ войнѣ съ Турціей, Петръ строилъ на Воронежской верфи корабли. И молитвою, и словомъ увѣщанія святитель Митрофанъ старался помочь Царю.

Въ проповѣдяхъ онъ объяснялъ народу, какъ нужны для войны корабли и какъ нужна сама война для освобожденія отъ ига магометанъ множества православныхъ. Когда случилась недостача денегъ на постройку, святитель собралъ всѣ оставшіяся у него деньги и принесъ ихъ Петру, говоря, что всякій сынъ отечества долженъ помогать государству въ его нуждахъ. Петръ съ благодарностью принялъ приношеніе святителя, видя въ немъ залогъ для успѣха дѣла. Еще нѣсколько разъ св. Митрофанъ приходилъ на помощь Петру. Когда по случаю шведской войны казна была совсѣмъ истощена, онъ послалъ отъ себя 4,000 рублей на остановившуюся постройку кораблей, а въ слѣдующемъ году—3,000 рублей на жалованье солдатамъ.

Это сочувствіе святителя полезнымъ реформамъ Петра, это пониманіе и поддержка добрыхъ его начинаній привязали Царя къ святителю. Святитель же, любя Царя, всегда говорилъ ему правду и обличалъ, если замѣчалъ въ немъ что нибудь несоотвѣтственное со званіемъ христіанина. Нельзя забыть той ревности христіанской, съ какою св. Митрофанъ требовалъ отъ Петра снять съ его воронежскаго дома помѣщенныя тамъ изображенія языческихъ боговъ, и отказался идти къ Царю, пока эти изображенія не будутъ сняты. Самовластный Петръ пришелъ въ ярость и угрожалъ святителю казнью. Святитель настаивалъ: „Лучше умереть, чѣмъ присутствіемъ своимъ или боязливымъ молчаніемъ одобрять язычество. Неприлично Государю православному ставить болваны языческіе и тѣмъ соблазнять простыя сердца народа“. Святитель сталъ готовиться къ смерти и распорядился, чтобъ благовѣстили въ большой колоколъ ко всенощной. Государь послалъ къ архіерею спросить, отчего благовѣстятъ. Онъ отвѣтилъ, что собирается напутствоваться къ смерти. Поразила царя эта ревность святителя, онъ послалъ успокоить его и велѣлъ снять статуи. Такъ совершилъ святитель Митрофанъ исповѣдническій подвигъ, не задумавшись подвергнуться смерти за то, въ чемъ видѣлъ свой долгъ.

Самъ готовый къ смерти, святитель молитвою своею

старался облегчать загробную участь павшихъ за Россію бойцовъ. Въ его синодикѣ поминаются воины изъ полка боярина Шеина, скончавшіеся на пути къ Азову и убитые подъ Азовымъ, и воины изъ полка боярина Шереметева, убіенные въ сраженіи и умершіе въ плѣну.

Въ домѣ святителя находили пристанище и покой бѣдные, вдовы и сирые. Простой въ обхожденіи, онъ былъ доступенъ для всѣхъ.

Послѣ двадцатилѣтняго управленія паствою, святитель почилъ 23 ноября 1703 года. Въ тотъ самый день прибылъ въ Воронежъ Царь. По обычаю онъ отправился навѣстить святителя, но засталъ его при послѣднемъ издыханіи. Онъ поцѣловалъ его хладѣющую руку, остался ждать кончины и самъ закрылъ праведнику глаза. При торжественномъ погребеніи святителя, когда священники собрались поднять гробъ его, Государь, обратясь къ старшимъ чинамъ флота, сказалъ: „Намъ стыдно будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашей признательности сему добродѣтельному пастырю. Мы сами вынесемъ его тѣло“. И государь донесъ до усыпальницы гробъ съ помощью старшихъ чиновъ. — „Не осталось у меня такого святого старца, буди ему вѣчная память“, — сказалъ Царь.

Есть трогательный разсказъ, свидѣтельствующій о духовной связи между святителемъ Митрофаномъ и чтившимъ его Петромъ. Разсказъ этотъ переданъ намъ однимъ почтеннымъ лицемъ, весьма достовѣрнымъ. Какъ-то въ Петропавловскомъ соборѣ онъ встрѣтилъ человѣка-простолюдина, усердно молившагося предъ гробницею Петра Великаго.—Что ты такъ усердно молишься о немъ?—спросилъ этотъ господинъ: — вѣроятно, почитаешь память великаго Царя? — Мнѣ велѣлъ молиться за него,—былъ отвѣтъ,—святитель Митрофанъ.—Какъ такъ?—А вотъ что со мною было. Я усердствовалъ въ памяти святителя Митрофана Воронежскаго и часто призывалъ его въ молитвѣ. Однажды во снѣ я видѣлъ святителя, который сказалъ мнѣ: „Если хочешь быть мнѣ угоднымъ, молись о упокоеніи души императора Петра Великаго!“

Св. Димитрій Ростовскій.

Такъ праведники благодѣтельствуютъ и за гробомъ душамъ людей, которые любили и чтили ихъ.

При Петрѣ Великомъ, находившемъ мало сочувствія въ сѣверо-русскомъ духовенствѣ, архіереевъ на видныя каѳедры стали назначать большею частью изъ южно-русскихъ монаховъ, которые были образованнѣе, живѣе и привычнѣе къ западу.

Мы видѣли назначеніе южанина Стефана Яворскаго на каѳедру Рязанскую.... Таковы же были назначенія Ѳеодосія Яновскаго и Ѳеофана Прокоповича на каѳедры Новогородскую и Псковскую, а святителя Димитрія на каѳедру митрополіи Сибирской и Ростовской.

Святитель Димитрій является однимъ изъ отраднѣйшихъ лицъ нашей церковной исторіи. Онъ блестяще сочеталъ любовь къ просвѣщенію съ личною праведностью, ревностное устное проповѣдничество съ обширнѣйшею, неутомимою литературною дѣятельностью.

Великій святитель Димитрій родился въ 1651 году въ городкѣ Макаровѣ, неподалеку отъ Кіева, у малороссійскаго сотника Саввы Тупталы и нареченъ Даніиломъ. Воспитанъ онъ былъ родителями въ страхѣ Божіемъ, а образованіе получилъ въ только что открытыхъ при Кіево-Могилянской академіи Іоанникіемъ Голятовскимъ классахъ.

Небесный дѣятель и борецъ за православіе, Голятовскій. учитель риторики въ Кіевской академіи, былъ одинъ изъ ученѣйшихъ людей и знаменитѣйшихъ состязательныхъ богословъ своего времени. Съ неослабѣвающею ревностью онъ своими сочиненіями боролся со всѣми толками, враждебными православію. Іезуитамъ не приходилось еще встрѣчать между православными такого сильнаго и непобѣдимаго противника. Его несокрушимое, убѣжденное слово изумляло не однихъ іезуитовъ, но и уніатовъ, евреевъ, магометанъ.

Полный жажды знанія, юный Даніилъ быстро дошелъ до классовъ краснорѣчія и поэзіи, гдѣ открылась ему та сила слова, которой онъ впослѣдствіи такъ много и плодотворно послужилъ. Подъ руководствомъ великаго полемиста

Голятовскаго, онъ усвоилъ себѣ тѣ пріемы и обороты рѣчи, которые въ поученіяхъ и бесѣдахъ его невольно поражаютъ всякаго читателя. Здѣсь выработалъ онъ въ себѣ ту энергію и убѣжденность, которыя проявились впослѣдствіи въ его борьбѣ съ расколомъ.

Душа Даніила не тяготѣла къ міру, и, испросивъ разрѣшенія родителей, 17-ти лѣтній Туптало 9 іюля 1668 г. принялъ иночество съ именемъ Димитрія.

Первые годы иночества онъ посвятилъ высокому аскетизму. Уединеніе и богомысліе, кротость, смиреніе и послушаніе: все въ немъ изумляло даже опытныхъ старцевъ. Просвѣщенный и ревностный блюститель Черниговской митрополіи, архіепископъ Лазарь Барановичъ, вызвалъ его послѣ 6—7-лѣтняго пребыванія его въ Кіевскомъ монастырѣ въ Черниговъ, поставилъ іеромонахомъ и назначилъ проповѣдникомъ. Здѣсь способности его проявились столь блестяще, что слухъ о немъ прошелъ по всей южной Руси, Польшѣ и Литвѣ. Братія Слуцкаго монастыря упросила его пріѣхать къ нимъ и онъ цѣлый годъ проповѣдывалъ тамъ слово Божіе. Многіе монастыри усердно звали Димитрія въ настоятели, но онъ, вернувшись въ Малороссію и весьма радушно принятый гетманомъ, не пожелалъ начальствовать и удалился въ Батуринскій монастырь, гдѣ предался усиленнымъ подвигамъ духовнымъ, посту, молитвѣ, изученію Писанія и проповѣдничеству. Одинъ кіевскій монастырь умолялъ Димитрія принять настоятельство; къ тому же понуждалъ его и гетманъ, но онъ рѣшительно отказался, и лишь послѣ долгихъ колебаній принялъ игуменство въ Максаковской Преображенской обители, которая полюбилась ему, какъ удобная для отшельничества по своей уединенности. Вскорѣ его перевели въ Батуринъ игуменомъ же, но онъ сложилъ съ себя это званіе и возобновилъ свою аскетически-созерцательную жизнь. Приблизилось время, когда Богъ благоволилъ возложить на него исполненіе величайшаго, быть можетъ, дѣла всей жизни Димитрія, подвига, которымъ въ роды родовъ, пока стоитъ на Руси православіе, будетъ славно имя Димитрія.

Въ 1684 году архимандритъ Кіево-Печерскій Варлаамъ Ясинскій вызвалъ Димитрія въ лавру, и предложилъ ему собрать и исправить житія святыхъ. Не безъ страха приступилъ Димитрій къ этому дѣлу. Попытки предшественниковъ были неудачны. Предстояло начинать все сначала. Онъ обложился бездною книгъ. Надо было свѣрять и согласовать свѣдѣнія, содержащіяся у писателей западной и восточной Церкви, у греческихъ историковъ и въ жизнеописаніяхъ, собранныхъ московскимъ (временъ Грознаго) митрополитомъ Макаріемъ подъ именемъ Великихъ Четьи-Миней. Послѣ чрезвычайно напряженной работы Димитрія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ 1689 г. въ печерской типографіи напечатана первая четверть Четьи-Минеи: мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь.

Проведя два мѣсяца въ Москвѣ, гдѣ книга его была представлена ко Двору, св. Димитрій вернулся въ Малороссію и, заключившись въ Батуринскомъ монатырѣ, отказавшись отъ настоятельства, весь ушелъ въ работу надъ второю четвертью Четьи-Минеи, законченной въ 1693 году. Третью четверть онъ закончилъ, будучи настоятелемъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, предъ назначеніемъ на митрополію. Уже въ Ростовѣ въ 1705 г. онъ завершилъ четвертую часть. Такимъ образомъ Четьи-Минеи святителя Димитрія представляютъ плодъ почти двадцатилѣтняго напряженнаго труда. Мы не будемъ говорить о томъ, сколько вложено въ нее работы, — скажемъ только о значеніи ея.

Современники съ любовью слѣдили за трудомъ Димитрія. Патріархъ Адріанъ, кромѣ сочувственныхъ писемъ самому Димитрію, писалъ преемнику Лазаря, архіепископу Іоанну Максимовичу (св. Димитрій былъ тогда архимандритомъ Елецкаго Черниговскаго монастыря): „Извѣстихомся, яко близъ тебе нынѣ пречестный архимандритъ Димитрій въ церковномъ общеполезномъ книжномъ словодѣліи житія святыхъ пиша труждается. Просимъ твою любовь: въ потребахъ спомоществуй ему трудами о Господѣ и любовь сотворяй во благодушество и въ пользу Церкве".

Въ 1700 г. (появленіе третьей части) встрѣчается извѣ-

стіе: „Року 1700 въ мѣсяцѣ генварѣ третяя книга житій святыхъ, трудами богодухновеннаго мужа іеромонаха Димитріа Савича Тупталенка составленная, на свѣтъ вышла, и любопытствующихъ человѣкъ книжныхъ духовною радостью сердца наполнишася".

Современники знали, чему радовались и завѣщали потомкамъ горячую любовь къ этому творенію св. Димитрія.

Трудно назвать, послѣ Евангелія, другую книгу, которая имѣла бы такое вліяніе на вѣрующее русское общество. Житія святыхъ въ довольно доступномъ изданіи представляли собою для этого общества неистощимое сокровище нравственнаго назиданія, живую, убѣдительную, яркую школу того, чего искать въ жизни, какъ строить земную жизнь.

Прибавьте къ содержанію изумительное выполненіе, ту святость, которая запечатлѣла священные разсказы, то высокое одушевленіе, которое проникаетъ книгу отъ первой страницы до послѣдней и дало современникамъ справедливый поводъ назвать Димитрія „Боговдохновеннымъ" — и вы поймете, почему эта книга никогда не устарѣетъ и всегда будетъ полна для вѣрующаго читателя свѣжаго обаянія. Недаромъ сохранились преданія, что само Небо помогало Димитрію въ его трудѣ. Такъ, когда однажды онъ недоумѣвалъ объ одномъ мученикѣ, куда отнести его, этотъ мученикъ самъ явился во снѣ св. Димитрію и разъяснилъ ему то, что было ему не ясно.

Картинное, художественное изложеніе Четьи-Минеи показываетъ въ авторѣ великаго мастера слова; но, кромѣ художника, тамъ чувствуется расширяемая стремленіемъ къ совершенству душа, путемъ примѣровъ святыхъ желающая увлечь къ этому совершенству читателя.

Въ послѣдніе годы свои Пушкинъ говорилъ, что Четьи-Минея св. Димитрія представляетъ собою неистощимую сокровищницу для вдохновеннаго художника. Это книга вѣчно живая, безсмертная.

Въ 1700 году Петръ поручилъ Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, по мысли котораго св. Димитрій пред-

принялъ трудъ Четьи-Минеи, поискать лицо „доброе и ученое, и благонепорочнаго житія, которому бы въ Тобольску быть митрополитомъ, имѣлъ бы Божіею милостью исподоволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ идолослуженія и другихъ невѣжествіяхъ закоснѣлыхъ человѣкъ приводить въ сознаніе и служеніе, и поклоненіе истиннаго Бога". Былъ избранъ Димитрій и посвященъ въ Сибирскіе митрополиты. Димитрій съ отчаянія заболѣлъ: климатъ Сибири былъ совершенно невыносимъ для его слабаго здоровья, и трудъ Четьи-Минеи могъ бы остаться тамъ недоконченнымъ. Посѣтивъ въ Москвѣ больного, царь дозволилъ ему оставаться въ Москвѣ для проповѣди, а въ 1702 году, не побывавъ въ Сибири, онъ переведенъ былъ на каѳедру Ростовскую.

Епархія эта находилась въ печальномъ положеніи, въ какомъ была большая часть великорусскихъ епархій того времени, которыя Петръ надѣялся усовершенствовать чрезъ образованныхъ архіереевъ. Духовенство въ глубокомъ невѣжествѣ своемъ не могло учить народъ, который легко совращался въ расколъ. Тягостно было видѣть невѣжественное духовенство просвѣщенному пришельцу Южной Руси. Со свойственной ему силой и картинностью въ одной изъ проповѣдей своихъ святитель рисуетъ положеніе дѣлъ: „Окаянное наше время, въ которое такъ пренебрежено сѣяніе слова Божія и не знаю, кого прежде надобно винить: сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ. Іереи небрегутъ, а люди заблуждаются. Іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ. Іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди неразумны. Іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются. Іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста. Мы ихъ спрашиваемъ, давно ли причащались, а они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О, окаянные іереи, нерадящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о св. Церкви люди, домашнихъ своихъ къ святому причащенію не приводящіе?"

Остановимся подробнѣе на дѣятельности святителя въ Ростовѣ, знакомясь съ которой, мы познакомимся съ колоритными чертами той эпохи.

1 марта 1702 года святитель прибылъ къ Ростову въ сопровожденіи любимой келейной его иконы Богоматери Ватопедской. Паства встрѣтила его тоже съ иконою Богоматери. Святитель прежде всего посѣтилъ Спасо-Яковлевскій монастырь. Тамъ, въ храмѣ Зачатія св. Анны, онъ указалъ будущее мѣсто своего погребенія. Въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ онъ произнесъ привѣтственное слово паствѣ. Онъ говорилъ: „пріидохъ къ вамъ, не да послужите ми, но да послужу вамъ, пріидохъ не себѣ угождати, но вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя, добрыя любити, злыя съ милованіемъ наказывати, о всѣхъ пользѣ пещися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молитися".

И, надо сказать, это „служеніе" было весьма тяжкое. И паства и духовенство стояли на степени развитія, которая намъ теперь покажется прямо невѣроятной. Мы видѣли отзывы святителя. Приведемъ мнѣніе незаинтересованнаго лица, знаменитаго Посошкова. „Кои пресвитеры и во градѣ живутъ, и тѣ не весьма знаютъ, въ чемъ грѣхъ и въ чемъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ". Посошковъ говоритъ, что не духовныя стремленія наполняютъ жизнь священника, а хозяйственныя заботы. Св. Димитрій тоже разсуждаетъ: „что тя приведе въ чинъ священническій? Тоже, дабы спасти себе и инѣхъ? Никакоже. Но чтобъ прекормити жену, и дѣти, и домашнія. *Поискалъ Іисуса, не для Іисуса, а для хлѣба куса*".

Но хороша была и паства! И Посошковъ, и св. Димитрій приводятъ случаи ужасающіе, не бывшіе, къ сожалѣнію, рѣдкими: „Я истинно таковыхъ стариковъ и при Москвѣ видалъ, что лѣтъ подъ 60 и больше житія своего имѣютъ, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали не ради раскольничества, а ради непонужденія пресвитерскаго" (Посошковъ). И святитель говоритъ: „Иные уже 10 лѣтъ, иные 20 не причащаются. *А иные во всю жизнь свою не*

знаютъ, что то есть причаститися Божественныхъ Таинъ!! Развѣ когда младенецъ былъ крещенъ, тогда и причащенъ".

Конечно, глубокое невѣжество духовенства было причиною такого положенія дѣла въ народѣ. Вѣдь народъ этотъ былъ по своему набоженъ, жаждалъ впечатлѣній духовныхъ. Но никто не объяснялъ ему, въ чемъ сущность вѣры. Никто, напримѣръ, не сказалъ, что значитъ для души и для спасенія святое причащеніе. И Посошковъ выразительно объясняетъ о священникахъ: „ни сами разумѣютъ, ни насъ учатъ!"

Нравы народные были темны: бѣдность, суевѣрія, необузданность. Раздоры крестьянъ разныхъ владѣльцевъ были постояннымъ явленіемъ, и дрались шибко. Напримѣръ, въ Ростовской области крестьяне стольника Бутурлина чистили покосы. Какъ снѣгъ на голову являются крестьяне Дашкова „великимъ собраніемъ съ дубьемъ и съ бердышами, и тѣхъ Бутурлина крестьянъ съ товарищи убили замертво, ограбили кафтаны и шапки, и рукавицы и топоры, и съ воротовъ кресты, и мошны съ деньгами обрали, и впредь они, крестьяне, похваляются на крестьянъ такимъ же убивствомъ"!

Вотъ выразительный примѣръ неладовъ попа съ приходомъ. Священникъ г. Углича бьетъ челомъ: „Прихожане де тоя церкви, а его, попа, дѣти духовныя, упиваются до пьяна, въ церкви Божіи не входятъ, и ему, попу, ни въ чемъ не послушны. И поносятъ его, попа, небылыми словами за то, что онъ, попъ, ихъ, прихоцкихъ людей, противъ-де правила святыхъ отецъ учитъ, не святитъ колодезя". А прихожане показываютъ, что попъ не ходитъ къ нимъ на домъ, не дастъ креста, дерется, снимаючи съ себя ризы, кулакомъ ушибъ прихожанина.

Чего епархіальное начальство могло ожидать отъ духовенства, видно изъ наказа святителя одному іеромонаху, которому разрѣшено въ міру править требы, „во пиршествахъ не упиватися ему до пьянства, и въ корчмы не входити, кощунство и смѣхотворенія не дѣяти, ниже пѣнія срамословныхъ пѣсенъ или ниже яковыхъ слушати, или смотрѣти".

Выше было уже показано, какъ тяжело было экономическое положеніе народа и духовенства, и все это еще болѣе смущало общій темный фонъ тогдашней епархіальной жизни. Вотъ, въ такой-то средѣ пришлось дѣйствовать св. Димитрію.

Онъ принялся дѣйствовать мягкими мѣрами: посланіями, проповѣдями, школами для дѣтей духовенства.

Посланія святителя къ духовенству даютъ богатый бытовой матеріалъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ ужасныхъ явленій того времени, описанное святителемъ: „Нѣкіе злонравные іереи грѣхи дѣтей своихъ духовныхъ изъявляютъ, обличаютъ и, егда бываютъ пьяны, съ укоризною поносятъ". Тутъ же святитель говоритъ о тайнѣ исповѣди, прибѣгая къ художественному сравненію: „Грѣхи—камни, насъ отягощающіе. Милосердіе Божіе—море. Какъ камни, въ море ввержденные, никому уже не вѣдомы, такъ должно быть и съ грѣхами, ввергаемыми исповѣдью въ море милосердія. Іерею, повѣдавшему тайну исповѣди, не уйти вѣчныхъ адскихъ мукъ".

Вотъ, другой недостатокъ: „Іереи лѣнятся ходить къ больнымъ, еже исповѣдати и причастити ихъ, а наипаче къ людямъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходить, и много нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причастія Божественныхъ тайнъ умираютъ". Святитель напоминаетъ, что Христосъ равно истяжетъ отъ іерея — о нищемъ, якоже о богатомъ.

Интересно распоряженіе святителя о храненіи запасныхъ Даровъ не на дому у священника между клопами, тараканами и сверчками, а въ церкви, или въ особой клѣти, въ сосудѣ.

Возставалъ онъ противъ вообще небреженія священниковъ въ службѣ.

Одинъ священникъ служилъ литургію безъ служебника и безъ молитвъ, дѣлая лишь возгласы. Когда его спросили, почему онъ такъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что уже прочелъ служебныя молитвы дома! Иногда священники служили, не протрезвившись, сквернословили въ алтаряхъ, грубо брани-

лись. Святитель заповѣдуетъ читать молитвы съ умиленіемъ, говоря, что молитвы „безъ вниманія и умиленія есть кадильница, бряцающая безъ огня и кадила".

Посланіе святителя кончается такъ: „Аще призрите и отвержете мои слова, страшный судъ Божій и казнь вѣчную пріимете. Азъ же чистъ буду отъ погибели вашея, отъ нея же да избавитъ насъ Христосъ Богъ нашъ".

Лучшимъ способомъ для улучшенія духовенства было подготовленіе образованныхъ дѣятелей, и для этого св. Димитрій завелъ у себя учебное заведеніе, семинарію общесословнаго состава. Она составляла предметъ неусыпныхъ его заботъ. Интересенъ порядокъ жизни семинаристовъ, заимствованный изъ тогдашнихъ латино-іезуитскихъ заведеній. Дурные ученики сидѣли сзади. Лучшій назывался императоръ и сидѣлъ впереди на особомъ мѣстѣ, которое всякій новый императоръ занималъ съ особымъ церемоніаломъ. Рядомъ съ императоромъ сидѣлъ первый сенаторъ. Все это развлекало учащихся въ ихъ жизни, которую и безъ того нельзя назвать скучною. Они гуляли въ полѣ, катались въ лодкахъ по озеру Неро, посѣщали митрополита въ его селахъ. По праздникамъ они произносили рѣчи, разсказывали театральныя пьесы и діалоги. Кормили ихъ сытно, лѣтомъ давали вишни, яблоки, груши. Обращеніе учителей было мягкое и преслѣдовалась не столько неуспѣшность, сколько лѣнь и дурное поведеніе. Малоспособнымъ учителя совѣтовали просить помощи у святыхъ.

Вообще бытъ школы имѣлъ характеръ семейный, благодаря отношенію къ воспитанникамъ святителя. Часто онъ посѣщалъ ихъ, присутствовалъ на урокахъ. Отобравъ способнѣйшихъ, обучалъ ихъ: зимою толковалъ имъ Ветхій Завѣтъ; лѣтомъ на своей дачѣ въ Демьянахъ — Новый. При богослуженіи митрополичьемъ они пѣли, сопровождая иногда даже его для этого въ другія мѣста. Святитель самъ исповѣдовалъ ихъ и пріобщалъ, обѣщалъ молиться за нихъ, если по смерти получитъ милость у Бога, увѣщевалъ ихъ учиться, раздавалъ имъ деньги, бралъ прилежнѣйшихъ на лѣтнія ва-

каціи къ себѣ на дачу. И уже отучившихся учениковъ онъ не оставлялъ своимъ попеченіемъ. Если древне-русская школа грамотности, давая ученикамъ православное настроеніе, обучала лишь чтенію, письму и пѣнію: то Ростовская школа святителя Димитрія была шагомъ впередъ, давая изученіе греческаго и латинскаго языка, на которомъ писалась вся тогдашняя наука. Простота, семейное начало при твердости режима составляли достоинство ея. Конечно, это благое дѣло должно было дать богатые плоды. Но она существовала недолго.

Странна была церковная политика Петра. Съ одной стороны, онъ требовалъ распространенія просвѣщенія, съ другой, отнялъ у духовенства всякую возможность матеріальную къ распространенію его. Мы видѣли, какъ дорога была св. Димитрію его школа. Кажется, онъ и его дѣятельность заслуживали, по меньшей мѣрѣ, уваженія. И что же вышло? Ему пришлось закрыть школу по крайней скудости, при заведенныхъ Петромъ порядкахъ, когда-то богатѣйшей Ростовской каѳедры. Сохранилось письмо объ этомъ печальнѣйшемъ обстоятельствѣ св. Димитрія къ упомянутому выше Іову Новгородскому: „Я, грѣшный, пришедши на престолъ Ростовской паствы, завелъ-было училище греческое и латинское. ученики поучились года два и больше, и уже начали было грамматику разумѣть недурно. Но попущеніемъ Божіимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе. Питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ. и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться“.

Такъ завершилось это славное дѣло святителя, и конецъ этотъ, несомнѣнно. составляетъ одно изъ позорнѣйшихъ пятенъ той эпохи.

Много силъ положилъ святитель и на борьбу съ расколомъ. Въ Ростовскомъ краѣ было много раскольниковъ. Чрезъ потаенныхъ проповѣдниковъ, разсылаемыхъ изъ гнѣзда раскола, брынскихъ лѣсовъ, они широко раскинули свои сѣти. Святитель часто объѣзжалъ епархіи. и подолгу живалъ

въ Ярославлѣ, гдѣ они были особенно сильны. чтобъ обличать ихъ. Разъ при выходѣ его изъ храма незнакомые ему почитатели бороды спросили его:

— Намъ велятъ брить бороды. А мы готовы и головы свои положить за бороду. Какъ повелишь намъ, владыко?

Святитель нашелся отвѣтить и вѣрно, и остроумно. Онъ спросилъ въ свою очередь:

— Какъ вы думаете, отрастетъ ли голова, если у васъ ее снимутъ?

— Нѣтъ.

— А брада?

— Брада отрастетъ.

— Пусть же вамъ отрѣжутъ голову. дождетесь другой.

Святитель узналъ затѣмъ, что въ Ростовской епархіи многіе сомнѣваются въ своемъ спасеніи изъ-за того, что обрили себѣ бороды по указу царскому. И онъ написалъ, а въ 1705 году разослалъ по епархіи сочиненіе „О образѣ Божіи и подобіи въ человѣкѣ“. Затѣмъ, появилось обширное его изслѣдованіе „Розыскъ о брынской вѣрѣ“, обнаруживающій самый духъ раскола и недостатокъ въ немъ евангельскаго смысла и любви. Ненависть къ личности святителя. которую возбудила эта книга, лучше всего доказываетъ, какъ мѣтко поразила она расколъ.

Въ 1766 году шайка раскольниковъ рѣшилась украсть и сжечь мощи святителя Димитрія, но святитель во снѣ предупредилъ архимандрита объ этомъ замыслѣ.

Изъ ученыхъ трудовъ святителя замѣчательна его, смиренно названная имъ, „Келейная лѣтопись“, т. е. написанная для себя. Она представляетъ собой вкратцѣ библейскую исторію, доведенную до борьбы Іакова съ ангеломъ, снабженную комментаріями и добавленіями изъ разныхъ церковныхъ писателей. Но главная задача лѣтописи нравственная: тутъ есть и миѳическія мѣста, и обличеніе современныхъ недостатковъ. Между прочимъ, въ рукописяхъ лѣтописи есть мѣсто, пропущенное въ печатныхъ изданіяхъ ея, — о церковныхъ имѣніяхъ. Повидимому, этотъ вопросъ интересовалъ

его сильно, и онъ рѣзко защищалъ ту же точку зрѣнія, за которую погибъ одинъ изъ его преемниковъ по каѳедрѣ, знаменитый Арсеній Мацѣевичъ, именно полную неприкосновенность имѣній, принадлежащихъ церкви. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Хощеши ли грабити церковныя, спросися Иліодора, казначея царя Сирійскаго Селевка, иже пришелъ бѣ во Іерусалимъ ограбити церковь и біенъ бысть ангельскими руками".

Но ярче всѣхъ дѣлъ Димитрія сіяло его проповѣдничество, прославившее его еще въ юности. Рѣдко служилъ онъ безъ того, чтобъ не сказать проповѣди. Какъ отецъ съ дѣтьми, говорилъ онъ, проповѣдуя, съ паствой. При необыкновенной силѣ и живости оборотовъ, св. Димитрій держитъ слушателя все время въ напряженіи. Не сухія догматическія отвлеченности, а чаще всего жизнь со всѣми ея проявленіями составляетъ его темы. И потому множество изъ нихъ представляютъ собою, какъ бы живые куски, выхваченные изъ той эпохи, съ ея кровью, ея жилами, и всегда будутъ ярко рисовать время св. Димитрія съ бытовой стороны. Тонъ его рѣчи не грозный, а увѣщательный, иногда переходитъ къ ироніи.

Вотъ, напримѣръ, изумительное по смѣлости замысла слово о томъ, какъ Царствіе Божіе ходитъ по землѣ, ища себѣ мѣста. Было оно въ жилищахъ знатныхъ людей. Тамъ богатство, собранное грабленіемъ, хищеніями, обидами. Пошло въ торговые ряды. Тамъ плутни, обмѣръ, обвѣсъ. Въ приказахъ, ратушахъ Царство Небесное нашло лицепріятіе, и стоитъ тамъ, плача, пророкъ Михей. Царство Небесное спросило его, отчего онъ плачетъ, а онъ отвѣчаетъ: „О лютѣ мнѣ, яко правду творящаго нѣсть въ человѣцѣхъ". Приблизилось оно къ дому вельможи. Тамъ пируютъ, и, войдя въ палаты, Царство Небесное „видитъ ядущія, піющія, купно и снѣдающія людей Божіихъ вмѣсто хлѣба: другъ друга охуждаетъ, осуждаетъ, другъ другу зла мыслитъ, словесы льститъ, а сердцемъ коварничествуетъ". А тамъ дѣло дошло и до ссоры — и Царство Небесное поспѣшно оставляетъ эти па-

латы. Встрѣчается ему царь Давидъ и спрашиваетъ, куда оно идетъ. Царство Небесное отвѣчаетъ, что въ городѣ не нашло себѣ мѣста и думаетъ поселиться между простыми людьми. Но Давидъ говоритъ, что и тамъ жизнь испортилась, и есть множество такихъ дѣлъ, о какихъ и вспомнить стыдно. знаетъ Царство Небесное, куда ему подѣваться и думаетъ: пойду въ храмъ, тамъ пребываетъ Господь, и мнѣ подобаетъ тамъ быть. Вошло Царство Небесное въ церковь. „Видитъ иныхъ дремлющихъ, иныхъ другъ со другомъ о внѣшнихъ попеченіяхъ говорящихъ, иныхъ тѣломъ токмо въ церкви стоящихъ, а умомъ не молитвѣ внемлющихъ, но невѣдомо что мечтающихъ; клирицы чтутъ и поютъ безъ вниманія. Священники со діаконы во олтари сквернословятъ, а иногда и дерутся". И кончило Царство Небесное тѣмъ, что вселилось въ селѣ, среди безвѣстныхъ страдающихъ людей: „Подобно есть Царство Небесное сокровищу сокровенну на селѣ".

Страстное стремленіе двинуть въ нравственномъ отношеніи слушателей своихъ впередъ: вотъ основное настроеніе проповѣдей Димитрія. Онъ скорбитъ надъ современными ему язвами — отсутствіемъ любви, братства, справедливости. Онъ унаслѣдовалъ общую черту лучшихъ своихъ предшественниковъ — проповѣдниковъ: напоминать сильнымъ и богатымъ о слабыхъ и нищихъ.

Всѣ сословія проходятъ предъ нами съ отзывомъ св. Димитрія.

Вотъ, люди высшіе съ ихъ немилосердіемъ на страшномъ судѣ. „Узрятъ господіе — рабовъ своихъ, бояре — крестьянъ своихъ, ихъ же немилосердно озлобляху. На пиру Иродовомъ ѣдятъ людей, а пьютъ кровь ихъ да слезы".

Вотъ архіереи: „Не того ради быти архіерею, еже величатися, еже напыщатися, сущу отъ всѣхъ почитаему, но да всѣми виды смиренія Христова образъ на себя являетъ".

Вотъ, священники. „Священническій чинъ окрестъ престола Божія безъ страха Божія и безъ боязни стоитъ, чесому азъ по премногу удивляюся, паче же долготерпѣнію Божію:

милосердный Христосъ не казнитъ внезапною смертью безчинствующихъ во алтарѣ.

И еще: „Знаменіе добраго пастыря есть, еже предъ овцами, а не позади овецъ ходити въ подвизѣхъ и Богоугожденіяхъ. А что бываетъ? овца бодра, а пастырь лѣнивъ, овца постничаетъ, а пастырь на все разрѣшаетъ, овца угождаетъ Богу, а пастырь своему чреву или суетнымъ человѣкамъ".

Общественная несправедливость глубоко волновала душу святителя. Онъ говоритъ: „Егда богатый ястъ, убогихъ труды ястъ. А егда піетъ, кровь людскую піетъ, слезами людскими упивается. Кто честенъ—богатый! Кто безчестенъ?—убогій! Кто благороденъ — богатый! Кто худороденъ? — убогій! Кто премудръ?—богатый! Кто глупъ?—убогій! Богатый, аще бы и весьма былъ глупъ, обаче то самое, яко богатъ, умнымъ его между простонародными человѣки творитъ".

Ни предъ чѣмъ правдолюбивый святитель не склонялъ главы. Признавая пользу нѣкоторыхъ реформъ Петра, онъ рѣзко осуждаетъ то, что шло противъ дѣла Церкви.

Былъ изданъ указъ не соблюдать въ полкахъ посты. И, между прочимъ, у Соловьева упоминается, что одинъ солдатъ былъ судимъ за то, что, вопреки волѣ начальства, не желалъ нарушить поста. Это распоряженіе о постахъ возмутило Димитрія, и онъ произнесъ рѣзкое слово, о двухъ пирахъ, Иродовомъ и Христовомъ. Въ проповѣди укоряются блудники, пьяницы, подражающіе Бахусову ученику Лютеру, разрѣшающіе посты въ полкахъ

Въ одной изъ лучшихъ своихъ проповѣдей онъ ясно намекалъ на чрезвычайную гнѣвливость Петра. Въ другой говоритъ: „Смертенъ тя быти памятствуй,— о царю, а не во вѣки живуща—днесь вси тебѣ предстоятъ, а утро самъ единъ останешься въ нѣдрѣхъ земныхъ. Днесь всѣмъ страшенъ, а утро мертва тя кто убоится? Днесь неприступенъ еси, а утро лежащъ во гробѣ ногами всѣхъ попираемъ будешь".

Много горя пережилъ Димитрій въ Ростовѣ. Присланный отъ монастырскаго приказа стольникъ Воейковъ велъ

себя непочтительно и докучалъ святителю. Однажды, когда святитель служилъ литургію въ соборѣ, стольникъ распорядился бить кого-то на правежѣ. Крикъ наказываемаго былъ слышенъ въ церкви. Святитель приказалъ, чтобъ истязаніе прекратили. Стольникъ отказалъ. Святитель тогда, прервавъ службу, ушелъ въ свое село Демьяны.

И эти непріятности, и оскудѣніе митрополичьяго дома, доходившее до того, что митрополиту нечего было дать просящимъ, все увеличивалось. Разъ онъ пишетъ другу своему, Стефану Яворскому: „Толико беззаконій, толико обидъ, толико притѣсненій вопіютъ на небо, и возбуждаютъ гнѣвъ и отомщеніе Божіе".

Скорбный духомъ, но твердый и неослабный въ дѣлахъ своихъ, жилъ святитель въ неподходящемъ для него суровомъ и сыромъ климатѣ Ростова. Нестяжительный, любилъ онъ одни сокровища: книги, которыхъ у него было до 300 томовъ, и эту библіотеку онъ пополнялъ иностранными изданіями, выписывая ихъ чрезъ главную тогдашнюю артерію, по которой шли сношенія торговыя съ Европой — Архангельскъ. Можно думать, что, въ послѣднее время онъ и отъ этого утѣшенія долженъ былъ отказаться: оскудѣніе дома митрополичьяго дошло до послѣдней крайности. Незадолго до конца, въ 1708 г. онъ пишетъ Іову Новгородскому, приславшему ему полъбочки рыбы: „Не имамъ чѣмъ воздать, убогъ сый. Молю богатаго въ милости Христа, да Онъ воздастъ". Покои святителя были украшены портретами отца его, Саввы Тупталы, духовныхъ благодѣтелей его, первыхъ замѣтившихъ его геній, архіепископа Лазаря Барановича и митрополита Варлаама Ясинскаго, глобусами—земнымъ и небеснымъ.

На видъ святитель былъ бѣлокурый, съ просѣдью, худой человѣкъ, небольшого роста, сгорбленный, съ маленькой клинообразной бородкой, въ очкахъ. Ходилъ онъ обыкновенно въ шерстяной рясѣ любимаго имъ темнозеленаго цвѣта.

Чувствуя угасаніе силъ, одного онъ жалѣлъ, что его лѣтопись келейная останется недоконченною. Нельзя безъ

душевнаго волненія читать неоднократныхъ сѣтованій святителя-литератора, видящаго неоконченнымъ за смертью своей любимое дѣтище, плодъ трудовъ многихъ и искренняго вдохновенія.

Трудится онъ до конца, не слабѣя духомъ, при тѣлесномъ изнеможеніи, при внѣшнихъ испытаніяхъ. „Воля Господня да будетъ. Мы же своему внимаемъ дѣлу и посреди обуреванія надежды спасенія не теряемъ".

Онъ умножаетъ аскетическіе свои подвиги. Часто по три часа онъ лежитъ неподвижно, распростершись крестомъ, или на дачѣ своей, въ селѣ Демьянахъ, выставляетъ свое тѣло комарамъ и мошкамъ. Это вольное страданіе нужно было душѣ его, и онъ выписываетъ себѣ мѣсто изъ бесѣдъ Макарія Египетскаго: „Овые, имѣющіе благодать, о себѣ точію попеченіе имѣютъ, hi sunt (это) отшельники, пустынники. Иныя же инѣхъ души пользовати тщатся, сія онѣхъ много превышаютъ; hi sunt святители, учители, проповѣдники Божія слова. Иныя же вдаша тѣлеса своя въ досады и страданія. Сіи высшіе всѣхъ суть".

Думая о смерти, быть-можетъ, призывая ее, какъ избавительницу отъ золъ, святитель посылаетъ родовую икону Богоматери въ Троицкую церковь Кіевскаго Кирилловскаго монастыря, для постановки надъ гробомъ отца и пишетъ духовное завѣщаніе, которое трудно читать безъ волненія. Святитель проситъ не искать послѣ него стяжанія, не выпытывать денегъ отъ служащихъ ему. „Отъ юности и до приближенія моего ко гробу, не стяжевалъ имѣнія, кромѣ книгъ святыхъ. Не собиралъ во архіерействѣ сый келейныхъ приходовъ (т. е. доходовъ), яже не многи бяху. Но ово на мои потребы та иждивахъ, ово же на нужды нуждныхъ. Вѣрую бо, яко пріятнѣе Богу будетъ, аще не едина цата по мнѣ не останетъ, неже егда бы многое собраніе было раздаваемо. Если никто не восхощетъ меня тако нища обычному предати погребенію, то пусть бросятъ въ убогій домъ. Если же по обычаю будутъ погребать, пусть схоронятъ въ углу церкви монастыря св. Іакова, идѣже мѣсто назнаменовахъ. Изволяй

же безденежно помянути грѣшную мою душу въ молитвахъ своихъ Бога ради, таковый самъ да помяновенъ будетъ во Царствіи Небесномъ. Требуяй же за поминовеніе мзды, молю, да не помянетъ мя ница, ничто же на поминовеніе оставивша. Богъ же да будетъ всѣмъ милостивъ, и мнѣ грѣшному во вѣки аминь".

До послѣднихъ дней жизни перо не выпадало изъ слабѣющихъ рукъ святителя. За нѣсколько почти часовъ до конца онъ пишетъ другу—монаху: „До чего не примусь, все изъ рукъ падетъ. Дни мнѣ стали темны. Очи мало видятъ. Въ ночи свѣтъ свѣщный мало способствуетъ".

Вечеромъ предъ ночью, въ которую онъ почилъ, онъ велѣлъ позвать пѣвчихъ. Сидя у натопленной печки, онъ слушалъ пѣніе составленныхъ имъ кантатъ: „Іисусе мой Прелюбезный, надежду мою въ Бозѣ полагаю, Ты мой Богъ Іисусе, Ты моя радость". Отпустивъ всѣхъ, онъ удержалъ только любимаго своего пѣвчаго и „усерднѣйшаго въ трудахъ ему помощника" Савву Яковлева, который былъ переписчикомъ его сочиненій.

Въ эти послѣдніе часы жизни мысль святителя обращалась къ его прошлому. Ему вспомнилась учебная пора, и первые проповѣдническіе успѣхи, и великій трудъ Четьи-Минеи, и безмятежное дѣтство среди старыхъ тополей и вишневыхъ садовъ привольной Украйны. И онъ разсказалъ своему вѣрному помощнику о своей юности, о своихъ молитвахъ и прибавилъ: „и вы, дѣти, такожде молитеся".

Окончивъ бесѣду святитель сказалъ: „Время и тебѣ, чадо, отбыти въ домъ твой". Благословивъ мальчика, святитель поклонился ему почти до земли, благодаря за помощь въ перепискѣ его сочиненій.

Тотъ смутился и заплакалъ, а святитель еще разъ кротко повторилъ: „Благодарю тя, чадо".

Пѣвчій ушелъ. Это послѣдній человѣкъ, видѣвшій святителя живымъ.

Св. Димитрій вошелъ въ особую келью, бывшую у него для молитвы, и тамъ на слѣдующее утро 28 октября 1709

года былъ найденъ бездыханнымъ. Онъ почилъ во время молитвы, стоя на колѣняхъ. Ему шелъ 59-й годъ.

Денегъ послѣ него не осталось. По завѣщанію его, въ гробъ вмѣсто стружекъ положены были черновыя его рукописи. Около мѣсяца тѣло его оставалось непогребеннымъ до прибытія Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго. Связанные дружбой, они дали другъ другу слово, чтобы тотъ, кто умретъ раньше, былъ погребенъ другимъ.

Мы подробнѣе остановились на жизни святителя Димитрія, потому что видимъ въ немъ самую свѣтлую личность въ церковномъ мірѣ XVIII вѣка.

Въ вѣкъ этихъ реформъ, иногда глубоко антинаціональныхъ и противоцерковныхъ, этотъ великій человѣкъ показалъ, какъ можно быть просвѣщеннѣйшимъ и передовымъ дѣятелемъ, не измѣняя прошлому своего народа и оставаясь безусловно вѣрнымъ православно русскому настроенію.

Кромѣ такого значенія историческаго примѣра, святитель Димитрій не можетъ не вызвать восторга какъ дѣятель литературный.

Все то, что цѣнно въ писателѣ: вѣрность своимъ убѣжденіямъ, горячность ихъ, безусловная искренность и правдивость, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся, глубокая человѣчность и страстное желаніе добра ближнему, грѣющее сочувствіе всякому жизненному страданію и вѣра въ то, что жизнь можетъ стать свѣтлѣе, теплѣе и лучше — какъ внутреннія достоинства души писателя; затѣмъ блестящее образованіе, живость, ясность изложенія, картинность, выпуклость образовъ, новизна и оригинальность оборотовъ, чрезвычайная сила слова—какъ внѣшнее достоинство его твореній: все это отводитъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди вообще лицъ, послужившихъ перомъ Россіи, лицъ, перомъ которыхъ говорила ихъ чуткая и великая, много возлюбившая родной народъ, душа.

Какъ нравственная личность, какъ примѣръ личнаго подвижничества, онъ тоже является яркимъ свѣтиломъ своего вѣка, ударившагося въ матеріализмъ и прозу, тогда какъ онъ былъ и духомъ, и жизнью идеалистъ и поэтъ.

Что-то трогательное, дѣтское есть и во многихъ обстоятельствахъ его жизни, напримѣръ, въ предсмертномъ вечерѣ, и въ его вѣрѣ, и въ незлобивой иронiи его.

Наконецъ, невольное сочувствiе къ нему возбуждаетъ и тотъ ореолъ глубокаго мученiя, который въ послѣдніе годы сіяетъ надъ его головой, мученiя, которое запечатлѣлось даже въ сохранившихся до насъ его изображенiяхъ, и которое дѣлаетъ его невинною жертвою историческихъ ошибокъ и недоразумѣній.

ГЛАВА IV.

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Его дѣятельность и личность.

Человѣка, сочувствующаго всѣмъ безусловно его реформамъ, всегда готоваго слѣпо дѣйствовать въ его видахъ и ставившаго угожденіе ему выше угожденія Христу, Петръ нашелъ въ Ѳеофанѣ.

Этотъ даровитѣйшій человѣкъ родомъ былъ изъ кіевскихъ мѣщанъ и образованіе получилъ въ кіево-могилянской академіи. 17 лѣтъ онъ поѣхалъ въ Литву, гдѣ, для ученія въ уніатской школѣ, назвался уніатомъ. Обративъ на себя вниманіе своими блестящими способностями, онъ посланъ былъ въ римскую академію, гдѣ пробылъ два года, но, заподозрѣнный въ православіи, бѣжалъ въ Польшу, постригся въ Почаевѣ и оттуда митрополитомъ Варлаамомъ вызванъ въ академію, какъ учитель піитики.

Изъ пребыванія своего среди католиковъ Ѳеофанъ вынесъ глубокую ненависть къ нимъ, особенно къ іезуитамъ. Къ сожалѣнію, избавленный отъ вліянія латинства, онъ всю жизнь тяготѣлъ къ протестантству.

Въ высшей степени интересно начертанное Ѳеофаномъ описаніе іезуитовъ, дающее разомъ и вѣрное изображеніе ихъ, и прекрасный примѣръ литературнаго мастерства Ѳеофана.

„Великій Павелъ давно уже сказалъ намъ, что, какъ темный ангелъ, такъ и его слуги, обыкновенно одѣваются въ

свѣтъ. Поддѣльное же благочестіе латинскихъ монаховъ служитъ для меня главнѣйшимъ доказательствомъ ихъ нечестія. Посмотрите на тѣлодвиженія, поступь, положеніе тѣла и лица; что увидите искренняго, неподдѣльнаго, неизысканнаго? Одни представляются намъ сокровищами кротости и любви; другихъ увидишь облеченными суровостью болѣе, чѣмъ катоновскою.

„Первые изъ нихъ, большею частью совершенно напрасно называющіе себя друзьми Іисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей. Они всецѣло созданы для пріобрѣтенія благосклонности; являются въ общество въ черной, но изящной одеждѣ: отличаются бѣлизною кожи, — красавцы съ головы до ногъ; тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, пріятно улыбаются. А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые протеи, въ одно и то же время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній! Сейчасъ ты слышалъ его веселаго и забавнаго. Но, если въ рѣчи его попадется одно словечко сколько нибудь печальнаго содержанія, — вотъ онъ и вздыхаетъ, и стенаетъ, и слезки каплютъ, и все это онъ дѣлаетъ съ такою нѣжностью и пріятностью, какую можно видѣть въ молоденькихъ дѣвушкахъ. Таковы-то почти всѣ свойства этого ордена, и я подозрѣвалъ, что лучшіе учители у нихъ тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать. Но часто я не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ многихъ іезуитовъ, которымъ вовсе было не къ лицу представлять собою Купидоновъ или Венеръ. Когда они выходятъ на рынокъ и прогуливаются по городу, то несутся такимъ разсчитаннымъ шагомъ, что кажется, не идутъ, а танцуютъ. Если встрѣтятся съ кѣмъ-нибудь знакомымъ, который поддался ихъ вліянію: тотчасъ оба (ибо они почти всегда прогуливаются вдвоемъ) самымъ веселымъ образомъ начинаютъ разговаривать между собою. Затѣмъ старшій, то есть главный начальникъ чужого спасенія, склонивши

тихо голову на плечо и улыбаясь, говоритъ, пожимая руки встрѣтившагося знакомца: „Въ какомъ состояніи вашъ внутренній человѣкъ? Я увѣренъ, что онъ здравствуетъ, какъ нельзя лучше“. Затѣмъ сообщаетъ радостнѣйшее извѣстіе, что въ Индіи могущественнѣйшій правитель со всѣмъ своимъ народомъ, сколько ни есть его, приведенъ іезуитами къ вѣрѣ во Христа. Всегда неожиданно, а часто и неблаговременно, приходятъ они въ тотъ домъ, гдѣ знаютъ преданную ихъ ордену госпожу. Тамъ, послѣ пріятныхъ взаимныхъ привѣтствій, забавляютъ женщинъ многими благочестивыми шутками, хвалятъ управленіе дома, удивляются картинамъ, и, увидѣвши Христа, пригвожденнымъ ко кресту, вздыхаютъ съ деликатнымъ сожалѣніемъ, и движеніемъ рѣсницъ показываютъ, что они уже готовы расплакаться; но тотчасъ отворачиваются отъ чужихъ глазъ, какъ будто для того, чтобы скрыть свои слезы. Часто, если есть маленькія дѣти, іезуиты, лаская ихъ, дарятъ имъ небольшія иконы или привѣшиваютъ на шею мѣдь съ изображеніемъ Игнатія Лойолы. Но самый благопріятный случай выпадаетъ имъ, если они слышатъ, что какая-нибудь больная женщина лежитъ въ постели. И если больная, поддавшись ихъ льстивымъ внушеніямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства или большія деньги, тогда іезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное больной вѣчное блаженство, и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшій залогъ спасенія. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманія и бѣдныхъ, скорымъ шагомъ обходятъ и тѣ дома, гдѣ жаренымъ не пахнетъ.

„Но, такъ какъ не всѣмъ нравится эта благочестивая сантиментальность, то есть другой родъ обманщиковъ, которые, какъ будто, родившись отъ древнихъ сабинянъ, кажутся весьма суровыми, смѣются надъ всѣми приличіями свѣта и попираютъ ихъ,— немытые, грязные, съ наморщеннымъ челомъ, съ синими зубами, необрѣзанными ногтями съ пренебреженіемъ ко всякому убранству. Весьма приличнымъ считаютъ для священнаго оратора, если онъ во время проповѣди непристойно разводитъ рукавами, пугаетъ всѣхъ су-

ровымъ взглядомъ, кулаками и пятами бьетъ и чуть не ломаетъ каѳедру. Однако ничего не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе людей этого рода".

Эти строки въ передачѣ проф. Чистовича представляютъ художественную картину по исполненію и яркости.

Весьма неодобрительно относится Ѳеофанъ и къ нѣкоторымъ риторическимъ пріемамъ католическихъ проповѣдниковъ.

Такъ, Ѳеофанъ приводитъ шутливую развязность одного проповѣдника, который въ день, когда читаны были два евангелія, оба начинавшіяся со словъ „Во время оно", началъ свою проповѣдь такъ: „Я не хочу ни съ кѣмъ ссориться, говорю я теперь Евангелію. Два евангелія оспариваютъ для себя мѣсто въ этомъ костелѣ. Я помирю евангелія, взявши темой моей проповѣди слова обоихъ евангелій *„во время оно"*.

Ѳеофанъ справедливо осуждаетъ манеру для оживленія проповѣди прибѣгать къ такимъ примѣрамъ, какъ разговоры и отвѣты, часто весьма дурного вкуса, напримѣръ: „Давидъ святой, что дѣлаешь? Люблю, говоритъ. Полно, любишь-ли Его? Люблю". „Самарянка, куда идешь? Вѣроятно, повидаться съ дружками? Но не за водой съ ведромъ. Неужели ты, самарянка, не считаешь это безчестнымъ? Неужели хочешь, чтобы другіе смотрѣли на тебя подозрительно?"

Кромѣ изъ ряду вонъ выходящихъ способностей, Ѳеофану помогъ случай: 5 іюля 1706 года, когда государь прибылъ въ Кіевъ заложить Печерскую крѣпость, Ѳеофанъ сказалъ въ его присутствіи рѣчь, обратившую на себя вниманіе Петра. Въ ней не было длинноть, запутанныхъ періодовъ, всей тяжелой артиллеріи древней схоластики. Это была простая, одушевленная, радостная рѣчь. Она положила начало фавору Ѳеофана. Послѣ Полтавской побѣды онъ сказалъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ панегирикъ Петру, а позже сумѣлъ угодить и всесильному Меншикову, сказавъ и ему похвальное слово.

Въ 1711 году Ѳеофанъ во время Турецкаго похода, по приказанію Петра, находился въ русскомъ лагерѣ.

Затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, онъ, по волѣ царя, опредѣленъ игуменомъ Кіевобратскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Какъ профессоръ, онъ пользовался громкою славою. Онъ оставилъ схоластическую методу и ввелъ новую, церковно-историческую.

Какъ хозяинъ, Ѳеофанъ привелъ въ порядокъ денежную часть академіи, запущенную въ такой мѣрѣ, что учащіеся постоянно голодали. А при немъ пошло такое изобиліе, что, по его же, Ѳеофановымъ, словамъ: „слухъ въ народѣ носился, что въ братскомъ монастырѣ кладъ найденъ“.

Въ 1715 году Ѳеофанъ вызванъ былъ въ Петербургъ. Годъ провелъ Ѳеофанъ тамъ въ дѣятельности проповѣдника, причемъ является скорѣе публицистомъ, чѣмъ пастыремъ-учителемъ. Онъ преимущественно, съ точки зрѣнія правительства, обсуждалъ въ своихъ проповѣдяхъ политическія дѣла.

Меншиковъ былъ очень добръ къ нему, въ чемъ видѣли залоги его возвышенія. Старорусская партія видѣла дурное предзнаменованіе въ возвышеніи Ѳеофана. Черезъ нѣсколько лѣтъ государь помѣстилъ Ѳеофана на весьма тогда значительную каѳедру архіепископа Псковскаго.

Между тѣмъ, двое ученыхъ Московской Академіи, Гедеонъ Вишневскій и Ѳеофилактъ Лопатинскій, ко времени еще вызова Ѳеофана въ Петербургъ, составили проектъ, обвиняя Ѳеофана въ неправославныхъ взглядахъ.

Знаменитые ученые братья Лихуды согласились съ протестомъ и отозвались не въ пользу Ѳеофана.

Когда стало извѣстнымъ о предстоящей хиротоніи Ѳеофана, протестъ пошелъ въ Петербургъ въ видѣ письма отъ Стефана Яворскаго къ епископамъ, которые должны были посвящать Ѳеофана, съ требованіемъ посвящать его не иначе, какъ если онъ отречется отъ мнѣній, выставленныхъ въ протестѣ. Но дѣло кончилось для Ѳеофана благополучно примиреніемъ его со Стефаномъ.

Интересны письма Ѳеофана къ малороссійскому его знакомому Марковичу.

Будучи архіепископомъ, онъ хвалитъ свой петербургскій

домъ, „который отдѣлалъ, кажется, чисто и прилично". Пишетъ о благоволеніи Петра, который въ 1720 году подарилъ ему лично село и два судна — одно весельное, другое парусное. Говоритъ о своихъ письменныхъ трудахъ. Въ это время, кромѣ болѣе мелкихъ трудовъ, онъ занятъ былъ составленіемъ Духовнаго регламента, трактата о патріаршествѣ, трактата о лицемѣріи и трактата о мученичествѣ. Этотъ послѣдній составленъ для увѣщанія лицъ, выказывающихъ „неразумную ревность изъ-за перемѣны одеждъ, изъ-за париковъ, изъ-за бритья бородъ и „тому подобныхъ мелочей", какъ пишетъ Ѳеофанъ. При этомъ Ѳеофанъ приводитъ слѣдующее смѣшное приключеніе. „Чей-то служка, начитавшись житія мучениковъ, и самъ воспламенился ревностію къ мученичеству и не зная, какъ этого достигнуть, придумалъ вотъ какую штуку: куплю, говоритъ, старинное русское сѣдло, которыя употреблять запрещено, и средь бѣлаго дня проѣдусь на немъ по Москвѣ, вопреки царскому указанію: авось, быть-можетъ, попаду на казнь. Вотъ, заключаетъ Ѳеофанъ, какой образъ мыслей у этихъ несчастныхъ; это-то зло мы и хотимъ уврачевать нашимъ сочиненіемъ".

При учрежденіи Духовной Коллегіи (св. Синода) Ѳеофанъ былъ назначенъ вице-президентомъ ея, наравнѣ съ новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ, котораго онъ потомъ погубилъ.

Положеніе Ѳеофана было тогда чрезвычайно благопріятно. Умъ его, вполнѣ подходившій къ цѣлямъ Государя и не разъ имъ испытанный, пріобрѣлъ ему полное довѣріе Петра. Часто видаясь съ нимъ и у себя, и у Ѳеофана, котораго онъ навѣщалъ, государь любилъ толковать съ нимъ о преобразованіяхъ въ церкви и государствѣ. И всегда Ѳеофанъ готовъ былъ стать усерднымъ и понятливымъ орудіемъ Петра. Всѣ реформы государя объяснены съ церковной каѳедры Ѳеофаномъ. Все почти, что онъ писалъ. онъ писалъ по заказу Петра. И, случалось, что онъ, угождая произволу Петра, жертвовалъ иногда правдою.

Напримѣръ, Петръ задумалъ, вопреки всѣмъ преданіямъ

русскимъ, вопреки обычаямъ всѣхъ рѣшительно монархическихъ государствъ, присвоить себѣ власть, назначить себѣ наслѣдника по собственному избранію, не стѣсняясь нисколько не только первородствомъ, но и родствомъ. И Ѳеофанъ въ оправданіе такого произвола пишетъ *Правду воли Монаршей.* Законоположенія о Царской Фамиліи Императора Павла Петровича положили предѣлъ тѣмъ смутамъ, какія вызваны были въ теченіе XVIII вѣка распространеніемъ этого неправильнаго взгляда Петра — взгляда, который защищало угодливое перо Ѳеофана.

Извѣстный историкъ князь Щербатовъ въ слѣдующихъ типическихъ выраженіяхъ выражаетъ свое мнѣніе объ отношеніи Ѳеофана къ Петру.

„Духовный чинъ, который не любилъ Петра за отнятіе власти, гремѣлъ въ храмахъ Божіихъ панегирики ему. Между сими Прокоповичъ, который изъ духовенства, хотя нелюбви къ Государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно указалъ, выспренній свой голосъ на похвалы государя возносилъ. Достоинъ онъ многихъ похвалъ. Но желательно бы было, чтобы они не отъ лести происходили. А похвалы Прокоповича, сего непостриженнаго монаха [1]), сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона; сего, иже не устыдился быть судьей Тайной канцеляріи, бывъ архипастыремъ Церкви Божіей: были лестны, яко свидѣтельствуетъ собственное его сочиненіе, Правда воли монаршей, памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому“.

Кромѣ честолюбія, никакъ нельзя считать Ѳеофана свободнымъ отъ другой, неподходящей для монаха, черты: корыстолюбія. Сколько государь ни жаловалъ его, ему все казалось мало, и попрошайничество, слезныя, очень типичныя письма его о его нищетѣ съ подробными объясненіями, откуда она происходитъ и какъ онъ бѣдствуетъ, съ просьбами о помощи — то дать ему домъ въ Москвѣ, то денегъ, то про-

[1]) Многіе утверждали, что Ѳеофанъ никогда не былъ постриженъ.

стить долгъ,— проходятъ чрезъ все его архипастырское служеніе. Онъ былъ широкъ въ расходахъ, какъ увидимъ ниже. Но нельзя, къ чести его, не сказать, что онъ былъ щедръ и любилъ помогать даровитымъ молодымъ людямъ, которыхъ на свой счетъ отправлялъ учиться за границу.

При погребеніи безвременно почившаго Петра, Ѳеофанъ сказалъ одну изъ тѣхъ рѣчей, какія переживаютъ столѣтія. Она начиналась словами: „Россіяне, что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!“

При Екатеринѣ I, когда былъ низведенъ съ каѳедры, происками Ѳеофана, Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій Яновскій, Ѳеофанъ переименованъ въ архіепископы новгородскіе. Вскорѣ онъ поднесъ императрицѣ: „въ знакъ сыновней любви и рабской преданности“ серебряный сервизъ.

Въ бурное время второй четверти XVIII вѣка, эпоху неожиданныхъ дворцовыхъ переворотовъ, Ѳеофанъ выказалъ необыкновенную ловкость, но, къ сожалѣнію, вовсе не свойственнымъ его сану интриганствомъ запятналъ себя.

Талантливый и почтенный историкъ Ѳеофана, проф. Чистовичъ, говоритъ объ этой сторонѣ его дѣятельности: „Ѳеофанъ, великій умъ, государственный мужъ, первенствующій членъ Синода, превращался въ агента преображенской канцеляріи, являясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, то доносчикомъ, то подсудимымъ, но всегда необходимымъ ея членомъ. Надобно удивляться, какъ онъ не погибъ въ этомъ водоворотѣ честолюбій, доносовъ, интригъ,— въ водоворотѣ, который увлекъ Долгорукихъ, Меншикова, Дашкова и многое множество не столь замѣтныхъ лицъ. Какой это былъ находчивый и изворотливый умъ, какая желѣзная воля, какая настойчивость и непреклонность въ достиженіи цѣли!“

Казалось, принципъ Ѳеофана былъ: губить враговъ, пока они его не погубили — и принципъ этотъ примѣненъ имъ къ дѣлу.

Какъ далеко простиралась дальновидность Ѳеофана, видно изъ слѣдующаго случая. Послѣ коронаціи Петра II въ Москвѣ было получено извѣстіе, что у Анны Петровны, герцогини

Голштинской (тетки Петра II), которая, по проискамъ Меншикова, была выслана изъ Петербурга въ Голштинію, родился сынъ, названный Петромъ (будущій императоръ Петръ III). Въ Москвѣ это событіе прошло незамѣченнымъ. Но Ѳеофанъ, не смотря на юность цвѣтущаго здоровьемъ государя, воспользовался случаемъ заискать въ Голштинской семьѣ. Его письмо звучитъ тѣмъ болѣе фальшиво, что не могъ же онъ не знать, какъ несчастлива въ бракѣ Анна Петровна, и какой малолюбящій ея супругъ. Онъ сперва ее поздравляетъ, а потомъ поноситъ Меншикова, съ которымъ у него были тогда нелады.

Онъ пишетъ: „Присланный вами вѣстникъ, принесшій сюда увѣдомленіе о рожденіи у васъ сына пресвѣтлѣйшаго князя Петра, исполнилъ меня такою радостью, что я не нахожу словъ для ея выраженія. Чтобы я ни сказалъ, все будетъ слабѣе моихъ чувствъ. Впрочемъ, скажу, что могу, если не въ состояніи высказать, что хотѣлось бы. Родился Петру Первому внукъ, Второму братъ; августѣйшимъ и державнѣйшимъ сродникамъ и ближнимъ краса и приращеніе; россійской державѣ опора, и, какъ заставляетъ ожидать его кровное происхожденіе — великихъ дѣлъ величайшая поддержка. А, смотря на васъ, счастливѣйшіе родители, я плачу отъ радости (!), какъ невольно плакалъ отъ печали, видя васъ пренебрегаемыхъ, оскорбляемыхъ, отверженныхъ, уничиженныхъ и почти уничтоженныхъ нечестивѣйшимъ тираномъ (т. е. Меншиковымъ). Теперь для меня очевидно, что вы у всеблагого и великаго Бога находитесь въ числѣ возлюбленнѣйшихъ чадъ, ибо Онъ посѣщаетъ васъ наказаніями, а послѣ печалей возвеселяетъ, какъ и всегда дѣлаетъ съ людьми благочестивыми“ — и такъ далѣе.

Когда, по кончинѣ Петра II, верховный Тайный Совѣтъ избралъ на престолъ Герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну, и отправлена депутація въ Митаву съ предложеніемъ Аннѣ Іоанновнѣ короны съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она управляла въ подчиненіи верховникамъ, Ѳеофанъ—такъ предполагали, по крайней мѣрѣ, современники,— со своей стороны

отправилъ гонца въ Митаву къ новоизбранной императрицѣ, которую онъ раньше зналъ и милостями которой пользовался, и предложилъ ей помочь, когда она захочетъ стать самодержавной.

Затѣмъ, когда дворянство, идя противъ замысла верховниковъ, рѣшило подать императрицѣ прошеніе, чтобъ она разорвала подписанныя ею въ Митавѣ условія самоограниченія и тѣмъ вернула себѣ всю полноту власти: въ это время, говорятъ, Ѳеофанъ сумѣлъ тайно посвятить императрицу въ планъ дворянства. Разсказываютъ, что онъ подарилъ Аннѣ столовые часы, а подъ доску ихъ положилъ совѣтъ ей, какъ дѣйствовать, когда придетъ рѣшительная минута. На слѣдующій день, во время аудіенціи, данной дворянству, императрица разорвала подписанныя ею въ Митавѣ условія.

Съ Бирономъ Ѳеофанъ все время находился въ лучшихъ отношеніяхъ.

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ многочисленныхъ политическихъ процессахъ, въ которыхъ Ѳеофанъ плавалъ какъ рыба въ водѣ, ни на его ученой дѣятельности. Постараемся только, пользуясь трудомъ г. Чистовича, представить Ѳеофана, какъ частнаго человѣка.

Милостями государей Ѳеофанъ былъ богатъ. У него былъ домъ въ Москвѣ, на Мясницкой, и дача въ подмосковномъ селѣ Владыкинѣ; въ Петербургѣ—деревянный домъ на Аптекарскомъ Островѣ, на рѣкѣ Карповкѣ, каменный домъ на Адмиралтейской сторонѣ, приморская дача между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. Онъ любилъ архитектуру и имѣлъ страсть къ постройкамъ.

Домъ на Карповкѣ былъ его главнымъ мѣстопребываніемъ. Окруженный лѣсомъ, онъ отличался тѣмъ, что изъ него открывались прекрасные виды. На рѣчкѣ, предъ домомъ, стояла маленькая флотилія изъ судовъ разнаго размѣра; на нихъ устраивались рѣчныя прогулки. И, при полной водѣ, Ѳеофанъ могъ разъѣзжать на яхтѣ и въ Синодъ, и въ Невскій монастырь, и до самой приморской дачи. Экономъ Ѳеофана славился умѣніемъ приготовлять хорошій солодъ. Доходы Ѳео-

фана, по тому времени, были очень значительны. Такъ, въ присылкѣ денегъ по петербургской конторѣ новгородскаго архіерейскаго дома бывало тысячъ 11 въ годъ; а сколько поступало натурою! Не говоря о зернѣ, сѣнѣ и т. д., однихъ лососей поставлялось 1,500, сиговъ копченыхъ и вялыхъ 2,100. Изъ расходныхъ книгъ видно, что ѣли у Ѳеофана сытно и вкусно.

Къ чести Ѳеофана нужно сказать, что заведенные митрополитомъ Іовомъ госпитали онъ поддерживалъ.

Ѳеофанъ, кромѣ русскихъ августѣйшихъ особъ, принималъ и угощалъ знаменитыхъ лицъ, бывавшихъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Онъ вообще не стѣснялся принимать свободное участіе въ пиршествахъ вмѣстѣ съ иностранцами. Еще Петру донесли на дурную жизнь Ѳеофана, и царь, любившій лично повѣрять доносы, заѣхалъ къ Ѳеофану въ полночь и засталъ его среди веселой пирушки съ друзьями. Ѳеофанъ нашелся, и, поднимая кверху кубокъ, запѣлъ: „Се женихъ грядетъ въ полунощи“. Это остроуміе понравилось Государю, и онъ принялъ участіе въ пирѣ.

Хорошей чертой Ѳеофана было то, что онъ принималъ участіе въ художникахъ и студентахъ, самъ помогалъ имъ, снабжалъ деньгами, покупалъ картины (у него было 149 картинъ масляными красками) и рекомендовалъ ихъ богатымъ лицамъ. Онъ давалъ взаймы людямъ, которымъ за долги угрожало тюремное заключеніе. И, если впослѣдствіи они не были въ состояніи вернуть ему займа, прощалъ долгъ. У него были назначены дни, когда онъ раздавалъ милостыни.

Въ библіотекѣ его накопилось до 30,000 томовъ, и онъ охотно ссужалъ книгами другихъ. По окончаніи дневныхъ занятій онъ любилъ въ кругу ученыхъ свободно вздохнуть, дѣлясь познаніями. Тутъ онъ бывалъ геніально остроуменъ.

Путешественники говорили, что трудно найти человѣка, равнаго Ѳеофану по знаніямъ и по „неописанной охотѣ къ математикѣ“. Онъ до тонкости зналъ тоже исторію, философію, богословіе, европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говорилъ, но позволялъ себѣ говорить только на русскомъ, или, въ случаѣ крайности, на латинскомъ.

У него была наилучшая, по тѣмъ временамъ, инструментальная вокальная музыка. Иностранные министры любили его угощенія. Тутъ они развязывали языки, и то, что Ѳеофану удавалось уловить изъ ихъ плановъ, онъ сообщалъ Государю.

Въ 1721 году Ѳеофанъ устроилъ при своемъ домѣ школу, куда принималъ дѣтей всякаго званія. Это была лучшая школа того времени. Нахожденіе ея въ тихомъ мѣстѣ, на Карповской дачѣ, представляло всѣ удобства для правильной, сосредоточенной школьной жизни. Ѳеофанъ самъ составилъ правила поведенія воспитанниковъ, озаглавивъ ихъ „Регулы семинаріи преосвященнаго Ѳеофана архіепископа великоновгородскаго и великолуцкаго“. Правила эти черезъчуръ формальны, отчасти дышатъ іезуитскимъ духомъ, такъ какъ скопированы съ правилъ іезуитскихъ школъ; и, насколько можно по нимъ составить себѣ понятіе о жизни школы, эта школа уступала въ отношеніи воспитательномъ описанной выше школѣ св. Димитрія въ Ростовѣ.

Вотъ, нѣкоторые изъ пунктовъ (эти „регулы“ всякое первое число мѣсяцевъ прочитывались воспитанникамъ вслухъ):

„Въ простые дни по утру вставать въ 6-мъ часу; въ 7-мъ убираться честно; галстухъ, камзолъ, башмаки и чулки, чтобъ чисты были; голова чтобы расчесана; потомъ молиться. 8—9 первое изученное вчера греческое протвердить, а потомъ латинскаго и русскаго языка обучаться; 10 гулять; 11 рисовать, 12 обѣдать и т. д.

„При трапезѣ никому ни съ кѣмъ ничего ни тихо, ни въ голосъ не говорить, и никакимъ образомъ не соглашаться и не раздражаться, но внимать чтенію.

„Въ гуляніи внѣ дому всѣмъ быть вмѣстѣ и единому отъ другихъ далѣе 50 саженъ не отлучаться, дабы одни другимъ въ случаѣ помощи, и одни другихъ объ обхожденіи и нѣкоемъ (сохрани Боже) припадкѣ свидѣтельствовать могли.

„Игранія употреблять безбѣдныя и незлообразныя, напримѣръ, въ городки палками не играть.

„Никогда двоимъ (и въ гуляніи), ниже троимъ не отлучаться отъ прочихъ въ сторону и тайно съ собою ничего не говорить, но говорить явно и въ слухъ прочихъ. И сіе кто усмотритъ доносить долженъ.

„Одинъ съ другимъ писмецами-бъ не пересылались, а если сіе учинитъ, то хотя-бъ что доброе писалъ, жестоко яко бездѣльникъ наказанъ будетъ.

„Никому никуды въ сторону писемъ, необъявивъ ихъ прежде директору, не посылать. Такожъ и кому откуда, хотя отъ родителей, письма присланы будутъ, не распечатывать и не читать, но нераспечатанныя подавать директору.

„Никому не вязаться и не входить въ дружбу и компанію съ приказными, конюхами и прочими домовыми служителями.

„Никому не говорить про людей честныхъ и сановитыхъ, что бы могло быть съ умаленіемъ чести ихъ, хотя бы то и явно всѣмъ было, и обносилось бы въ народѣ слухомъ".

„Никому, когда и по нашему приказанію предоставлено пити будетъ, не пить жарлочно и жадно, и такого злообразія весьма хранитися, кольми паче не пить до пьяна и не шумѣть".

Для развлеченія учениковъ Ѳеофанъ устроилъ въ школѣ вокальную и инструментальную музыку.

Лучшихъ учениковъ Ѳеофанъ посылалъ въ гимназію при академіи наукъ. Всего прошло чрезъ эту школу за 15 лѣтъ ея существованія 160 молодыхъ людей. На сколько Ѳеофанъ заботился о школѣ, видно изъ его предсмертнаго распоряженія, по которому онъ все лично ему принадлежащее оставлялъ этой школѣ съ тѣмъ, чтобъ по окончаніи курса кто получитъ мѣсто — могъ обзавестись чрезъ пособіе, изъ оставленныхъ Ѳеофаномъ средствъ, постройкою и хозяйствомъ.

Ѳеофанъ умеръ еще не старымъ, 55 лѣтъ.

Можно думать, что эта школа была утѣшеніемъ его послѣднихъ годовъ. Быть-можетъ, смотря на эту рослую на его глазахъ молодежь, онъ гадалъ о тѣхъ лучшихъ временахъ, когда люди будутъ увѣрены въ завтрашнемъ днѣ, и

когда архіерею, для того чтобы спокойно и безопасно стоять на своемъ мѣстѣ, не потребуется тонкой неустанной борьбы, не придется топить людей раньше, чѣмъ они потопятъ его.

Кто опишетъ, какія чувства волновались во впечатлительной душѣ Ѳеофана предъ концомъ его? Какіе страшные призраки вставали предъ нимъ—призраки людей, погибшихъ съ его вѣдома, по его иногда происками... И этихъ людей предстояло ему теперь увидѣть лицомъ къ лицу. Говорятъ, что, сводя послѣдніе счеты съ жизнью, Ѳеофанъ, приставляя указательный палецъ ко лбу—говорилъ: „О главо, главо, разума упившись, куда ее приклонишь?“

Множество трудовъ и постоянное напряженіе сломили крѣпкое здоровье Ѳеофана такъ рано для него, на 55 году. До послѣдней минуты онъ сохранилъ сознаніе. Онъ скончался предъ вечеромъ 8-го сентября 1736 года и погребенъ на южной сторонѣ Новгородскаго Софійскаго собора, около митрополита Іова.

Самая блестящая эпоха дѣятельности Ѳеофана, съ точки зрѣнія нравственной, была, кажется, эпоха ректорства въ Кіевѣ. Свѣжая живая струя, внесенная имъ въ сухое дотолѣ преподаваніе, сочувствіе и поддержка, ради Ѳеофана, оказываемая академіи сильными лицами — все это поставило академію на незнаемую ею дотолѣ высоту, и въ ея классахъ стали безпрестанно слышаться самыя громкія имена Малороссіи, молодые представители которыхъ стекались сюда получать образованіе...

А далѣе...

Живи Ѳеофанъ въ другую, установившуюся эпоху, онъ бы былъ, вѣроятно, иной.

И страшно подумать, сколько великихъ силъ его израсходовано на подпольную борьбу, на доносы, шпіонства, на широко раскинувшуюся дѣятельность политическаго интригана, въ которой ему можно пріискать одно лишь извиненіе: чувство самосохраненія.

Наконецъ, невольно приходится жалѣть, что великій умъ Ѳеофана не былъ озаренъ тѣмъ пламенемъ вѣры, кото-

рое бы освѣтило въ его глазахъ иначе многія изъ явленій въ церковной жизни того времени, и сроднило бы его съ тѣмъ русскимъ народомъ, духу котораго такъ чуждъ Ѳеофанъ-европеецъ.

ГЛАВА V.

Опальные архіереи. Исповѣдническій подвигъ Ѳеофилакта Лопатинскаго.

Какъ характеристика эпохи, очень интересна судьба архіереевъ, вовлеченныхъ въ потокъ тогдашнихъ политическихъ интригъ, и дорогою цѣною расплачивавшихся за то. Мы остановимся на судьбѣ двухъ такихъ опальныхъ архіереевъ, Ѳеодосія Яновскаго и Георгія Дашкова, тѣмъ болѣе занимательной, что они оба раньше пользовались большимъ фаворомъ,—настолько большимъ, что тягались съ Ѳеофаномъ. И паденіемъ своимъ обязаны тому же Ѳеофану.

Ѳеодосій Яновскій родомъ былъ изъ малороссійской шляхты. Что-то темное тяготѣетъ подъ первыми годами его монашества. Онъ оклеветалъ предъ патріархомъ Симоновскаго архимандрита, его постригавшаго, и былъ въ цѣпяхъ отправленъ подъ началъ въ Троицкій монастырь, гдѣ настоятельствовалъ тогда извѣстный Іовъ, впослѣдствіи архіепископъ Новгородскій. Іовъ не только принялъ въ немъ участіе, освободилъ его изъ оковъ, но, назначенный въ Новгородъ, взялъ его съ собой и опредѣлилъ архимандритомъ знаменитаго Варлаамо-Хутынскаго монастыря. При проѣздѣ чрезъ Новгородъ Петра Великаго, Ѳеодосію удалось обратить на себя его вниманіе. Но это вниманіе Государя надмило его, какъ видно, мало благородную душу, и гордость его выразилась въ томъ, что онъ сталъ презрительно обращаться съ Іовомъ, своимъ архипастыремъ и благодѣтелемъ. Онъ даже сталъ подавать доносы Государю на такого просвѣщеннаго и добраго іерарха, какимъ былъ Іовъ. Чтобъ исправить возникшія вслѣдствіе такого поведенія Ѳеодосія натянутыя между ними отношенія, Іовъ рѣшился сдѣлать ему пастырское вразумленіе.

Для Государя Ѳеодосій казался настолько подходящимъ человѣкомъ, что въ 1707 году Государь отличилъ его — послалъ осмотрѣть церкви и духовенство вновь завоеванныхъ городовъ: Ямбурга, Нарвы, Копорья и Шлиссельбурга. Онъ стоялъ уже тогда такъ высоко, что первенствовалъ въ нѣкоторыхъ важныхъ духовныхъ церемоніяхъ въ Петербургѣ; такъ, онъ вѣнчалъ великую княжну Анну Іоанновну (впослѣдствіи Императрицу) съ герцогомъ Курляндскимъ.

Перенося церковное управленіе въ Петербургъ, Петръ нуждался въ человѣкѣ, который бы дѣйствовалъ въ его видахъ. Стефанъ Яворскій расходился съ нимъ во взглядахъ; Іовъ былъ старъ и хилъ, и Ѳеодосій назначенъ былъ „администраторомъ дѣлъ духовныхъ“—то было временное управленіе церковное, въ ожиданіи Синода. Тутъ, постоянно находясь въ сношеніяхъ съ государемъ (государь и императрица брали его даже съ собой въ путешествіе заграничное 1716—1718 гг.), понялъ всѣ его взгляды, и сталъ весьма вліятельнымъ лицомъ.

Русская партія, неодобрявшая взглядовъ Ѳеодосія, неуважавшая его нетвердую жизнь, была недовольна возвышеніемъ Ѳеодосія. Царевичъ Алексѣй Петровичъ выражался: „Развѣ-де за то его батюшка любитъ, что онъ вноситъ въ народъ лютерскіе обычаи и *разрѣшаетъ на вся*“. Вотъ, этотъ именно легкій взглядъ Ѳеодосія на религіозныя обязанности, кажется, и былъ, къ сожалѣнію, удобенъ для Петра. Единомышленники Алексѣя Петровича пѣвали въ лицо Ѳеодосію стихъ, начинающійся словами: „Враіъ Креста Христова“ и говорили, что, когда будутъ его ставить въ архіереи, то пригоже будетъ эти слова пѣть при облаченіи. Учитель царевича, Вяземскій, написалъ даже ноты къ этому стиху и отзывался, что съ радостью бы далъ пѣвчимъ, чтобъ они пропѣли этотъ стихъ, пять рублей, „для того, что Ѳеодосій иконъ не почитаетъ“.

Между тѣмъ, Ѳеодосій вошелъ въ такой фаворъ, что значеніе его стало выше всѣхъ архіереевъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ не забывалъ нисколько себя, и умѣлъ

выпрашивать у Петра матеріальныя блага не только себѣ, но и своимъ роднымъ.

По характеру, какъ мы видѣли изъ первыхъ его жизненныхъ шаговъ, кляузникъ, заносчивый, неуживчивый, онъ путался въ чужія дѣла, со всѣми перессорился, возбуждалъ противъ себя и свѣтскихъ лицъ, и іерархію, знать и простолюдиновъ, бѣлое духовенство и монашествующее.

Какъ бы предчувствуя, что такое всеобщее отношеніе къ нему до добра его не доведетъ, онъ подалъ Государю прошеніе объ увольненіи его „на безмолвіе“,—т. е. на покой по той причинѣ, что, какъ словами псалма писалъ онъ, „умножишася паче власъ главы моея ненавидящіи мя туне“, причемъ пространно излагалъ и причины ненависти къ себѣ, вызванныя будто бы принятыми имъ по духовному вѣдомству мѣрами. Свое прошеніе онъ заключалъ словами: „Того ради, припадая къ милосердію Вашего Величества, прилежно молю,—да будетъ повелѣно прочее время мизернаго моего живота скончать мнѣ въ чернеческомъ безмолвіи, да не горше что безвинно постражду“.

Но Петръ приказалъ поставить его архіепископомъ новгородскимъ, а, когда основанъ былъ Св. Синодъ, сдѣлалъ его первымъ его вице-президентомъ.

И въ этомъ званіи онъ не сумѣлъ измѣнить вызваннаго имъ къ себѣ раньше недружелюбнаго отношенія. На всѣхъ смотрѣлъ онъ свысока. „Только себя любилъ, пишетъ о немъ одинъ архіерей,—а братію весьма ненавидѣлъ. Еще же по острожелчію своему денно-нощно вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворить, а иногда искій, кого-бы и поглотить“. Ходили слухи, что онъ съ архимандритовъ и архіереевъ беретъ взятки, предоставляя имъ за то видныя мѣста. Народъ же былъ раздраженъ его пышною жизнью, его прихотями, неприличными для архіерея и монаха.

Уже послѣ паденія Ѳеодосія, казанскій митрополитъ Сильвестръ Холмскій подалъ въ Св. Синодъ въ высшей степени интересное „объявленіе“ о винахъ Ѳеодосія, драгоцѣнное въ бытовомъ отношеніи.

Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ этого объявленія, ярко рисующія самовластіе, корыстолюбіе и неприличіе поведенія Ѳеодосія.

„Онъ, будучи въ Москвѣ, оставя церковныя службы, и монашеское преданное правило, установилъ у себя ассамблеи съ музыкою, и тѣшился въ карты, шахматы, и въ томъ ненасытно забавлялся, якобы вмѣсто всенощнаго пѣнія себѣ вмѣнялъ, и другихъ къ тому понуждалъ. И бывшимъ въ Москвѣ архіереямъ, также въ московскихъ монастыряхъ архимандритамъ и послѣднимъ маломощнымъ игуменамъ, сочиня вседневную роспись, велѣлъ ассамблеямъ быть съ различными потѣхами: и то-де міру не будетъ въ тягость.

„Да онъ же въ московскомъ подворьи велѣлъ послушнику своему Тарасу съ колокольни старинные колокола продать, чтобъ не мѣшали ему во всю ночь въ шахматы играть, потомъ довольно спать. Онъ же въ палатахъ особливую себѣ нѣмецкую баню сдѣлалъ новымъ проводомъ, чтобъ ни у кого такой не было, все потаенно.

„Онъ же собою, безъ указу благочестивыя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества, въ Дмитровѣ городѣ старинный Борисоглѣбскій монастырь приписалъ къ себѣ вовсе съ вотчинами и съ крестьяны, и со всѣми угодьи, а старцевъ того монастыря велѣлъ выбить вонъ безвременно, а оный монастырь разорилъ, безстрашникъ, занапрасно.

„Да онъ же, яко сущій бѣсноватый, будучи въ Москвѣ, на память великаго святителя Алексѣя митрополита, въ Чудовѣ монастырѣ, во время литургіи въ алтарѣ кричалъ бѣшенымъ своимъ голосомъ: „Ризничій чудовскій, принеси ко мнѣ Алексѣя чудотворца образъ, который носятъ въ крестномъ хожденіи“. И паки онъ же кричалъ нелѣпымъ гласомъ: „ризничій, подай ножъ“. И, взявъ ножъ, святителя помянутый образъ положа на лавку, съ гнѣвомъ говорилъ хульныя слова: „Нѣкоторый-де безумный золотой сей окладъ приложилъ“ и рѣзалъ проволоку. Едва смогъ. Однако, развращенный онъ желаемое получилъ, золотую цату оторвалъ чеканной работы и положилъ себѣ въ карманъ нагло при

всѣхъ. И о томъ дерзновеніи съ плачемъ всѣ зрящіе удивлялись его похабству.

„Онъ же, какъ получилъ милость въ Синодѣ засѣдать судіею и, вымысля наглостію своею, распечатавъ патріаршу ризницу, разобравъ всякую святѣйшихъ патріарховъ рухлядь, похитилъ себѣ лучшія портищи, рясы теплыя, мѣхи старинные, соболіи подъ бархатомъ и подъ атласомъ, и старинныя объяри, луданы большой руки, мѣхи старинныхъ чернобурыхъ лисицъ, часы золотыя и иныя портищи (предметы), дарилъ своихъ совѣтниковъ и прочихъ нескудно.

„Ему же, гордому фараону, многіе архіереи и архимандриты присылали въ даръ лучшіе и не малые гостинцы повсягодно: кіевскій, сибирскій, нижегородскій и греческій дарили, чтобы всегда въ милости его быти.

„И какъ я прибылъ въ С.-Петербургъ, и онъ ко мнѣ, лукавецъ, на квартиру пріѣзжалъ, и я отъ келейныхъ своихъ вещей дарилъ его различными вещами. Еще въ Невскомъ монастырѣ, въ его же кельѣ, взялъ онъ, архимандритъ, у меня пятьдесятъ червонныхъ келейныхъ монетъ, и обѣщалъ меня впредь миловать и охранять. И вмѣсто охраненія возсталъ на мя свирѣпо и мстилъ мнѣ жестоко: а за что — не знаю. И пакости несносныя чинилъ, и такъ озлился, якоже левъ рыкая, и искалъ меня поглотити и другихъ возмутилъ на мя пакости чинить".

Конечно, здѣсь слышенъ раздраженный тонъ человѣка, который, между прочимъ, жалуется даже на то, что данная имъ Ѳеодосію взятка не принесла жалобщику пользы. Но, если въ жалобѣ и есть, быть-можетъ, преувеличенія: все же поведеніе Ѳеодосія вполнѣ странно.

Петръ могъ знать, могъ и не знать о порокахъ Ѳеодосія; главнѣе, Ѳеодосій нуженъ былъ ему какъ дѣлецъ-практикъ съ покладистою совѣстью, проводящій новыя понятія въ церковномъ управленіи. Петру нравилось въ Ѳеодосіи то, что онъ былъ яркою противоположностью надоѣвшихъ ему типовъ святошъ, изъ которыхъ не всѣ были искренни, а нѣкоторые прикрывались лишь личиною благочестія.

Уже въ послѣдніе годы жизни Петра, Ѳеодосій зазнался и держалъ себя иной разъ заносчиво даже предъ государемъ и императрицею. Но пока это сходило ему съ рукъ. Между прочимъ, ему была пожалована осыпанная брилліантами панагія, съ изображеніями на одной сторонѣ распятія, а на другой—портрета Петра. Ѳеодосій носилъ ее на голубой лентѣ.

При Екатеринѣ I Ѳеодосій сталъ еще заносчивѣе.

Какъ-то Ѳеодосій пріѣхалъ къ дворцовому мосту. Стоявшій на часахъ гвардеецъ не пустилъ его. Преосвященный, выйдя изъ кареты, сталъ махать тростью съ угрозою. Потомъ, войдя въ дворцовую переднюю, гнѣвно спросилъ у гвардейскаго офицера: „Для чего они его не пускаютъ? Мнѣ-де бывалъ при Его Величествѣ вездѣ свободный входъ. Вы-де боитеся только палки, которая васъ бьетъ, а наши-де палки больше тѣхъ. Шелудивыя-де овцы не знаютъ, кого не пускаютъ“.

Другой случай вышелъ еще рѣзче.

Въ Синодѣ придворный уставщикъ передалъ Ѳеодосію приказаніе государыни служить на слѣдующій день панихиду по государѣ. Онъ обидѣлся и сказалъ: „На это есть чередные“. (Удивительно, что онъ отлынивалъ отъ богослуженія по томъ человѣкѣ, которому былъ всѣмъ обязанъ). Уставщикъ отвѣчалъ, что государыня велѣла быть „всѣмъ синодальнымъ, потому сороковой день“.

По выходѣ уставщика Ѳеодосій разразился предъ членами Синода гнѣвными рѣчами: „Боже милостивый, какое тиранство! Мірская власть повелѣваетъ духовной молиться. Покажите мнѣ, отцы святые, гдѣ это написано“. На это ему отвѣтили его сослуживцы, что найти бы можно, да къ чему: мы по своемъ государѣ всегда должны молиться. Въ концѣ-концовъ Ѳеодосій сказалъ: „Пойду и я, и буду служить, потому что боюсь, чтобъ не послали въ ссылку. Только услышитъ-ли Богъ такую молитву?“

Послѣ панихиды Ѳеодосій получилъ приглашеніе къ царскому столу, но сказалъ, что онъ обезчещенъ, и не пошелъ.

На слѣдующій день Ѳеофанъ явился къ императрицѣ и сдѣлалъ доносъ на Ѳеодосія.

Минута для Ѳеофана была критическая. Ѳеодосій, ненавидѣвшій его, подкапывался подъ него. По его наущенію, на Ѳеофана было донесено, что имъ споротъ былъ жемчугъ съ облаченій псковской каѳедры, который Ѳеофанъ присвоилъ себѣ. Дѣло принимало плохой для Ѳеофана оборотъ. Лучшимъ средствомъ спасенія онъ выбралъ погибель своего главнаго врага, Ѳеодосія.

Ѳеофанъ обвинялъ Ѳеодосія въ разныхъ непристойныхъ рѣчахъ противъ покойнаго государя и современныхъ порядковъ: что за недоброжелательство къ духовенству найдетъ на Россію Божій гнѣвъ, что Петръ тиранилъ церковь, что смертельная болѣзнь произошла у Петра „отъ безмѣрнаго женонеистовства и отъ Божія отомщенія за его посяжку на духовный и монашескій чинъ, который хотѣлъ истребить. Излишняя его охота къ слѣдованію тайныхъ дѣлъ, показуетъ мучительное его сердце, жаждущее крови человѣческія". Вообще онъ рѣзко отзывался о современныхъ церковныхъ порядкахъ.

Ѳеодосія осудили. Указъ о немъ былъ составленъ Ѳеофаномъ съ преувеличеніемъ и искаженіемъ многихъ сторонъ дѣла. Онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Козельскій, у устьевъ Двины, монастырь, гдѣ его должны были содержать подъ карауломъ.

Его заточили въ одной изъ келлій, подъ церковью. Онъ просилъ къ себѣ духовника, со слезами исповѣдовался и пріобщился въ церкви, въ епитрахили съ поручами, объясняя: „Чинъ архіерейскій съ меня не снятъ. Я только отрѣшенъ отъ епископіи". Но тайная канцелярія лишила несчастнаго узника и этого утѣшенія, было приказано пріобщать его однажды въ годъ, великимъ постомъ, и не въ церкви, а въ его заточеніи.

Впослѣдствіи, по новому доносу на Ѳеодосія, или, какъ его тогда называли оффиціально „Ѳедоса" участь его еще ухудшилась. Оказалось, что онъ со всѣхъ своихъ подчиненныхъ бралъ присягу на вѣрность себѣ „по обычаю царской присяги". За это его приговорили къ лишенію архіерейскаго

и іерейскаго сана, и предписали посадить его въ тюрьму или въ каменную келью на подобіе тюрьмы — притомъ, чтобы близко отъ кельи не было людей, а давать ему только хлѣбъ и воду. Для исполненія этого распоряженія былъ посланъ въ Корельскій монастырь гвардейскій офицеръ, графъ Мусинъ-Пушкинъ, сынъ Мусина-Пушкина, вѣдавшаго монастырскимъ приказомъ. Когда онъ пріѣхалъ въ монастырь, Ѳеодосій былъ у обѣдни. Пока шла обѣдня, Пушкинъ приказалъ закласть кирпичами окно кельи Ѳеодосія, такъ что осталось оконце менѣе, чѣмъ въ четверть аршина въ ту и другую сторону. Послѣ обѣдни съ него сняли санъ и заключили. Грустно читать, какъ архангельскій губернаторъ Измайловъ, посѣтивъ Корельскій монастырь, доноситъ, что „онъ, Ѳедосъ, еще живъ“. Но недолго промучился онъ. Когда была приготовлена для него новая тюрьма, онъ не имѣлъ силы ходить, и былъ перенесенъ въ нее на рукахъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ не сталъ отвѣчать на стукъ къ нему и не бралъ пищи. Снесшись съ губернаторомъ, дверь распечатали и раскрыли. Ѳеодосій былъ мертвъ. Возникъ вопросъ о мѣстѣ его погребенія. Сначала Тайная Канцелярія распорядилась, набальзамировавъ его тѣло, отправить, только подъ видомъ клади, въ засмоленномъ гробѣ, въ Петербургъ. При этомъ канцелярія допытывалась, не произносилъ ли Ѳедосъ предъ смертью, какихъ „противныхъ словъ“. Но потомъ предписано везти въ Кирилловскій Бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ и погребенъ.

Ѳеофанъ, конечно, радовался уничтоженію противника.

Но теперь, въ отдаленіи времени, судьба его вызываетъ состраданіе. Какъ ни была недостойна вся его жизнь, онъ носилъ священный санъ; и враги его, измыслившіе для него такое великое уничиженіе, не хотѣли понять, что его столь ужасною карою они унижаютъ и себя, и даютъ печальный примѣръ, которымъ захочетъ воспользоваться послѣдующее поколѣніе, что мы и видимъ въ судьбѣ Арсенія Мацѣевича.

Тяжела участь и другого интригана, Георгія Дашкова.

Родомъ изъ извѣстной дворянской семьи Дашковыхъ.

Георгій, въ званіи „соборнаго старца Троицкаго монастыря", оказалъ боярину Шереметеву помощь въ усмиреніи въ 1706 г. бунта астраханскихъ стрѣльцовъ. „Сколько въ тотъ бунтъ народу укротилъ—писалъ о немъ царю Шереметевъ, дивлюсь, откуда такое ево мудрое происхожденіе явилось. И еслибъ не ево въ томъ было радѣтельное происхожденіе, конечно (т. е. совершенно) бы Астрахань разорилась". Петръ за это „радѣтельное происхожденіе" рѣшилъ взыскать Дашкова своею милостью, и опредѣлилъ его келаремъ въ Троицкій монастырь.

Здѣсь Дашковъ вполнѣ насладился всѣмъ, что могло доставить ему богатство этой знаменитой обители. Въ братскую трапезу, какъ-то дѣлали его предшественники и какъ слѣдовало дѣлать, онъ никогда не ходилъ, завелъ свой столъ. Прислуги у него было лично для него до 20 человѣкъ. Вкладовъ, которые приносили въ монастырь усердствующіе золотомъ и серебромъ, Дашковъ въ казенный приказъ не отдавалъ, а покупалъ на эти деньги экипажи, сбруи, лошадей. Онъ былъ великій охотникъ до конской части, строилъ конюшенные дворы, держалъ до 150 конюховъ. Нужныхъ ему людей онъ дарилъ деньгами и лошадьми. Снабжалъ всѣмъ возможнымъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, выдалъ замужъ племянницъ за „монастырскихъ дворянъ" и назначалъ ихъ управителями въ лучшія изъ громадныхъ и многочисленныхъ тогда вотчинъ Троицкаго монастыря.

Его поѣздки къ братьямъ, алексинскимъ помѣщикамъ, совершались съ баснословною роскошью. Забравъ въ путь и въ подарки множество припасовъ, онъ ѣхалъ громаднымъ поѣздомъ въ 200 лошадей, въ 150 слугъ. Для ночлега разбивались палатки, около которыхъ становились на часахъ отставные гвардейцы. Его зятья и братья гостили въ монастырѣ недѣлями, не отказывая себѣ ни въ какой прихоти. Все это сходило Георгію съ рукъ, и въ 1718 году онъ былъ поставленъ епископомъ на важную каѳедру Ростовскую.

Человѣкъ старыхъ убѣжденій, онъ былъ недоволенъ учрежденіемъ св. Синода и подалъ въ 1721 г. въ Синодъ

доношеніе „весьма противное и дерзностное“, за которое ему объявленъ выговоръ съ предостереженіемъ, что, если не попроситъ у св. Синода прощенія, то „безъ должнаго наказанія не останется“.

Въ царствованіе Екатерины I и Петра II, Георгій былъ въ силѣ. Самъ человѣкъ безъ образованія, лишь съ лоскомъ людей извѣстнаго круга, онъ не любилъ ученыхъ, которые тогда олицетворялись въ высшей іерархіи малороссіянами, несочувственно именуемыми отъ приверженцевъ старины „поляками“. Въ русскомъ обществѣ царило убѣжденіе, что эти „поляки“ клонятъ русскую Церковь кто къ лютеранству, кто къ католичеству, что добра отъ нихъ не будетъ. А личнымъ поведеніемъ своимъ многіе изъ пособниковъ Петра въ его церковныхъ реформахъ оттолкнули отъ себя даже и тѣхъ незнатныхъ, новыхъ людей, какіе бы могли имъ сочувствовать. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Петровскихъ реформъ, Ѳеодосій, паденіемъ своимъ не возбудилъ жалости, и тотчасъ начались отмѣны разныхъ петровскихъ постановленій, несогласныхъ съ преданіями старины.

Въ такую-то эпоху и сталъ на виду Дашковъ, съ его природнымъ умомъ, волею и настойчивостью.

По поводу отобранія монастырскихъ имуществъ и назначенія ихъ даже въ аренду служилымъ людямъ, онъ подалъ государынѣ сильный протестъ, который, изложивъ свое мнѣніе. заключаетъ словами: „А мы о такихъ непорядкахъ, по нашей вѣрности, Вашему Величеству не донести не смѣемъ. И умолчать, какъ отъ Бога, такъ и отъ Вашего Величества опасны. да не явимся безотвѣтни въ день праведнаго суда Божія и да не пріимемъ лѣниваго раба воздаянія“.

Честолюбивому Дашкову хотѣлось быть первымъ въ церковномъ управленіи, и онъ, понятно, не могъ ужиться съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который занималъ первое мѣсто и былъ столь противоположенъ ему по взглядамъ.

Онъ собралъ себѣ партію и выжидалъ удобнаго случая дѣйствовать. Какъ человѣкъ непослѣдней фамиліи, онъ былъ свой въ высшемъ кругу, хорошъ съ Долгорукими и другими

вліятельными людьми, и чрезъ нихъ старался упрочить свое положеніе.

При Петрѣ II, когда началась реакція въ пользу старины, во многихъ приверженцахъ прежняго церковнаго строя возникли самыя смѣлыя предположенія: мечтали ни болѣе, ни менѣе, какъ о возстановленіи патріаршества.

Дашковъ, мечтая о патріаршемъ санѣ, видѣлъ въ немъ достиженіе завѣтной мечты: стать выше всѣхъ. И Дашковъ дѣйствовалъ происками, матеріальными средствами, задаривалъ сильныхъ вельможъ, чтобъ они склоняли юнаго царя къ возстановленію патріаршества и къ избранію въ патріархи, его, Дашкова.

Смерть государя не дала осуществиться этимъ планамъ. Но Ѳеофанъ припомнилъ и недоброжелательство къ себѣ Дашкова и желаніе Дашкова подняться выше его.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, время особенно благопріятное для разнаго рода интригъ и доносовъ, Ѳеофанъ рѣшился погубить своего врага. Прежде всего онъ поселилъ въ императрицѣ личное неудовольствіе противъ Дашкова, и убѣдилъ ее въ его нерасположеніи ко всему потомству ея отца, царя Іоанна Алексѣевича. Затѣмъ онъ сталъ утверждать, что, сыпля подарками и производя непомѣрные расходы для достиженія патріаршества, Георгій Дашковъ разорилъ свою Ростовскую епархію. Императрица, по внушенію Ѳеофана, приказала Синоду вести это дѣло судебнымъ порядкомъ.

Вотъ этотъ любопытный указъ: „Понеже извѣстно ея императорскому величеству учинилось, что Ростовскій архіерей Георгій въ Ростовской епархіи чинилъ тамошнимъ обывателямъ и монастырямъ разореніе, чего ради именнымъ своего императорскаго величества указомъ повелѣла: изъ св. Синода въ Ростовскую епархію послать указъ, дабы той епархіи духовнаго и мірского всякаго званія люди объявляли безъ утайки, кому какія разоренія тотъ Ростовскій архіерей Георгій учинилъ — безъ всякаго опасенія и страха“.

Тогда всплыли всѣ безчисленныя исторіи поборовъ Георгія съ монастырей и духовныхъ лицъ, буйства и грабежей

слугъ архіерейскихъ, заключенія безъ вины подчиненныхъ въ оковы, пока не откупятся, и т. д.

Интересно, что и на Ростовской каѳедрѣ Георгій хранилъ свою страсть къ лошадямъ и монастыри особенно жалуются, что у нихъ забраны Георгіемъ лошади и не возвращены.

Георгія лишили сана и сослали „подъ крѣпкое смотрѣніе“ въ Спасо-Каменный монастырь (на Кубенскомъ озерѣ) Вологодской епархіи.

Впослѣдствіи обнаружили, что Георгію родные его шлютъ въ заточеніе письма и помощь, что монастырское начальство обходится съ нимъ почтительно, и бѣдный кандидатъ на патріаршій престолъ былъ подвергнутъ строгому режиму.

Совершенно иное отношеніе къ себѣ, а именно глубокое, умиленное уваженіе и вѣчно-благодарную память вызываетъ личность свѣтлаго борца за православіе, Ѳеофилакта Лопатинскаго. Онъ тоже погибъ, погибъ не безъ участія Ѳеофана, но причиною его погибели были не собственныя его преступленія, а его истинно пастырская ревность, его борьба съ протестантизмомъ, имѣвшимъ тогда при Дворѣ мощнаго защитника въ лицѣ всесильнаго фаворита Бирона.

Имя Ѳеофилакта упомянуто было въ исторіи хиротоніи Ѳеофана: онъ съ другимъ ученымъ монахомъ (Гедеонъ Вишневскій, впослѣдствіи архіепископъ Смоленскій) подали протестъ чрезъ Стефана Яворскаго противъ хиротоніи Ѳеофана, упрекая его въ неправославіи и требуя, или чтобъ онъ торжественно предъ хиротоніею отрекся отъ тѣхъ взглядовъ, которые они приводили, или чтобъ его мнѣнія были внесены на разсмотрѣніе вселенскихъ патріарховъ. По желанію Петра дѣлу не было дано хода, но Ѳеофанъ, никому ничего не прощавшій, запомнилъ хорошо это происшествіе.

Императоръ Петръ былъ строгъ къ иностранцамъ, желавшимъ распространять свои ученія въ Россіи: за совращеніе православныхъ въ иную вѣру была установлена смертная казнь. Не то стало при Биронѣ.

Архіепископъ тверской Ѳеофилактъ, знавшій почившаго

Стефана Яворскаго, рѣшился издать въ свѣтъ сочиненіе, написанное Стефаномъ для предохраненія православныхъ отъ протестантской пропаганды, именно *Камень вѣры*. Насколько благовременно было появленіе въ печати этой знаменитой книги, какъ она жадно читалась, видно изъ того, что, изданная въ первый разъ въ 1728 году, она уже въ слѣдующемъ, 1729 году, появилась вторымъ изданіемъ, а въ 1730 г.— третьимъ. Достоинства ея доказываются тоже тою ненавистью, которою вызвала она (какъ нѣкогда ея авторъ) у протестантовъ. Въ Москвѣ отъ имени Буддея было написано „Посланіе противъ Стефана Яворскаго къ другу въ Москвѣ". Ѳеофилактъ написалъ „Отвѣтъ на посланіе", защищая *Камень вѣры*.

Узнавъ, что Бирон и Ѳеофанъ (который ненавидѣлъ Стефана, такъ какъ чрезъ него поданъ былъ предъ его хиротоніей протестъ Ѳеофилакта и Гедеона) разгнѣваны на издателя *Камня вѣры*, Ѳеофилактъ просилъ разрѣшеніе поднести Императрицѣ свое возраженіе на книгу Буддея, и получилъ уже позволеніе, какъ вдругъ ему было объявлено, не только не издавать этого возраженія, но, подъ страхомъ смерти, и не говорить о немъ. Такимъ образомъ, защитникомъ православія Бирон попросту закрылъ ротъ, а нападки протестантовъ продолжались безпрепятственно. Такъ, появилась книга *Молотокъ* на *Камень вѣры*, не столько разбиравшая по существу сочиненіе Стефана, сколько глумившаяся надъ личностью незабвеннаго борца православія, Стефана.

Ужасно то, что изъ-за старыхъ личныхъ счетовъ Ѳеофанъ сталъ дѣйствовать съ сильными противъ слабаго, одиноко боровшагося за истину, Ѳеофилакта. И по злосчастной привычкѣ своей Ѳеофанъ обратился къ тайной канцеляріи, куда онъ подалъ *Камень вѣры* и защиту его Ѳеофилактомъ, называя оба сочиненія вредными для государства. И началась исповѣдническая страда Ѳеофилакта. Сперва его исключили изъ состава членовъ св. Синода, и онъ удалился въ Тверь. По требованію Бирона, *Камень вѣры* былъ запрещенъ, и экземпляры его конфискованы. Кіевскаго митро-

полита Варлаама Вонатовича, сдѣлавшаго въ Кіевѣ великолѣпное изданіе *Камня вѣры*, вызвали въ Тайную Канцелярію, лишили сана и заточили въ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Затѣмъ туда же вытребовали и Ѳеофилакта, три мѣсяца держали его тамъ, потомъ тайно отправили въ Тверь. Но погибель его была рѣшена. Были сысканы докащики, обвинявшіе его въ оскорбленіи величества, имъ же облагодѣтельствованные. Снова стали допрашивать Ѳеофилакта въ канцеляріи Бирона. Его отвѣтъ былъ, что онъ ничего противъ императрицы не замышлялъ и не дѣлалъ. Ему предложили присягнуть въ томъ. Онъ отвѣтилъ со слезами на глазахъ: „Совѣсть меня ни въ чемъ не зазираетъ. Я готовъ это исполнить“ — и присягнулъ. Послѣ этого засѣданія у Бирона произошелъ случай, наводящій на невольныя размышленія. Одинъ изъ судей неправеднаго суда, архимандритъ Новоспасскій Иларіонъ, возвращаясь вечеромъ изъ засѣданія, былъ внезапно разбитъ параличемъ, мертвый вывалился изъ коляски, чего не замѣтили слуги, пока не пріѣхали домой, и тогда лишь увидали, что его нѣтъ, и вернулись искать его. Такъ караетъ Богъ измѣнниковъ вѣры.

Канцелярія Бирона стала пытать Ѳеофилакта. Его три раза подымали на дыбы, били батогами. Три года содержали его, подъ тайнымъ карауломъ, на подворьѣ. Ѳеофанъ уже умеръ и давалъ на Божіемъ страшномъ и нелицепріятномъ судѣ отвѣтъ за всѣхъ, имъ погубленныхъ, а дѣло Ѳеофилакта еще длилось, какъ сводъ личныхъ счетовъ Бирона съ русскою вѣрою. Ѳеофилакта расшибъ параличъ, и все же, по настоянію Бирона, его объявили лишеннымъ сана, монашества и заперли въ Петропавловскую крѣпость. Тутъ протомился онъ еще два года. По сверженіи Бирона правительница Анна подписала указъ „снова признавать Ѳеофилакта въ санѣ архіепископа“. Петербургскій архіепископъ Амвросій перевелъ его въ свой домъ, и здѣсь вокругъ него, недвижимо распростертаго, собрались члены Синода, и былъ объявленъ ему указъ, возстановляющій его въ прежнемъ достоинствѣ. Всѣ рыдали.

Здѣсь посѣтила его цесаревна Елисавета и спросила его: „Знаете-ли вы меня?“

— Знаю, что ты искра великаго Петра,—отвѣчалъ онъ.

Цесаревна, отвернувшись, заплакала и дала 300 руб. на лѣченіе. Она уже царствовала, когда Θеофилактъ почилъ, 6 мая 1741 года.

Да будетъ благословенно имя великаго исповѣдника!

ГЛАВА VI.

Отношеніе къ церкви императрицы Елисаветы Петровны.

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны, омраченное владычествомъ нѣмца Бирона, угнетавшаго все русское и развившаго до чрезвычайности дѣятельность Тайной Канцеляріи, представляетъ собою одну изъ самыхъ печальныхъ эпохъ въ исторіи Россіи.

Послѣ недолгаго промежутка отъ кончины Анны Іоанновны, на русскій престолъ вступила императрица Елисавета Петровна. Ея воцареніе было съ величайшею радостью привѣтствовано русскимъ обществомъ, возлагавшимъ большія надежды на эту „дщерь Петрову“.

Дѣйствительно, царствованіе Елисаветы Петровны было истинно русское. Послѣ владычества нѣмцевъ, при дворѣ стали видны исключительно почти русскіе люди. За 20 лѣтъ правленія Елисаветы Россія отдохнула отъ всей пережитой ею тяготы. И русская Церковь узнала спокойные дни, не смущаемые никакими инославными вліяніями и процессами, сводившими заживо въ каменные гроба русскихъ архіереевъ.

Нельзя опустить молчаніемъ черты набожности Елисаветы Петровны, объясняемыя во многомъ обстоятельствами ея молодости.

Ея положеніе при Аннѣ Іоанновнѣ было крайне щекотливо. Императрица, ревнивая къ своей власти и желавшая послѣ себя оставить престолъ потомству сестры своей

Екатерины Іоанновны Мекленбургской, не могла сочувственно относиться къ своей двоюродной племянницѣ, полной жизни и обаянія, привлекательной, легко къ себѣ располагающей — наконецъ, дорогой всѣмъ русскимъ, какъ дочь Петра, вознесшаго Россію такъ высоко, что чувствовали даже и тѣ люди, которые осуждали Петра за нѣкоторыя стороны его реформы. Малѣйшая неосторожность — и Елисаветѣ Петровнѣ угрожало невольное постриженіе.

Вести себя политично и прикидываться преданной Аннѣ Іоанновнѣ ей было тѣмъ тяжелѣе, что она была по природѣ живая, веселая, откровенная. Очень понятно, что отъ постояннаго страха за себя и въ сознаніи отвѣтственности, которой она подвергаетъ своихъ приближенныхъ, она нашла утѣшеніе въ чувствахъ религіозныхъ.

Несмотря на всю свою страсть къ увеселеніямъ, баламъ, спектаклямъ, нарядамъ, она въ душѣ была чисто русская дѣвушка и была предана Церкви и всѣмъ ея обрядамъ, какъ любая боярышня московской Руси.

Она часто ѣзжала въ Александровскую слободу (гдѣ нѣкогда жилъ Грозный), гдѣ иночествовала одна изъ ея тетокъ, такъ что жизнь иноческая была ей близко знакома.

Въ противоположность своему отцу она очень любила разныхъ „Божьихъ людей“, и охотно заводила съ ними знакомство. Такъ, въ Москвѣ, въ одномъ старинномъ приходѣ „Николы Явленнаго“ на Арбатѣ положенъ въ самомъ храмѣ одинъ „Василій болящій“. Извѣстно, что у этого Василія болящаго была Елисавета Петровна.

Она интересовалась внутреннимъ бытомъ монастырей, вникала въ назначеніе настоятелей, особенно для хорошо извѣстныхъ ей обителей, ходила на богомолье къ Троицѣ изъ Москвы пѣшкомъ.

Надо, къ сожалѣнію, сказать, что въ эту эпоху спокойной своей жизни высшее духовенство черезъ-чуръ предавалось роскоши и мало помышляло объ удрученіи плоти. Такъ, соборные старцы и настоятели монастырей носили бархатныя и шелковыя рясы, исподнее платье съ пряжками сере-

бряными и золотыми, обувались въ шелковые чулки. У архимандрита Гедеона Криновскаго, знаменитаго проповѣдника, который былъ одно время настоятелемъ Сергіевой лавры, помѣщицы болѣе чѣмъ ста тысячъ душъ крестьянъ, были, какъ говоритъ преданіе, на башмакахъ брилліантовыя пряжки, цѣною въ 10,000 рублей.

Интересны слѣдующія черты изъ жизни лавры той эпохи, переданныя извѣстнымъ знатокомъ старины, Снегиревымъ [1]).

Въ одно время въ Лаврѣ была половина монашествующихъ великороссы, москали; другая — малороссіяне. Они образовали двѣ партіи, несочувствовавшія другъ другу. Однажды монахъ-москаль говорилъ въ соборѣ поученіе, а гробовымъ, у раки преподобнаго, стоялъ малороссіянинъ. Проповѣдникъ, подражая голосу гробового, сталъ говорить о иныхъ людяхъ, которые „имуще образъ благочестія и силы его отвергшія, гробовымъ голосомъ повторяютъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“, а подъ языкомъ у нихъ трудъ и болѣзнь, сердце ихъ полно злобы и лукавства, а карманы золота и серебра“. Гробовой, принявъ эти слова на свой счетъ, тотчасъ пошелъ въ алтарь и пожаловался архимандриту, своему земляку. И архимандритъ поставилъ выразительнаго проповѣдника на поклоны во время трапезы.

Эта непріязнь двухъ народностей въ составѣ троицкой братіи обнаружилась слѣдующимъ образомъ предъ императрицей.

Архимандриту, который былъ малороссъ, дано знать, что императрица будетъ въ лаврѣ. Собравъ своихъ земляковъ, онъ сказалъ имъ: „Ея императорское величество изволитъ прибыть въ нашу лавру, а, какъ ей извѣстно, что молитвами препод. Сергія Господь взыскалъ Лавру богатствомъ, и какъ она любитъ велелѣпіе, то постарайтесь явиться предъ лицомъ ея величества въ лучшихъ одеждахъ“. А великороссамъ онъ присовѣтовалъ одѣться какъ можно хуже, чтобъ показать себя во всемъ монашескомъ смиреніи. И тѣ.

[1]) „Русскій Архивъ“ 1866 г.

и другіе исполнили распоряженіе архимандрита. Императрица замѣтила это рѣзкое различіе въ одѣяніи братіи, и спросила: „Лавра всѣмъ изобилуетъ. Отчего же одни одѣты хорошо, а другіе бѣдно и худо?“ На это архимандритъ отвѣтилъ: „Потому, ваше величество, что братія изъ малороссовъ трезвы и благоприличны, а великороссы невоздержанны и нерадивы“. Императрица бы и осталась при такомъ объясненіи, если бы случайно не узнала всю правду отъ своего любимаго истопника. Съ этимъ человѣкомъ императрица любила бесѣдовать въ свободные часы, а онъ, имѣя родного брата среди лаврскихъ монаховъ, открылъ ей всю продѣлку архимандрита.

Вообще Лавра пользовалась изобиліемъ во всемъ. Она славилась въ то время медами, пивами и квасами. Виноградныя вина выписывались бочками, рыбы свозились отъ собственныхъ ея рыбныхъ ловлей. Предъ всенощной въ сѣверный и южный алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ для клиросныхъ, такъ что сложилась поговорка: „Правый клиросъ поетъ, а лѣвый въ алтарѣ пиво пьетъ“. За всенощной въ алтарѣ, послѣ благословенія хлѣбовъ, служащимъ подавали красное вино въ чарахъ.

Каждому монаху ежедневно отпускались: бутылка хорошаго кагору, штофъ пѣннаго вина, по кунгану меда, пива и квасу.

Такое роскошество велось до назначенія архимандритомъ лавры знаменитаго Платона, впослѣдствіи митрополита московскаго.

Императрица благоволила къ духовенству еще и оттого, что самый близкій ей человѣкъ, графъ Алексѣй Кириллович Разумовскій, былъ возведенъ ею на вершину государственныхъ почестей изъ придворныхъ пѣвчихъ.

Человѣкъ характера простого, незаносчивый, не стыдившійся своего незнатнаго происхожденія изъ простыхъ казаковъ, Разумовскій въ своемъ новомъ величіи сохранялъ любовь къ прежнему своему занятію и привязанъ былъ къ богослуженію, къ благолѣпію храмовъ и къ духовенству.

Сердечная набожность императрицы особенно ярко доказывается ея отношеніемъ къ любимой иконѣ, Богоматери Знаменія, впослѣдствіи прозванной Царскосельскою.

Эта икона величественныхъ размѣровъ и весьма древняя, была домашнею иконою русскихъ царей, и привезена въ Россію при Романовыхъ, — какъ можно думать, патріархомъ Цареградскимъ Аѳанасіемъ, который на обратномъ пути въ Царьградъ умеръ въ г. Лубнахъ, гдѣ онъ почиваетъ нетлѣнно, въ сидячемъ положеніи, почему и называется въ просторѣчіи „Аѳанасій лубенскій сидячій“. Петръ Великій перевезъ икону эту въ Петербургъ, и она стала впослѣдствіи келейною иконою цесаревны Елисаветы Петровны. Въ ту ночь, какъ былъ произведенъ дворцовый переворотъ. возведшій ее на престолъ, Елисавета Петровна молилась предъ этой иконой, и предъ нею дала обѣтъ, въ случаѣ если достигнетъ престола, не казнить въ свое царствованіе ни одного человѣка.

Замѣчательно, что, воцарившись, она не тотчасъ издала манифестъ о своемъ восшествіи на престолъ, но прождала нѣсколько дней для того, чтобъ манифестъ вышелъ въ праздникъ Знаменія Богоматери, 27 ноября.

Затѣмъ, въ благодарность Богоматери, помогшей цесаревнѣ Елисаветѣ, императрица Елисавета въ своемъ любимомъ мѣстопребываніи, Царскомъ Селѣ, воздвигла близъ дворца церковь и торжественно крестнымъ ходомъ перенесла въ эту церковь икону Знаменія. Въ этомъ крестномъ ходу участвовали члены Синода, всѣ сановники и сама императрица, время отъ времени поддерживавшая икону.

При Елисаветѣ остававшіеся при Дворѣ протестанты не смѣли говорить противъ православія, тогда какъ въ царствованіе Анны Іоанновны его открыто гнали. Елисавета дала преимущества принимающимъ православіе: освобожденіе отъ суда и наказанія за неважныя преступленія, повышеніе въ чинахъ служащихъ. Она такъ всюду выставляла свое уваженіе къ вѣрѣ отцовъ, что при ней нѣкоторыя изъ остзейскихъ дворянскихъ фамилій приняли православіе.

Однимъ изъ людей, сіяніемъ своей чистой души освятившимъ эпоху Елисаветы и пользовавшимся личнымъ почитаніемъ императрицы, былъ епископъ Бѣлгородскій Іоасафъ.

Почитаніе святителя Іоасафа Бѣлгородскаго чрезвычайно распространено въ малороссійскихъ губерніяхъ.

Постоянно приходится встрѣчать тамъ иконописныя. и часто большого размѣра, изображенія святителя, висящія въ углу комнаты. какъ иконы, или въ божницахъ, вмѣстѣ съ другими образами. Въ Бѣлгородѣ „къ святителю Іоасафу“ ѣздятъ на богомолье.

Несомнѣнно, краткая, но чрезвычайно богатая подвигами добра и христіанскою ревностью жизнь святителя произвела сильное впечатлѣніе на соплеменную ему Малороссію, а „жизнь святителя по смерти“ — засвидѣтельствованные случаи подачи имъ чудесной помощи поддерживаютъ это впечатлѣніе.

Святитель Іоасафъ происходилъ изъ извѣстнаго малороссійскаго рода Горленко.

Его прадѣдъ, Лазарь Горленко, былъ выходцемъ изъ Заднѣпровья. Онъ бѣжалъ отъ гнета польской уніи [1]) вмѣстѣ съ другими православными. Онъ славился своею воинскою удалью.

Въ началѣ XVII вѣка онъ основался въ городѣ Прилукахъ, гдѣ долгое время занималъ вліятельную должность полковника Прилукскаго казачьяго полка. Сынъ его Димитрій и внукъ Андрей наслѣдовали его званіе. Лазарь и Андрей получили отъ государей значительныя земли въ Черниговской области, наслѣдованныя Андреемъ.

Любовь къ бѣднымъ была отличительною чертою Андрея Горленки, наравнѣ съ благочестіемъ. Женатъ былъ Андрей на представительницѣ знаменитой малорусской фамиліи Апостолъ, Маріи Даниловнѣ. Ея отецъ былъ малороссійскимъ гетманомъ.

Доселѣ сохранились многія малороссійскія фамилія, считающія себя въ родствѣ со святителемъ Іоасафомъ.

Святитель Іоасафъ родился въ праздникъ Рождества Бого-

[1]) Унія—измышленная католиками, имѣла цѣлью подчинить православныхъ римскому папѣ. Она вводилась силою, и не желавшіе принять ее, подвергались страшнымъ гоненіямъ.

родицы, во время литургіи — 8 сентября 1705 г. По древнему обычаю давать новорожденному имя святого, память котораго празднуется вскорѣ за днемъ его рожденія — младенца назвали Іоакимомъ, въ честь отца Пресвятой Дѣвы.

О дѣтствѣ святителя Іоасафа почти никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Можно думать, что онъ былъ въ высшей степени серьезный, вдумчивый ребенокъ. Развитіе въ немъ религіозности съ первыхъ лѣтъ его жизни не подлежитъ сомнѣнію.

Родители предназначали его для мірской жизни, надѣялись видѣть въ немъ наслѣдника своего обширнаго состоянія, своего званія и значенія. На восьмомъ году они отправили мальчика въ Кіевъ, куда богатое дворянство малороссійское посылало своихъ дѣтей, особенно по учрежденію тамъ знаменитымъ митрополитомъ Петромъ Могилою Кіево-Братской Могилянской академіи. Чрезъ эту академію прошло много представителей знатнѣйшихъ фамилій.

Разставшись съ сыномъ, родители сильно тосковали о немъ, и вотъ, его отцу было замѣчательное видѣніе, которое приготовляло его къ мысли о томъ, что ему предстоитъ впослѣдствіи полная разлука съ сыномъ.

Однажды, задумавшись о сынѣ, Горленко сидѣлъ къ вечеру на крыльцѣ. Солнце уже заходило. Посмотрѣвъ на западъ, онъ увидѣлъ Богоматерь, стоявшую на воздухѣ, и сына своего Іоакима, въ молитвѣ припавшаго къ Ея ногамъ. Богоматерь сказала отроку: „Довлѣетъ Ми молитва твоя“ — и тогда слетѣлъ ангелъ и накинулъ на мальчика святительскую мантію... Понявъ въ ту минуту, что его сына ждетъ духовное поприще, огорченный отецъ воскликнулъ: „Намъ же, родителямъ, Пречистая Богоматерь, что оставляеши?“ — Но отвѣта не было, и видѣніе кончилось. Въ одномъ тропарѣ, ходящемъ по рукамъ и написанномъ въ честь святителя Іоасафа, это событіе вспоминается въ начальныхъ его словахъ: „Отъ младенчества Богомъ предъизбранный, во отрочествѣ покровомъ Божіей Матери пріосѣненный, святителю отче Іоасафе... довлѣла Богоматери молитва твоя“...

Едва кончилось видѣніе, Горленко пошелъ разсказать

объ этомъ женѣ, но, не дойдя до нея, все забылъ, и съ совершенной ясностью вспомнилъ объ этомъ лишь чрезъ много лѣтъ по смерти сына.

Жизнь въ Кіевѣ, среди множества святынь и духовное получавшееся имъ образованіе укрѣпила въ молодомъ Горленкѣ религіозное настроеніе. Міръ не манилъ его. Его влекли къ себѣ уединеніе, подвиги, церковь, и въ немъ, уже на шестнадцатомъ году, созрѣла рѣшимость посвятить себя всего Богу. Но онъ провѣрялъ это рѣшеніе свое, таилъ его въ себѣ, и лишь на восемнадцатомъ году сказалъ родителямъ, что чувствуетъ призваніе къ монашеской жизни и просилъ благословить его на поступленіе въ монастырь.

Родители пришли въ ужасъ. Они настолько привыкли считать его главнымъ наслѣдникомъ по себѣ, такъ сильно надѣялись, что онъ будетъ жить близъ нихъ, обзаведется семьей, что они и слышать не хотѣли о томъ, чтобы ему умереть для міра.

Тяжело было Іоасафу, но онъ вспомнилъ слова Спасителя: „Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“. Онъ вернулся въ Кіевъ подъ предлогомъ окончанія образованія и удалился въ Кіевскій Межигорскій монастырь, расположенный уединенно. Здѣсь онъ проходилъ цѣлый годъ искусъ, полагающійся предъ постриженіемъ. Это время прошло въ чрезвычайныхъ подвигахъ. Онъ ѣлъ одно сухое, отказавшись даже отъ варенаго. О томъ, какъ онъ жилъ въ это время, онъ кратко отозвался во время предсмертной болѣзни своей сестрѣ, госпожѣ Квиткѣ: „Сестрица, излишняя ревность въ началѣ не даетъ мнѣ нынѣ вѣку дожить“.

Чтобъ не тревожить до времени родителей, молодой подвижникъ оставилъ въ Кіевѣ преданнаго ему слугу, который пересылалъ ему письма родителей и отправлялъ имъ письма молодого своего господина.

На двадцатомъ году, въ пещерномъ храмѣ Межигорскаго монастыря Іоакимъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Иларіона. Тогда-то довѣренный слуга отправился въ

Іоасафъ Бѣлгородскій.

Прилуки и объявилъ родителямъ, что сынъ ихъ, теперь инокъ Иларіонъ, проситъ ихъ благословенія и прощенія за ослушаніе.

Со слезами и великою грустью родители приняли эту вѣсть. но простили сына и послали ему благословенье.

Еще два года провелъ новоначальный инокъ въ Межигорской обители, а затѣмъ его вызвали въ Кіево-Братскій монастырь, при которомъ была академія. и тутъ, 21 ноября 1727 года, на праздникъ Введенія Пресвятыя Богородицы, онъ постриженъ былъ въ мантію съ именемъ Іоасафа.

Іоасафъ—это имя царевича Индійскаго. который позналъ свѣтъ Христовъ, оставилъ царство и провелъ жизнь въ великихъ подвигахъ пустынножительства, и имя молодого русскаго князя Заозерскаго, оставившаго міръ и спасавшагося въ чрезвычайныхъ подвигахъ въ Вологодскихъ предѣлахъ, гдѣ онъ и кончилъ въ ранней молодости свою жизнь.

Затѣмъ Іоасафъ занималъ должности учителя при академіи, а въ 1737 г. назначенъ игуменомъ Лубенскаго монастыря, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи патріарха Аѳанасія.

Патріархъ Константинопольскій Аѳанасій Пателларій пріѣзжалъ въ Россію за сборомъ подаяній и привезъ нѣкоторыя цареградскія святыни (какъ полагаютъ. Царскосельскую чудотворную икону Знаменія Богоматери). Онъ скончался на обратномъ пути въ Лубенскомъ монастырѣ, гдѣ тѣло его при погребеніи не положили во гробъ, а, какъ то дѣлается въ Константинополѣ при погребеніи патріарховъ, посадили на каѳедрѣ. Нетлѣнныя мощи его прославлены чудесами. Въ простонародьѣ онъ называется (какъ уже сказано выше) „Аѳанасій сидячій".

Въ монастырѣ Іоасафъ нашелъ все въ безпорядкѣ. Въ соборѣ давно уже обвалился куполъ, въ предшествующій годъ пожаръ истребилъ деревянныя кельи. Въ средствахъ былъ недостатокъ. Требовалась усиленная дѣятельность, чтобъ привести все въ порядокъ.

Между тѣмъ Іоасафъ болѣлъ. Онъ самъ пишетъ, что „августа 16-го 1737 года заболѣлъ крѣпко. съ каковою бо-

лѣзнію боролся до мѣсяца генваря 1738 года, и уже близъ исхода обрѣтался, но Божіею наказующею милостію пока здравіемъ помилованъ, однако не первымъ, и всегда въ слабости пребывалъ, и отъ тѣхъ временъ часъ отъ часу ко исхожденію шествую сію многопечальную житія моего стезю".

Тѣмъ не менѣе, онъ много работалъ и, наконецъ, рѣшился предпринять поѣздку въ обѣ столицы, чтобъ собрать средства на исправленіе храма. Въ Петербургѣ ему удалось представить просительную книгу самой императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. При этомъ вышло такое интересное обстоятельство.

Передъ тѣмъ императрица пожертвовала тысячу рублей на Николаевскій монастырь и, при поднесеніи ей сборной книги Іоасафа, сказала, что она уже назначила тысячу рублей. Ей доложили, что то былъ Николаевскій монастырь, а это другой Спасопреображенскій. Императрица сказала: „Если Николаевскому выдано 1,000 рублей, то Спасовой обители выдать 2,000 рублей".

Вообще сборъ былъ очень удаченъ. Отчасти этому должно было способствовать родство о. Іоасафа съ лучшими малороссійскими фамиліями. А въ то время малороссы были сильны при Дворѣ и въ Петербургѣ чрезъ знаменитыхъ Разумовскихъ.

Съ тѣхъ поръ императрица Елисавета Петровна, отличавшаяся вообще глубокою набожностью и истинно русскимъ сердцемъ — всегда сочувственно относилась къ Іоасафу.

Вернувшись въ свой монастырь, о. Іоасафъ дѣятельно принялся за ремонтъ храма, какъ былъ назначенъ намѣстникомъ Троице-Сергіевской Лавры, съ оставленіемъ въ его завѣдываніи Лубенскаго монастыря.

Чрезъ три года умеръ митрополитъ Бѣлгородскій, и императрицѣ было представлено четыре кандидата на его каѳедру, изъ нихъ о. Іоасафъ четвертымъ. Императрица остановила свой выборъ на немъ.

Для хиротоніи онъ ѣздилъ въ Петербургъ, и былъ рукоположенъ въ присутствіи императрицы и царской семьи въ Петропавловскомъ соборѣ—2 іюня 1748 года, въ день Всѣхъ Святыхъ.

Древняя Бѣлгородская епархія была очень обширна. Въ ея составъ входили теперешнія епархіи: Курская, Харьковская, части Черниговской... Въ ней было 1,060 церквей.

Несмотря на слабость силъ, въ управленіи епархіею епископъ Іоасафъ выказалъ чрезвычайную энергію и настойчивость.

Прежде всего онъ объѣздомъ епархіи знакомился съ нею. Этотъ объѣздъ показалъ ему большія неустройства.

Большая часть духовенства была невѣжественна. Бѣлгородская духовная семинарія и Харьковскій коллегіумъ не могли приготовить достаточное количество образованныхъ священниковъ: остальные обучались въ школахъ при соборныхъ церквахъ, гдѣ образованіе давалось первоначальное. Дѣло доходило до того, что многіе священники во время литургіи еле разбирали по складамъ служебники.

Епископъ немедленно выписалъ изъ Москвы книгу о церковныхъ таинствахъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ ее усвоили себѣ всѣ священники. Объѣзжая епархію, онъ экзаменовалъ священниковъ въ знаніи ея. Незнающихъ посылалъ доучивать ее въ Бѣлгородъ, а безнадежно-невѣжественныхъ отрѣшалъ отъ мѣста.

Онъ потребовалъ усиленія дѣятельности благочинныхъ въ наблюденіи за церковнымъ благочиніемъ и поведеніемъ священниковъ.

Какъ историческій документъ, въ высшей степени интересно наставленіе святителя отъ 1750 года, гдѣ онъ говоритъ о замѣченныхъ имъ неустройствахъ и указываетъ мѣры къ ихъ устраненію.

Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые священники хранятъ запасные Дары у себя въ домахъ, не имѣютъ ковчеговъ для перенесенія Ихъ больнымъ, и носятъ Ихъ къ умирающимъ въ бумажкахъ и кошелькахъ.

Объ этомъ передаютъ слѣдующій случай изъ его святительскаго опыта. Однажды во время обозрѣнія епархіи онъ остановился въ домѣ священника, который былъ въ отъѣздѣ. Отпустивъ на ночь келейниковъ, епископъ ощутилъ необычайный ужасъ, пронявшій все его существо. Онъ никакъ не

могъ уснуть, и, разсматривая въ комнатѣ предметы, нашелъ на полкѣ, между домашнею посудой бумагу, въ которой лежали Святые Дары. Ихъ-то присутствіе и наводило непонятный для него раньше ужасъ на его чуткую для святыни душу. Бережно положивъ ихъ на столъ, онъ до самой утрени молился передъ ними. Утромъ хозяинъ дома явился, и былъ отрѣшенъ отъ должности и лишенъ священническаго сана.

Было предписано священникамъ, подъ угрозой лишенія священства, хранить св. Дары на престолѣ, носить Ихъ къ больнымъ въ потирахъ, облачаясь въ ризы, въ предшествіи свѣчи и колокольчика. Затѣмъ ополчился епископъ противъ обычая, повидимому сильно привившагося въ его епархіи — во время служенія литургіи подносить св. Евангеліе (за малымъ входомъ), крестъ и антидоръ почетнымъ прихожанамъ. Вполнѣ основательно видя въ такихъ дѣйствіяхъ крайне неприличную для духовныхъ лицъ льстивость на почвѣ религіи, святитель писалъ: „Благоговѣйные должны со страхомъ и благоговѣніемъ приступати къ прикосновенію ихъ, а не прикасати гордящимся; невѣжи священницы воздадутъ отвѣтъ Богу въ день судный за столь человѣкоугодное свое служеніе, а Божія славы униженіе“.

Это очень интересная черта въ дѣятельности святителя. показывающая, какъ высоко онъ держалъ знамя Церкви.

Характерно также указаніе епископа Іоасафа, что священники во время богослуженія позволяютъ себѣ странныя нововведенія, и онъ строго запретилъ эти „непотребныя вымыслы: лишнія, гдѣ не надлежитъ, рукъ воздѣянія, кажденія, предъ великимъ выходомъ креста, цѣлованіе и прочія лишнія благочинія, что паче безчиніе есть, и внимающихъ не къ сокрушенію, а къ смѣху побуждаетъ“.

Постоянно заботился онъ о томъ, чтобы иконы въ церквахъ были написаны правильно, потому что при состояніи тогдашней иконописи иконы могли иногда „внушать смѣхъ кощунный въ невѣждахъ“.

Для храненія мура епископъ выписалъ для всѣхъ храмовъ 3,000 стеклянныхъ сосудовъ съ ящиками.

Нетрезвость духовенства было явленіе, съ которымъ епископъ боролся неутомимо. Разсказываютъ даже, что однажды чудеснымъ образомъ, во время объѣзда епархіи, онъ получилъ извѣщеніе объ одномъ членѣ сельскаго причта, безнадежно пившемъ, и отрѣшилъ его немедля.

Ссоры и распри были тоже обычнымъ явленіемъ, и епископъ строго предписалъ, чтобы враждовавшіе раньше примиренія не осмѣливались служить литургію.

Кромѣ этой постоянной борьбы съ недостатками духовенства, много огорченій причиняло епископу поведеніе мірянъ.

Въ простомъ народѣ — самое грубое невѣжество, суевѣрія. Святитель писалъ, что въ городахъ и селахъ простой народъ, храня слѣды языческаго празднованія „въ недѣлю св. Пятидесятницы празднуетъ языческій праздникъ нѣкоей березы, а въ день рождества св. Іоанна Предтечи — Купала и вечерницы, съ пѣсни скверными и чрезъ огнь скаканіями“. Приказывая духовенству увѣщевать народъ прекратить эти празднованія, святитель сдѣлалъ очень хорошее распоряженіе, чтобы священники всякое воскресеніе въ концѣ обѣдни учили народъ правильно креститься и съ голосу обучали молитвамъ: Трисвятое, молитвѣ Господней, Богородице Дѣво, Покаянному псалму и Символу вѣры, „начиная отъ малыхъ младенцевъ до престарѣлыхъ людей наизусть имъ сказуя, да за священникомъ приговариваютъ, донележе въ память имъ углубится“.

Очень практическій способъ для обученія безграмотныхъ

Заботы святителя о простомъ народѣ доходили до того, что онъ предписывалъ благочиннымъ смотрѣть—„исполняютъ ли шатающіеся цыганы христіанскій долгъ исповѣди и св. Причастія и крестятъ ли своихъ дѣтей“.

Требовательный къ духовенству, епископъ къ дѣйствительнымъ нуждамъ его относился съ чрезвычайною заботливостью и защищалъ его отъ произвола сильныхъ лицъ.

Управляющій имѣнія князя Юсупова самовольно выгналъ сельскаго причетника. Святитель приказалъ причетнику вер-

нуться на мѣсто, и угрожалъ управленію имѣнія запечатать иначе церковь, а владѣльцу въ Петербургъ написалъ настоятельное требованіе о вознагражденіи обиженнаго.

Онъ вообще не смотрѣлъ на лица, когда шло дѣло о достоинствѣ Церкви. Постоянно обличая нехраненіе высшими классами постовъ, онъ видѣлъ въ неурожаяхъ, бывшихъ въ то время въ Бѣлгородской епархіи—наказаніе Божіе за эту измѣну церковнымъ уставамъ, а духовенству напоминалъ, что оно дастъ отвѣтъ Богу за это нерадѣніе своихъ духовныхъ дѣтей.

Командиръ Украинской дивизіи графъ П. С. Салтыковъ въ великій постъ имѣлъ у себя мясной столъ.—Увидавшись съ графомъ, епископъ настоятельно просилъ его прекратить этотъ соблазнъ. Графъ на это рѣзко отвѣчалъ, что, хотя и живя въ Бѣлгородской епархіи, онъ не причисляетъ себя къ паствѣ преосвященнаго Іоасафа и не считаетъ себя обязаннымъ ему послушаніемъ. Но святитель продолжалъ убѣждать его и достигъ того, что Салтыковъ со слезами раскаялся.

Эта ревностная дѣятельность и исканіе всюду славы Божіей доставило не мало огорченій святителю. Его осуждали, оскорбляли, дѣлали на него постоянные доносы.

Милосердіе было одною изъ наиболѣе развитыхъ въ епископѣ Іоасафѣ добродѣтелей.

Всѣ доходы богатой каѳедры онъ раздавалъ бѣднымъ, имѣвшимъ къ нему всегда свободный доступъ. Всякій страдавшій былъ ему близокъ и дорогъ, и, насколько не щадилъ онъ тутъ себя, видно изъ слѣдующаго.

Въ Бѣлгородѣ содержался подъ карауломъ важный политическій преступникъ. Святитель посылалъ ему ежедневно кушанье со своего стола.

Объ этомъ узналъ губернаторъ и замѣтилъ епископу, что напрасно онъ заботится о врагѣ государства. Въ тѣ времена, когда такъ легко было быть заподозрѣннымъ въ политической неблагонадежности, святитель Іоасафъ не смутился предъ этими намеками и спокойно отвѣтилъ губернатору, что, если и онъ будетъ когда-нибудь заключенъ, и ему будетъ посылаться обѣдъ отъ архіерейскаго стола.

Раздраженный и смущенный губернаторъ попросилъ у него объясненія его словъ, и тогда святитель обличилъ его въ его многихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ и увѣщевалъ его исправиться. Губернаторъ, можетъ быть, искренно, а можетъ быть потому, что святитель угрожалъ ему довести до свѣдѣнія государыни о его злоупотребленіяхъ, (а государыня, какъ губернаторъ зналъ, уважала святителя): можетъ, и изъ этихъ человѣческихъ разсчетовъ губернаторъ обѣщалъ загладить свои несправедливости.

Слѣдующій случай въ чрезвычайно отрадномъ свѣтѣ рисуетъ отношеніе епископа къ бѣднымъ.

Предъ великими праздниками онъ посылалъ съ довѣреннымъ келейникомъ милостыню къ бѣднымъ: деньги и платье. Келейникъ долженъ былъ, сложивъ все у окна или порога дома, стукнуть въ стѣну, чтобы обратить вниманіе хозяевъ, и поскорѣе отойти.

Иногда случалось, что келейникъ былъ боленъ, и тогда святитель самъ, улучивъ такую минуту, когда привратника не было у воротъ, прокрадывался въ одеждѣ простолюдина на улицу и ходилъ по городу съ тайною милостынею. Однажды предъ Рождествомъ, когда онъ переодѣтый уже возвращался домой, привратникъ окликнулъ его у воротъ. Не желая быть узнаннымъ, онъ постарался проскользнуть молча; тотъ схватилъ епископа, сталъ допрашивать его: подвижникъ пытался вырваться, и получилъ нѣсколько сильныхъ ударовъ въ спину, такъ что еле-еле могъ доплестись до дома.

Объ этомъ всемъ узналъ лишь одинъ келейникъ его.

Вообще, точно предчувствуя, что вѣкъ его будетъ не дологъ, онъ спѣшилъ дѣлать добро, спѣшилъ наполнить жизнь свою подвигами.

Онъ постоянно помнилъ неизбѣжный часъ смерти и со слезами готовился къ нему. Во время принесенія безкровной жертвы онъ обыкновенно заливался слезами.

Келейникъ, приходившій къ нему съ докладомъ объ утреннихъ и вечернихъ богослуженіяхъ, заставалъ его всегда молящимся. При всякомъ боѣ часовъ, отбивавшемъ умчав-

шійся въ вѣчность часъ: святитель произносилъ молитву, молиться которою совѣтовалъ и другимъ. Она и называется доселѣ ежечасной молитвой святителя Іоасафа Бѣлгородскаго, и многіе ее творятъ. Вотъ слова этой молитвы:

„Буди благословенъ день и часъ, въ оньже Господь мой Іисусъ Христосъ мене ради родися, распятіе претерпѣ и смертію пострада. О, Господи Іисусе Христе Сыне Божій, въ часъ смерти моея пріими духъ раба Твоего въ странствіи сущa, молитвами Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ святыхъ Твоихъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь".

Можно думать, что епископъ заранѣе зналъ время своей кончины.

Въ послѣдній годъ жизни отъ отправился на родину и не разъ говорилъ, что уже не вернется въ Бѣлгородъ. Онъ приказалъ устроить при Троицкомъ соборѣ каменный склепъ и назначилъ окончить его къ осени (онъ скончался въ началѣ зимы).

Въ маѣ онъ отслужилъ въ соборѣ послѣднюю литургію и простился съ паствой, прося у всѣхъ простить его за невольныя его прегрѣшенія и разрѣшивъ всѣхъ, кто его обидѣлъ. Выѣзжая изъ города, онъ еще разъ повторилъ, что его больше не увидятъ.

Граждане провожали его до той горы, у подошвы которой стоитъ городъ. Выйдя изъ экипажа, онъ обернулся лицомъ къ городу и благословилъ его. На этомъ самомъ мѣстѣ чрезъ полгода встрѣчали его гробъ.

Старый отецъ епископа Іоасафа, Андрей Дмитріевичъ, въ то время раздѣлилъ свое имущество между сыновьями, и жилъ въ маленькой кельѣ, которую построилъ себѣ въ лѣсу, недалеко отъ Прилукъ. Къ семьѣ онъ пріѣзжалъ по большимъ праздникамъ, чтобъ вмѣстѣ съ нею бывать въ церкви. Ожидая сына, онъ тоже пріѣхалъ въ Прилуки.

Уважая санъ епископа, онъ хотѣлъ встрѣтить сына со знаками величайшаго уваженія, но не хотѣлъ унизить и отцовское свое достоинство. Когда подъѣхала карета, везшая Іоасафа, отецъ, подойдя къ ней, какъ-бы нечаянно уронилъ

свою трость на землю и, доставая ее, поклонился сыну въ ноги. Епископъ понялъ хитрость отца и, со слезами бросившись къ нему, самъ поднялъ трость.

Отецъ и сынъ долго говорили въ уединенной комнатѣ, гдѣ всегда останавливался отецъ, и не разъ Іоасафъ ходилъ въ его лѣсное уединеніе.

Въ это послѣднее свое свиданіе съ родными онъ еще разъ выказалъ свою безцѣнную ревность къ Церкви.

Въ одномъ изъ имѣній его родителей они устраивали домашнюю церковь, и придѣлъ этого храма, уже освященнаго, оставался недостроеннымъ и безъ крыши. Узнавъ объ этомъ, святитель строго замѣтилъ имъ, что они заботятся объ удобствахъ своего жилья, а о храмѣ не думаютъ, и вынудилъ у нихъ обѣщаніе поскорѣе достроить придѣлъ.

Въ другой разъ, войдя во время проскомидіи въ храмъ, куда просфоры доставлялись изъ дома его родителей, онъ замѣтилъ, что онѣ испечены хотя и изъ пшеничной, но не бѣлой, какъ слѣдуетъ, а темной муки. Онъ запретилъ священнику продолжать литургію и, взявъ съ собой просфору, показалъ ее матери и женѣ брата, строго порицая такое нерадѣніе.

Возвращаясь домой, онъ побывалъ въ Лубенскомъ монастырѣ. Уже въ предѣлахъ своей епархіи, въ селѣ (теперь уѣздный городъ Курской губ.) Грайворонѣ, онъ сильно заболѣлъ предсмертной болѣзнію своею, продолжавшеюся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Кромѣ келейниковъ, за нимъ ходили братъ его, бригадиръ Андрей Горленко, и сестра, бывшая замужемъ за полковникомъ Квиткою. Сестрѣ своей святитель разсказалъ за это время кое-что изъ своей жизни.

Своимъ келейникамъ онъ предрекъ всѣ ожидающія ихъ главныя обстоятельства ихъ жизни.

Онъ почилъ 10 декабря 1754 года, 49 лѣтъ отъ роду.

Въ часъ его смерти Исаія, игуменъ Хотмыжскаго монастыря, лежащаго недалеко отъ Грайворона, видѣлъ во снѣ, что онъ со святителемъ Іоасафомъ стоитъ въ Бѣлгородѣ у окна, и святитель, указывая ему на восходящее, ярко сіяющее.

солнце, сказалъ: „Какъ солнце сіе ясно, такъ свѣтло предсталъ я въ часъ сей престолу Божію“.

Игуменъ, проснувшись замѣтилъ время своего сна и послалъ немедля въ Грайворонъ, узнать о его здоровьѣ. Посланный вернулся съ отвѣтомъ, что святитель скончался въ тотъ самый часъ, который замѣтилъ игуменъ.

Родные святителя были немедленно извѣщены объ его кончинѣ. Вся семья отправилась къ старику-отцу, чтобы приготовить его къ этой вѣсти.

Но Андрей Дмитріевичъ, прежде чѣмъ они заговорили, сказалъ имъ: „Зналъ, что вы пришли ко мнѣ съ извѣстіемъ о смерти сына моего Іоасафа. Но я это узналъ прежде васъ. 10 декабря вечеромъ мнѣ былъ голосъ: сынъ твой, святитель, скончался“.

Въ волненіи старикъ замолчалъ, потомъ промолвилъ:

— Умеръ онъ, умерла съ нимъ и молитва.

И здѣсь вдругъ припомнилъ онъ таинственное явленіе Богоматери: какъ въ небѣ видѣлъ онъ Ее и предъ Нею молящагося сына, котораго ангелъ накрывалъ святительскою мантіею. Онъ тогда же забылъ это видѣніе и теперь, чрезъ сорокъ лѣтъ, съ чрезвычайною яркостью припомнилъ его и разсказалъ о немъ семьѣ.

Когда на той горѣ, съ которой въ августѣ Іоасафъ благословлялъ городъ — произошла встрѣча возвращавшагося къ нимъ во гробѣ епископа: вопли бѣдныхъ, которымъ онъ тайно помогалъ, заглушали церковное пѣніе.

Денегъ послѣ святителя осталось 70 или 80 копѣекъ мѣдью, и консисторія запрашивала Синодъ, на что хоронить его. Было предписано взять 300 рублей изъ запасныхъ суммъ архіерейскаго дома.

Тѣло святителя до половины февраля оставалось въ соборѣ открытымъ и непогребеннымъ въ ожиданіи архіерея для похоронъ.

Еще никто въ городѣ не зналъ, кто будетъ отпѣвать его, какъ святитель явился во снѣ тремъ лицамъ и сказалъ:

— Козловичъ очень медлитъ погребеніемъ.

Впослѣдствіи оказалось, что присланъ былъ переяславскій епископъ Іоаннъ Козловичъ, который былъ задержанъ разлитіемъ водъ.

Святитель погребенъ былъ въ устроенномъ, по его волѣ, склепѣ Троицкаго собора, теперь принадлежащаго Бѣлогородскому монастырю. По его завѣщанію, на средства его брата устроенъ былъ тамъ алтарь и служились заупокойныя по святителѣ обѣдни.

Прошло два года послѣ смерти его, и нѣсколько человѣкъ соборнаго причта, увѣренные въ праведности святителя, потихоньку открыли его гробъ. Хотя въ воздухѣ склепа было сыро, тѣло святителя, лицо, одежда, гробъ—все найдено было совершенно цѣлымъ безъ малѣйшихъ признаковъ тлѣнія. Лицо было вполнѣ сходно съ его портретами.

Быстро распространился о томъ слухъ, къ могилѣ стали сбираться больные и произошло много случаевъ исцѣленія.

Въ монастырѣ ведется запись продолжающихся и понынѣ знаменій у нетлѣннаго тѣла святителя Іоасафа Бѣлгородскаго, и время церковнаго прославленія его, быть можетъ, приближается.

Святитель Іоасафъ имѣлъ видъ постническій, немного суровый. У него были темносѣрые острые глаза, сѣдые волосы и еле замѣтная борода. Онъ изображается большею частью въ архіерейскомъ полномъ облаченіи, держащимъ въ одной рукѣ жезлъ. Другая рука благословляетъ или держитъ крестъ.

ГЛАВА VII.

Екатерина II. — Архіереи великороссы. — Отобраніе въ казну монастырскихъ имѣній. — Монастырскіе штаты. — Протесты.

Екатерина II, вступившая на престолъ послѣ кратковременнаго царствованія своего супруга, племянника и преемника императрицы Елисаветы Петровны, не отличалась особою набожностью. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ Вольтеромъ и другими модными руководителями тогдашней мысли, она

признавала въ религіи, главнымъ образомъ, политическое значеніе—именно родъ узды для народа. Лишенная искренняго религіознаго чувства, она въ то же время исполняла всѣ требованія наружнаго благочестія. Она не позволяла въ своемъ присутствіи говорить противъ религіи, восхищалась проповѣдями Платона, цѣловала у духовенства руки, шла иногда въ крестныхъ ходахъ, бывала у Троицы, настаивала на томъ, чтобъ присутствовать при положеніи въ новую раку мощей св. Димитрія Ростовскаго.

При императрицѣ Екатеринѣ утвердилось возвышеніе на іерархическіе ступени лицъ изъ великорусскихъ монаховъ, начавшееся еще при императрицѣ Елисаветѣ, тогда какъ раньше архіереевъ назначали преимущественно изъ малороссовъ. Малороссы, воспитанные преимущественно на латинскихъ богословахъ, невольно перенимали у нихъ нѣкоторыя клерикальныя воззрѣнія по отношенію къ Церкви и къ государству, и послѣ Ѳеофана Прокоповича не выставили ни одного пособника мірской власти. Между тѣмъ, московская академія и епархіальныя великорусскія семинаріи стали быстро совершенствоваться и, раньше руководимыя кіевскими монахами, теперь имѣли собственныхъ руководителей изъ своихъ же выучениковъ, людей свѣжихъ, живыхъ, даровитыхъ. Образовалось сословіе великорусскихъ просвѣщенныхъ монаховъ, которое, въ противовѣсъ кіевскимъ, императрица сочувственно поддерживала, выдвигая представителей его на іерархическіе посты. Первый изъ великороссовъ, еще при Елисаветѣ (говорятъ, что переданная выше продѣлка троицкаго архимандрита-малоросса, желавшаго оклеветать предъ императрицею великороссовъ, сильно повредила южнымъ монахамъ въ ея мнѣніи) выдвинулся Димитрій Сѣченовъ, достигшій важной митрополіи Новгородской.

Затѣмъ сталъ возвышаться Гедеонъ Криновскій. Родомъ изъ Казани, онъ провелъ первые годы самостоятельной дѣятельности, служа учителемъ казанской семинаріи и имѣлъ тамъ непріятности. Преданіе говоритъ, что ректоръ-малороссъ расправился съ нимъ весьма патріархально: несмотря

на его монашество, приказалъ высѣчь его розгами. Въ Москвѣ его пріютила московская академія. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе своими проповѣдями. Чрезъ И. И. Шувалова императрица Елисавета, любившая послушать хорошую проповѣдь, узнала о немъ; его пригласили разъ сказать проповѣдь при Дворѣ, и онъ сдѣлалъ это такъ успѣшно, что былъ назначенъ придворнымъ проповѣдникомъ. Это первый великорусскій проповѣдникъ. Чуждый риторичности кіевскихъ проповѣдниковъ, ихъ вычурности, манерности въ мысляхъ и въ слогѣ, ясный, простой, всѣмъ доступный, черпавшій доказательства не изъ силлогизмовъ, а изъ сердца слушателей, Гедеонъ пріятно поразилъ современное ему общество. Радостно было также слушателямъ слышать чисто русскую рѣчь тамъ, гдѣ раньше раздавался всегда сильный хохлацкій акцентъ. Гедеонъ, сверхъ всего, обладалъ прекрасною дикціею, и митрополитъ Платонъ отзывается, что „онъ столь пріятно и сладостно произносилъ слова свои, что слушатели бывали какъ бы внѣ себя и боялись, чтобъ онъ не пересталъ говорить“. Посвященный скоро въ архимандриты, сдѣланный членомъ Синода, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Троице-Сергіевой Лавры, продолжая жить по преимуществу въ Петербургѣ и сохраняя до кончины Елисаветы званіе придворнаго проповѣдника. Гедеонъ, испытавшій на себѣ тяжелую руку малороссовъ, не могъ, конечно, не относиться къ нимъ враждебно. Вознесенный мірскою властью, онъ былъ всецѣло ей преданъ, а велъ себя, какъ вельможа, что позволяло ему богатство лавры. Носилъ по модѣ того времени шелковые башмаки и чулки, на башмакахъ брилліантовыя пряжки въ 10,000 рублей; гардеробъ его съ шелковыми и бархатными рясами занималъ цѣлую комнату. О немъ говаривали: „Гедеонъ нажилъ мильонъ“.

По восшествіи своемъ на престолъ Екатерина велѣла посвятить Гедеона въ епископы Псковскіе, но держала его въ Петербургѣ.

Третьимъ виднымъ монахомъ-великороссомъ былъ Гавріилъ Петровъ. Родившись въ Москвѣ, онъ получилъ обра-

зованіе въ московской духовной академіи. Когда онъ кончилъ курсъ, начальство стало склонять его къ принятію монашества, но онъ рѣшительно отказался и, потерявъ мѣсто учителя, занялъ невидную должность корректора московской синодальной типографіи. Въ академіи освободилась каѳедра піитики, и св. Синодъ предложилъ Петрову занять ее, съ чѣмъ необходимо тогда было связано и постриженіе въ монашество. Петровъ опять отказался. Такое уклоненіе отъ иночества нельзя объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что грубый деспотизмъ малороссовъ-монаховъ очень уронилъ это званіе въ глазахъ даровитѣйшихъ студентовъ. Петровъ же имѣлъ ясно выраженныя аскетическія наклонности и только объ одномъ и думалъ, какъ бы больше находиться при церкви. Когда онъ окончилъ курсъ и былъ нѣкоторое время безъ должности, онъ думалъ занять просвирническое мѣсто, только чтобъ имѣть, какъ самъ говорилъ, „маленькій кусокъ хлѣба“ и служить при храмѣ. Но отъ монашества Петровъ не ушелъ. Великороссы Димитрій Сѣченовъ и Гедеонъ чрезвычайно дорожили всѣми талантливыми великороссами и тянули ихъ впередъ. Петровъ былъ для нихъ такая находка, которую они не желали легко выпустить изъ рукъ. Замѣтивъ Петрова въ синодальной типографіи, Гедеонъ сразу оцѣнилъ его и рѣшилъ въ себѣ, что онъ выведетъ его на дорогу. Онъ принудилъ его принять мѣсто въ академіи, ведшее за собой постриженіе. Но Петровъ не постригался. Послѣдовалъ указъ объ этомъ Синода, Петровъ не постригался. Гедеонъ въ Синодѣ настаивалъ на своемъ требованіи, и послѣдовалъ вторичный указъ, причемъ было прибавлено, что „уже отговоркамъ внимать не будутъ“ и чтобы Петровъ немедленно ѣхалъ въ Петербургъ къ Гедеону для постриженія. Въ 1759 году, 29 лѣтъ отъ роду, Петровъ постриженъ Гедеономъ съ наименованіемъ Гавріиломъ. Сѣченовъ и Криновскій стали такъ быстро возвышать его, что черезъ два мѣсяца онъ былъ ректоромъ семинаріи и лавры намѣстникомъ.

Три года онъ усиленно работалъ и по семинаріи и надъ

Платонъ, митрополитъ московскій.

громаднымъ хозяйствомъ лавры, еле успѣвая принять разъ въ день пищу, состоящую изъ кашицы съ сухарями. Чрезъ 3 года Гавріилъ сдѣланъ ректоромъ академіи и настоятелемъ Заиконоспасскаго монастыря. По смерти Гедеона, поведшей за собою перемѣщеніе архіереевъ, онъ былъ назначенъ на Тверскую епископскую каѳедру, на 33 году возраста, а въ Петербургѣ ему поручали важныя дѣла.

Разъ императрица Екатерина шла съ нимъ рядомъ въ крестномъ ходу и все время бесѣдовала, и потомъ отозвалась, что онъ, „мужъ острый и резонабельный“. Она посвятила ему, въ видѣ особаго къ нему уваженія, свой переводъ книги Мармонтеля Велизарій, причемъ въ посвященіи значилось: „Мы увѣрены, что сіе сочиненіе вашему преосвященству понравится, потому что вы мыслями, какъ и добродѣтелію, съ Велизаріемъ сходны“.

Покровители Гавріила выдвинули и другое духовное свѣтило — Платона Левшина, тоже великоросса и тоже воспитанника московской академіи. Платонъ рано прославился въ Москвѣ своею проповѣдническою дѣятельностью, которая началась въ академіи бесѣдами съ народомъ по катихизису, происходившими обыкновенно предъ обѣдней.

При необыкновенно выгодной наружности, обладая сердечнымъ жаромъ и краснорѣчіемъ въ высшей мѣрѣ, Платонъ проповѣдывалъ съ увлеченіемъ юноши, съ ревностью мужа, съ силою и умиленіемъ. Его бесѣды возбудили въ Москвѣ общій энтузіазмъ; и его стали называть то „московскій апостолъ“, то „второй Златоустъ“. Нѣкоторые приводили, когда онъ проповѣдывалъ, къ каѳедрѣ его своихъ дѣтей, чтобъ они среди воспоминаній дѣтства имѣли это свѣтлое явленіе; многіе искали знакомства его; солнце славы его подымалось въ полномъ блескѣ. Малороссы завидовали ему, и одинъ изъ нихъ, Амвросій Зертисъ-Каменскій, епископъ Переяславскій, членъ московской синодальной конторы, желая погубить его, сыскалъ въ его тетрадяхъ что-то, будто бы, предосудительное и предложилъ высѣчь его и выгнать изъ академіи. Къ счастью, ректоръ академіи нарядилъ слѣдствіе, и поученія Платона

были признаны православными и безупречными. Молва же объ этомъ прошла по всей Москвѣ и усилила любовь къ Платону москвичей. Узналъ объ этомъ и Гедеонъ Криновскій, искавшій людей способныхъ, и пригласилъ его учителемъ риторики въ свою троицкую семинарію; затѣмъ было предписано постричь Левшина въ монашество съ именемъ Платона. Пріѣхавъ въ лавру на праздникъ преп. Сергія, Гедеонъ познакомился съ Платономъ, который сдѣлался его любимцемъ. Чтобъ доставить ему случай къ извѣстности, Гедеонъ часто вызывалъ къ себѣ Платона въ Петербургъ. Платонъ считалъ Гедеона „великимъ себѣ благодѣтелемъ, первымъ по родителяхъ своихъ“.

Разсказываютъ, что Платонъ, поправившись въ средствахъ вслѣдствіе щедрости Гедеона, могъ дѣлать богатые подарки роднымъ. Пріѣхала какъ-то въ лавру его мать, которую онъ очень любилъ и которая еле-еле согласилась отпустить его въ Москву, такъ какъ все собиралась его женить. Радушно угостилъ ее теперь сынъ, подарилъ сто рублей и шелковой матеріи на платье.

— Довольна-ли ты матушка,—спросилъ онъ ее, моими подарками?

— Да что ты?—Какъ не быть довольной? У меня этого и въ жизнь никогда не бывало.

— Какъ-же ты не благословляла меня идти въ монахи?

— Да вѣдь я не знала, что ты будешь меня такъ дарить, отвѣчала простодушная старушка.

Платонъ впослѣдствіи на вершинѣ всѣхъ почестей и славы своей вспоминалъ объ этомъ 5-ти-лѣтнемъ учительствѣ своемъ, какъ о счастливѣйшемъ времени жизни.

Живя въ лаврѣ, Платонъ сблизился съ Гавріиломъ, бывшимъ тамъ намѣстникомъ и его начальникомъ по семинаріи. Оба эти лица, которымъ суждено было занять самыя выдающіяся мѣста въ іерархіи (каѳедры Новгородско-Петербургскую и Московскую) и связанныя между собою искреннимъ довѣріемъ, сильно различались характеромъ.

Гавріилъ—сдержанный, молчаливый, серьезный, мѣрный,

суровый къ себѣ и требовательный къ другимъ, осторожный, врагъ всякой пышности и блеска, любившій простоту съ нѣкоторою, однако, важностью. Платонъ живой, легко воспламеняющійся, впечатлительный, говорливый-весельчакъ, скорый въ гнѣвѣ и милости, и необыкновенно симпатичный. Онъ обворожалъ всѣхъ, съ нимъ встрѣчавшихся, своимъ открытымъ, прекраснымъ лицомъ, живою рѣчью, лившеюся потокомъ, сверкавшею остроуміемъ, полною глубокаго знанія, множествомъ разнообразныхъ свѣдѣній. Онъ любилъ блескъ, эффектъ, поддавался порывамъ, о которыхъ самъ же потомъ жалѣлъ: его языкъ доставлялъ ему много непріятностей.

Какъ-то разъ, когда оба уже были митрополитами, они вмѣстѣ возвращались отъ дворцоваго обѣда, и Гавріилъ замѣтилъ Платону, что онъ слишкомъ много и откровенно говорилъ за столомъ. На это Платонъ отвѣчалъ: „Меня всѣ разумѣютъ говоруномъ и не сердятся; а васъ, напротивъ, всѣ разумѣютъ за скромнаго. И, когда вы выпустите лишнее слово, поймаютъ васъ на бѣду“.

Хлопоты Гедеона сдѣлать Платона извѣстнымъ въ Петербургѣ, увѣнчались успѣхомъ. Разумовскій сблизился съ нимъ, какъ съ любителемъ и знатокомъ церковной музыки, обладавшимъ притомъ прекраснымъ голосомъ; и они вмѣстѣ пѣвали. Иванъ Шуваловъ былъ восхищенъ его образованіемъ и способностями и хотѣлъ отправить его на свой счетъ для пополненія образованія за границу, но Гедеонъ, дорожа обществомъ Платона, уговорилъ Шувалова оставить свое намѣреніе. Когда Гавріила перевели ректоромъ въ академію, Платона назначили на его мѣсто. Посвященіе Гедеона въ епископы Псковскіе очень огорчило Платона. Безъ своего начальника и покровителя онъ чувствовалъ себя сиротливо.

Пріѣхавъ въ лавру, императрица замѣтила молодого (ему было всего 25 лѣтъ) ректора и спросила его, зачѣмъ онъ пошелъ въ монахи.

— По особой любви къ просвѣщенію,— отвѣтилъ Платонъ.

— Но развѣ нельзя въ міру пещись о просвѣщеніи своемъ? — возразила императрица.

— Можно, но не столь удобно, имѣя жену, дѣтей и окруженному суетою мірской.

Вскорѣ Платонъ былъ назначенъ законоучителемъ цесаревича Павла Петровича. Платону, съ его откровеннымъ характеромъ, было нелегко при дворѣ, въ его щекотливой должности.

При дворѣ господствовали либеральныя понятія, въ чести былъ Вольтеръ и энциклопедисты, и нужно было утверждать высокаго ученика въ православіи, избѣгая того, что называлось въ той средѣ „фанатизмомъ, суевѣріемъ, клерикальными понятіями“.

Великій князь Павелъ отъ дѣтства до конца дней своихъ отличался набожностью. Но онъ былъ пылокъ, разсѣянъ, надо было давать ему ученіе въ легкой занимательной формѣ, превращая преподаваніе въ интересную бесѣду; кромѣ того, надо было парализовать вліяніе окружающихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были легкомысленные люди, безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ.

При дворѣ Платонъ прославился тѣмъ же, что положило начало его извѣстности въ Москвѣ—проповѣдями. Императрица говорила разъ ему: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ. Хочетъ онъ, чтобы мы плакали—и мы плачемъ“. Но и тутъ, какъ по должности законоучителя, Платону, желавшему громить пороки, приходилось быть въ высшей степени осторожнымъ. Разъ сказалъ онъ блестящее слово о милосердіи, въ которомъ сильно возставалъ противъ богатыхъ, знатныхъ людей, охотно тратящихся на суетный блескъ и оставляющихъ безъ помощи бѣдныхъ. Императрицѣ, повидимому, слово не особенно понравилось своимъ направленіемъ, и она сказала окружающимъ:

— *О. Платонъ сегодня былъ сердитъ.* Однако очень хорошо сказывалъ. Удивительный даръ слова имѣетъ.

На это кто-то изъ справедливыхъ вельможъ замѣтилъ: „Проповѣдникъ при Дворѣ всегда покажется сердитымъ, когда будетъ прямо говорить истину“.

Тамъ, гдѣ требовалось торжественное слово, гдѣ самый

поводъ представлялся величественнымъ, какъ какое-нибудь славное политическое событіе, побѣды, которыми гремитъ царствованіе Екатерины: тамъ Платонъ со своимъ искреннимъ пылкимъ патріотизмомъ и съ великолѣпнымъ словомъ, которое этотъ патріотизмъ ему внушалъ, былъ незамѣнимъ. Тогда художники, поэты славили подвиги русскаго оружія, по всей Руси послѣ побѣды надъ турками, побѣдъ, дѣйствительно, сказочныхъ и доставившихъ величайшую усладу русскому сердцу, пѣлся торжественный гимнъ:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россъ,
Славой сердце наполняйся:
Магомета ты потресъ.

И этому ликованію, столь понятному, этому торжеству русскаго имени, всего 20 лѣтъ назадъ бывшему въ загонѣ въ самой Россіи, откликался дивными откликами и Платонъ. Особенно замѣчательно по силѣ и по обстановкѣ, въ которой было произнесено, его слово послѣ морской нашей побѣды при Чесмѣ, когда былъ совершенно истребленъ весь непріятельскій флотъ.

Эта побѣда, одна изъ славнѣйшихъ, какія знаетъ вся міровая исторія, произвела потрясающее впечатлѣніе на русскія сердца. Можно себѣ поэтому представить, что переживали слушатели Платона, среди которыхъ были отцы, матери, родные, друзья Чесменскихъ героевъ, когда онъ произносилъ свое слово, которое и сейчасъ, черезъ полтора почти вѣка нельзя читать безъ волненія всякому, неравнодушному къ судьбамъ Россіи.

Въ Петропавловскомъ соборѣ была совершена торжественная панихида у гроба основателя русскихъ морскихъ силъ, Петра Великаго, и Екатерина сама возложила на гробницу одинъ изъ трофеевъ побѣды, отбитый у турокъ флагъ, произнося при этомъ: „Твоя отъ твоихъ тебѣ приношу“. Уже это одно должно было воспламенить присутствующихъ. Но вотъ, Платонъ сталъ сказывать свое слово, въ которомъ восхвалялъ государственную дѣятельность Петра. И во время рѣчи онъ вдругъ сошелъ съ каѳедры, приблизился къ гроб-

ницѣ и какъ бы въ лицо почившему императору воскликнулъ: „Возстань теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое... Возстань и насладися плодами трудовъ твоихъ! Флотъ, тобою устроенный, уже не въ морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверномъ, но гдѣ? Онъ на морѣ Средиземномъ, въ странахъ восточныхъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ Константинопольскихъ, въ тѣхъ то-есть мѣстахъ, куда ты нерѣдко око свое обращалъ и гордую намѣревалъ смирить Порту. О, какъ бы твое, великій Петръ сердце возрадовалось, если бы... Но слыши:— мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ; слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ, близъ береговъ азіатскихъ оттоманскій флотъ до конца истребилъ“. . . . . .

. . . . . .

Впечатлѣніе получилось громадное... Императрица, посылая эту рѣчь во французскомъ переводѣ Вольтеру, справедливо замѣчала: „Сія рѣчь, обращенная къ основателю Петербурга и нашихъ флотовъ, есть, по мнѣнію моему, знаменитѣйшій на свѣтѣ памятникъ. Я думаю, что никогда и не одинъ ораторъ не имѣлъ столь счастливаго предмета къ основанію своего слова“.

Живя при Дворѣ, Платонъ, конечно, сталъ осторожнѣе, менѣе откровеннымъ, чѣмъ прежде. Вращаясь въ кругу знаменитостей того времени, онъ окончательно пополнилъ свое образованіе; при Дворѣ невозможно было обойтись безъ французскаго языка, и онъ выучился по французски. Ученые иностранцы, бывавшіе при Дворѣ, заходили къ Платону и оставались очарованы его умомъ.

Но Платонъ и при Дворѣ хранилъ строгость монашеской жизни. вѣрность православію и обличалъ въ проповѣдяхъ атеистическія теоріи модныхъ философовъ своего вѣка. Извѣстно краткое, но характерное его объясненіе со знаменитымъ энциклопедистомъ Дидро, пріѣхавшимъ въ Петербургъ. Дидро повелъ такую бесѣду съ Платономъ:

— Знаете-ли, отецъ святой: философъ Дидро говоритъ, — что нѣтъ Бога.

— Это еще и прежде него сказано, — спокойно замѣтилъ Платонъ.

— Когда и кѣмъ?

— Давидъ сказалъ: „Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“. А вы то же говорите устами.

Говорятъ, что Дидро, опѣшивъ предъ находчивостью Платона, и не умѣя возразить дальше,—бросился ему на шею.

Разставаясь съ личностью Платона, приведемъ въ заключеніе разсказъ о немъ московскаго старожила Снегирева, въ которомъ рисуется все глубокое впечатлѣніе, произведенное на московскую паству митрополитомъ Платономъ.

Одинъ изъ видныхъ по положенію москвичей пришелъ какъ-то въ Успенскій соборъ, гдѣ Платонъ сказывалъ свое слово. За тѣснотою онъ не могъ войти въ соборъ и остановился у дверей. Около него стоялъ плачущій мужикъ. Баринъ спросилъ его,— отчего онъ плачетъ.

— Какъ мнѣ не плакать? Вѣрно, владыка говоритъ что-нибудь душеспасительное!..

Таково было представленіе и предощущеніе народа. Такъ увѣковѣчилось въ народѣ имя Платона, сроднившагося съ нимъ душею и сердцемъ, потому что онъ былъ русскій сердечный человѣкъ. Всякое слово, исходившее изъ устъ его, проникало въ душу народа, который ему вѣрилъ.

Служеніе Платона было великолѣпно, что тоже такъ любезно народу. Въ большіе праздники онъ ѣзжалъ въ золотой каретѣ, запряженной шестеркой бѣлыхъ коней въ шорахъ. Предъ нимъ шли скороходы, ѣхали верховые. Около кареты бѣжалъ народъ, чтобъ поглядѣть на Платона. Такъ пріѣхалъ онъ разъ къ извѣстной Дашковой, президенту академіи наукъ, которая спросила его: „Преосвященный, васъ возятъ шесть коней, а Христосъ всегда ходилъ пѣшкомъ“.

— Такъ, — отвѣчалъ ей Платонъ: „Христосъ ходилъ пѣшкомъ, и за нимъ овцы слѣдовали. А я овецъ своихъ не догоню и на шестеркѣ“.

Вотъ, и другой случай его остроумія. Въ Чудовѣ монастырѣ была при входѣ картина страшнаго суда. Платонъ шелъ

въ Чудовъ, когда одна графиня, ему извѣстная и разсматривавшая картину,— обратилась къ нему за благословеніемъ. Онъ спросилъ: —Что она разсматриваетъ? картину?

— Смотрю,— отвѣчала эта язвительная женщина легкаго поведенія,— какъ архіереи идутъ въ адъ.

— А вотъ.— сказалъ ей Платонъ, указывая на адскія мученія вольной женщины: Поглядите-ка на это!

Множество народа всѣхъ сословій собиралось тамъ, гдѣ служилъ Платонъ. Если полиція не допускала въ церковь простолюдиновъ, Платонъ кричалъ: „Что вы, волки, разгоняете моихъ овецъ“.

Московскій народъ любилъ служеніе и проповѣдываніе Платона и услаждался ими. Изъ Сибири купцы и заводчики пріѣзжали нарочно видѣть и слышать Платона. Это служеніе Снегиревъ видѣлъ въ своей юности и такъ описываетъ его: „Представьте себѣ старца, еще бодраго подъ сѣдинами, у котораго старость не изгладила еще слѣдовъ рѣдкаго благообразія въ лицѣ оживленномъ и, такъ сказать, одухотворенномъ, сіяющемъ. Со слезами умиленія сердечнаго, въ моленіи онъ воздвигаетъ руки къ небу, съ амвона осѣняетъ предстоящихъ дикиріями и трикиріями, проповѣдуетъ истины Евангельскія. Въ чтеніи и пѣніи голосъ сладостно-звучный, стройный, послушный теченію его мыслей и движенію его сердца. Вѣра и убѣжденіе говорили его устами. Слова его были такъ осмыслены умомъ, такъ оживлены вѣрою, что проникали сердца слушателей. Къ нему можно было по справедливости примѣнить изреченіе св. апостола: „Вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ“.

Не такова казалась печатная его проповѣдь при холодномъ произношеніи малограмотнаго человѣка.

Однажды при обозрѣніи епархіи Платонъ заѣхалъ въ одну сельскую церковь, гдѣ священникъ, полагая сдѣлать ему пріятное, вздумалъ прочесть проповѣдь Платона. Дурно понимая, онъ такъ плохо читалъ ее, что трудно было добраться до ея смысла. По окончаніи проповѣди митрополитъ спросилъ:

— Какой это дуракъ писалъ?

— Ваше преосвященство,— былъ отвѣтъ простодушнаго священника.

Послѣдніе годы жизни митрополитъ Платонъ провелъ въ уединеніи, въ устроенномъ имъ въ живописной, въ 3 верстахъ отъ Троице-Сергіевой лавры, мѣстности, Виѳанскомъ монастырѣ. Тамъ завелъ онъ училище, къ которому относился заботливо, какъ нѣкогда святитель Димитрій Ростовскій къ своей Ростовской школѣ. Но онъ былъ счастливѣе его: школа его осталась существовать въ видѣ Виѳанской семинаріи, свято чтущей память своего основателя и празднующей свой актъ въ день ангела покойнаго митрополита.

При нашествіи Наполеона Платонъ написалъ письмо Императору Александру I, четвертому монарху, при которомъ онъ служилъ. Въ немъ онъ предсказывалъ гибель Наполеона и торжество Россіи, и посылалъ ему при этомъ въ помощь икону преп. Сергія, писанную на гробовой доскѣ угодника, котораго онъ называлъ въ письмѣ „древнимъ ревнителемъ о благѣ нашего отечества“.

Письмо это распространилось въ спискахъ по всему образованному русскому обществу, вызывая общее сочувствіе.

Платонъ предъ оставленіемъ Москвы прибылъ въ столицу для ободренія жителей. Вернувшись въ уединеніе, онъ предсказалъ,— что преп. Сергій не допуститъ врага до своей лавры, хотя непріятель зналъ о несмѣтныхъ сокровищахъ и жаждалъ ограбить ее.

Богъ привелъ слабѣющаго старца дожить до отрадной вѣсти о бѣгствѣ Наполеона и его полчищъ изъ Москвы. Платонъ говорилъ со слезами: „Слава Богу, Москва свободна, и я умру спокойно“. Дѣйствительно, онъ скончался 11 ноября 1812 года.

Значеніе его въ томъ, что онъ высоко поставилъ знамя архипастырскаго сана и вызвалъ общее уваженіе къ своей личности; вмѣстѣ съ митрополитомъ Гавріиломъ петербургскимъ, они способствовали возвышенію архіерейскаго достоинства, столь низко стоявшаго при Ѳеофанахъ и Биронахъ.

Онъ былъ, можно сказать, предвозвѣстникомъ того пышнаго расцвѣта іерархіи, какой она узнала въ лицѣ одного изъ преемниковъ Платона по московской каѳедрѣ и одного изъ величайшихъ мужей вселенской Церкви, великаго московскаго митрополита Филарета.

Не смотря на занявшуюся и разгорѣвшуюся при Екатеринѣ зарю такихъ свѣтилъ церковныхъ, какими были Гавріилъ и Платонъ, положеніе Церкви при этой императрицѣ было далеко не столь благопріятно, какъ при Елисаветѣ. Въ теченіи 10 лѣтъ (1763—1774 гг.) два синодскихъ оберъ-прокурора высказывали въ высшей степени странное отношеніе къ православію. Первый изъ нихъ, Мелиссино, предложилъ Св. Синоду снабдить синодальнаго депутата въ комиссію для составленія уложенія такими предложеніями реформъ церковной жизни: объ ослабленіи и сокращеніи постовъ, которые, за тяжестью ихъ „рѣдко кто прямо содержитъ“, объ уничтоженіи суевѣрій касательно иконъ и мощей, о запрещеніи носить образа по домамъ, о сокращеніи церковныхъ службъ, для „избѣжанія въ молитвѣ языческаго многоглаголанія“, отмѣнѣ составленныхъ въ позднѣйшія времена стихиръ, каноновъ, тропарей, о назначеніи вмѣсто вечеренъ и всенощныхъ краткихъ моленій съ поученіями народу, о прекращеніи содержанія монахамъ, о дозволеніи выбирать изъ священниковъ епископовъ безъ постриженія въ монашество, и о разрѣшеніи епископамъ проводить брачную жизнь, о разрѣшеніи духовенству носить „пристойнѣйшее“ (?!) платье, объ отмѣнѣ поминовенія умершихъ, будто бы дающаго простымъ людямъ лишній поводъ къ вѣрѣ въ мытарства, а попамъ къ вымогательству, и дозволеніи браковъ свыше трехъ, о запрещеніи причащать младенцевъ до 10 лѣтъ, пока не научатся вѣрѣ.

Св. Синодъ отклонилъ эти предложенія и составилъ свой собственный наказъ.

Другого оберъ-прокурора, бригадира Чебышева, описываетъ Фонвизинъ: онъ былъ совершенно невѣрующій человѣкъ и, служа оберъ-прокуроромъ, рѣшался открыто, напри-

мѣръ, предъ публикою въ Гостинномъ дворѣ, заявлять о своемъ невѣріи въ бытіе Божіе; въ присутствіи членовъ Синода говорилъ „гнилыя слова“, и, пользуясь своею властью, задерживалъ изданіе сочиненій, направленныхъ противъ распространяемаго тогда модными писателями невѣрія.

Но самыми грустными проявленіями церковной политики Екатерины было отобраніе въ казну монастырскихъ имѣній и введеніе монастырскихъ штатовъ.

Недолго спустя по восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина учредила коммиссію изъ 2 духовныхъ и 5 свѣтскихъ лицъ для разсужденія о содержаніи духовенства. Коммиссія, дѣйствовавшая согласно видамъ императрицы, представила докладъ объ изъятіи церковныхъ имуществъ изъ духовнаго вѣдомства съ порученіемъ ихъ коммиссіи Экономіи и о штатахъ денежнаго жалованья духовенству. Указомъ 1764 г. императрица повелѣла привести докладъ въ исполненіе: епархіи и монастыри лишились принадлежавшей имъ собственности.

Въ это время за Сергіевскою Лаврою и приписными къ ней монастырями состояло 150,961 душа крестьянъ; за монастырями Новгородской епархіи 21.282; 51,857 за новгородскимъ архіерейскимъ домомъ; за ростовскими монастырями 38.389 и за митрополичьимъ домомъ 21,282; за вологодскими монастырями и каѳедрою 47,568; за вятскими—42,012; за тверскими—около 30 тысячъ, вообще за всѣми великорусскими каѳедрами и монастырями по ревизіи числилось 910 тысячъ душъ.

Жалованья же духовенству положено было 365 тысячъ въ годъ: на петербургскую, московскую и новгородскую каѳедры съ соборами 39 тысячъ, на 8 второклассныхъ каѳедръ — 5 тысячъ (епископу лично 2,600), на 15 третьеклассныхъ — по 4,332 р. (лично епископу 1.800 р.), на 22 некаѳедральныхъ собора—2,530 р., на Сергіеву Лавру и всѣ мужскіе монастыри — 174,000 р.

Страшный ударъ введеніемъ штатовъ былъ нанесенъ монастырямъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ, не имѣя, чѣмъ содержаться, должна была закрыться.

До введенія штатовъ было въ Великороссіи 732 монастыря мужскихъ и 222 женскихъ. Штатами же положены 161 монастырь мужской и 39 женскихъ. Изъ 954 раньше существовавшихъ монастырей почеркомъ пера было осуждено на уничтоженіе 754, осталось двѣсти, лишь пятая часть русскихъ монастырей! Тогда же запрещено безъ разрѣшенія императрицы открывать новые монастыри.

Теперь, въ отдаленіи полутораста почти лѣтъ, можно спокойно обсудить эту мѣру.

Она дала государству по 3 милліона въ годъ дохода, но громадная часть монастырскихъ имѣній роздана Екатериною въ даръ своимъ фаворитамъ, такъ что въ концѣ концовъ государство получило отъ отобранія ихъ недолгую пользу. Было обѣщано при отобраніи имѣній обезпечить духовныя школы и духовенство, но это обѣщаніе забыто.

Между тѣмъ съ нравственной точки зрѣнія эта смѣлая мѣра не выдерживаетъ критики.

Здѣсь было нарушено право собственности и воля тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, изъ пожертвованій которыхъ сложились церковныя имущества. Всѣ эти имѣнія были оставляемы большею частью по духовнымъ, на поминъ души въ излюбленномъ жертвователемъ монастырѣ; и эта послѣдняя воля умирающихъ не подлежала никакому измѣненію. Между тѣмъ не только эти усердныя жертвы *церкви* были отобраны для цѣлей *міра,* но и самый поминъ души не могъ болѣе продолжаться, за упраздненіемъ самихъ обителей.

Правда, что роскошество иныхъ монаховъ, въ примѣръ котораго былъ приведенъ быть троицкихъ иноковъ, требовало пресѣченія. Правительство могло чрезъ архіереевъ обуздать эту роскошь и на излишнія отъ расходовъ скромнаго содержанія деньги требовать заведенія благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Но давать этимъ *частнымъ* пожертвованіямъ совершенно иное назначеніе, въ нарушеніе воли завѣщателей, оно не могло, не сходя съ пути справедливости.

Люди разныхъ взглядовъ и положенія одинаково сходятся въ осужденіи этой мѣры.

Мы видѣли, какъ св. Димитрій Ростовскій, человѣкъ аскетической жизни и не имѣвшій личнаго интереса къ сохранности церковныхъ имѣній, возставалъ противъ присвоенія ихъ себѣ государствомъ.

Изумительно, что Пушкинъ въ ранней молодости, 22 лѣтъ, проживая въ Кишиневѣ, высказалъ разъ письменно мнѣніе, что отобраніе церковныхъ имѣній нанесло сильный ударъ просвѣщенію народа въ Россіи (Рус. Архивъ, 1866 г., ст. 1141).

До сихъ поръ нельзя безъ чувства величайшей скорби вспомнить объ уничтоженіи $^4/_5$ *русскихъ монастырей!*

Запустѣли мѣста, освященныя подвигами и благодатью святыхъ, ознаменованныя стремленіемъ къ нимъ усердія народнаго. И, если немногія изъ этихъ обителей потомъ были возстановлены, то большая ихъ часть запустѣла навсегда. И много есть, напримѣръ, въ Вологодскомъ краѣ, этой „русской Ѳиваидѣ“, мѣстъ, гдѣ въ бѣдной приходской церкви, даже иногда безприходной, покоятся мощи великаго угодника, создавшаго обитель, которая на просвѣщеніе и утѣшеніе народа стояла вѣка и упразднена въ злосчастный 1764 г.

Если больно вспомнить о томъ, что же пережили ревностные къ вѣрѣ современники!

Самый рѣзкій протестъ выразилъ митрополитъ Ростовскій Арсеній, уже раньше заявившій себя горячимъ и безстрашнымъ ревнителемъ церковныхъ правъ.

Ознакомимся съ этою интересною и типичною личностью.

Митрополитъ Арсеній Маціевичъ произвелъ чрезвычайно глубокое впечатлѣніе на своихъ современниковъ.

То уваженіе, которое невольно вызывало въ себѣ его прямая до рѣзкости личность, безстрашно всегда защищавшая то, что онъ считалъ за правду—это уваженіе было усилено состраданіемъ, какое вызвано было его безпримѣрнымъ несчастіемъ.

Конечно, въ характерѣ Арсенія были черты, которыя способствовали его паденію. Но теперь, въ отдаленіи полутора вѣковъ, не трудно видѣть, что и въ основѣ даже тѣхъ сторонъ его характера, которыя вызвали къ нему ненависть

нѣкоторыхъ властныхъ его современниковъ—лежитъ благородство, страстная преданность Церкви, служенію которой онъ себя посвятилъ, его архіерейская совѣсть.

Народъ, чуткій въ различеніи людей, въ особенности же Божьихъ людей, призналъ его великимъ страдальцемъ.

Нѣкоторыя событія того періода его жизни, когда онъ является предъ нами уже не властнымъ и крутымъ митрополитомъ, а въ ореолѣ своего страданія — носятъ на себѣ отпечатки не только чрезвычайности, но и, прямо, чудесности.

А та сила воли, съ какою онъ перенесъ свой тяжкій крестъ, та тяжелая и поучительная драма души, которая изъ самолюбиваго и властолюбиваго человѣка выработала терпѣливаго узника, начертавшаго въ стѣнѣ своего каменнаго гроба безсмертныя слова: „Благо, яко смирилъ мя еси, Господи!“— даютъ ему мѣсто не только среди замѣчательныхъ, но и среди наиболѣе праведныхъ людей своего времени.

Митрополитъ Арсеній происходилъ изъ Польской шляхты, образованіе получилъ въ Кіевской академіи.

Постриженный въ монахи, онъ вскорѣ былъ рукоположенъ въ священническій санъ и назначенъ при московскомъ синодальномъ домѣ экзаменаторомъ ставленниковъ. Онъ долженъ былъ испытывать лицъ, которымъ предстояло посвященіе въ священники или діаконы, въ знаніи ими всего нужнаго для этого сана. Живого, пылкаго характера, твердый и настойчивый, онъ выказалъ въ этой должности большую строгость.

Въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка была снаряжена камчатская экспедиція къ рѣкѣ Оби для провѣрки и расширенія открытій, сдѣланныхъ Берингомъ. Предъ отправленіемъ ея Арсеній по какимъ-то дѣламъ пріѣхалъ въ Архангельскъ. Архіепископъ Германъ какъ разъ отыскивалъ надежнаго іеромонаха, который бы отправился въ числѣ членовъ экспедиціи для совершенія службъ, и предложилъ ѣхать Арсенію. Арсеній согласился.

До отплытія онъ жилъ въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ были заключены многіе раскольники-безпоповцы. Даже игу-

Арсеній Маціевичъ.

менъ монастыря Іоасафъ и нѣкоторые иноки ложно мыслили о прекращеніи на землѣ Церкви Христовой. Арсеній долго убѣждалъ ихъ и, наконецъ, написалъ Іоасафу увѣщаніе.

Экспедиція не выполнила назначеннаго ей дѣла; члены были отданы подъ судъ. Пришлось и Арсенію быть заключеннымъ въ Пустозерскомъ острогѣ. Нѣсколько разъ его возили для допроса взадъ и впередъ въ Петербургъ. Наконецъ, онъ былъ назначенъ экзаменаторомъ ставленниковъ въ Петербургѣ, а потомъ—законоучителемъ гимназистовъ въ С.-Петербургской академіи наукъ; — все въ виду того, что Адмиралтейство требовало, чтобы онъ до окончанія слѣдствія не отлучался изъ Петербурга. Съ окончаніемъ дѣла, кончилось пребываніе Арсенія въ Петербургѣ.

Онъ былъ прямо назначенъ митрополитомъ въ Тобольскъ, и черезъ годъ, по своей просьбѣ, переведенъ на древнюю Ростовскую митрополію, гдѣ архіереи носили титулъ „Ростовскихъ и Ярославскихъ“.

Онъ участвовалъ въ коронованіи на царство императрицы Елисаветы Петровны, былъ сдѣланъ членомъ Св. Синода.

Въ царствованіе этой Государыни, бывшей искренно набожною и искренне преданною Церкви, жизнь митрополита Арсенія шла мирно, хоть иногда и прорывались въ его дѣятельности поступки, которые могли повлечь за собою крупныя непріятности.

Такъ, назначенный членомъ Св. Синода, онъ не являлся въ Синодъ для принесенія установленной присяги, находя несогласными съ требованіями своей совѣсти слѣдующія входящія въ нее слова: „Исповѣдаю же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самую Всероссійскую Монархиню, Государыню нашу“.

Митрополитъ указывалъ, что выраженіе это неправильно, такъ какъ единственный крайній судія и глава Церкви есть Христосъ. Онъ заявилъ Синоду, что „подалъ Императрицѣ письменное справедливое, по христіанской совѣсти, донесеніе, къ которому ничего прибавить не можетъ“. Въ немъ онъ пояснялъ, почему не можетъ принять присяги.

Синодъ представилъ обо всемъ докладъ Императрицѣ. Но дѣло окончилось безъ дурныхъ послѣдствій, и Арсеній уѣхалъ изъ Москвы въ Ростовъ.

Въ 1744 г., чрезъ два года послѣ этого происшествія, у него въ епархіи случилось крайне непріятное для него обстоятельство. Въ Ростовскомъ соборѣ, по оплошности причетника. не потушившаго свѣчу, произошелъ пожаръ, и сгорѣли мощи благовѣрныхъ князей Василія и Константина Всеволодовичей, почивавшія тутъ около пяти вѣковъ. Въ Синодѣ этимъ остались очень недовольны, возлагая вину на митрополита.

Такъ какъ Арсеній страдалъ скорбутомъ и глазами, то онъ вскорѣ сталъ проситься на покой въ Новгородсѣверскій монастырь. Но Императрица не утвердила докладъ о томъ Св. Синода. Это показываетъ, насколько она цѣнила Арсенія.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ благодарилъ ее за присылку ему для лѣченія венгерскаго вина, — такъ далеко простирались заботы о немъ доброй и сердечной царицы.

Въ епархіи своей митрополитъ занимался духовно-административными и училищными дѣлами, борьбой съ иновѣріемъ и расколомъ. Онъ составилъ возраженіе на поданный протестантами пасквиль противъ извѣстнаго сочиненія Стефана Яворскаго въ защиту православія *Камень вѣры* и дополнилъ сочиненіе Ѳеофилакта Лопатинскаго.

Въ учебномъ дѣлѣ онъ явился врагомъ господствовавшей въ семинаріи латинской схоластики. Онъ писалъ по этому поводу: „Школы при архіереяхъ не иныя нужны, только русскія: понеже въ церквахъ у насъ не по латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, и служба Божія совершается по русски".

Этими основами, особенно знаменательными въ наши дни, онъ, можно сказать, на цѣлыя полтораста лѣтъ опередилъ свой вѣкъ, выказавъ себя дальновиднѣе своихъ просвѣщеннѣйшихъ современниковъ.

Наряду съ этимъ, онъ былъ безусловно стоекъ въ своихъ православныхъ убѣжденіяхъ, вѣренъ старинамъ, передан-

нымъ отъ отцовъ и дѣдовъ обычаямъ и преданіямъ, и не терпѣлъ нововведеній въ жизни и узаконеніяхъ церковныхъ.

Математику и астрономію онъ считалъ для духовенства излишними. Въ семинаріи, которую онъ перевелъ изъ Ростова въ Ярославль, было уже тогда до 500 воспитанниковъ.

Онъ былъ ревностнымъ проповѣдникомъ. Въ Москвѣ напечатаны имъ семь поученій (1742, 1744 и 1749 годовъ), въ библіотекѣ ярославской семинаріи хранятся три тома рукописныхъ его проповѣдей. Подражая ревностному борцу противъ раскола, святителю Димитрію Ростовскому, онъ составилъ обличеніе раскольниковъ, оставшееся въ рукописи и дополнилъ сочиненіе Ѳеофилакта Лопатинскаго *Обличеніе неправды раскольничьей,* напечатанные въ Москвѣ въ 1745 году.

Когда вышелъ указъ о запискѣ желающихъ въ расколъ, митрополитъ Арсеній говорилъ: „Надлежитъ особливыя молитвы и ектеніи читать, и на проскомидіи часть вынимать; ибо раскольники въ церковь не ходятъ и на нее плюютъ“ — и приказалъ тогда архимандриту читать особенныя, изъ служебника выписанныя молитвы „о гонящихъ церковь“.

Впослѣдствіи, при ложномъ истолкованіи этого поступка, онъ былъ вмѣненъ ему въ преступленіе.

Мирная жизнь митрополита въ епархіи ознаменовалась однако двумя столкновеніями съ Петербургомъ.

Коллегія экономіи, завѣдывавшая монастырскими и архіерейскими имѣніями, отправила нѣсколько инвалидовъ для помѣщенія въ Ростовскіе монастыри. Арсеній не принялъ ихъ, отозвавшись, что на ихъ содержаніе не достаетъ денегъ. На запросъ Св. Синода онъ отвѣчалъ, что въ послѣднее время въ Ростовскихъ монастыряхъ пострижено около сорока человѣкъ, лишенныхъ сана въ прошлое царствованіе, и для инвалидовъ не достанетъ порцій. Объясненіе это заключало въ себѣ оскорбительныя выраженія.

Чрезъ два мѣсяца Св. Синодъ отправилъ одного юродиваго для помѣщенія въ одинъ изъ Ростовскихъ монастырей. На указъ о томъ Арсеній отвѣчалъ, что указъ этотъ неосмотрительный и неосторожный. Синодъ пожаловался Импера-

трицѣ. Императрица приказала объявить митрополиту, чтобъ онъ „отъ подобныхъ продерзостей конечно воздержался, а ежели впредъ будетъ къ указамъ оказывать противленіе и презорство, то какъ помѣшатель добрыхъ порядковъ и общаго покоя, и какъ противникъ и непріятель Высочайшей воли, не только сана архіерейскаго, но и клобука лишится".

Эти событія были еще въ началѣ царствованія Елисаветы, которая своимъ православнымъ сердцемъ умѣла понимать пылкую, увлекающуюся въ церковныхъ вопросахъ, природу Ростовскаго владыки.

Годъ за годъ прошло это мирное царствованіе. Въ праздникъ Рождества Христова 1761 г. „Дщери Петровой" не стало.

Не долго царствовалъ племянникъ ея, Петръ III, и затѣмъ наступило долгое царствованіе Екатерины II, имѣвшей роковое вліяніе на судьбу Арсенія.

На коронованіе Императрицы митрополитъ Арсеній не былъ приглашенъ. Отсутствіе на такомъ торжествѣ представителя столь древней и знаменитой каѳедры является обстоятельствомъ, на которомъ нельзя не остановиться.

Это первое выраженіе того крайняго недоброжелательства, съ которымъ Екатерина относилась къ Арсенію.

Это недоброжелательство существовало еще прежде знаменитаго и рѣзкаго осужденія Арсеніемъ рѣшенія Императрицы объ отобраніи въ казну имѣній монастырскихъ. Съ самыхъ первыхъ дней царствованія она считала Арсенія почему-то личнымъ своимъ врагомъ. И эта черта не только политическаго разномыслія, но и личной ненависти проходитъ красною нитью чрезъ всю исторію отношеній ея къ опальному митрополиту. Весьма вѣроятно, что еще въ царствованіе Елисаветы, когда противъ Екатерины были партіи, она заподозрѣла Арсенія въ недоброжелательствѣ къ себѣ.

Мало того, въ отношеніяхъ этихъ можно найти какой-то необъяснимый, точно мистическій страхъ Екатерины предъ Арсеніемъ. Она боялась его и принимала чрезвычайныя по отношенію къ наблюденію за нимъ мѣры и тогда, когда онъ,

старый, больной, съ налагавшей невольное молчаніе заклепкой на устахъ, былъ заживо погребенъ въ казематѣ, или, вѣрнѣе сказать, каменномъ мѣшкѣ.

Изъ отношеній Арсенія къ коллегіи экономіи видно, что онъ считалъ уже существованіе этой коллегіи нарушеніемъ правъ монастырей и архіерейскихъ каѳедръ на непосредственное распоряженіе принадлежащими имъ имѣніями.

„За отобраніе отъ дому архіерейскаго и отъ монастырей вотчинъ, писалъ онъ канцлеру Бестужеву-Рюмину, приходитъ съ голоду умирать, понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ. Когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ приѣдимъ, то и литургіи святой служить нечѣмъ и некому, всѣ принуждены идти нищими въ міръ“. При этомъ онъ просилъ канцлера „показать милость къ домамъ Божіимъ, дабы стараніемъ его возвращены были вотчины по прежнему“.

Нужно полагать, что это письмо побудило Бестужева-Рюмина привлечь къ этому вопросу вниманіе императрицы. Но дѣло получило, къ сожалѣнію, совершенно иное разрѣшеніе, чѣмъ ожидалъ Арсеній.

Замысливъ отнять у каѳедръ и монастырей вотчины еще съ первыхъ дней царствованія, Екатерина предъ коронаціей сочла нужнымъ на время утѣшить духовенство. „Мы не имѣемъ намѣренія присвоить себѣ церковныя имѣнія, но только предписать законъ о лучшемъ ихъ устройствѣ“.

Затѣмъ подъ собственнымъ наблюденіемъ государыни была учреждена особая комиссія изъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ членовъ. Среди духовныхъ былъ недоброжелатель Арсенія, митрополитъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени искательный, думавшій лишь о своихъ выгодахъ и готовый за награду, отличіе предать всѣ интересы Церкви.

Комиссія рѣшила разослать по всѣмъ монастырскимъ вотчинамъ и архіерейскимъ домамъ приходо-расходныя книги для записыванія денежнаго и хлѣбнаго сбора и особо назначенныхъ отставныхъ оберъ-офицеровъ для повѣрки доставленныхъ духовными властями свѣдѣній о состояніи и ко-

личествѣ духовныхъ имѣній. Такимъ образомъ архіереи подвергались отвѣтственности въ исконномъ церковномъ достояніи предъ офицерами. Вѣроятно, самоуправство этихъ уполномоченныхъ комиссіею чиновниковъ переступало часто предѣлы уваженія къ значенію и сану архіерейскому.

Это распоряженіе возмутило Арсенія, всегда зорко охранявшаго права Церкви.

Онъ находилъ „оскорбительнымъ и неприличнымъ, что для составленія описей офицеры будутъ входить въ алтарь и касаться церковныхъ сосудовъ и прочей священной утвари, что они въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ пересчитывали деньги, перемѣривали хлѣбъ, выдавая все хозяевамъ и монастырямъ съ мѣры, вѣса и счету".

Арсеній считалъ это за нарушеніе правъ церковной стародавней собственности и униженіе духовенства.

Какъ извѣстно, дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ вотчины монастырскія и архіерейскія отобраны въ казну. На содержаніе ихъ стали отпускаться скудныя суммы. Множество обителей, среди нихъ и древнія, хранившія мощи своихъ основателей,—упразднены. А монастырскія земли розданы громадными подарками, большею частью любимцамъ Екатерины.

Теперь, спустя полтора вѣка послѣ этого событія, о немъ можно говорить безпристрастно.

Несомнѣнно, эта мѣра была прискорбнымъ нарушеніемъ правъ собственности.

Монастырскія имѣнія представляли собою пожертвованія частныхъ лицъ на поминъ души, на поддержаніе иночества, на дѣла благотворенія. И эта „послѣдняя воля" жертвователей, среди которыхъ было много и царей русскихъ—не могла и не должна была подвергаться нарушенію.

Конечно, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, въ пользованіи монастырей землями были нѣкоторыя темныя стороны. Но эти стороны слѣдовало устранить, сохраняя общее назначеніе этихъ имѣній на дѣла церкви, какъ-то церковностроительство, церковныя школы, больницы, богадѣльни.

И въ наши дни, когда такъ развивается именно эта сто-

рона церковной дѣятельности, какимъ бы могучимъ подспорьемъ служили эти имѣнія, завѣщанныя вѣрующими душами на добрыя дѣла, а они, вмѣсто того, обогащеніемъ нѣсколькихъ лицъ, внесли въ бытъ высшаго общества распространившуюся затѣмъ безумную, и даже преступную, можно сказать, роскошь.

Вотъ, противъ этого въ корнѣ своемъ неправильнаго рѣшенія и счелъ нужнымъ возстать Арсеній.

Вѣроятно, какъ очень умный человѣкъ, онъ понималъ, что его горячія рѣчи, рѣзкіе отзывы по этому поводу не измѣнятъ прискорбнаго совершившагося распоряженія. Но онъ считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ, хотя и безъ надежды, ратовать за правду и, цѣною собственной участи, стоять до конца за интересы Церкви.

Опорой для заключенія своего объ этой мѣрѣ онъ поставилъ соборное правило, что посвященное Богу не могло быть отчуждаемо.

Въ пылу негодованія Арсеній подавалъ въ Св. Синодъ одинъ протестъ за другимъ противъ отнятія у монастырей вотчинъ и вмѣшательства свѣтскихъ людей въ духовныя дѣла. Мусина-Пушкина, бывшаго президента Коллегіи Экономіи, онъ называлъ „туркомъ“. „Горе намъ, бѣднымъ архіереямъ,— писалъ онъ,— яко не отъ поганыхъ, но отъ своихъ мнящихся быти овецъ правовѣрныхъ толикое мучительство претерпѣваемъ“. О членахъ комиссіи онъ отзывался, что они „насилу [1]) въ Бога вѣруютъ“.

Въ Недѣлю Православія, когда предаются анаѳемѣ враги Церкви, онъ къ обычному чиноположенію прибавилъ „анаѳему обидчикамъ церквей и монастырей“.

Обо всѣхъ этихъ поступкахъ и отзывахъ ростовскаго митрополита было доводимо до свѣдѣній Екатерины, которая была въ высшей степени тѣмъ оскорблена. Насколько задѣли ее за живое эти отзывы, видно изъ того, что она, вообще спокойная и осторожная въ выраженіяхъ, отзывалась о

[1]) То-есть — еле, едва.

немъ какъ о „лицемѣрѣ, пронырливомъ и властолюбивомъ, бѣшеномъ враль“ [1]).

Слѣдующій эпизодъ хорошо показываетъ мѣру того страха, съ которымъ она относилась къ Арсенію.

Желая послѣ коронаціи выказать предъ народомъ свое благочестіе, она рѣшила отправиться въ Ростовъ, чтобы присутствовать на переложеніи мощей святителя Димитрія Ростовскаго въ новую серебряную раку. И она писала своему штатъ-секретарю: „Понеже я знаю властолюбіе и бѣшенство ростовскаго владыки, я умираю, боясь, чтобы онъ раки Димитрія Ростовскаго безъ меня не поставилъ“,— и приказала поставить къ новой ракѣ маіора съ солдатами.

Было назначено въ Синодѣ разслѣдованіе дѣла о митрополитѣ Арсеніи.

Членами Синода, находившагося тогда въ Москвѣ, были слѣдующія лица: первенствующимъ — новгородскій митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, затѣмъ московскій престарѣлый митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, архіепископъ с.-петербургскій Гавріилъ Кременецкій, псковскій епископъ Гедеонъ Криновскій, крутицкій архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, тверской епископъ Аѳанасій Вальковскій и новоспасскій архимандритъ Мисаилъ. Главнымъ дѣйствующимъ противъ Арсенія лицомъ былъ Димитрій Сѣченовъ, всегда искавшій случая къ угодничеству. Съ нимъ готовы были согласиться и прочіе члены. Они поднесли императрицѣ донесеніе о словахъ и поступкахъ Арсенія, при всеподданнѣйшемъ докладѣ. Императрица сдѣлала распоряженіе, чтобы Синодъ самъ судилъ „своего сочлена, какъ злонамѣреннаго и преступника“.

Въ половинѣ марта у себя въ Ростовѣ Арсеній, пришедши въ свои покои отъ вечерни, сказалъ келейнику. „Не запирай воротъ на ночь! Гости будутъ ко мнѣ въ полночь!“ Келейникъ остался въ недоумѣніи.

---

[1]) Мы со своей стороны думаемъ, что были и другія, серьезныя личныя причины столь необычайныхъ преслѣдованій императрицы противъ злосчастнаго митрополита.

Между тѣмъ, то былъ одинъ изъ случаевъ проявленія въ митрополитѣ того дара прозорливости, который неоднократно обнаруживался въ немъ въ эту эпоху перенесеннаго имъ гоненія.

Дѣйствительно, въ полночь прибылъ къ нему офицеръ гвардіи Дурново и попросилъ благословенія.

— Я уже не архіерей,— отвѣчалъ Арсеній,— и не благословилъ его.

Дурново тогда подалъ ему сенатскій указъ, которымъ предписывалось везти митрополита въ Москву, въ свиту взять лишь трехъ человѣкъ, вещей не брать, а имѣющіяся въ кельѣ письма запечатанными захватить въ Москву.

Митрополитъ хотѣлъ проститься съ городомъ, то есть приложиться къ мощамъ и иконамъ въ соборѣ. Но ему не позволили.

Въ Москвѣ онъ былъ, какъ государственный преступникъ, заключенъ подъ крѣпкою стражею въ Симоновѣ монастырѣ.

Арсеній былъ допрошенъ во дворцѣ въ присутствіи императрицы. При этомъ онъ говорилъ столь рѣзко, что императрица зажала себѣ уши, а ему самому „заклепали ротъ“.

14 апрѣля состоялось засѣданіе Синода, на которомъ допрашивали Арсенія. Вѣроятно, и тутъ онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ.

Его присудили къ лишенію архіерейскаго сана и преданію, по разстриженіи изъ монашества, суду свѣтскому, которому надлежало за оскорбленіе Величества осудить Арсенія на смертную казнь.

Императрица приказала освободить его отъ свѣтскаго суда, и, оставивъ ему монашескій чинъ, сослать въ дальній монастырь.

Арсеній былъ призванъ въ засѣданіе Синода для исполненія надъ нимъ указа.

По Москвѣ распространился слухъ, что будутъ снимать санъ съ Ростовскаго митрополита въ Крестовыхъ патріаршихъ палатахъ. Туда допущены были лишь монахи и бѣлое

духовенство. Толпы же народа запрудили пространство вокругъ Синодальнаго двора, такъ что и солдаты не могли ихъ разогнать. Конечно, не одно любопытство, но и состраданіе руководило этимъ народомъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, было еще усилено вскорѣ затѣмъ случившимся происшествіемъ: 4 іюня внезапно упала смежная съ той Крестовой палатой, гдѣ осудили Арсенія, церковь Трехъ Святителей Московскихъ.

Арсеній явился на послѣдній надъ нимъ земной судъ, какъ на служеніе. На немъ была архіерейская съ источниками мантія, омофоръ, бѣлый клобукъ, на груди панагія, въ рукѣ онъ держалъ архіерейскій посохъ. Когда былъ прочтенъ указъ, лишавшій его сана — одинъ за другимъ члены Синода стали снимать съ него облаченіе: одинъ—митрополичій клобукъ, другой—омофоръ, третій отобралъ посохъ. Всѣ жадно слѣдили за нимъ, выраженіемъ лица его, словами его, чтобы донести императрицѣ, которая чрезвычайно интересовалась всѣми подробностями этого дѣла.

Негодующій митрополитъ тутъ же предсказалъ разобличавшимъ его архіереямъ ихъ плачевную участь. Димитрію Сѣченову онъ предсказалъ, что тотъ задохнется собственнымъ языкомъ; Амвросію Зертисъ-Каменскому — смерть отъ руки мясника: „тебя, яко вола убіютъ“; епископу Псковскому Гедеону: „ты не увидишь своей епархіи“.

Замѣчательно, что слова Арсенія сбылись въ точности надъ его судьями.

Митрополитъ Новгородскій Димитрій, награжденный изъ числа отобранныхъ тысячею душъ, лелѣявшій въ себѣ мечту о полученіи сана митрополита всероссійскаго, умеръ въ ужасныхъ страданіяхъ: дѣйствительно, его задушила страшная опухоль языка. Архіепископъ московскій Амвросій убитъ въ время московской чумы взбунтовавшимся народомъ, отъ котораго тщетно искалъ спасенія въ Донскомъ монастырѣ. Епископъ Псковскій Гедеонъ, вскорѣ послѣ осужденія Арсенія, былъ удаленъ по Высочайшему повелѣнію въ свою епархію, и умеръ по дорогѣ, не доѣхавъ до Пскова.

Одинъ лишь добрый московскій митрополитъ Тимоѳей не могъ воздержаться отъ слезъ при печальной церемоніи.

Арсенію подали простое монашеское платье и обязали его подпиской въ томъ, что онъ не будетъ именоваться не только митрополитомъ или архіереемъ, но и іеромонахомъ.

Затѣмъ изъ этого собранія онъ былъ подъ карауломъ отвезенъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, мѣсто ссылки великаго патріарха Никона, потомъ въ Николо-Корельскій, Архангельской епархіи. Мѣстному архіерею было предписано держать ссыльнаго подъ крѣпкимъ карауломъ.

Весьма скудное имущество митрополита, оставшееся въ Ростовѣ и свидѣтельствовавшее объ его нестяжательности, было описано, также и книги его на церковно-славянскомъ, чешскомъ, русскомъ, польскомъ, латинскомъ языкахъ.

На пропитаніе его отпускалось сперва по 10, потомъ по 15 и 50 коп. въ день. Чернилъ, перьевъ и бумаги ему не давали. Никого къ нему не допускали, а выходить, и то подъ карауломъ, ему позволяли лишь въ церковь, и непремѣнно въ часы богослуженія.

Но распоряженія изъ Петербурга не могли никому внушить въ монастырѣ, что Арсеній — ссыльный преступникъ, а не митрополитъ, страдающій за защиту интересовъ Церкви, не мученикъ за правду, какъ онъ говорилъ о томъ самъ: „Вотъ прежде нашу братію архіереевъ почитали цари и во всемъ благословенія требовали, и тогда наша братія смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ обличала. А я, какъ послалъ правильное доношеніе, такъ за мою правду и въ ссылку меня сослали“.

Вся братія, начиная съ архимандрита, принимала отъ него благословеніе, какъ отъ епископа. По праздникамъ онъ самолично во время совершенія проскомидіи вынималъ части за „гонящихъ и обидящихъ Церковь Божію“ — разумѣя, по по собственному объясненію, подъ этимъ именемъ „предателя Димитрія Новгородскаго и Гавріила (Кременецкаго) С.-Петербургскаго и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые объ отнятіи монастырскихъ вотчинъ старались, и въ Комиссіи присутствовали“.

По окончаніи обѣдни опальный митрополитъ читалъ народу катехизисъ, Четьи-Минеи и другія духовныя книги, толкуя ихъ. При этомъ онъ самъ стоялъ на амвонѣ. а служившіе—по сторонамъ его, какъ это происходитъ всегда при архіерейскихъ богослуженіяхъ.

Настоятель монастыря часто посѣщалъ ссыльнаго, и они вели бесѣду и о духовныхъ предметахъ, и о внѣшнихъ событіяхъ, касаясь и политики. Часто въ бесѣдѣ принималъ участіе и подпрапорщикъ Алексѣевскій, приставленный къ Арсенію.

Случилось, что Арсеній при одномъ монахѣ неосторожно поговорилъ объ одномъ политическомъ вопросѣ. Послѣдовалъ доносъ, навлекшій за собою новое обвиненіе Арсенія въ государственномъ преступленіи.

Дѣло разсматривала сама императрица, и было объ Арсеніи рѣшено: „лишить его монашескаго чина и, переименовавъ его Андреемъ Вралемъ, послать къ неисходному житію въ Ревель".

Ревельскому коменданту было предписано принять въ свое наблюденіе одинъ казематъ въ башнѣ крѣпости и приспособить его къ житью.

Казематъ этотъ находился на водяныхъ воротахъ и по величинѣ представлялъ собою скорѣй могилу. Въ немъ было $10^1/_2$ футовъ длины и 7 ширины.

Когда Арсенію объявили указъ, лишавшій его монашества, то ждали отъ него какихъ-нибудь рѣзкихъ проявленій недовольства. Но онъ не вымолвилъ ни слова. Съ него сняли иноческую одежду, клобукъ, и вмѣсто нихъ надѣли арестантскую сермягу и треухъ.

Везти его къ мѣсту заключенія предписано было „секретно въ закрытыхъ саняхъ, никому не показывать, разговоровъ съ нимъ никакихъ не имѣть, объ имени и состояніи не спрашивать, и миновать Петербургъ было приказано какъ можно скорѣе". Какъ государственнаго преступника, его провожали отъ Архангельска до Ревеля двѣ перемѣнныя команды. Съ нимъ, однако, велѣно было обходиться безъ грубости, дать ему платье, бѣлье и шубу.

Въ Архангельскѣ оставалось нѣкоторое имущество Арсенія: иконы, одежда, книги. Канцелярія Архангело-городская предложила императрицѣ образа скрыть въ какое-нибудь неизвѣстное мѣсто, чтобъ объ Арсеніи не было никакой памяти, а прочія вещи продать. Такъ и было поступлено.

Екатерина была въ Москвѣ, когда чрезъ нее провозили Арсенія, и Государыня пожелала видѣть этого человѣка, ею съ какою-то болѣзненною страстностью ненавидимаго.

Устроили такъ, что Арсенія провозили садомъ Головинскаго дворца, и сдѣлали тамъ остановку.

Арсеній сидѣлъ на лавкѣ и дремалъ, склонивъ голову на грудь, когда императрица подошла къ нему и пристально на него посмотрѣла.

Арсеній не поднялъ глазъ.

Однако же — новый случай его прозорливости — произнесъ какія-то слова. Императрица зажала уши и быстро отошла отъ него.

Въ Тайной Канцеляріи его допрашивали; быть можетъ, пытали...

Коменданту Ревельскому Тизенгаузену императрица писала: „У васъ въ крѣпкой клѣткѣ есть важная птичка. Береги, чтобъ не улетѣла! Надѣюсь, что не подведете себя подъ большой отвѣтъ. Народъ очень почитаетъ его изстари и привыкъ считать святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ“.

Содержать Арсенія велѣно было подъ строжайшимъ наблюденіемъ, офицерамъ и солдатамъ запрещено было съ нимъ говорить. Можно предполагать, что ему надѣвали на ротъ заклепку.

Императрица и здѣсь продолжала брать мѣры предосторожности противъ человѣка, заключеннаго въ тѣсномъ каменномъ гробѣ. Такъ, она въ другой разъ писала коменданту:

„Книги дать ему можете, а денегъ отнюдь въ руки ему не давайте. Онъ сколько старъ, столько и проныровъ. Если же ему нужда будетъ въ бѣльѣ и одеждѣ: то удовольствуйте его безъ излишества. А въ болѣзняхъ велите его

лѣчить и предпишите тѣмъ, кои около его, чтобъ съ нимъ безъ грубости обходились".

По пріѣздѣ въ Ревель, Арсеній сдѣлался боленъ. Къ нему посланъ былъ докторъ, причемъ съ доктора была взята подписка, что, подъ страхомъ смертной казни, онъ не будетъ спрашивать у больного объ его имени или званіи, и до конца жизни не станетъ говорить о томъ, даже *минами*.

Ежемѣсячно въ Петербургъ посылались рапорты съ донесеніемъ, что „извѣстный арестантъ" содержится по инструкціи и „ведетъ себя тихо".

Дѣйствительно, неизвѣстно никакихъ рѣзкихъ выходокъ Арсенія въ послѣдніе годы его жизни.

Онъ *смирился*—не предъ людьми, а предъ всесильною рукою Божіею, отъ которой онъ рѣшилъ терпѣливо принять свое страданіе. Онъ читалъ священное писаніе, а на стѣнѣ своей тюрьмы начерталъ углемъ слова: „Благо, яко смирилъ мя еси".

Существуютъ изображенія митрополита Арсенія, относящіяся къ этой порѣ его жизни.

Онъ стоитъ у стѣны своего тѣснаго каземата. Худое, полное еще энергіи, лицо выражаетъ глубокую мысль. Большіе глаза полны великой тоски. Руки какъ бы отъ внутренняго страданія, а, можетъ, отъ холода, крѣпко стиснуты вокругъ груди. На немъ полушубокъ и треухъ. Свѣтъ проходитъ чрезъ маленькое окно, задѣланное рѣшеткой. На окнѣ—кусокъ хлѣба. На стѣнѣ изображенъ въ малыхъ размѣрахъ онъ же въ святительскомъ облаченіи. На оборотѣ надпись *Андрей страдалецъ*.

26 февраля 1772 года Арсеній сильно заболѣлъ. Онъ потребовалъ къ себѣ священника; пришедшій, по разрѣшенію коменданта, священникъ принялъ исповѣдь умирающаго и пріобщилъ его.

На третій день, въ 8 часовъ утра, земныя страданія Арсенія прекратились. Онъ перешелъ къ единому истинному и нелицепріятному Судіи.

Въ тотъ же день вечеромъ, послѣ такъ называемой

„вечерней зари“ [1]), Арсеній былъ погребенъ въ русской Никольской церкви.

Доселѣ указываютъ мѣсто его погребенія у праваго клироса, въ придѣлѣ Успенія Богоматери, который впослѣдствіи былъ пристроенъ на могилѣ Арсенія.

Одежду, оставшуюся послѣ узника, велѣно раздать нищимъ. Книги: евангеліе, псалтирь и святцы — отдать духовнику почившаго, Никольскому священнику Кондратову.

Затѣмъ со священника и всей команды взята подписка — до конца жизни молчать о всемъ этомъ, подъ угрозою смертной казни.

Такъ думали изгладить память о несчастномъ Ростовскомъ митрополитѣ.

Замѣчательно, что главный дѣятель недоброй памяти тайной канцеляріи, Шишковскій, который допрашивалъ Арсенія, вѣроятно, изъ чувства раскаянія—по самую смерть свою посылалъ въ Ревель деньги на панихиду по немъ.

Трудно судить: было-ли то, дѣйствительно, необыкновенное событіе или лишь измышленіе народное, во всякомъ случаѣ очень ярко рисующее отношеніе народа къ опальному митрополиту: но вотъ что передаютъ.

Когда предъ смертью Арсенія пришелъ священникъ напутствовать его, онъ, только что войдя въ казематъ, въ страхѣ выбѣжалъ оттуда и сказалъ: „Вы мнѣ говорили, что надо исповѣдывать и пріобщить преступника, а предо мною стоитъ на колѣняхъ архипастырь въ полномъ облаченіи“.

Тогда приставъ вошелъ со священникомъ въ тюрьму. На койкѣ лежалъ арестантъ и сказалъ духовнику: „Сынъ мой, предъ тобою не митрополитъ, а недостойный рабъ Арсеній, идущій отдать отчетъ Господу Богу въ своей жизни. Видѣнное тобою чудо есть знаменіе Господне неизреченной милости Божіей: это значитъ, что душа моя скоро отлетитъ отъ скорбнаго тѣла“. Напутствовавъ страдальца, священникъ

[1]) Въ военной службѣ вечеромъ, въ наше время — въ 9 часовъ, играютъ вечернюю зарю, предъ которой бываетъ перекличка солдатъ и послѣ которой слѣдуетъ пѣніе общей молитвы.

попросилъ у него благословенія себѣ. Умирающій далъ ему на память о себѣ свой молитвенникъ, на которомъ была надпись: „Смиренный митрополитъ Ростовскій Арсеній“.

Въ старинной тетради сохранилось еще другое описаніе. Находясь въ пути, ссыльный упросилъ сопровождавшихъ его остановиться у ближайшей церкви, чтобы ему исповѣдаться и пріобщиться. Въ концѣ обѣдни, когда открылись царскія двери, Арсеній явился въ архіерейскомъ облаченіи и пріобщился у престола, какъ пріобщаются священники. Затѣмъ принялъ прежній видъ.

Тщетно старались изгладить изъ памяти народной составленный изъ столь рѣзкихъ опредѣленныхъ чертъ сильный образъ Арсенія. Онъ привлекаетъ къ себѣ все больше и больше сочувствія: о немъ, съ трогательной вѣрой передавая и кое-что изъ элемента чудеснаго, о которомъ только что было упомянуто, знаютъ и говорятъ во многихъ православныхъ семьяхъ и кружкахъ, пріобрѣтаютъ его портреты, служатъ по немъ панихиды.

Одинъ почитатель его памяти, Орловскій помѣщикъ Лопухинъ, поставилъ ему памятникъ въ своемъ имѣніи.

Несомнѣнно, когда-нибудь личность и дѣла Арсенія Маціевича станутъ предметомъ всесторонняго ученаго изслѣдованія.

Цѣлью же настоящей главы было напомнить именно о подвижнической, аскетической сторонѣ и ревности о правдѣ, какъ онъ ее понималъ, митрополита Арсенія.

И помимо чрезвычайной судьбы своей, Арсеній заслуживаетъ памяти, какъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія русскаго народа тружениковъ, достойный, въ этомъ, преемникъ святителя Димитрія, котораго каѳедру онъ занималъ и котораго открылъ мощи, составилъ и житіе его и службу ему. Какъ горячій защитникъ православія противъ лютеранства, когда оно сильно было и въ самыхъ высшихъ слояхъ, какъ глубоко сознательный патріотъ, приверженецъ всего того добраго, чѣмъ крѣпко и славно было русское прошлое, митрополитъ Арсеній представляетъ собою личность въ высшей степени замѣчательную.

Въ заключеніе приведемъ прекрасныя слова о немъ изъ книги г. И. Снегирева, по которой и составлена эта глава.

„Почти вся жизнь Арсенія представляетъ намъ непрерывную борьбу то съ духовною и свѣтскою властью, то съ раскольниками и вольнодумцами, то съ личными его врагами и гонителями. Въ его поступкахъ обличается его твердый до упорства, прямой до упрямства характеръ, который не поддастся власти и не уступаетъ силѣ, когда дѣйствія ихъ несогласны съ его убѣжденіями и правилами. Его личныхъ убѣжденій не поколебали ни царскій гнѣвъ, ни возстаніе на него собратій, ни лишеніе святительскаго сана, ни истома въ мрачной и душной тюрьмѣ, ни розыски Шишковскаго, ни угрожавшая ему смертная казнь. Обрекши себя на жертву за право собственности духовенства, Арсеній дѣйствовалъ не тайно, не ухищренно, но прямо, открыто, писалъ и говорилъ смѣло съ самоотверженіемъ, потому что смотрѣлъ на дѣло свое какъ на дѣло Божіе, за которое стоять и жертвовать собою вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность... Народъ, сострадая о немъ, какъ о несчастномъ пастырѣ, почиталъ его правдивымъ, благочестивымъ, ревностнымъ поборникомъ православія“.

ГЛАВА VIII.

Изъ архіерейской жизни XVIII вѣка. — Нѣсколько типовъ архіереевъ [1]).

Въ содержательнѣйшемъ и интереснѣйшемъ трудѣ П. В. Знаменскаго изъ эпохи Екатерины II содержится яркая картина архіерейскаго быта того времени, и мы воспользуемся его разсказомъ для ознакомленія съ этимъ бытомъ и съ типичными представителями архіерейства той эпохи.

Для домовыхъ услугъ архіереямъ дозволено было брать изъ прежнихъ ихъ вотчинъ по 40 и свыше служителей, такъ

[1]) Настоящая глава представляетъ собою дословныя выдержки изъ сочиненія проф. Знаменскаго. „Очерки изъ исторіи Русской Церкви за время царствованія Императрицы Екатерины II“.

какъ при тогдашнемъ развитіи крѣпостного права рѣшительно невозможно было пріискать достаточнаго числа вольнонаемной прислуги ни для какого учрежденія болѣе или менѣе обширнаго. Но съ этими обязанными слугами на первыхъ порахъ было очень много хлопотъ по архіерейскимъ домамъ. Сдѣлавшись казенными, крестьяне не хотѣли итти въ холопскую службу къ своимъ прежнимъ вотчинникамъ, тѣмъ болѣе, что для нея надо было отрываться отъ своего собственнаго хозяйства и пашни. Извѣстно, что и въ послѣднее время до эмансипаціи крестьянъ служба при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ замѣняла для экономическихъ крестьянъ солдатчину и неслась съ большой неохотой. Послѣ изданія штатовъ 1767 года эти невольные служители бѣгали изъ архіерейскихъ домовъ и послѣдніе должны были прибѣгать для возвращенія ихъ къ помощи полиціи и военныхъ командъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ Тамбовской епархіи, гдѣ почти всѣ служители, взятые изъ вотчинъ, разбѣжались изъ архіерейскаго дома и возвращены были назадъ не ранѣе года при помощи совокупныхъ усилій тамбовской и щацкой воеводскихъ канцелярій и военной команды, которая должна была силой принуждать ихъ къ повиновенію. Прибавимъ ко всему сказанному еще то, что вмѣстѣ съ изданіемъ штатовъ уничтожено было церковное тягло, вслѣдствіе чего архіерейскіе дома лишились важнаго источника своего дохода — именно сборовъ съ церквей и духовенства.

Архіереямъ приходилось отказывать себѣ во многихъ привычныхъ расходахъ для того, чтобы сводить концы съ концами въ своемъ хозяйствѣ, а между тѣмъ вѣкъ Екатерины былъ вѣкомъ необыкновенной пышности, требовалъ отъ нихъ вельможеской обстановки, громадныхъ расходовъ на кареты, бархатныя рясы, посохи, на гайдуковъ и вершниковъ, на хоры пѣвчихъ, наконецъ, на широкіе и разорительные пріемы всей губернской знати по праздникамъ. Все это было такъ принято въ то время, такъ обязательно, и, можетъ-быть, такъ нужно для поддержанія начальственнаго величія и сильно поколебленнаго авторитета святительскаго

сана, что архіереи одинъ передъ другимъ соревновали въ пышной обстановкѣ болѣе, чѣмъ въ прежнее лучшее для нихъ время — вотчиннаго владѣнія церкви. Мы уже знаемъ касательно этого предмета нѣсколько выразительныхъ фактовъ изъ біографіи митрополита московскаго Платона. Даже такіе архіереи, которые по своему характеру менѣе всего способны были къ роскоши, должны были не вольно удовлетворять вкусу времени.

М. Гавріилъ суровый аскетъ въ домашней жизни, питавшійся одной кашицей съ сухарями, въ публикѣ и при блестящемъ дворѣ являлся въ богатой одеждѣ въ знакахъ своего сана, усыпанныхъ жемчугомъ и алмазами, задавалъ дорогіе обѣды частымъ гостямъ и даже отступалъ иногда отъ строго-хранимыхъ имъ правилъ церкви, вкушая ради другихъ въ посту рыбу. Нѣкоторые архіереи для большей пышности своего богослуженія въ особенно торжественные дни приглашали парикмахеровъ, которые передъ обѣдней завивали и пудрили по требованію современной моды пѣвчихъ и даже иподіаконовъ, служившихъ при облаченіи архіерея. Въ разныхъ епархіяхъ доселѣ еще свѣжи преданія о блестящей обстановкѣ архіереевъ Екатерининскаго времени.

Вотъ, между прочимъ, одинъ отрывокъ изъ воспоминаній современника (купца Сухорукова) о Веніаминѣ Казанскомъ. „Въ соборъ ѣздилъ къ служенію отъ загороднаго своего дома очень церемоніально: большой экипажъ, по тогдашнему названію берлинъ, весь блисталъ золотомъ; упряжь въ 6 лошадей всегда была въ шорахъ, кучеръ на козлахъ одѣтъ въ нѣмецкій кафтанъ съ огромными обшлагами и въ треугольной шляпѣ, съ длиннымъ въ рукахъ бичемъ. Впереди кареты ѣхали 2 вершника въ зеленыхъ епанчахъ, одинъ въ рукѣ держалъ архіерейскую мантію, другой—посохъ. По пріѣздѣ къ собору, по выходѣ изъ берлина, преосвященный надѣвалъ на себя мантію, бралъ посохъ и такъ входилъ въ церковь“.

Подобные же разсказы сохранились и о преемникѣ его Антоніи Зыбелинѣ, о Дамаскинѣ Рудневѣ нижегородскомъ,

который уже своею слишкомъ роскошною и свѣтской жизнью навлекъ на себя даже неудовольствіе духовнаго начальства и получилъ письменный выговоръ отъ м. Гавріила, и о многихъ другихъ архіереяхъ. Второй преемникъ Веніамина Казанскаго Амвросій Подобѣдовъ по роскошной и широкой жизни, по пышности въ богослуженіи и свѣтской ловкости, получилъ въ Казани названіе „прелата“. Въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, называемомъ Іерусалимомъ, который онъ великолѣпно обстроилъ, часто устраивались лѣтніе вечера, на которые, по словамъ О. Меньшикова, съѣзжались „представители казанскаго общества, помѣщики и люди чиновные съ женами и дочерьми... давались празднества съ пѣніемъ архіерейскихъ пѣвчихъ, иллюминаціей, фейерверками и великолѣпными ужинами. Казанское дворянство очень любило гостепріимнаго Амвросія, слава о немъ достигла до Петербурга. Екатеринѣ всегда нравилось, если архіереи живутъ въ ладахъ съ дворянами“.

Были особаго рода торжества очень дорогія и вмѣстѣ обязательныя для архіереевъ, которыя они несли, какъ повинность на ряду съ другими губернскими начальствами,— это по случаю радостныхъ государственныхъ событій, семейныхъ радостей высочайшаго дома и нѣкоторыхъ табельныхъ праздниковъ. Торжества эти начинались обыкновенно сначала губернаторомъ, мѣстнымъ дворянствомъ и горожанами, потомъ продолжались на счетъ архіерейскаго дома. который долженъ былъ употреблять при этомъ всѣ свои финансовыя силы. чтобы не отстать отъ свѣтскихъ вѣрноподданныхъ Государыни-любительницы всякихъ овацій. Пѣвчіе пѣли концерты или особые канты, для чего разряживались обыкновенно въ бѣлыя одежды, пудрились, причесывались, снабжались вѣнками и ваіями; на архіерейскомъ дворѣ ставились столы для угощенія народа, а въ залахъ приготовлялось пиршество для всей губернской знати, продолжавшееся за полночь съ многочисленными тостами, музыкой, пушечными выстрѣлами и блестящимъ фейерверкомъ. До насъ дошли подробныя описанія двухъ такихъ праздниковъ,

отпразднованныхъ Костромскимъ архіереемъ Симономъ Лаговымъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ (гдѣ онъ имѣлъ пребываніе) по случаю заключенія мира съ Турціей 1777 года и по случаю рожденія в. к. Александра Павловича, въ 1778 г. Желающіе могутъ познакомиться съ этими описаніями изъ біографіи Симона Лагова, напечатанной въ Странникѣ за 1870 г.

Штатной суммы далеко не хватало для одной приличной по тогдашнему обстановкѣ, а между тѣмъ, главнымъ образомъ, на архіереяхъ же лежало множество другихъ, еще болѣе существенныхъ, расходовъ на епархіальныя и учебныя нужды. Особенно настоятельны были нужды духовно-учебныхъ заведеній, для которыхъ штаты, вопреки всѣмъ блестящимъ обѣщаніямъ правительства въ началѣ дѣла о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, на дѣлѣ оказались крайне скупы и которыя почти по старому остались на содержаніи отъ епархіальныхъ средствъ. Изъ епархій стало посылаться въ Петербургъ множество просьбъ о прибавочныхъ ассигновкахъ, преимущественно на постройки или поправки каѳедральныхъ соборовъ, архіерейскихъ домовъ и семинарій. Но на большую часть подобныхъ просьбъ изъ Петербурга присылали отказы. Можно сказать вообще, что получить что-нибудь лишнее противъ штатныхъ ассигновокъ могли только тѣ изъ архіереевъ, которые пользовались почему-нибудь вниманіемъ Императрицы, или которыхъ она считала неловкимъ обидѣть, а также тѣ, которые успѣвали сообщить ей о своихъ нуждахъ лично во время проѣзда ея черезъ ихъ епархіи, когда она особенно любила сіять щедростью. Примѣры отказовъ были иногда довольно замѣчательны. Такъ, послѣ Пугачевскаго разгрома Казани Императрица по первому впечатлѣнію при извѣстіи объ этомъ бѣдствіи велѣла казанскому губернатору кн. Мещерскому составить подробную смѣту для необходимыхъ поправокъ въ казенныхъ зданіяхъ и, между прочимъ, для поправокъ архіерейскаго дома, каѳедральнаго собора, семинаріи и новокрещенскихъ школъ. Мещерскій составилъ смѣту на означенныя духовныя учрежденія въ

54,541 рубль. Епархіальное начальство съ нетерпѣніемъ ожидало утвержденія этой смѣты, ждало долго и не дождалось. Въ 1788 году указомъ Св. Синода было предписано, чтобы ветхости въ означенныхъ зданіяхъ исправлены были на сумму, отпускаемую по штатамъ, отнюдь не требуя больше изъ казны; при этомъ Синодъ извѣщалъ, что о томъ въ Сенатѣ состоялось общее опредѣленіе относительно всѣхъ оказывающихся, по духовнымъ мѣстамъ, ветхостей.

Мало-по-малу, съ распространеніемъ образованія, изглаживалась та грубость, которая отличала раньше отношенія многихъ владыкъ къ ихъ подчиненнымъ и примѣръ которой мы видѣли въ обращеніи начальства съ Гедеономъ и Платономъ. Само собою понятно, что новыя требованія не могли вдругъ проникнуть въ практику епархіальной жизни. Отношенія къ подчиненному духовенству и высшихъ и низшихъ его властей долго еще удерживали черты прежней грубости и суровости, противъ которыхъ возставало новое время. Въ началѣ правленія Екатерины, уже послѣ уничтоженія церковнаго тягла, по епархіямъ оставалось довольно архіереевъ, представителей стараго іерархическаго духа.

Таковы, напримѣръ, были тамбовскіе архіереи Пахомій Симанскій и Ѳеодосій Голосницкій. Первый сдѣлался извѣстенъ своей суровостью еще при Императрицѣ Елизаветѣ, по случаю суроваго обращенія съ духовенствомъ, при чемъ попавшихъ въ подушный окладъ церковниковъ онъ властной рукою раздаривалъ въ крѣпость разнымъ своимъ знакомымъ помѣщикамъ, какъ своихъ крѣпостныхъ. Бѣда была, разсказывалъ о немъ авторъ описанія Тамбовской епархіи, священнослужителю подпасть ему подъ судъ. Виновныхъ внезапно схватывали и везли въ консисторію, при чемъ грубые консисторскіе пристава на счетъ ихъ же домоваго имущества при самомъ ихъ арестѣ брали себѣ большую плату за свой трудъ. Затѣмъ, арестанты попадали въ консисторскую тюрьму, гдѣ ихъ и держали неопредѣленное время; никакихъ объясненій и оправданій отъ нихъ не принималось, да и трудно было оправдываться изъ крѣпкой тюрьмы. Нерѣдко священнослу-

жительскія жены и дочери дѣвицы отправлялись пѣшія въ Синодъ и тамъ получали справедливую защиту своимъ мужьямъ и отцамъ; но оправданный все-таки непремѣнно долженъ былъ перейти въ другую епархію, потому что тутъ ему уже было не житье.

Отъ притязаній архіерея бѣжали изъ епархіи и многіе другіе. Замѣчательно, что вины преступниковъ подвергавшихся тяжкимъ наказаніямъ, состояли иногда лишь въ простомъ неосторожномъ словѣ передъ архіереемъ безъ всякаго умысла. Ставленники должны были платить передъ поставленіемъ по 10—50 р. на колокола, до которыхъ Пахомій былъ страстный охотникъ. Кто не давалъ, тотъ получалъ отказъ въ посвященіи, а то даже попадалъ подъ плети или въ консисторскую тюрьму.

Вмѣстѣ съ дьячками эти ставленники должны были нести на себѣ тяжкія работы въ пользу архіерейскаго дома въ теченіи иногда 5 лѣтъ; ихъ заставляли рыть рвы около архіерейскаго дома, выкладывать ихъ дерномъ, носить кирпичи на колокололитный заводъ, очищать мѣсто для конюшеннаго двора, бить на рѣкѣ сваи для постройки архіерейской бани, переправлять по рѣкѣ лѣсъ изъ архіерейскихъ дачъ, для построекъ при архіерейскомъ домѣ, возить на себѣ снѣгъ и проч. Во время этихъ работъ они доходили до крайней нищеты, въ лохмотьяхъ отправлялись въ Св. Синодъ жаловаться и просить посвященія на какія нибудь мѣста въ другихъ епархіяхъ. Св. Синодъ неоднократно посылалъ Пахомію строгіе выговоры, наконецъ, въ 1766 году перевелъ его въ Устюгъ на мѣсто Ѳеодосія Голосницкаго, котораго перевелъ въ Тамбовъ на его мѣсто. Но и въ Устюгѣ въ первый же годъ онъ возбудилъ противъ себя такую ненависть и злобу, и столько жалобъ, что Св. Синодъ нашелся вынужденнымъ совсѣмъ уволить его на покой, сначала въ Московскій Новоспасскій монастырь, потомъ въ Андроніевъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1789 г. Любопытно, что и въ томъ, и въ другомъ монастырѣ памятникомъ его пребыванія осталось нѣсколько вылитыхъ имъ колоколовъ.

Архіереи этого типа кончали дурно при Екатеринѣ. Новое время требовало новыхъ архіереевъ съ новыми понятіями и нравами. Вѣкъ Екатерины, выставившій столько блестящихъ историческихъ личностей на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности, оставилъ послѣ себя достаточное количество славныхъ именъ и на страницахъ нашей церковно-административной жизни. Замѣчательно, что всѣ почти лучшіе люди въ ряду тогдашнихъ нашихъ архіереевъ были изъ великорусскихъ уроженцевъ и воспитанниковъ великорусскихъ учебныхъ заведеній. Свѣжія силы, доселѣ сдавленныя подъ гнетомъ устарѣвшей уже по своему направленію, на все еще ревнивой къ своей власти и первенствующему положенію малороссійской партіи іерарховъ, на первыхъ порахъ выступили на свое историческое поприще съ необыкновенной энергіей.

Первое мѣсто между этими новыми іерархами мы, разумѣется, должны дать святителю Тихону Воронежскому. Жизнь его требуетъ внимательнаго, долговременнаго и притомъ практическаго изученія для всякаго церковнаго дѣятеля и христіанина. Мы можемъ коснуться ея теперь только въ нѣсколькихъ бѣглыхъ и слабыхъ чертахъ. Личность его представляетъ собою полное соединеніе съ высокимъ христіанскимъ духомъ всего, что только было лучшаго въ жизни его вѣка, но что въ жизни этой являлось и даже намѣренно выставлялось въ отрѣшенномъ отъ христіанства и потому постоянно слабомъ и искаженномъ видѣ. Это былъ человѣкъ преимущественно живого практическаго направленія, у котораго мысль и дѣло не расходились, который не могъ успокоиться на однѣхъ идеяхъ, какъ большая часть передовыхъ людей его времени, вполнѣ удовлетворявшаяся не только идеями, а иногда просто однѣми ходячими тогда модными фразами, но неудержимо стремился воплотить эти идеи въ живой практикѣ.

Направленія этого не могла ослабить въ немъ ни тогдашняя семинарская наука, отличавшаяся схоластическими отвлеченностями и совершенно чуждая народности, ни уси-

ленный аскетизмъ, которому онъ предавался и который менѣе живую натуру легко могъ замкнуть въ религіозномъ эгоизмѣ, отчужденіи отъ всего внѣшняго и въ исключительныхъ заботахъ объ одномъ собственномъ духовномъ благѣ и вѣчномъ спасеніи. Своимъ богословскимъ знаніямъ онъ съумѣлъ придать глубокую жизненность и народность, съумѣлъ соединить свой аскетизмъ съ замѣчательной практической дѣятельностью, строжайшую мораль по монастырскимъ правиламъ съ живымъ пониманіемъ всѣхъ человѣческихъ слабостей и любовнымъ къ нимъ снисхожденіемъ, высокій нравственный идеалъ съ требованіями дѣйствительной жизни и ея разными случайностями.

Образъ его, какимъ его рисуетъ предъ нами его житіе, отъ этого въ высшей степени человѣченъ, а оставшіяся послѣ него творенія по своей жизненности и популярности представляютъ образецъ христіанскаго нравоученія, равный которому мы едва-ли найдемъ въ нашей церковной литературѣ.

Сынъ бѣднаго и многосемейнаго дьячка новогородской епархіи, оставшійся сиротой съ самаго младенчества, онъ рано вытерпѣлъ всѣ невзгоды нищаго и голоднаго люда и практически познакомился съ жизнью бѣднаго простонародья. Мать едва не отдала его въ работники къ одному ямщику, и только старшій братъ его, бѣдный причетникъ, заступился за него, оставилъ его при семьѣ, далъ возможность выучиться грамотѣ, потомъ опредѣлилъ его на послѣднія свои крохи въ новгородскую семинарію. Но крохъ этихъ было немного у брата-благодѣтеля. Дома 14-лѣтній Тимофей (мірское имя свят. Тихона) долженъ былъ зарабатывать хлѣбъ, нанимаясь въ поденщики къ богатому мужику; въ семинаріи нанимался у огородниковъ копать гряды, пока не попалъ въ благодѣтельную бурсу. Но и въ бурсѣ житье было очень бѣдно, давали одинъ только хлѣбъ и пріютъ. Онъ долженъ былъ лишать себя половины казенной порціи этого хлѣба, чтобы продавъ накопленные, такимъ образомъ, куски его, купить себѣ на вырученныя деньги свѣчку для занятій. Товарищи смѣялись надъ его отоптанными лаптями, и, найдя ихъ подъ

койкой, начнутъ, бывало, ими махать на него съ припѣвомъ: „величаемъ тя!“ Но и эти отоптанные лапти были слишкомъ роскошной для него обувью, такъ что онъ старался обходиться и безъ нихъ.

Такъ прошли всѣ годы семинарскаго курса до 1754 г. Затѣмъ, въ жизни его, какъ лучшаго воспитанника, слѣдовали учительство и монашество, къ которому онъ всегда чувствовалъ внутреннее призваніе, и обычныя передвиженія по учительскимъ и монашескимъ степенямъ до архимандритства и семинарской ректуры (въ тверской семинаріи). Онъ сталъ имѣть достатокъ, могъ вызвать къ себѣ на житье бѣдную сестру, которая доселѣ кормилась въ Короцкѣ поденной работой, нанимаясь у обывателей мыть полы. Но, поднявшись на такую служебную высоту, молодой архимандритъ не забылъ, какъ другіе его собратья, своей прежней жизни, остался такимъ же, какимъ былъ въ семинаріи, человѣкомъ простымъ, другомъ народа, горячо симпатизирующимъ жизни бѣдныхъ простолюдиновъ, прибѣжищемъ всѣхъ голодныхъ и холодныхъ. Его шесть книгъ „объ истинномъ христіанствѣ“, которыя остались памятникомъ его богословскаго преподаванія въ тверской семинаріи, показываютъ, что его прямой, здравый и практическій умъ не былъ порабощенъ и испорченъ господствовавшей тогда въ богословіи схоластикой, не пріучился къ пустой игрѣ въ одну діалектику. Каждая страница этихъ книгъ свидѣтельствуетъ, что онъ менѣе всего наклоненъ былъ показывать разные фокусы богословской діалектики, и всегда имѣлъ въ виду лишь выяснить взятую для изученія богословскую мысль по разуму православной церкви, выяснить какъ можно короче, доступнѣе для всѣхъ, даже самыхъ простыхъ слушателей, и, кромѣ того, сдѣлать эту мысль началомъ для ихъ жизни и дѣятельности. Слѣды такого направленія богословской науки мы замѣчаемъ у всѣхъ ученыхъ великоруссовъ того времени, старавшихся оживить богословіе послѣ вреднаго для него вліянія мертвящаго духа кіевской схоластики; но никто въ этомъ случаѣ не превзошелъ еще св. Тихона, можно безъ преувеличенія сказать, даже доселѣ.

Замѣчательно, что, имѣя въ виду религіозное образованіе народа, онъ едва-ли не первый изъ нашихъ церковныхъ дѣятелей пришелъ къ мысли о необходимости перевести все Св. Писаніе на общедоступный русскій языкъ и даже приступилъ уже къ этому труду, но скоро оставилъ его, убоявшись соблазна для тѣхъ, которые привыкли къ славянскому переводу.

Великоруссы только лишь начали тогда подниматься на высшія церковныя мѣста. Димитрій Сѣченовъ, общій ихъ покровитель, замѣтилъ св. Тихона, и въ 1761 году сдѣлалъ его своимъ викаріемъ. Смиренный архимандритъ не думалъ попасть на высокій постъ епископства; мечтой его было выстроить себѣ скромную келью въ монастырѣ и уединиться въ нее для аскетическихъ подвиговъ, отказавшись и отъ тѣхъ должностей, какія онъ несъ по управленію семинаріей въ монастырѣ. Онъ со слезами разстался со своею тверскою братіей и поѣхалъ въ Петербургъ, на посвященіе.

Въ Новгородѣ его съ не малымъ смущеніемъ ждали его товарищи, которые нѣкогда смѣялись надъ его нищетой, а теперь, будучи на разныхъ церковныхъ мѣстахъ, вдругъ попали къ нему подъ начальство, со смущеніемъ ждала даже облагодѣтельствованная имъ сестра. Но, когда онъ прибылъ, всѣ увидѣли, что онъ ни мало не измѣнился отъ почестей, остался тѣмъ же простымъ и незлобивымъ Тимофеемъ, которому, бывало, кадили подъ носъ лаптями. На епископствѣ его замѣтила сама Екатерина, тогда озабоченная замѣщеніемъ важнѣйшихъ іерархическихъ должностей новыми людьми изъ великоруссовъ въ виду готовившихся церковныхъ реформъ: и на другой же годъ по восшествіи своемъ на престолъ указала дать ему самостоятельную епископскую каѳедру въ Воронежѣ.

Первой его заботой здѣсь было завести училищные курсы для бѣдныхъ дѣтей духовенства, образовать само духовенство, поднять его изъ униженія, въ какомъ оно находилось въ этомъ дикомъ казацкомъ краѣ, и возвысить уровень его нравственнаго развитія. Это былъ въ высшей степени

добрый и общедоступный архіерей, совершенно чуждый того вельможнаго духа, который проникалъ тогда въ отношенія къ духовенству большей части другихъ архіереевъ, успѣвшій связать себя съ духовенствомъ какими-то сердечными, почти семейными, узами. Онъ первый изъ нашихъ іерарховъ требовалъ отъ своихъ консистористовъ и другихъ епархіальныхъ чиновъ, чтобы они уважали духовное лицо, какъ служителя храма Божьяго, и въ самыхъ судныхъ дѣлахъ обращались со священнослужителями съ подобающимъ почтеніемъ. Задолго раньше правительствованныхъ указовъ, старавшихся смягчить суровый характеръ епархіальной администраціи, въ Воронежской епархіи уже вовсе не слышно было о прежнихъ суровыхъ и унизительныхъ наказаніяхъ духовенства.

Св. Тихонъ относился къ нему не какъ владыка, а какъ старшій братъ, раздѣляющій съ нимъ интересы одного и того-же священнаго служенія; въ самыхъ наказаніяхъ виновнымъ священнослужителямъ сквозь начальственныя распоряженія по требованію архипастырскаго долга видимъ глубокочеловѣчное любовное отношеніе къ павшему собрату. Есть преданія, какъ, лишивъ недостойнаго священнослужителя мѣста, добрый святитель потомъ сдѣлался постояннымъ отцомъ и благодѣтелемъ какъ его, такъ и всего его семейства.

Въ то же время онъ съ большой энергіей старался защищать свое духовенство отъ своеволія и насилій казацкихъ начальствъ и разныхъ свѣтскихъ сильныхъ лицъ. Такимъ же сердечнымъ характеромъ отличались его отношенія къ паствѣ. Для возвышенія нравственно-религіознаго образованія народа, онъ ввелъ въ своей епархіи сказываніе катехизическихъ поученій, и самъ часто говорилъ поученія и издавалъ сочиненія для народа. Не ограничиваясь этимъ, онъ являлся самъ въ дома горожанъ, когда требовалось его утѣшеніе, наставленіе, пастырское участіе въ обстоятельствахъ частной ихъ жизни. Въ притоны бѣдности, въ тюрьмы онъ ходилъ въ рясѣ простого монаха съ утѣшеніемъ и богатою милостыней, на которую тратилъ все свое личное достояніе.

Проводя высоко-подвижническую жизнь, необыкновенно

строгій къ себѣ, онъ былъ столько же снисходителенъ къ другимъ, отличался моралью, принимавшей въ расчетъ всѣ человѣческія слабости, безъ духа ригористической обрядности, въ которую по самой природѣ своей склоненъ впадать аскетизмъ. Онъ говаривалъ иногда, что, еслибы онъ управлялъ монастыремъ, то лучше бы благословилъ престарѣлымъ и немощнымъ монахамъ для несенія трудовъ употреблять скоромную пищу, а хмельнаго питія вовсе не вкушать.

Кротость и смиреніе его не знали предѣловъ. Горячій отъ природы и нервный отъ болѣзни онъ умѣлъ до того проникнуться этими христіанскими добродѣтелями, что до земли кланялся своимъ келейникамъ, если видѣлъ, что они оскорбились какъ-нибудь его замѣчаніемъ; обидѣвшаго его онъ первый начиналъ умолять: „простите меня, ради Бога, что я ввелъ васъ въ искушеніе“.

Разъ въ одномъ домѣ онъ сталъ опровергать одного дворянина, щеголявшаго при немъ идеями модной философіи XVIII вѣка, и при всей кротости своей рѣчи опровергалъ его такъ мѣтко, что тотъ вышелъ изъ себя и ударилъ его по щекѣ. Смиренный святитель тутъ же упалъ ему въ ноги, и просилъ у него прощенія; это такъ поразило обидчика, что онъ расплакался и съ этихъ поръ сдѣлался хорошимъ христіаниномъ.

Простой народъ видѣлъ въ немъ отца и заступника предъ сильными міра. Онъ любилъ бесѣдовать съ ними объ ихъ нуждахъ, съ опытнымъ знаніемъ ихъ быта вникалъ въ самыя мелкія обстоятельства ихъ жизни, и никто не уходилъ отъ него безъ утѣшенія, совѣта, и иногда значительнаго матеріальнаго пособія. Онъ не давалъ себѣ отдыха отъ дѣлъ, коихъ всегда много у подобныхъ людей; до обѣда имѣлъ дѣло съ епархіальными бумагами и толпой просителей, послѣ обѣда до полночи писалъ свои поученія и пастырскія увѣщанія къ духовенству и народу.

Несмотря на молодость, (онъ 39-ти лѣтъ вступилъ на епархію), онъ выдержалъ только $4^1/_2$ года этой неутомимой жизни и до того разстроилъ свое здоровье, что долженъ

былъ проситься на покой. Въ своихъ прошеніяхъ объ увольненіи онъ представлялъ, что не можетъ заниматься дѣлами какъ должно и сколько должно, и потому боится страшнаго отвѣта за удержаніе своего мѣста, такъ какъ неизбѣжно долженъ попускать упущенія по болѣзни. Св. Синодъ уволилъ его на жительство въ Задонскій монастырь съ пенсіей 400 р. въ годъ. Но, удалившись, онъ сталъ думать, что мало сдѣлалъ для Церкви и общества. Предаваясь монашескимъ подвигамъ, св. Тихонъ, и въ уединеніи своей кельи продолжалъ свое общественное служеніе. Въ его жизни какъ бы воскресло древнее цвѣтущее монашество, такъ хорошо умѣвшее соединять аскетизмъ съ общественной дѣятельностью. Въ задонской кельѣ написана была большая часть сочиненій учительнаго и народнаго святителя и множество келейныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Она сдѣлалась источникомъ просвѣщенія христіанскаго для обширнаго круга. Къ ней стекался народъ изъ далекихъ окрестностей, чтобы получить благословеніе и наставленіе святого человѣка. Какъ нѣкогда древніе пустынники, онъ былъ миротворцемъ между окрестными помѣщиками, заступникомъ крестьянъ предъ ихъ жестокими господами, ходатаемъ за безвинно-осужденныхъ на судѣ въ Задонскѣ и въ Ельцѣ. Все, что давали ему знакомые на его нужды, онъ раздавалъ неимущимъ, такъ что послѣ смерти его у него нашли только образа, книги, нѣсколько никуда негодныхъ вещей изъ домашняго скарба и 14 р. денегъ, такъ какъ онъ не успѣлъ ихъ раздать. Жизнь его въ монастырѣ относится къ исторіи современнаго ему монашества, гдѣ оно занимаетъ собой самую свѣтлую страницу.

Преемникомъ его по воронежской епархіи былъ переведенный изъ Сѣвска преосв. Тихонъ Якубовскій, о которомъ находимъ весьма сочувственный отзывъ даже въ запискахъ Добрынина.

Въ другихъ епархіяхъ съ самаго начала царствованія Екатерины тоже повѣяло новымъ духомъ.

Нѣсколько позднѣе св. Тихона въ 1769 г. посвященъ былъ въ епископы его бывшій школьный товарищъ и другъ Си-

монъ Лаговъ и до конца XVIII столѣтія святительствовалъ сначала въ костромской (до 1778 г.), потомъ въ рязанской епархіяхъ. Воспитанные въ одной и той же семинаріи подъ руководствомъ общаго покровителя Димитрія Сѣченова, вмѣстѣ въ одинъ день (въ Лазареву субботу 1758 г.), по его благословенію постриженные, долгое время вмѣстѣ служившіе при новгородской семинаріи, св. Тихонъ и Симонъ отличались многими, совершенно сходными чертами характера.

Біографія Симона описываетъ его святительскую дѣятельность и духъ его управленія въ чертахъ иногда дословно одинаковыхъ съ житіемъ св. Тихона. И у того, и у другого видимъ ту-же заботливость о просвѣщеніи народа и духовенства, о возвышеніи нравственнаго уровня и общественнаго положенія послѣдняго, ту-же неутомимую дѣятельность, ту-же почти благостность, выражавшуюся въ отеческихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, въ простотѣ обращенія съ ними, въ щедрой благотворительности всѣмъ нуждавшимся и т. п. Какъ и пр. Тихонъ, Симонъ избѣгалъ суровыхъ наказаній и нерѣдко старался строгость по необходимости смягчать благотворительностью къ наказанному. Также любилъ обращаться съ простыми и бѣдными людьми, являться къ нимъ въ рясѣ простого монаха, неузнанный для личной помощи въ бѣдѣ и скудости, ходатайствовать за нихъ передъ властями, мирить ссорящихся, и пр. Также отличался незлобіемъ и всепрощеніемъ обидъ, самъ первый прося прощенія у обидчика.

Память объ этой благостности добраго святителя передана его современниками своимъ дѣтямъ, и, по свидѣтельству его біографа (преосв. Макарія орловскаго), доселѣ еще хранится на мѣстѣ его долгаго святительскаго служенія.

Въ Смоленскѣ съ 1761 г. до конца царствованія Екатерины занималъ святительскую каѳедру бывшій ректоръ св. Тихона и Симона, потомъ викарій Димитрія Сѣченова, Парѳеній Ропковскій. Въ историческомъ описаніи смоленской епархіи разсказываютъ о немъ, что онъ снисходительно сносилъ грубости духовныхъ лицъ, повторявшіяся неоднократно,

и употреблялъ самыя мягкія наказанія провинившимся, большей частью только для того, чтобы „попугать“, какъ онъ выражался, стараясь смягчить грубые нравы смоленскаго духовенства своими нравственными вразумленіями и возвышеніемъ его образованія. „Нѣкоторыя распоряженія преосвященнаго“, читаемъ здѣсь, „показываютъ, что онъ хотѣлъ поставить духовенство въ почтительномъ отношеніи къ міянамъ, или по крайней мѣрѣ, избавить его отъ униженія. Такъ онъ запрещалъ незваннымъ славить, водить сообщество съ крестьянами, при освященіи церквей мыла и утиральниковъ не расхватывать, не домогаться за требы сверхъ положеннаго“. Сюда же относятся его запрещенія священникамъ при славленіи водить за собой по домамъ свои семейства и дѣятельныя мѣры противъ крайняго развитія въ причтахъ и монастыряхъ пьянства, которое особенно доставляло скорбь благочестивому владыкѣ.

„Свойства души этого архипастыря ясно выражаются въ самомъ наказаніи виновныхъ. Хотя тѣлесныя наказанія священниковъ, діаконовъ и монаховъ были запрещены въ царствованіе Екатерины, но много еще оставалось другихъ мѣръ исправленія не менѣе тяжкихъ, а церковниковъ по прежнему позволялось тѣлесно наказывать при консисторіи. Но такія наказанія при немъ были рѣдкостью, большей частью онъ предписывалъ заключеніе въ монастырь на черныя работы, постъ по середамъ и пяткамъ и поклоны“. Если консисторія назначала тѣлесное наказаніе, онъ его отмѣнялъ и замѣнялъ какой-нибудь изъ упомянутыхъ, притомъ съ разными смягченіями, нельзя ли надѣяться на исправленіе и безъ нихъ. „Одинъ священникъ съ дьякономъ въ нетрезвомъ видѣ совершали бракосочетаніе, и даже неизвѣстно, окончено ли оно было или нѣтъ. Консисторія принудила сослать въ монастырь на годъ того и другого и жить имъ тамъ на своемъ содержаніи. Рѣшеніе было великимъ постомъ. Преосвященный согласился съ мнѣніемъ консисторіи, но прибавилъ отъ себя: только объявить имъ указъ на Ѳоминой недѣлѣ, а до того времени приказать благочинному, чтобы онъ

наблюдалъ ихъ, какъ они св. поста дни и св. Пасхи будутъ проводить и о томъ рапортовать. Можетъ быть, это было уже слишкомъ снисходительное рѣшеніе, по крайней мѣрѣ въ немъ видна вся мягкая, человѣколюбивая душа архипастыря".

Въ обращеніи съ подчиненными, продолжаетъ его біографъ, онъ былъ необыкновенно кротокъ и общедоступенъ. Во время обозрѣнія епархіи случилось ему присутствовать при литургіи въ сельской церкви. діаконъ, вѣрно, отъ торопливости или смущенія читалъ не то евангеліе, какъ положено было въ тотъ день; священникъ, желая его поправить, употреблялъ для того разные жесты. Владыко, обратившись къ священнику, замѣтилъ: „Оставь его; теперь не время и не мѣсто прерывать читающаго, хотя онъ и не то читаетъ, но все равно святое".

По разсказамъ современниковъ, лично его знавшихъ, онъ вообще былъ человѣкъ смиренный, незлобивый, благожелательный всѣмъ, милостивый къ бѣднымъ, нищимъ, вдовамъ и сиротамъ. Стараясь о распространеніи образованія въ духовенствѣ, онъ съ особенной любовью заботился о мѣстной семинаріи, много на нее жертвовалъ, самъ наблюдалъ за ходомъ преподаванія и успѣхами учениковъ, съ которыми обращался очень ласково. Часто съ ранняго утра приходилъ онъ въ классы, закупивъ по дорогѣ кренделей и булокъ для подарковъ болѣе успѣшнымъ мальчикамъ, слушалъ вмѣстѣ съ ними утреннія молитвы, спрашивалъ уроки и присутствовалъ на лекціяхъ. Пользуясь уваженіемъ императрицы, которая сдѣлала его пожизненнымъ членомъ св. Синода, онъ успѣлъ испросить у нея значительную прибавку къ скудному 2.000 окладу семинаріи (прибавка въ 2.500 руб.), и кромѣ того въ разныя времена получилъ отъ монаршихъ щедротъ до 10,000 руб. на постройку собора, въ пользу соборянъ, и для вдовъ и сиротъ. Нестяжательность и щедрость его простиралась до того, что онъ никогда не имѣлъ у себя ни денегъ, ни лошадей съ экипажемъ, ни разныхъ иногда необходимыхъ вещей, былъ постоянно долженъ эконому архіе-

рейскаго дома, забирая свое жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, и кромѣ того часто занималъ по мелочи, напримѣръ, по одному рублю у казначея, келейника или у кого-нибудь другого, кто около него случится, но никогда не отказывалъ обращавшемуся къ нему за помощью.

По смерти его (въ 1795 г.) смоленская консисторія рапортовала св. Синоду, что покойникъ завѣщалъ, по отдаленности смоленской епархіи отъ другихъ и по малому количеству оставшагося послѣ него имѣнія, для погребенія его не просить никого изъ епархіальныхъ архіереевъ.

Къ этому же разряду нашихъ тогдашнихъ святителей нужно присоединить митрополита Гавріила. Не увлекаясь духомъ современнаго вельможества, къ коему болѣе другихъ его собратій могли располагать его и высота почестей, и окружавшая его придворная среда, онъ до конца дней своихъ сохранялъ монашескую простоту въ обращеніи и съ высшими и съ низшими, былъ доступенъ для всѣхъ, кто имѣлъ до него надобность, и подъ суровой наружностью проявлялъ доброе и любящее сердце, которое откликалось на всякій призывъ нуждающагося. Благотворительность его была извѣстна всѣмъ, и въ архивѣ конторы новогородскаго архіерейскаго дома сохранилось множество просительныхъ къ нему писемъ отъ разныхъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія съ его собственными рѣшеніями.

Интересны отношенія нѣкоторыхъ преосвященныхъ къ подвѣдомственнымъ имъ чиновникамъ.

Въ московской и другихъ великорусскихъ епархіяхъ провинившихся чиновниковъ оставляли иногда безъ обѣда какъ школьниковъ, или сажали въ канцеляріи подъ арестъ на хлѣбѣ и водѣ. Въ малороссійскихъ епархіяхъ такого рода школьная дисциплина въ кругу консистористовъ была еще сильнѣе; такъ, въ кіевской консисторіи приказные, всѣ помѣщавшіеся въ каѳедральномъ монастырѣ, были подчинены въ 1768 г. архиваріусу іеромонаху, которому дана была для наблюденія между ними дисциплины особая инструкція. По ней онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы всѣ приказные ложились спать

въ 9 часовъ вечера, вставали въ 3 ч. утра, въ четвертомъ и пятомъ часу одѣвались и завтракали, потомъ до часу занимались дѣлами, въ часъ обѣдали, при чемъ чтобы хранили за столомъ благочиніе, не шумѣли, не кричали, посуды никакой не били и не ломали; послѣ обѣда они могли уходить въ городъ или къ знакомымъ монахамъ въ самомъ монастырѣ, но не иначе, какъ отпросившись у архиваріуса. Въ праздники архиваріусъ долженъ былъ вести ихъ въ Церковь и становить на клиросѣ для чтенія и пѣнія, и проч. Въ запискахъ Добрынина находимъ еще болѣе живыхъ матеріаловъ для характеристики положенія консисторскихъ приказныхъ. Каждый изъ нихъ во всякое время могъ быть потребованъ на какія-нибудь лакейскія услуги архіерею, наравнѣ съ пѣвчими и келейниками.

Разъ Кириллъ Флоринскій вздумалъ попышнѣе отпраздновать свои именины, назвалъ знатныхъ гостей и приготовилъ пиръ, но, такъ какъ для этого у него не было достаточнаго количества прислуги, да и та, какая была, не годилась по грубости и пропойству, то онъ распорядился, чтобы изъ консисторіи явились къ нему для услугъ два канцеляриста, стряпчій, двое подканцеляристовъ и двое келіотовъ.

„Каждому, разсказываетъ Добрынинъ, опредѣлилъ я должность: одному поручилъ подсчитать серебро, другому бѣлье, третьему стекло. Стряпчему, какъ блюстителю интереса, приказалъ быть въ кухнѣ, чтобы купанье было отпускаемо на столъ подъ собственнымъ его присмотромъ и наблюденіемъ, дабы паче чаянія иное блюдо не зашло къ какому нибудь старцу въ келью по прежнему обыкновенію. Остальнымъ приказнымъ приказалъ быть у перемѣны тарелокъ съ помощью гостинныхъ слугъ“ (т. е. прислуга гостей) и т. д. Самъ Добрынинъ, проходившій должность архіерейскаго секретаря, тоже постоянно долженъ былъ исполнять разныя лакейскія обязанности.

Часть II.

РУССКІЕ ПОДВИЖНИКИ

18-го вѣка.

Митрополитъ Филоѳей (Лещинскій).

(Проповѣдникъ евангелія инородцамъ Сибири).

Митрополитъ Тобольскій Филоѳей, въ схимѣ Ѳеодоръ, извѣстенъ столько же подвижническою жизнію своею, сколько апостольскими трудами. И въ Тобольскѣ, гдѣ онъ жилъ, и въ Тюмени, гдѣ онъ скончался и схороненъ, и по всей Сибири, благоговѣйно почитается его память.

Родился онъ въ Малороссіи въ 1650 году въ небогатой дворянской семьѣ Лещинскихъ.

Образованіе онъ получилъ въ Кіевской академіи, затѣмъ женился и былъ приходскимъ священникомъ. Вскорѣ овдовѣвъ, онъ постригся въ Кіево-Печерской Лаврѣ съ именемъ Филоѳея. Подвиги его тутъ съ первыхъ шаговъ въ молитвѣ, послушаніи, постѣ были такъ велики, что удивляли и братію и богомольцевъ. За распорядительность свою онъ былъ избранъ въ трудную по множеству дѣлъ должность эконома, а затѣмъ сдѣланъ намѣстникомъ зависѣвшаго тогда отъ Лавры Брянскаго Свѣнскаго монастыря.

О. Филоѳей горячо любилъ Лавру, но Господь опредѣлилъ ему потрудиться въ дальней странѣ.

Въ 1700 г. Императоръ Петръ Великій приказалъ Кіевскому Митрополиту подыскать изъ малороссійскаго монашествующаго духовенства умнаго и благочестиваго человѣка для проповѣди евангелія сибирскимъ инородцамъ.

Митрополитъ намѣтилъ тогдашняго архимандрита Новгородъ-Сѣверскаго монастыря Димитрія, который былъ посвященъ въ митрополита Тобольскаго. Но по слабости здоровья Димитрій вовсе и не ѣздилъ туда, и вскорѣ переведенъ былъ въ Ростовъ, а на его мѣсто посланъ Филоѳей.

Сибирско-Тобольская епархія простиралась отъ Ледовитаго моря до Китая и отъ Урала до Восточнаго океана; пространство ея теперь раздѣлено на шесть епархій.

Понятно, какъ трудно было управлять такою епархіею, которую обозрѣть даже не представлялось никакой возможности. Между тѣмъ она была въ крайнемъ неустройствѣ.

Филоѳей писалъ Государю: „Пришедъ въ Сибирскія страны, въ церквахъ Божіихъ обрѣлъ великое нестроеніе.

„А какое нестроеніе, не лѣтъ есть и писанію предати. А чинится то за великою простотою (т. е. священниковъ) и нищетою".

Архіерейскій домъ былъ въ развалинахъ. На возстановленіе и поддержаніе его Государь отпустилъ новыя дачи и угодья, которыми хозяйственный Филоѳей успѣшно управлялъ.

Затѣмъ особо чувствительный недостатокъ въ краѣ былъ въ церквахъ. За 21 годъ при митрополитѣ Филоѳеѣ выстроено было 288 церкви.

Мало было духовенства, было оно крайне невѣжественно и не обезпечено. Митрополитъ принужденъ былъ принимать въ духовенство изъ крестьянъ, казаковъ и другихъ сословій.

Духовенство въ городахъ не получало жалованья отъ казны, въ селахъ не имѣло земель. И то и другое было дано по ходатайству митрополита предъ Государемъ.

Для подготовленія добрыхъ священниковъ заведены были школы для дѣтей духовнаго званія, и содержались на счетъ архіерейскаго дома.

Затѣмъ митрополитъ обратилъ вниманіе на раскольниковъ, которые еще со времени патріарха Никона, скрываясь изъ срединной Россіи, селились во множествѣ въ Сибири. Были случаи при Филоѳеѣ возвращенія ихъ къ Церкви цѣлыми семьями и селеніями.

Но гораздо успѣшнѣе шло дѣло крещенія инородцевъ.

Въ 1706 году послѣдовалъ указъ Государя: „Сибирскому митрополиту Филоѳею ѣхать во всю землю вогульскую и остяцкую, и въ татары, въ тунгусы и якуты, и въ волостяхъ, гдѣ найдетъ ихъ кумиры и кумирницы и нечестивыя ихъ

жилища, и то все пожечь, и ихъ, вогуловъ и остяковъ. Божіею помощью и своими труды приводить въ Христову вѣру". Затѣмъ инородцамъ, которые пожелаютъ креститься, объявлялись разныя льготы, а гражданскому начальству предписывалось оказывать всякую помощь проповѣдникамъ и способствовать имъ въ средствахъ передвиженія.

Первые миссіонеры, посланные митрополитомъ, не имѣли успѣха.

Въ 1709 г. митрополитъ Филоѳей тяжело заболѣлъ, принялъ схиму съ именемъ Ѳеодора и удалился на покой въ устроенный имъ въ г. Тюмени Троицкій монастырь. Онъ собирался даже удалиться на мѣсто своего постриженія въ Кіевъ. Но Богъ рѣшилъ иначе.

Въ 1711 г. въ Сибирь назначенъ былъ губернаторомъ предпріимчивый и умный человѣкъ, князь Гагаринъ. Такъ какъ митрополитъ Филоѳей къ тому времени вполнѣ поправился, онъ предложилъ ему ѣхать самому миссіонеромъ, причемъ предоставлялъ ему и судно для плаванія, и гребцовъ, переводчиковъ, 10 казаковъ для охраны, 2,000 денегъ и распорядился, чтобы власти повсюду содѣйствовали проповѣдникамъ.

Митрополитъ рѣшился на этотъ подвигъ и началъ свои дѣйствія съ остяковъ, ближе всѣхъ жившихъ къ Тобольску.

Въ іюнѣ 1712 года онъ поплылъ внизъ по Иртышу, перешелъ въ рѣку Обь и останавливался въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было жилье.

Народъ этотъ былъ болѣе въ состояніи первобытной дикости и велъ жизнь полукочевую, зимуя въ лѣсахъ, а лѣто проводя по берегамъ рѣкъ, въ рыбной ловлѣ, зимою же занимались звѣроловствомъ. Они поклонялись идоламъ. Имѣли они понятіе о Высочайшемъ Существѣ, всеблагомъ Владыкѣ вселенной, но считали его слишкомъ далекимъ и недоступнымъ. Звѣрей, вредившихъ имъ, они обожествляли на ряду съ духами, болѣе, по ихъ мнѣнію, доступными, чѣмъ единый Богъ. Идолы ихъ были отвратительны на видъ. Жрецы ихъ,

шаманы, держали ихъ въ рукахъ благодаря своей хитрости и ихъ невѣжеству. Вѣрили они и въ загробную жизнь, представляя ее себѣ въ грубыхъ земныхъ образахъ. Къ этимъ-то людямъ и шелъ Ѳеодоръ.

Всюду онъ сжигалъ кумирни, разрушалъ идолы. Но, конечно, не ограничивался этой крутой и не доказательной мѣрой. Онъ пояснялъ имъ безсиліе этихъ идоловъ и говорилъ имъ о христіанскомъ Богѣ.

Во второе путешествіе митрополита многіе остяки, не имѣя болѣе предметовъ поклоненія и убѣжденные теперь въ ихъ безсиліи, охотно крестились.

Одинъ шаманъ даже самъ расположилъ свою паству къ Богу. Еще весною, до пріѣзда митрополита, онъ отказался отъ служенія идоламъ и ворожбы, сталъ вслухъ читать русскія молитвы, которыя слышалъ отъ крещеныхъ раньше остяковъ. Затѣмъ онъ сталъ громко говорить, что пришло время — и всѣ они станутъ христіанами.

Когда къ ихъ селеніямъ приплылъ митрополитъ, они встрѣтили его всѣ на берегу и сказали: „мы знаемъ: ты пріѣхалъ крестить насъ. Богъ не велитъ намъ противиться; исполни это!“ — и всѣ крестились.

Но часть этого поселка не захотѣла креститься и удалилась въ другую сторону. Куда ни приходили они, всюду ихъ преслѣдовали комары и мошки, и охота не удавалась, такъ что имъ грозилъ голодъ. Они поняли, что то вразумляетъ ихъ христіанскій Богъ, вернулись къ прежнему мѣсту и приняли крещеніе.

До 1727 г. митрополитъ ежегодно совершалъ поѣздки съ этою миссіонерскою цѣлью. Нѣсколько разъ жизнь его была въ опасности. Въ Буренинскихъ юртахъ старшина стрѣлялъ въ него. Къ счастью, пуля пронизала одежду святителя, не ранивъ его самого. А, когда впослѣдствіи старшина былъ схваченъ и привезенъ подъ стражей въ Тобольскъ, святитель взялъ его къ себѣ на поруки, и склонилъ къ принятію христіанства.

Много помогали дѣлу проповѣди чудеса, происходившія иногда при крещеніи. Такъ, крестили разъ слабую дѣвочку;

въ рѣку для погруженія ее пришлось нести на рукахъ. Выйдя же изъ воды, она вдругъ стала сильною, сама пошла домой и принялась тамъ за тяжелую работу. Одинъ 10-ти лѣтній мальчикъ, у котораго сильно болѣла нога, во время крещенія вдругъ выздоровѣлъ и побѣжалъ домой.

Всего крестилъ митрополитъ до 40,000 человѣкъ.

Просвѣщая инородцевъ, заботился онъ и о томъ, чтобъ утверждать ихъ въ христіанствѣ. Онъ строилъ имъ церкви на деньги, исходатайствованныя отъ казны, ставилъ часовни и кресты подъ навѣсами. Церкви снабжалъ утварью и всѣмъ нужнымъ для богослуженія, народу раздавалъ иконы и кресты. Священники должны были не менѣе трехъ разъ въ году объѣзжать новообращенныхъ, назидая ихъ въ вѣрѣ.

Изъ дѣтей инородческихъ выбирались способные мальчики и посылались въ мужскіе монастыри и архіерейскій Тобольскій домъ. Тамъ учили ихъ грамотѣ и Закону Божію, готовя ихъ къ священному званію.

Для новообращенныхъ были митрополитомъ испрошены значительныя льготы, и онъ оберегалъ ихъ какъ отецъ. Былъ съ ними привѣтливъ, кротокъ, покрывая любовью ихъ исконную грубость и темноту.

Зато, когда пріѣзжалъ онъ въ ихъ юрты, они бѣжали къ нему какъ дѣти къ отцу, падали на землю, цѣловали ему руки и ноги, отвыкали ради него отъ своихъ дурныхъ обычаевъ. Память о немъ доселѣ съ любовью хранится между ихъ потомками: „Добрый былъ старикъ, народъ въ обиду не давалъ; коммиссары и воеводы боялись его; остяковъ сильно любилъ; вѣрный слуга Божій былъ; святой былъ человѣкъ“.

Въ 1715 году, по кончинѣ митрополита Тобольскаго Іоанна, замѣстителя схимника Ѳеодора, ему снова ввѣрено управленіе той же епархіей.

Онъ ревностно принялся за дѣло, объѣзжалъ епархію.

Въ 1720 году онъ по прошенію уволенъ былъ на покой, причемъ получилъ отъ Императора Петра I за труды миссіонерства похвальную грамоту. Трудовъ этихъ онъ не оставлялъ до кончины.

Онъ поселился въ Тюменскомъ Троицкомъ монастырѣ и жилъ здѣсь уединенною простою жизнію. Лѣтомъ любилъ онъ ходить пѣшкомъ за 9 верстъ къ Ивановскому монастырю, гдѣ удилъ рыбу. Зимою онъ училъ грамотѣ дѣтей инородческихъ.

31 мая 1727 г. въ возсозданной имъ обители, среди взысканныхъ имъ дѣтей, старецъ схимитрополитъ Филоѳей—Ѳеодоръ тихо почилъ.

Во исполненіе его завѣщанія, тѣло его погребено въ монастырѣ, противъ входа,—„дабы, какъ гласитъ завѣщаніе, мимоходящіе попирали прахъ его ногами“.

Небольшое надгробіе отмѣчаетъ его могилу.

Свѣтлая жизнь его произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ его, и жители Тюмени и другихъ мѣстъ Сибири посѣщаютъ его могилу и служатъ на ней панихиды.

Схимитрополитъ Ѳеодоръ—Филоѳей былъ высокаго роста, въ старости нѣсколько сгорбленъ. Блѣдное лицо его, осѣненное сѣдыми волосами, выражало глубокій внутренній миръ и одушевленіе.

Іоаннъ (Максимовичъ), митрополитъ Тобольскій и всея Сибири.

Митрополита Іоанна уже давно почитали въ Сибири какъ великаго праведника; ходятъ разсказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ его предстательствомъ. И не только народъ, но и архипастыри Тобольскіе поддерживаютъ это чрезвычайное отношеніе къ памяти митрополита Іоанна.

Происходилъ онъ изъ извѣстнаго дворянскаго малороссійскаго рода, многіе представители котораго и прежде занимали и понынѣ занимаютъ видное положеніе въ государственной службѣ. Всѣхъ сыновей у отца его было семеро.

О дѣтскихъ годахъ Іоанна не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Также объ юности его. Извѣстно лишь,

что онъ родился въ Нѣжинѣ въ декабрѣ 1651 года, учился въ Кіевской академіи, былъ постриженъ и занималъ въ Лаврѣ значительную должность проповѣдника и эконома.

Насколько цѣнились его способности, видно изъ того, что въ возрастѣ всего 24 лѣтъ его избрали посломъ отъ Лавры въ Москву, къ царю Ѳеодору Іоанновичу—просить помощи Лаврѣ въ случаѣ нападенія турокъ на Кіевъ и дать имъ другой монастырь, гдѣ бы монахи могли укрыться въ такомъ случаѣ.

Посольство увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Царь отправилъ для защиты Лавры сильное войско и предоставилъ Лаврѣ Свѣнскій Брянскій монастырь. Іоанну Максимовичу было велѣно управлять этимъ монастыремъ.

Затѣмъ цѣлый періодъ двадцати лѣтъ въ жизни Іоанна Максимовича покрытъ неизвѣстностью. Онъ былъ настоятелемъ еще другихъ монастырей; но какихъ, неизвѣстно.

Мы застаемъ его въ 1695 году, когда архіепископъ Черниговскій, святой Ѳеодосій Углицкій, въ виду близкой кончины своей вызываетъ его къ себѣ и поручаетъ ему Елецкій монастырь, въ которомъ дотолѣ настоятельствовалъ самъ.

По кончинѣ святителя Ѳеодосія въ архіерейскихъ покояхъ собралась рада (избирательное собраніе) изъ уполномоченныхъ Кіевскаго митрополита, малороссійскаго гетмана, войска и мѣщанства — для выбора преемника усопшему, и былъ единогласно избранъ Елецкій архимандритъ Іоаннъ Максимовичъ.

Вступая на каѳедру, которую до него занималъ святой: святому и передалъ Максимовичъ свой монастырь, такъ какъ настоятелемъ Елецкимъ назначенъ былъ св. Димитрій (впослѣдствіи митрополитъ Ростовскій).

Рукоположеніе Іоанна въ епископскій санъ произошло въ Москвѣ.

Самъ ученый и писатель, святитель Іоаннъ былъ покровителемъ просвѣщенія въ своей епархіи. Онъ основалъ въ Черниговѣ коллегіумъ, послужившій образцомъ для духовныхъ семинарій.

Хоть немного помощниковъ было у архіепископа при устройствѣ коллегіума, но они были способные, дѣятельные люди, такъ какъ Іоаннъ обладалъ умѣніемъ вѣрно оцѣнивать людей и угадывать въ нихъ нужныя ему свойства.

Черниговскій коллегіумъ имѣлъ важное значеніе не для одного только духовенства. Въ него отдавали дѣтей своихъ и дворяне, и казаки, и мѣщане.

Среди немногихъ свѣдѣній, дошедшихъ объ этой порѣ жизни святителя, есть одно, свидѣтельствующее объ его благодарномъ сердцѣ. Онъ приказалъ занести во всѣхъ церквахъ Черниговской епархіи сунодики для помѣщенія въ нихъ именъ благотворителей.

Паства Черниговская цѣнила Іоанна, видя въ немъ истиннаго христіанина. Особенно привлекало къ нему народъ его горячее молитвенное настроеніе и смиреніе.

Уже тогда въ немъ дѣйствовали и чрезвычайные дары благодати. Такъ, Петру Великому, во время борьбы его съ Карломъ XII Шведскимъ, архіепископъ Іоаннъ сказалъ, какъ истинный патріотъ, воодушевленное слово, въ которомъ предрекалъ побѣду. „Благословенъ ты, — говорилъ святитель, — егда входиши, и благословенъ, егда исходиши: предастъ ти бо Господь Богъ врази твои, путемъ единымъ пріидутъ къ тебѣ и седмію путій побѣгутъ отъ лица твоего“.

Близость святителя Ѳеодосія къ избранному имъ преемнику не прекратилась съ кончиной его. Святитель Іоаннъ испыталъ на себѣ первое чудесное исцѣленіе молитвами св. Ѳеодосія.

Архіепископъ Іоаннъ былъ очень тяжело боленъ и звалъ на помощь своего предшественника, увѣренный въ томъ, что тотъ угодилъ Богу своею праведною жизнію.

Св. Ѳеодосій явился собрату и сказалъ: „Не скорби, братъ, Господь услышалъ молитвы твои, и ты будешь здравъ. Вставай съ одра и готовься служить божественную литургію. Это тебѣ знаменіе“. Очнувшись послѣ видѣнія, святитель послалъ сказать намѣстнику, что будетъ на слѣдующій день служить. Зная его положеніе, такія слова сочли бредомъ

больного. Между тѣмъ, на слѣдующій день архіепископъ, уже здоровый, совершалъ литургію.

Послѣ этого исцѣленія Іоаннъ приказалъ открыть пещеру, гдѣ былъ погребенъ св. Ѳеодосій, повѣсилъ тамъ большой его портретъ, и къ портрету этому составилъ надпись стихами.

Святитель былъ плодовитымъ духовнымъ писателемъ, и одно изъ сочиненій его „Царскій путь креста Господня“ въ изданіи Оптиной пустыни распространяется доселѣ.

Когда митрополитъ Сибирскій Филоѳей (Лещинскій, въ схимѣ Ѳеодоръ) отказался отъ каѳедры, Іоаннъ былъ призванъ его замѣнить.

Разсказываютъ, что это назначеніе въ страну, столь отдаленную и по климату столь мало подходившую къ Іоанну, проведшему всю жизнь на югѣ, было вызвано происками знаменитаго временщика князя Меншикова. Въ одномъ изъ княжескихъ имѣній въ епархіи Черниговской было назначено освященіе церкви, и управляющій, приглашая на торжество архіепископа, сказалъ назначенный для того княземъ день. Архіепископъ замѣтилъ, что день назначить дѣло его, а не князя, и самъ установилъ время освященія церкви. Кромѣ того, по всегдашнему обычаю своему, отказался отъ угощенія, предложеннаго послѣ церковнаго торжества. Все это стало извѣстнымъ князю и оскорбило его.

Говорятъ, святитель узналъ, въ чемъ дѣло, и произнесъ: „Да, далеко мнѣ ѣхать, но онъ будетъ еще далѣе меня“.

Дѣйствительно. Меншиковъ окончилъ жизнь въ дальней ссылкѣ, въ Березовѣ.

Въ половинѣ августа 1711 года митрополитъ Іоаннъ прибылъ въ Тобольскъ на двухъ плотахъ и остановился противъ Знаменскаго монастыря. Какъ ѣзжали въ старину Сибирскіе архипастыри, онъ ѣхалъ большимъ поѣздомъ: обыкновенно съ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ, съ архіерейскою ризницею, съ ученымъ духовенствомъ и громадною кладью.

На слѣдующій день, съ участіемъ властей и войскъ, произошло торжественное вступленіе архіепископа въ городъ.

Три года всего правилъ митрополитъ Іоаннъ этою громадной епархіей.

Онъ успѣлъ принять нѣкоторыя мѣры къ распространенію въ Сибири миссіонерства и къ построенію тамъ церквей, отправилъ духовную миссію въ Пекинъ, столицу Китая, убѣдилъ схимонаха Ѳеодора (бывшаго митрополита Филоѳея) принять на себя проповѣдь о Христѣ дикимъ племенамъ, жившимъ по рѣкамъ Иртышу, Кондѣ и Оби. И дѣло это имѣло громадный успѣхъ.

Всегдашній другъ просвѣщенія, митрополитъ Іоаннъ горячо заботился о созданной его предшественникомъ въ Тобольскѣ славяно-латинской школѣ. Для нея онъ выписалъ знающихъ наставниковъ изъ Кіева и Чернигова, употреблялъ на нее свои доходы.

Онъ былъ для духовенства, какъ добрый отецъ.

Въ личной жизни своей онъ былъ тихъ, смиренъ, сострадателенъ. Обладая большою работоспособностью, никогда онъ не былъ праздненъ; или читалъ, или писалъ, или училъ, или размышлялъ. Больше всего молился. Заперевшись у себя въ кельи, онъ долго-долго, колѣнопреклоненный, молился.

Добро онъ любилъ дѣлать тайно, и. какъ младшій его современникъ Іоасафъ Бѣлгородскій — чрезъ довѣренныхъ лицъ посылалъ деньги и разные предметы въ богадѣльни (при немъ ихъ было въ городѣ болѣе 20-ти), въ дома извѣстныхъ ему бѣдныхъ, особенно сиротъ. Онъ потихоньку (переодѣтый) подходилъ къ окну, стучалъ, произносилъ: „Пріимите во имя Іисуса Христа“ — и поспѣшно отходилъ. Особенно его сердце болѣло за бѣдныхъ духовнаго званія.

Тамъ, гдѣ было горе и нужда — была его сфера. Туда его тянуло всею душой.

Онъ любилъ ходить въ тюрьмы, которыхъ много было въ Тобольскѣ, и утѣшалъ, училъ, а также развлекалъ гостинцемъ заключенныхъ.

Этотъ человѣкъ глубоко воспринялъ завѣтъ евангельскій: „Когда дѣлаешь пиръ — не зови сосѣдей богатыхъ, которые могутъ воздать тебѣ тѣмъ же; но зови слабыхъ, угнетенныхъ

больныхъ!“ Такъ онъ поступалъ, и въ гости никогда не ѣздилъ: за три года одинъ разъ обѣдалъ у губернатора, и то по его усиленной просьбѣ.

Послѣ литургіи въ праздники онъ однако звалъ къ себѣ властей и кой-кого изъ горожанъ, и убожество угощенія было скрашено его бесѣдой, такъ какъ онъ имѣлъ замѣчательный даръ слова.

Заранѣе чувствуя близость смерти, митрополитъ сталъ готовиться къ ней: исповѣдывался, пріобщился. 10 іюня 1715 г. онъ въ послѣдній разъ служилъ литургію, и въ этотъ день въ своихъ комнатахъ устроилъ обѣдъ для городского духовенства и нищихъ. Нищимъ онъ самъ за столомъ прислуживалъ. Послѣ трапезы онъ простился съ духовенствомъ, ушелъ во внутреннія комнаты митрополичьяго дома и заперся тамъ.

Когда пришло время звонить къ утренѣ и, какъ это было заведено, очередной подошелъ къ двери, просить благословенія ударить въ колоколъ: архіепископъ не отвѣтилъ. Тогда собрали духовенство, пріѣхалъ губернаторъ. И, такъ какъ изъ комнаты Іоанна никто не отвѣчалъ,— взломали дверь.

Митрополитъ, уже почившій, стоялъ на колѣняхъ, въ молитвенномъ положеніи.

Смерть его была открыта находившемуся въ тотъ день вдали его предшественнику.

Митрополитъ Филоѳей, бывшій въ тотъ день въ Кондинскомъ краѣ, сказалъ окружающимъ: „Братъ нашъ Іоаннъ успе. Прейдемъ отсюда!“ — и тотчасъ возвратился въ Тобольскъ.

Святитель былъ, согласно желанію своему, погребенъ въ Успенскомъ соборѣ въ придѣлѣ Кіево-Печерскихъ Антонія и Ѳеодосія.

Чрезъ 26 лѣтъ, послѣ перестроекъ, могила его очутилась подъ открытымъ небомъ. Это было непріятно почитателямъ его памяти. Кромѣ того, стали ходить слухи, что митрополитъ Іоаннъ являлся архіереямъ Тобольскимъ, жалуясь, что его могила въ небреженіи, и надъ его гробомъ бѣгаютъ псы, и грозилъ имъ наказаніемъ.

Тогда надъ могилой былъ устроенъ придѣльный храмъ во имя ангела святителя — Іоанна Златоуста.

Въ 1826 г. архіепископъ Тобольскій писалъ:

„Митрополиту Іоанну Максимовичу здѣсь такъ велика вѣра, что многія носятся чудеса, и что даже самый сей придѣлъ построенъ въ честь его будто бы исцѣлившимся отъ него", — и въ виду плохого состоянія придѣла просилъ разрѣшеніе перенести гробъ святителя въ другое мѣсто.

Тайно архіепископъ съ духовенствомъ спустились въ склепъ, причемъ гробъ, клобукъ, мантія оказались вполнѣ цѣлыми.

Теперь надъ этимъ мѣстомъ виситъ портретъ святителя, по которому видно, что онъ былъ высокаго роста, мужественъ, съ сѣдыми волосами, длинной окладистой бородой и кроткимъ лицомъ.

Въ соборѣ есть доски, поставленныя въ память исцѣленій отъ святителя. Съ надгробія его берутъ песокъ.

Бываютъ часто просьбы отслужить въ помощь отчаянно больнымъ литургію на престолѣ, подъ которымъ почиваетъ святитель. И говорятъ, что его предстательствомъ больной выздоравливаетъ или наступаетъ легкая, тихая, безстрадальная смерть.

Павелъ Конюскевичъ, митрополитъ Тобольскій.

Митрополитъ Тобольскій Павелъ, въ міру Петръ Конюскевичъ, родился въ 1705 году въ городѣ Самборѣ, въ Галиціи, въ Червонной Руси.

Его отецъ, Самборскій гражданинъ, былъ, вѣроятно, богатый человѣкъ. Онъ далъ сыну образованіе въ мѣстномъ училищѣ. Петру хотѣлось продолжить это образованіе, и онъ отправился въ Кіевъ, поступилъ въ Кіево-Братскую Академію. Учился онъ прекрасно и также обратилъ на себя вниманіе замѣчательною кротостью нрава, которая однако со-

единялась въ немъ съ большою твердостью. Окончивъ курсъ, онъ былъ оставленъ при Академіи преподавателемъ піитики.

Благочестивый, тихій, любившій церковное дѣло, богослуженіе — онъ всегда чувствовалъ влеченіе къ монашеству, и на 28-мъ году постриженъ въ иночество.

Въ званіи іеромонаха онъ сопровождалъ настоятеля Лавры въ Петербургъ въ качествѣ распорядителя по экономической части. Это была сложная должность, такъ какъ нужно было вести отчетность всякой расходуемой копейкѣ. Доселѣ въ ризницѣ Лавры сохранилась шнуровая книга, данная Павлу отъ Духовнаго Собора Лавры. Она исписана вся его рукою и очень интересна, какъ характерный документъ церковно-общественной жизни того времени.

Въ Кіевъ на этотъ разъ ему не пришлось вернуться: онъ былъ посланъ въ Москву на видную должность проповѣдника при Московской Славено-Греко-Латинской Академіи.

Служа въ Москвѣ, онъ выдѣлялся какъ способностями и даромъ краснорѣчія, такъ и настойчивостью въ трудѣ и строгостью жизни. Чрезъ два года онъ былъ назначенъ архимандритомъ Новгородскаго Юрьева монастыря. Здѣсь онъ оставался 15 лѣтъ и воздвигъ много построекъ.

5 мая 1758 г. онъ былъ рукоположенъ въ санъ митрополита Тобольскаго и Сибирскаго.

Послѣ труднаго и долгаго пути, онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ въ морозный день 20 ноября, и, проведя ночь въ Знаменскомъ монастырѣ, наутро облачился въ лѣтней его церкви и торжественнымъ ходомъ пошелъ въ нагорный городъ. Совершивъ молебенъ въ городскихъ воротахъ, онъ прослѣдовалъ въ лѣтній Успенскій соборъ, гдѣ и отслужилъ обѣдню.

Этими дѣйствіями своими онъ показалъ, какъ мало щадитъ себя и бережетъ въ томъ, что считалъ своимъ долгомъ.

Немедленно принялся онъ за дѣла своей громадной епархіи, захватывавшей и мѣстности, лежащія въ Европейской Россіи.

Онъ любилъ науки и былъ очень образованъ, о чемъ свидѣтельствуетъ пріѣзжавшій въ Сибирь французскій уче-

ный—астрономъ. Этотъ же путешественникъ нашелъ въ немъ человѣка очень ревностнаго въ вѣрѣ, вѣжливаго и пріятнаго въ разговорѣ.

Естественно, что прежде всего обратилъ митрополитъ вниманіе на образованіе духовенства.

Существовавшая въ Тобольскѣ уже 20 лѣтъ семинарія была поставлена плохо: въ ней не было даже главнаго предмета — богословія. Открывъ богословскій классъ, митрополитъ непосредственно наблюдалъ за преподаваніемъ этого предмета.

Изъ Кіева вызваны были трое ученыхъ монаховъ для замѣщенія учительскихъ должностей.

Церквей въ епархіи было мало; большею частью деревянные, и пожары ихъ были обычнымъ явленіемъ. Митрополитъ открылъ въ селахъ и заводахъ нѣсколько новыхъ приходовъ. При немъ въ Тобольскѣ и другихъ монастыряхъ воздвигнуто около 20-ти каменныхъ храмовъ.

По отношенію къ духовенству онъ былъ суровъ къ порочнымъ, вызывалъ провинившихся въ архіерейскій домъ и монастыри, приказывалъ употреблять ихъ на черную работу. Эта черта его характера покрывалась его сострадательностью къ нуждающимся, вдовамъ и сиротамъ.

Для обращенія раскольниковъ были назначены митрополитомъ два миссіонера.

Въ 1764 г. въ Иркутскѣ при митрополитѣ Павлѣ обрѣтены въ Иркутскѣ мощи святителя Иннокентія (канонизованъ въ 1805 году), преставившагося въ 1731 г., проповѣдника христіанства дикимъ племенамъ Сибири.

Это событіе было послѣднею радостью въ жизни митрополита Павла. Для него настало тяжелое время.

Въ жизнеописаніи митрополита Ростовскаго Арсенія Маціевича было уже подробно говорено объ отобраніи въ казну имѣній монастырей и архіерейскихъ домовъ.

Митрополитъ Павелъ относился къ этой мѣрѣ съ тѣмъ же нескрываемымъ несочувствіемъ, какъ и Арсеній Маціевичъ.

Какъ и повсюду, суммы, назначенныя казною на содер-

жаніе въ Тобольскѣ архіерейскаго дома и монастырей, оказались недостаточными. Митрополитъ видѣлъ, что многія сибирскія иноческія обители, лишенныя способовъ къ существованію, заглохнутъ, и не будутъ уже служить дѣлу просвѣщенія инородцевъ.

Все это побудило митрополита Павла изложить свое мнѣніе о новой мѣрѣ Синоду въ откровенной, даже рѣзкой формѣ.

Возникло дѣло.

22 іюня 1767 года состоялось засѣданіе св. Синода, въ которомъ новгородскій митрополитъ Димитрій Сѣченовъ объявилъ повелѣніе императрицы о вызовѣ Тобольскаго митрополита Павла въ Москву.

Разсказываютъ, что наканунѣ этого засѣданія митрополитъ Павелъ явился во снѣ Димитрію и съ гнѣвомъ произнесъ ему на латинскомъ языкѣ слова, которыя, по переводу на русскій языкъ, означаютъ слѣдующее:

— Нѣкогда отцы наши, и въ числѣ ихъ нѣкоторые святые, даровали Церкви разныя земныя удобства, и неприкосновенность тѣхъ пожертвованій утвердили заклятіями. И я, человѣкъ грѣшный, недостойный епископъ Церкви Христовой, не своими по истинѣ устами, но устами отцовъ моихъ, проклинаю тебя, предателя церковныхъ имуществъ, и предрекаю тебѣ нежданную смерть!

Въ Петербургъ митрополитъ Павелъ не поѣхалъ, ни по первому, ни по второму указу, и, оставаясь въ Тобольскѣ, продолжалъ управлять епархіею. Тогда изъ Петербурга написали мѣстному губернатору, чтобъ онъ подтвердилъ митрополиту выѣхать чрезъ недѣлю, и въ случаѣ уклоненія его отъ этого распоряженія „онаго преосвященнаго выслать изъ Тобольска безъ всякихъ отговорокъ".

Но раньше, чѣмъ до Тобольска дошелъ этотъ указъ, митрополитъ Павелъ 11 января 1768 г. самъ выѣхалъ въ Москву и, прибывъ туда 2 апрѣля, подалъ просьбу объ „увольненіи отъ епархіи и отъ правленія епаршескихъ дѣлъ въ Кіево-Печерскую Лавру на обѣщаніе".

Св. Синодъ осудилъ митрополита Павла на лишеніе архіерейскаго сана, но императрица не утвердила этого приговора.

Изъ Москвы митрополитъ поѣхалъ въ Петербургъ. Нѣсколько разъ императрица требовала его къ себѣ, но онъ не ѣхалъ и говорилъ: „Я никуда не поѣду, а только въ Синодъ. которому обязанъ послушаніемъ“.

Ему было предложено вернуться къ управленію Тобольской епархіей, но на это онъ не согласился.

— Я лишенъ епархіи, говорилъ онъ, по приговору Синода и потому не могу возвратиться въ нее. Пусть отошлютъ меня въ Кіево-Печерскую Лавру, въ которой я далъ обѣтъ послушанія настоятелю“.

Ему въ этомъ не препятствовали, и въ августѣ онъ прибылъ въ Кіево-Печерскую Лавру.

Когда онъ уѣзжалъ изъ Лавры, императрица прислала ему десять тысячъ рублей. Онъ ихъ не принялъ. Эти деньги оставляли въ кельѣ его. Онъ ихъ выбрасывалъ, говоря, что это огонь.

Конечно, онъ находилъ несправедливымъ принимать деньги, какъ служитель русской Церкви, которая только что была лишена всего своего имущества.

Наконецъ, эти деньги были посланы съ надежнымъ человѣкомъ, приставленнымъ къ митрополиту для сопровожденія его въ Кіевъ, гдѣ этому человѣку велѣно было передать эти деньги какъ бы отъ митрополита Павла настоятелю Лавры.

Настоятель уговаривалъ митрополита принять этотъ даръ — по крайней мѣрѣ, для Лавры, на какое-нибудь полезное дѣло.

— А що ты устроишь, отче, на сей огнь? спросилъ его митрополитъ.

— Да вотъ хоть бы чрезъ огонь церковныя главы вызолотить.

— Се добре, сказалъ тогда митрополитъ: и деньги пошли на позолоту главъ Великой лаврской церкви.

Павелъ Конюскевичъ, митрополитъ Тобольскій.
почивающій въ Кіевѣ.

Въ Лаврѣ митрополитъ Павелъ поселился въ кельяхъ намѣстника, которыя были для того вновь отдѣланы, и жилъ спокойно, окруженный уваженіемъ, какъ безстрашный борецъ за права Церкви.

Онъ проводилъ время въ строго иноческихъ подвигахъ и часто, несмотря на болѣзненность свою, служилъ — какъ въ Лаврѣ, такъ и въ Кіевѣ.

Но лишь два года съ небольшимъ пришлось ему пожить въ мѣстѣ „своего обѣщанія“. 4 ноября 1768 г. онъ послѣ долгой болѣзни преставился „со всякимъ христіанскимъ порядкомъ“, какъ доносилъ Синоду архимандритъ Лавры, т. е. напутствованный таинствами.

Тѣло его было, по отпѣваніи, поставлено въ склепѣ подъ Великой лаврской Церковью, и, повидимому, никогда не было погребено (какъ и тѣло святителя Ѳеодосія Угличскаго, Черниговского чудотворца).

Впослѣдствіи забыли, кто именно схороненъ въ этомъ гробѣ.

Митрополитъ Кіевскій, знаменитый ученый Евгеній Болховитиновъ, въ концѣ 20-хъ годовъ минувшаго столѣтія сталъ устраивать новый склепъ для архіереевъ, погребенныхъ подъ Великой церковью.

12 іюня 1827 г. гроба, бывшіе въ склепѣ, стали переносить во вновь устроенныя могилы. Когда дошли до гроба неизвѣстнаго архіерея, послали спросить митрополита, прикажетъ ли онъ переносить этотъ гробъ. Митрополитъ отвѣтилъ, что онъ рѣшитъ этотъ вопросъ, когда осмотритъ гробъ. Но въ тотъ день сдѣлать этого не успѣлъ.

Въ слѣдующую же ночь ему представилась во снѣ буря: ему казалось, что домъ его колеблется, и онъ проснулся. Тогда онъ услыхалъ, что по заламъ архіерейскаго дома кто-то мѣрными, твердыми шагами идетъ къ нему.

Вслѣдъ затѣмъ двери спальной сами собою отворились, и въ ночной темнотѣ, весь сіяя свѣтомъ, къ нему вошелъ неизвѣстный ему мужъ въ архіерейскомъ облаченіи величественнаго и грознаго вида. На лицѣ его былъ гнѣвъ, онъ

стучалъ по полу посохомъ и приблизился къ Евгенію. Митрополитъ тотчасъ же всталъ съ постели и хотѣлъ поклониться ему, но ноги и колѣни у него сильно дрожали, и онъ не могъ этого исполнить.

Пришелецъ произнесъ малороссійскимъ говоромъ.

— Чи даси намъ почивати, чи ни? Не даси намъ почивати, не дамъ тебѣ и я николы почивати.

Сказавъ это, онъ вышелъ такими же мѣрными шагами.

Утромъ митрополитъ Евгеній пришелъ въ Великую церковь, чтобъ осмотрѣть гробъ неизвѣстнаго архіерея.

Когда открыли крышку гроба, то предъ ними въ полномъ нетлѣніи, точно спящимъ, лежалъ архіерей, который приходилъ къ нему ночью, и въ томъ же самомъ облаченіи.

Пораженный митрополитъ со слезами сталъ класть поклоны, цѣловалъ его руки... Немедленно стали разыскивать, кто этотъ архіерей, и, наконецъ, открыли, что это митрополитъ Тобольскій Павелъ, погребенный здѣсь 57 лѣтъ назадъ.

Митрополитъ отслужилъ о немъ панихиду и велѣлъ оставить на мѣстѣ его гробъ, который стоитъ тамъ же и понынѣ.

Богомольцы, посѣщающіе Кіевъ, бываютъ и у этого гроба.

Когда церковно-служители подымаютъ крышку съ простого деревяннаго гроба, предъ богомольцами лежитъ, какъ бы живой, спящій святитель, хотя онъ положенъ тутъ болѣе ста лѣтъ. У него русые волосы и борода. Спокойное лицо съ закрытыми глазами, нѣсколько впавшими. Руки сложены на груди. Онъ покоится въ митрѣ и въ облаченіи.

Извѣстный инокъ Парѳеній, описавшій свои странствованія по святымъ мѣстамъ, говоритъ въ описаніи Кіева:

„Во единъ отъ дней, въ Кіево-Печерской Великой церкви, въ лѣвомъ придѣлѣ, внизу подъ поломъ, показывали намъ мощи святителя Павла, митрополита Тобольскаго и всея Сибири, послѣ препровождавшаго жизнь свою въ Кіево-Печерской Лаврѣ на покоѣ и тамъ скончавшагося. Почиваетъ въ ракѣ подобно какъ спитъ, весь цѣлокупенъ, и духъ отъ него пріятенъ. Но во святыхъ донынѣ не почитается, а только желающіе служатъ по немъ панихиды“.

Какъ мало извѣстно объ этомъ человѣкѣ; но какимъ-то величіемъ дышитъ эта простая, непреклонная въ правдѣ своей, какъ ветхозавѣтные пророки, прямая и грозная личность.

Архіепископъ Тобольскій Варлаамъ.

Старшій братъ митрополита С.-Петербургскаго и Новгородскаго Гавріила Петрова, архіепископъ Варлаамъ, родился около 1729 года въ Москвѣ. Его мірское имя неизвѣстно.

Въ юности онъ началъ обучаться наукамъ — быть можетъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, но у него заболѣли ноги. Оставивъ науки, онъ рѣшился заниматься иконописью: дѣло, къ которому чувствовала влеченіе его тихая, вѣрующая душа.

Онъ поступилъ послушникомъ въ Александро-Невскую Лавру и жилъ здѣсь, усердно трудясь, любя молитву, отличаясь во всемъ усердіемъ и смиреніемъ.

Здѣсь, въ самомъ началѣ самостоятельной жизни, ему пришлось вынести очень тяжелыя обстоятельства, конечно, много повліявшія на выработку въ немъ твердаго характера. Неизвѣстно почему, братія сперва относилась къ нему очень недоброжелательно. Его всячески задѣвали, постоянно подымали на смѣхъ.

Все это онъ перенесъ терпѣливо, не вышелъ изъ лавры и спокойно дождался своего постриженія. Мало-по-малу отношенія сгладились, и братія стала даже уважать его.

Въ то время въ Александро-Невской Лаврѣ были опытные духовной жизни старцы, изъ которыхъ особою извѣстностью пользовался схимникъ Досиоей. Подъ ихъ руководствомъ, Варлаамъ все усиливалъ свою иноческую ревность и особенно привязался къ духовному чтенію. Онъ былъ рукоположенъ во іеродіакона, во іеромонаха, былъ игуменомъ Спасо-Елеазарова монастыря Псковской епархіи, и архиман-

дритомъ Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря, Тверской епархіи. Ему не было еще сорока лѣтъ, какъ онъ — 5 октября 1768 года — былъ рукоположенъ во епископа Тобольскаго и Сибирскаго. Такимъ образомъ, онъ явился замѣстителемъ по каѳедрѣ митрополита Павла Конюскевича.

Съ удаленіемъ митрополита Павла архипастыри Тобольскіе утратили титулъ митрополитовъ, которымъ они пользовались въ теченіе ста лѣтъ (1668—1768 гг.), но имъ оставлено право возлагать на себя митру съ крестомъ наверху и митрополичью голубую съ источниками мантію.

32 года управлялъ Варлаамъ епархіей, продолжая дѣло своего предшественника митрополита Павла: строилъ каменные храмы, заботился объ образованіи сыновей духовенства.

При немъ въ первый разъ двое лучшихъ тобольскихъ семинаристовъ были посланы въ С.-Петербургскую Академію, и съ тѣхъ поръ уже это отправленіе для высшаго образованія дѣтей Тобольскаго духовенства продолжалось непрерывно.

Особенно памятенъ остался архіепископъ Варлаамъ своей паствѣ дѣлами благотворенія.

Въ 1773—1774 гг. многіе уѣзды его епархіи пострадали отъ шаекъ Пугачева, которыя хватали, мучили и убивали всѣхъ остававшихся вѣрными правительству. Много истязаній перенесло отъ мятежниковъ и духовенство. При первомъ появленіи шаекъ архіепископъ Варлаамъ написалъ и разослалъ для прочтенія вслухъ по всѣмъ церквамъ епархіи пастырское посланіе, полное силы, въ которомъ убѣждалъ населеніе остаться вѣрными присягѣ. Затѣмъ, когда шайки были разсѣяны, онъ объѣхалъ всю пострадавшую отъ нихъ мѣстность, освящая или исправляя поруганные храмы и утѣшая жителей.

Въ 1792 г. произошелъ въ Тобольскѣ пожаръ, извѣстный подъ именемъ *большого:* сгорѣлъ Знаменскій монастырь, девять церквей, до тысячи домовъ. Варлаамъ, хотя средства его были скудны—роздалъ все, что у него было, погорѣльцамъ и неутомимо сталъ работать, чтобъ возстановить сгорѣв-

шія церкви. Онъ успѣлъ вызвать къ дѣлу общее сочувствіе и исполнилъ вполнѣ свое намѣреніе.

Субботніе дни были назначены у Варлаама для раздачи милостыни. Много бѣдныхъ въ эти дни собиралось въ архіерейскомъ домѣ, и экономъ, выйдя съ мѣдной чашей, наполненной деньгами, раздавалъ всѣмъ, сколько бы бѣдныхъ ни было. Затѣмъ носили милостыни въ острогъ и богадѣльни. Съ особой теплотой заботился епископъ о сиротахъ разнаго званія.

Кромѣ этой явной милостыни, онъ много благотворилъ и втайнѣ, отыскивая лицъ, которыя по положенію своему и стыдливости не рѣшались просить сами.

Вообще дѣла милосердія были его излюбленнымъ дѣломъ, и по кончинѣ его у него осталось имущество самое убогое.

Онъ отличался радушіемъ и гостепріимствомъ, и въ воскресные и праздничные дни послѣ литургіи къ нему собирались городскіе священники и многіе горожане, и онъ заботливо потчивалъ ихъ, ласковымъ радушіемъ скрашивая скромность угощенія. Часто онъ служилъ въ городскихъ церквахъ, принимая затѣмъ приглашенія къ почетнымъ прихожанамъ, и — какъ у себя дома — велъ за столомъ духовную бесѣду.

Онъ былъ строгій аскетъ, постникъ, спалъ на голыхъ доскахъ. Большую часть ночи и раннее утро онъ посвящалъ молитвѣ.

Ища уединенія, къ которому рвалась его истинно иноческая душа, онъ лѣтомъ удалялся на полное безмолвіе въ лежащій подъ Тобольскомъ Іоанновскій Междугорскій монастырь. Онъ жилъ здѣсь жизнью отшельника и занимался древонасажденіемъ. Плодомъ его трудовъ остались прекрасные кедры, своеобразная зелень которыхъ осѣняетъ теперь монастырь.

Чистота сердца, смиреніе и кротость архіепископа Іоанна выражались и на лицѣ его, и въ голосѣ, и въ движеніяхъ, и въ словахъ. До смерти онъ отличался благообразіемъ.

Не имѣя великихъ дарованій брата, онъ съ тѣмъ же достоинствомъ, какъ братъ его, прошелъ путь земной жизни и, раньше его родившись, на немного пережилъ его.

Имѣя глубокое почитаніе къ памяти славнаго митрополита Тобольскаго Іоанна Максимовича, которому онъ старался подражать, онъ завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ нимъ въ Златоустовскомъ придѣлѣ Тобольскаго каѳедральнаго собора. Доселѣ помнятъ и чтутъ его среди паствы Тобольской.

Предсмертная его болѣзнь была простудная горячка. Особоровавный и пріобщась Св. Тайнъ, онъ скончался на 74-мъ году жизни — 27 декабря 1802 года.

Симонъ Тодорскій, архіепископъ Псковскій и Нарвскій.

Среди гробницъ въ общей усыпальницѣ псковскихъ архіереевъ, находящейся подъ нижними сводами величественнаго Псковскаго собора — стоитъ одна, обширнѣйшая противъ другихъ размѣрами и отмѣченная стремленіемъ къ ней народнаго почитанія. Часто-часто раздаются у нея панихиды; около нея висятъ иконы, стоитъ подсвѣчникъ, гдѣ часто теплятся свѣчи. У этой могилы происходитъ то особое, что обыкновенно предшествуетъ прославленію праведнаго: все возрастаетъ въ ней народное усердіе, крѣпнетъ и развивается народная вѣра въ погребеннаго въ ней какъ въ подвижника, угодившаго Богу своею жизнію на землѣ и сильнаго теперь предъ Нимъ на небѣ. То могила архіепископа Симона.

При соборѣ ведется запись происходящимъ по явленію его исцѣленіямъ. И память Симона, бывшаго доселѣ извѣстнымъ, главнымъ образомъ, за свою глубокую ученость—все ярче и ярче встаетъ теперь, какъ память праведника...

Чудна судьба его: этой высокой мѣры души достигъ онъ, проведя всю сознательную пору жизни въ чужихъ краяхъ, въ поискахъ образованія, а затѣмъ — при Дворѣ.

Симонъ Тодорскій.

Снимокъ со стариннаго портрета, хранящагося въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, присланный для настоящаго изданія преосв. Арсеніемъ, еп. Псковскимъ.

Какъ же горяча была въ немъ Божья искра!

Архіепископъ Симонъ происходилъ изъ казачьяго рода Тодорскихъ и родился въ 1701 году въ мѣстечкѣ Золотоношѣ, что нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи. Отца его звали Ѳедоръ Іоанновъ, и онъ былъ казакомъ Переяславскаго полка (полкъ былъ извѣстная земельная единица, въ родѣ теперешнихъ уѣздовъ); онъ умеръ въ 1709 году. У Симона были двѣ сестры — одна замужемъ въ Золотоношѣ, другая, Іустина, была игуменьей Кіевскаго Фроловскаго монастыря. Изъ этого можно заключить, что семья Тодорскихъ была благочестива, и что глубокая, искренняя вѣра была удѣломъ Симона съ ранняго дѣтства.

Это настроеніе побудило Симона искать въ жизни духовнаго пути, отказавшись отъ службы отцовъ. Одинъ изъ современныхъ Симону документовъ говоритъ, что „ни въ какой казачей службѣ съ протчіими казаками онъ не бывалъ, но зъ дѣтска лѣта обучался въ Кіевской академіи“. Сюда однако онъ поступилъ въ юношескомъ возрастѣ, на 17-мъ году отъ рожденія.

Состояніе Кіевской академіи было въ то время хорошее. Въ ней только что ректорствовалъ знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, внесшій высокій, живой духъ въ дотолѣ мертвенное преподаваніе науки.

Девять лѣтъ (1718—1727 гг.) учился Симонъ въ Академіи. За эти годы общій уровень Академіи понизился и Симонъ покинулъ ее и направился оканчивать образованіе заграницу. Полный бодрости, несмотря на скудость средствъ, на отсутствіе въ чужихъ краяхъ знакомыхъ, Симонъ пустился въ дальній путь.

Предъ чужими краями Симонъ посѣтилъ Петербургъ. Можно думать, что цѣлью поѣздки было знакомство съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Ѳеофанъ вообще сочувствовалъ русской молодежи, стремившейся овладѣть западною наукою. Ѳеофанъ охотно принималъ ихъ, рекомендовалъ знатнымъ русскимъ, прося имъ помощи, и самъ оказывалъ имъ денежную поддержку. Такъ какъ изъ чужихъ краевъ Симонъ сно-

сился съ Ѳеофаномъ, то можно предположить, что именно Ѳеофанъ направилъ его въ Магдебургскій городъ Галле.

Въ этомъ мѣстѣ процвѣталъ тогда такъ называемый піэтизмъ. Онъ не составилъ особаго религіознаго толка, но стремился вызвать живую вѣру во Христа, зажечь въ душѣ горячую дѣятельную христіанскую любовь. Онъ искалъ внутренняго благочестія, созданія внутренняго новаго человѣка, возстановленнаго изъ поврежденнаго грѣхопаденіемъ „стараго человѣка". Покаяніе и вѣра во Христа — вотъ, что клалось въ основаніе для образованія такого человѣка.

Воплощая мысль о необходимости дѣятельной любви, піэтисты создали въ Галле „Сиротскій домъ" и университетъ. Оба эти учрежденія являлись сосредоточіемъ піэтизма.

Съ несравненнымъ прилежаніемъ Симонъ принялся за науку. Онъ былъ учителемъ въ Сиротскомъ домѣ, а кромѣ того имѣлъ для пополненія своихъ средствъ и постороннія занятія. Образъ жизни его былъ безупреченъ.

Не останавливаясь на содержаніи научной жизни Симона, необходимо сказать, что знанія, пріобрѣтенныя имъ въ Гальскомъ университетѣ, были глубоки и разносторонни. Онъ настолько усвоилъ себѣ, между прочимъ, восточные языки, что справедливо считался впослѣдствіи опытнымъ филологомъ-оріенталистомъ.

Близко-близко ознакомился онъ и со священнымъ Писаніемъ, и Библія вызывала въ немъ великое благоговѣніе и любовь, излившіяся въ стихотвореніи, которое имъ написано въ Галле.

Удивительно счастливая, ровная природа Тодорскаго предохранила его отъ крайности увлеченій піэтизма. Глубокая вѣра въ невидимое и непостижимое сочеталась въ немъ съ любовью и уваженіемъ къ наукѣ. Онъ не сталъ ни энтузіастомъ, ни ханжой, какіе, къ сожалѣнію, встрѣчались въ Галле.

Основныя же идеи піэтизма встрѣтили въ немъ полное сочувствіе, которое онъ и доказалъ, переведя на русскій языкъ извѣстнѣйшія сочиненія піэтистовъ—Іоанна Арндта и Анастасія Проповѣдника. На изданіе этихъ книгъ импера-

трица Анна Іоанновна прислала Симону шестьсотъ рублей, по ходатайству Ѳеофана Прокоповича.

Изданіе переводовъ было важнымъ событіемъ въ жизни Симона. Оно улучшило его денежныя обстоятельства и доставило ему знатныхъ покровителей. Такъ, Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій принялъ содержаніе Симона заграницею на свой счетъ. Вниманіе русскихъ выдающихся лицъ привлекло къ Симону сочувствующихъ и изъ нѣмецкой знати. Все это нисколько не вскружило Симону головы. Изъ своего положенія онъ старался извлекать пользу для другихъ, что сблизило съ нимъ многихъ товарищей. Вотъ, что̀ чрезъ девятнадцать лѣтъ писалъ Симону одинъ изъ нихъ:

„Девятнадцать лѣтъ тому назадъ пребываніе въ университетѣ доставило мнѣ приличный случай познакомиться съ тобой. Не могу отрицать, что во все время пребыванія моего въ Ливоніи мысли о тебѣ и воспоминанія о твоей добродѣтели не оставляли меня. Послѣ того, какъ ты во время прежней жизни оказалъ мнѣ благодѣянія и благосклонность, я долженъ признать это“.

Вообще и среди профессоровъ и среди студентовъ Симонъ пользовался и любовью и уваженіемъ. Можетъ быть, именно изъ-за этого, скромный и смиренный, онъ послѣ шести лѣтъ жизни въ Галле, покинулъ его, и затѣмъ, какъ говоритъ онъ самъ, полтора года пробылъ между іезуитами на разныхъ мѣстахъ. Въ 1737 году Симонъ, при возвращеніи въ Россію, былъ приглашенъ греками — учителемъ въ бѣлградскую школу.

Въ ученикахъ своихъ онъ оставилъ самое восторженное воспоминаніе—какъ высокимъ интересомъ, возбужденнымъ его преподаваніемъ, такъ и своею личностью, полною любви и сочувствія. Даже ученики учениковъ Тодорскаго прониклись уваженіемъ и любовью къ нему по разсказамъ о немъ.

Нравственное вліяніе Тодорскаго образовало какъ бы духовное братство, стремленіемъ котораго было — поддержать падавшее у грековъ и славянъ просвѣщеніе и тѣмъ доставить имъ оружіе противъ возраставшихъ со дня на день насилій

католиковъ и другихъ враговъ православной Церкви. И прочно стояла въ славянскихъ земляхъ слава Симона, какъ ревнителя православія, и просвѣтительное движеніе, возбужденное между славянами Тодорскимъ, не замерло съ возвращеніемъ Симона въ Россію, которое относится къ 1738 году.

Сводя въ одно цѣлое итоги этихъ годовъ жизни Симона, столь необыкновенныхъ для русскаго дѣятеля,— мы видимъ, что самое разнообразіе этой жизни должно было способствовать выработкѣ въ немъ стойкаго характера. Среди схоластики Кіевской академіи, религіозно-практическаго германскаго университета. среди піэтизма Галле, среди іезуитовъ и въ бѣлоградской школѣ — всюду оставался Тодорскій самимъ собою. Отовсюда какъ пчела беретъ лучшіе соки растеній, такъ и онъ бралъ отъ всякаго быта, отъ всякаго сообщества людей, съ которыми встрѣчался, лучшія стороны, избѣгая ихъ недостатковъ.

11 Іюня 1738 г. Тодорскій вернулся въ Кіевъ, гдѣ его ожидалъ прекрасный пріемъ. какъ благодаря хорошимъ аттестаціямъ заграничныхъ профессоровъ, такъ и расположенію къ нему митрополита Рафаила, съ радостью видѣвшаго въ немъ полезную силу для духовнаго просвѣщенія. Немедленно онъ поручилъ Тодорскому новый, открытый вслѣдствіе пріѣзда его классъ священныхъ языковъ — греческаго и еврейскаго.

Влагая всю душу въ дѣло преподаванія, Симонъ стремился дать ученикамъ своимъ, помимо знанія языковъ и общее развитіе. Изученіе языковъ онъ считалъ средствомъ къ тому, чтобъ овладѣть еще болѣе важными знаніями— пониманіемъ священнаго Писанія, богословіемъ, философіей.

По отзыву учениковъ его, личность Тодорскаго производила на нихъ глубокое нравственное воздѣйствіе. Они говорятъ, что „учились у него нравственному совершенству“, что онъ, „прилежалъ Божественному, воздержевъ былъ къ земному, искалъ не своего, а принадлежащаго возлюбленному имъ Христу“.

Было принято, чтобъ профессора Академіи были монахи. Тодорскій не только ничего не имѣлъ противъ этого званія,

но оно соотвѣтствовало вполнѣ его аскетическимъ наклонностямъ. Одинъ изъ учениковъ его писалъ: „Какимъ образомъ обнимаешь ты заботы вѣка сего, облекшись во всю любовь ко Христу, витая въ иномъ мірѣ и отложивъ все? У тебя хорошая корысть, ради которой ты желаешь во всемъ терпѣть убытокъ и быть соромъ, чтобъ только пріобрѣсть богатство у Христа".

17 Мая 1740 г. 39-ти-лѣтній Тодорскій постриженъ въ монахи. Получивъ священство, онъ былъ назначенъ еще и проповѣдникомъ. Насколько цѣнились его проповѣди, видно изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ доселѣ сохранились въ перепискѣ частныхъ лицъ.

Симонъ старался также нести благовѣствованіе и не христіанамъ, — евреямъ, въ чемъ ему много помогало его прекрасное знаніе еврейскаго языка.

— Ваши священныя рѣчи, писалъ ему одинъ изъ обращенныхъ имъ евреевъ, отверзли мое сердце и просвѣтили мнѣ очи. Я позналъ, что возвѣщенный мнѣ вами Мессія, сынъ Давидовъ, истиненъ, какъ истиненъ Самъ Богъ, вслѣдствіе чего я и принялъ истинную вѣру въ силу Божію.

Какъ смотрѣлъ Симонъ на подвигъ проповѣди, видно изъ его словъ: „Тѣ, кои искренно и въ смиреніи духа стараются о распространеніи Царства Христова, имѣютъ непостыдное и животворное упованіе въ евангеліи Христовомъ — услышать гласъ великаго Спасителя нашего, благовременно и безвременно нами проповѣдуемаго: „Благій рабе, вниди въ радость Господа твоего". Вотъ наше успокоеніе, ободреніе, утѣшеніе и укрѣпленіе во всѣхъ скорбяхъ, во всѣхъ напастяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Дарованія, добродѣтели и полезная дѣятельность Симона снискали ему великую любовь и уваженіе всего Кіева; особенно же цѣнилъ его митрополитъ Рафаилъ и, увѣренный въ немъ, рекомендовалъ въ законоучители къ наслѣднику царствовавшей тогда императрицы Елисаветы Петровны, великому князю Петру Ѳеодоровичу: 31 Мая 1742 году послѣдовалъ указъ о вызовѣ іеромонаха Симона ко Двору.

Съ какими мыслями вступалъ Симонъ на новое поприще — объ этомъ можно только догадываться.

Полный ревности къ родному православію, которой не ослабило въ немъ долговременное пребываніе въ чужихъ краяхъ, общеніе съ инославными его друзьями, Симонъ, конечно, глубоко сознавалъ всю важность возложенной на него задачи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, предугадывалъ онъ и великія ея трудности.

Порученный ему ребенокъ былъ очень избалованъ, своенравенъ, не способенъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ.

Потомъ изъ уединенія тихой кельи, отъ ученой каѳедры, съ которой слушала его съ затаеннымъ дыханіемъ стая развитой, жадной до научнаго знанія молодежи, ему предстояло перенестись въ высокомѣрную, занятую происками, придворную среду. И, по собственному признанію Симона, въ первое время онъ чувствовалъ себя, среди этихъ „скрытыхъ и непостоянныхъ людей, какъ бы покрытымъ мракомъ“.

Оторванный отъ ученыхъ занятій, Симонъ уже не могъ ничего дать такого, что закрѣпило бы навѣки его ученую славу.

Еженедѣльно четыре раза, Симонъ долженъ былъ заниматься съ наслѣдникомъ русскимъ языкомъ и Закономъ Божіимъ.

Такъ какъ мальчикъ былъ разсѣянный, вспыльчивый, съ дурнымъ характеромъ, кромѣ того болѣзненный, то заниматься было трудно. Кромѣ того. разные парадные пріемы и придворныя торжества постоянно нарушали правильность занятій.

Чѣмъ мягче казался учитель, тѣмъ хуже велъ себя ученикъ. Мало-по-малу Симонъ сдѣлался настоятельнымъ, даже строгимъ, и не только не сокращалъ положеннаго для уроковъ времени, но занимался долѣе назначеннаго.

Сынъ Голштинскаго принца, наслѣдникъ былъ лютеранинъ, и Симонъ, готовя его къ принятію православія, изъяснялъ ему наши догматы. Сверхъ того, Симонъ старался развить въ ученикѣ своемъ нравственную сторону, говоря ему „какъ надобно монархамъ христіанскимъ правду любить. сиротъ защищать, монаршими руками слезы невинно страждущихъ

Видъ Троицкаго Псковскаго собора, гдѣ покоится Симонъ Тодорскій.

щихъ отирать, яко за сіе вѣчное примутъ отъ Бога мздодоздаяніе".

7 Ноября 1742 Петръ, которому кончался тогда 15-ый годъ, принялъ православіе, но уроки продолжались и послѣ того, и нерѣдко неожиданно къ нимъ являлась и императрица. Симонъ былъ и духовникомъ наслѣдника.

Если, вслѣдствіе природныхъ свойствъ ученика, Симонъ не достигъ съ нимъ того, чего достигъ бы при другихъ условіяхъ,— то тѣмъ хорошимъ, что въ немъ было, Петръ многимъ обязанъ своему законоучителю. Напримѣръ, Петръ съ одной стороны не былъ ханжею, а съ другой не любилъ никакихъ шутокъ надъ вѣрою и словомъ Божіимъ.

Съ Февраля 1744 г. Симону было поручено давать уроки невѣстѣ наслѣдника (впослѣдствіи императрица Екатерина II). Здѣсь дѣло пошло совсѣмъ иначе. Молодая принцесса жадно искала всякаго знанія. Съ великою мудростью, овладѣвъ довѣріемъ ученицы, Симонъ поколебалъ въ ней сильное ея пристрастіе къ лютеранству и убѣдилъ въ истинѣ православія, доказавъ ей, что только православная Церковь осталась вѣрна подлиннымъ началамъ апостольской Церкви.

Ежедневно уроки продолжались два часа. и принцесса вступила въ православную церковь съ полнымъ убѣжденіемъ и съ благоговѣніемъ.

Кромѣ этихъ обязанностей, Симонъ былъ еще придворнымъ проповѣдникомъ.

При строгой послѣдовательности мысли, въ проповѣдяхъ Симона слышна сердечная теплота, глубокое одушевленіе, широкое пользованіе примѣрами и словами Священнаго Писанія и исторіи.

Положеніе Симона давало ему значительный вѣсъ, и онъ могъ оказывать помощь многимъ нуждавшимся въ ней и обижаемымъ. Его просили о покровительствѣ съ разныхъ сторонъ, и не одна просьба не была имъ оставляема безъ движенія.

Въ 1745 году Симонъ былъ назначенъ членомъ Св. Синода и опредѣленъ въ архимандриты Костромскаго Ипатьев-

скаго монастыря, а 31 Марта, назначенный на ново-открытую каоедру Костромскую, онъ былъ рукоположенъ въ Петербургѣ во епископа Костромскаго и Галицкаго.

Но въ епархію ему съѣздить не удалось; за пять мѣсяцевъ состоянія его Костромскимъ епископомъ онъ жилъ въ Петербургѣ, управляя епархіею указами. Между прочимъ, онъ затребовалъ свѣдѣнія о составѣ причтовъ и доходовъ ихъ, также о семейномъ положеніи ихъ,—вѣроятно, имѣя въ виду основать въ Костромѣ семинарію.

13 Августа того же 1745 г. епископъ Симонъ перемѣщенъ былъ на псковскую каѳедру; и этою епархіею ему пришлось управлять изъ Петербурга. Особенно заботился онъ о семинаріи Псковской, открытой его покровителемъ Рафаиломъ Заборовскимъ, когда тотъ былъ во Псковѣ. Между прочимъ, онъ желалъ, чтобъ воспитанникамъ старшихъ классовъ были предоставлены нѣкоторыя преимущества уваженія и довѣрія предъ младшими.

Онъ ревностно искоренялъ суевѣрія. Такъ, съ большою строгостью отнесся онъ къ одной купчихѣ, прибѣгшей къ ворожбѣ дворовой женщины и сурово наказалъ обѣихъ.

Вообще въ управленіи епархіею онъ обнаружилъ свой сильный характеръ.

Много заботился епископъ Симонъ о построеніи и украшеніи церквей.

20 Марта 1748 г. 48 лѣтъ, онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа.

Большое участіе принялъ онъ въ производившемся Святѣйшимъ Синодомъ дѣлѣ исправленія славянской библіи, причемъ участвовалъ и въ окончательномъ исправленіи текста.

Любовь къ наукѣ не покидала Симона до конца. Онъ выписывалъ изъ чужихъ краевъ появившіяся тамъ лучшія заграничныя изданія, и въ его библіотекѣ изъ 800 томовъ было много рѣдкихъ книгъ.

Въ 1750 г. архіепископъ Симонъ испросилъ себѣ отпускъ въ епархію. Можно думать, что больше онъ не возвращался въ Петербургъ.

Въ 1753 г. послѣдовалъ указъ императрицы Елисаветы Петровны Св. Сѵноду, чтобъ члена его, архіепископа Симона, находящагося въ епархіи, уволить для пребыванія въ оной для излѣченія болѣзни.

Какая была его болѣзнь и отчего возникла—неизвѣстно. Отразилась ли на организмѣ его усиленная умственная дѣятельность, безпокойныя перемѣны въ его судьбѣ, неподходящій для южанина климатъ Петербурга?...

Въ ночь съ 21 на 22 Февраля 1754 г., архіепископъ Симонъ преставился и 12 Марта погребенъ подъ Троицкимъ соборомъ.

Завѣщанія послѣ него не осталось. Найденныя послѣ его смерти 600 червонцевъ были деньги архіерейскаго дома. А свое онъ употреблялъ на помощь бѣднымъ, посылалъ даже въ чужіе края (одному кіевскому студенту, учившемуся въ Галле). Изъ вещей осталось нѣсколько иконъ безъ украшеній, нѣсколько рясъ и карманныхъ часовъ.

Всюду, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни своей,—воспитанникъ Кіевской академіи, бѣдный труженикъ, студентъ университета въ Галле, и придворный проповѣдникъ, въ которомъ всѣ искали: онъ былъ всюду ровный, свѣтлый, добрый, сочувствующій. Глубокая образованность его вмѣсто того, чтобъ наполнить его самомнѣніемъ, только украсила, сдѣлала выпуклѣе лучшія черты его характера Твердый, цѣльный, глубокій: онъ овладѣвалъ всегда намѣченной имъ цѣлью. Душевныя силы его были уравновѣшены. Ни одна изъ нихъ не забивала другую. Мысль и чувство, умъ и сердце—у него были въ полномъ ладу.

Но все, что было доселѣ сказано, является лишь внѣшнею оболочкой его жизни.

Какъ протекала сокровенная его жизнь съ Богомъ, въ чемъ состояли его монашескіе подвиги: это навсегда останется неизвѣстнымъ.

Но, конечно, высокъ былъ строй души его, если, окруженный міромъ и суетой его, среди пышности Двора и искушеній власти, честолюбія, роскоши — онъ прошелъ чрезъ

эту точно чуждую для него область, не взявъ отъ нея ничего, не отдавъ ей ни одной мысли.

Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Нетербургскій.

Митрополитъ Гавріилъ (въ міру Петръ Петровичъ) родился въ Москвѣ 18 мая 1730 года.

Родители его были люди хорошіе и передали свои добрыя свойства сыну. Отецъ его, во время рожденія Петра, былъ сунодальнымъ уподіакономъ и, получая до трехъ сотъ рублей, могъ по тому времени считаться не бѣднымъ человѣкомъ. Впослѣдствіи онъ былъ, какъ можно догадываться, священникомъ при Московской Козмодаміанской церкви, что въ Китаѣ-городѣ. Отца своего митр. Гавріилъ имѣлъ счастье сохранить очень долго, такъ какъ онъ умеръ въ глубокой старости и всю жизнь видѣлъ со стороны сына самыя лучшія чувства.

Родной братъ, на два года старшій митрополита Гавріила, въ иночествѣ Варлаамъ, былъ извѣстный подвижническою жизнью архіепископъ Тобольскій. О немъ доселѣ сохранилась въ Сибири память какъ о праведникѣ.

До 12 лѣтъ Петръ Петровичъ воспитывался дома, а въ этомъ возрастѣ былъ отданъ для обученія въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую академію, которая помѣщалась въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Учился онъ отлично, и чрезъ 12 лѣтъ по поступленіи, въ 1753 г., кончилъ курсъ. Къ Академіи всю жизнь онъ сохранялъ благодарность. Будучи архіепископомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, онъ дважды вносилъ по 10 тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы проценты шли на содержаніе бѣдныхъ учениковъ.

По окончаніи курса онъ два года прожилъ дома у отца безъ службы. Любя церковь и уединеніе, онъ рѣшилъ не связывать себя брачными узами, но не думалъ еще и объ иночествѣ, и потому избѣгалъ принять должность наставника

академіи, которая въ то время обязывала къ монашеству. У него была даже мысль испросить себѣ просфорническое мѣсто, чтобъ только, какъ онъ выражался, „имѣть маленькій кусокъ хлѣба“ и быть всегда при церкви.

Не лишнее замѣтить, что многія лица, впослѣдствіи замѣчательныя—при выборѣ поприща жизни долго колебались, представляя собой нѣкоторую загадку для окружающихъ. Зато тѣмъ искреннѣе подчинялись они волѣ Божіей и тѣмъ увѣреннѣе шли по пути, который имъ указывало Провидѣніе.

Господь берегъ Петрова для высокихъ цѣлей, и его намѣреніе провести жизнь такимъ невиднымъ дѣятелемъ не исполнилось.

Въ 1754 г. Петровъ опредѣленъ былъ справщикомъ, то есть, старшимъ корректоромъ въ Московскую синодальную типографію, находившуюся въ одномъ вѣдомствѣ съ академіей. Въ то время эта должность пролагала путь къ высшимъ должностямъ. Много трудовъ понесъ Петровъ въ производившемся тогда дѣлѣ перепечатки библіи. Въ то время онъ много читалъ и, какъ прежде, любилъ ходить въ церковь.

Его хотѣли наградить мѣстомъ учителя піитики (краснорѣчія) при Академіи. Онъ отказался, не рѣшаясь вступить въ монашество—не по предубѣжденію, а по благоговѣнію къ этому званію, котораго онъ считалъ себя недостойнымъ, мало подготовленнымъ.

Но онъ былъ призванъ довольно необычайнымъ способомъ къ тому званію, гдѣ Господь опредѣлилъ Петрову служить Его славѣ.

Въ 1758 г. Петровъ былъ переведенъ въ лаврскую семинарію учителемъ риторики. Настоятелемъ лавры былъ въ то время извѣстный проповѣдникъ Гедеонъ Криновскій, который былъ убѣжденъ, что Петровъ будетъ прекрасный инокъ.

Гедеону было поручено склонить Петрова къ иночеству. Да, кромѣ того, самое принятіе должности учителя считалось выраженіемъ согласія на постриженіе. Петровъ медлилъ рѣшеніемъ. Тогда послѣдовалъ вторичный указъ о постриженіи его, и Гедеонъ объявилъ ему, что отговоркамъ

внимать болѣе не будутъ, и онъ вызванъ былъ въ Петербургъ для постриженія на Троицкомъ подворьѣ. Въ желаніи избѣгнуть суеты, онъ просилъ, чтобъ его постригли въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. Уже былъ посланъ объ этомъ указъ, какъ Петровъ, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ, выѣхалъ въ Петербургъ. Такъ и совершилось его постриженіе въ томъ городѣ, гдѣ впослѣдствіи ему пришлось служить.

28 Іюня 1758 г., на 29-мъ году, Петръ Петровичъ Петровъ постриженъ на Троицкомъ подворьѣ съ именемъ Гавріила (что значитъ *сила, крѣпость* Божія), 30 Іюня онъ рукоположенъ во іеродіакона, а 1 Іюля — во іеромонаха.

Затѣмъ о. Гавріилъ вернулся въ Троицкую лавру. При отъѣздѣ онъ спросилъ у Гедеона, къ чему ему готовиться,— къ преподаванію философіи или другого предмета.

— Дѣлай, что прикажутъ: отвѣтилъ тотъ.

7 Іюля онъ назначенъ первымъ лаврскимъ соборнымъ іеромонахомъ, ректоромъ лаврской семинаріи и учителемъ богословія, а 14 Августа опредѣленъ и намѣстникомъ Лавры.

Можно думать, что должность эту онъ принялъ безъ радости. Преемникъ его, Платонъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) въ своихъ запискахъ говоритъ о себѣ, что онъ „намѣстничью должность принялъ неохотно и проходилъ съ тягостью. Поелику съ ней соединено было не только смотрѣніе за монахами и всегдашнее принятіе гостей, но и хлопотливое въ „соборѣ“ вотчинными дѣлами приказное правленіе (за Лаврой было до 150.000 душъ крестьянъ), что ректора отвлекало отъ пріятнаго для него въ школѣ упражненія“.

Гавріилъ, конечно, также долженъ былъ тяготиться этими дѣлами. Но онъ со вниманіемъ велъ ихъ, еще въ молодости научившись отъ одного подъячаго канцелярскимъ дѣламъ.

Образъ жизни его въ Лаврѣ былъ чрезвычайно трудолюбивый.

Съ вечера онъ готовился къ классу. Вставши, ходилъ къ утренѣ; затѣмъ готовился къ классу. Послѣ короткаго отдыха въ семь часовъ шелъ въ классъ; въ девять заходилъ въ лаврскую канцелярію для рѣшенія текущихъ дѣлъ. Отсюда

шелъ къ литургіи, потомъ опять въ канцелярію, затѣмъ въ классы, оттуда къ вечернѣ. Послѣ вечерни онъ обѣдалъ и вмѣстѣ ужиналъ,— кашицей съ сухарями.

По воздержности своей, о. Гавріилъ не могъ устраивать обильныхъ угощеній для братіи, за что его и упрекали. Упрекали его и въ строгости, такъ какъ онъ былъ прямъ въ своихъ обличеніяхъ.

Въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ все время своей лаврской службы о. Гавріилъ былъ къ учителю и префекту семинаріи, о. Платону (Левшину) и архимандриту Гедеону.

8 Августа 1761 г. о. Гавріилъ переведенъ ректоромъ въ Московскую академію и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря.

Въ Москвѣ занимался онъ многими учеными трудами.

29 Октября 1763 года о. Гавріилъ назначенъ епископомъ въ Тверь. Поставленіе его во епископа было совершено въ Петербургѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

По пріѣздѣ въ Тверь Гавріилъ разослалъ отъ себя по епархіи пастырскую грамоту, содержаніе которой очень интересно.

Начинается она словами: „Богоспасаемыя тверскія паствы Богохранимымъ градовомъ: Твери, Кашину, Торжку, Старицѣ, Ржеву, Зубцову и Осташкову, и всякой веси и мѣсту... благодать, и любы, и міръ“. Онъ обращается ко всѣмъ съ увѣщаніемъ, „да всякъ изъ васъ въ должности, въ какую кто отъ Бога призванъ, пребываетъ радѣтельно, честно и богоугодно“. Онъ напоминаетъ объ обязанностяхъ, лежащихъ на священникахъ, монахахъ, крѣпостныхъ, судьяхъ, подчиненныхъ, родителяхъ, дѣтяхъ, купцахъ, земледѣльцахъ, художникахъ и заключаетъ грамоту словами: „Всѣхъ же православныхъ христіанъ всякаго чина и состоянія, молю: „препровождайте жизнь свою, якоже прилично благочестивымъ христіанамъ и честнымъ гражданамъ, да цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“. Затѣмъ онъ молитвенно призываетъ

раскольниковъ возсоединиться съ Церковью и просить у паствы молитвъ за себя.

Въ Твери Гавріилъ прожилъ около двухъ лѣтъ, спокойно занимаясь епархіальными дѣлами и учеными трудами.

Затѣмъ Гавріилъ былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ разныхъ комиссіяхъ — между прочимъ, въ комиссіи для учрежденія полезнѣйшихъ училищъ. Кромѣ того, Гавріилъ былъ въ числѣ духовныхъ лицъ, которымъ императрица поручила предварительное разсмотрѣніе знаменитаго, ею написаннаго *Наказа* выборнымъ для составленія новаго Россійскаго Уложенія. Гавріилъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ и въ Москвѣ на торжественномъ открытіи коммиссіи.

Какъ велико было уваженіе императрицы къ Гавріилу, видно изъ того, что она приказала исполненный ею и придворными во время ея путешествія по Волгѣ переводъ сочиненія извѣстнаго французскаго писателя Мармонтеля „Велисарій“ посвятить преосвященному Гавріилу. И въ посвященіи написано было: „Мы чистосердечно признаемся, что Велисарій обладалъ нашими сердцами, и мы увѣрены, что сіе сочиненіе вашему преосвященству понравится, потому что вы мыслями какъ и добродѣтелью съ Велисаріемъ сходны“.

Въ 1767 г., кромѣ постоянныхъ своихъ занятій, Гавріилу пришлось много потрудиться по вопросу объ исправленіи Пролога.

Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ депутатомъ отъ Святѣйшаго Сунода въ Комиссію для составленія новаго уложенія и сталъ очень дѣятельнымъ ея членомъ. Его стараніямъ и настойчивости духовенство обязано тѣмъ, что сохранило свою самостоятельность, какъ особое сословіе, между тѣмъ какъ члены Комиссіи хотѣли причислить духовенство къ среднему сословію, наравнѣ съ мѣщанами и разночинцами.

Вскорѣ Гавріилъ назначенъ былъ членомъ св. Сунода, а 29 Сентября 1770 г.— архіепископомъ С.-Петербургскимъ и Ревельскимъ. Преемникомъ его по Тверской каѳедрѣ назначенъ былъ архимандритъ Платонъ (Левшинъ), въ рукоположеніи котораго Гавріилъ и участвовалъ.

Епархія С.-Петербургская, учрежденная всего лишь 28 лѣтъ до того, нуждалась въ особыхъ попеченіяхъ. Немедленно Гавріилъ учредилъ въ ней благочинныхъ для наблюденія за духовенствомъ.

Для приготовленія же достойныхъ священниковъ онъ обратилъ пристальное вниманіе на Невскую семинарію, находившуюся въ то время въ деревянномъ зданіи, въ глухомъ мѣстѣ—за нынѣшнимъ стекляннымъ заводомъ. Онъ достроилъ начатое до него каменное зданіе въ Александро-Невской Лаврѣ и перевелъ туда семинарію. Затѣмъ онъ для духовенства учредилъ пять школъ по городамъ: въ Новгородѣ — при семинаріи, и въ Старой Руссѣ, Тихвинѣ, Валдаѣ и Боровичахъ, и составилъ для этихъ школъ инструкцію.

При немъ совершенно преобразилась внѣшность Александро-Невской Лавры.

Выстроены каменные корпуса для митрополита и братіи существующіе понынѣ, и каменная ограда.

Съ 1776 г. начались работы по расчисткѣ мѣста и укрѣпленію почвы подъ фундаментъ для новаго, Троицкаго, собора, который и заложенъ въ 1778 году.

Еще раньше того, въ 1776 г., кромѣ петербургской каѳедры, ему поручена и новгородская, съ тѣмъ, чтобы онъ именовался архіепископомъ Новгородскимъ, С.-Петербургскимъ и Олонецкимъ. Можно думать, что это было сдѣлано съ цѣлью возвышенія архипастыря столицы, такъ какъ до того архіепископы С.-Петербургскіе занимали въ Синодѣ второе мѣсто,— по Новгородскихъ.

Отправившись обозрѣвать новую свою епархію, онъ сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ распоряженій.

Были возстановлены три древнихъ крестныхъ хода по Новгороду: въ воскресенье послѣ Петрова дня, въ Ильинъ день и въ первое воскресенье по Ильинѣ днѣ. Одинъ изъ предшественниковъ Григорія соединилъ ихъ вмѣстѣ. Григорій же опять установилъ имъ быть по прежнему въ три разные дня.

Затѣмъ — мѣра, чрезвычайно важная — онъ предписалъ собрать изъ всей Новгородской епархіи древнія рукописныя

и печатныя до XVII вѣка книги и хранить ихъ на хорахъ Софійскаго собора, причемъ составлена имъ была опись. Приняты мѣры къ цѣлесообразному расходованію монастырскихъ суммъ.

Въ 1783 году Гавріилъ возведенъ въ санъ митрополита.

Двѣнадцать лѣтъ продолжалась постройка Троицкаго собора въ лаврѣ. Наконецъ, 30 Августа 1790 г. онъ былъ освященъ самымъ торжественнымъ образомъ въ присутствіи императрицы и членовъ царской семьи. Рака св. Александра Невскаго была перенесена въ новый соборъ.

Въ увѣковѣченіе памяти трудовъ Гавріила, по устроенію собора, императрица заказала русскому художнику Козловскому сдѣлать изъ бѣлаго мрамора грудное изображеніе (барельефъ) митрополита (онъ обошелся въ 10,000 рублей) — въ маломъ архіерейскомъ облаченіи, т. е. въ мантіи, омофорѣ и митрѣ, и помѣстить на одной изъ стѣнъ собора, недалеко отъ раки. Этотъ барельефъ и понынѣ находится тамъ. Кромѣ того Державину было предложено составить надпись къ портрету, но она не понравилась, и императрица рѣшила составить сама надпись, гласившую, что въ ея царствованіе Св. Троицы храмъ „трудами преосвященнаго митрополита Гавріила Новгородскаго и С.-Петербургскаго заложенъ, созданъ и освященъ“.

Эта мѣра — помѣщеніе портрета строителя въ храмѣ, чрезвычайно исключительна и, конечно, не заслуживаетъ подражанія.

Велика заслуга митрополита Григорія въ области оживленія русскаго иночества.

Самъ аскетъ по жизни и по стремленіямъ, митрополитъ былъ въ духовномъ общеніи почти со всѣми выдающимися русскими иноками своего времени.

Извѣстно, что онъ приглашалъ жившаго на покоѣ въ Задонскомъ монастырѣ святителя Тихона въ свою епархію, въ Валдайскій Иверскій монастырь.

Митрополитъ находилъ, что дѣлу монашества вредитъ постоянное назначеніе въ монастырь настоятелей изъ, такъ

называемыхъ, „ученыхъ монаховъ“—большею частью малороссовъ изъ Кіевской духовной академіи. Эти люди, предназначавшіеся большею частью къ епископству, не могли какъ по молодости, такъ и по неопытности своей руководить съ должнымъ успѣхомъ духовною жизнью иноковъ. Они могли быть прекрасными администраторами, талантливыми проповѣдниками, но неудачными настоятелями. Монашество есть труднѣйшее изъ знаній — наука изъ наукъ, требующее долговременной опытности, многихъ лѣтъ той духовной жизни, пройдя чрезъ которую, настоятель можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать на братію. Всего этого не имѣли молодые, быстро двигавшіеся по службѣ, „ученые монахи“, которые, сверхъ того, и быстро смѣняли одинъ другого, вслѣдствіе возведенія на высшія степени.

Митрополитъ Гавріилъ понималъ, что въ настоятели монастырей надо избирать сильныхъ духомъ и опытомъ подвижниковъ изъ дальнихъ суровыхъ обителей.

Услыхавъ о старцѣ Адріанѣ, который жилъ пустынникомъ въ Брынскихъ лѣсахъ, онъ письмомъ пригласилъ его въ Петербургъ и затѣмъ направилъ его на Коневецъ, гдѣ вскорѣ онъ былъ назначенъ настоятелемъ.

Онъ ввелъ общежитіе по Аѳонскому уставу во многихъ монастыряхъ своей епархіи, каковы: Валаамскій, Коневскій, Иверскій, Зеленецкій, Тихвинскій, Новоезерскій Моденскій, Вяжицкій, Савва-Вишерскій, Отенскій, Клопскій, Дымскій.

Особое вниманіе обратилъ онъ на Валаамъ, представляющій по уединенному положенію своему на Ладожскомъ озерѣ значительныя удобства для монашеской жизни. Онъ вызвалъ изъ Сарова отшельника старца Назарія, чтобъ онъ ввелъ на Валаамѣ Саровскій уставъ. Дорожа знаменитымъ отшельникомъ, настоятель пустыни Пахомій и мѣстный епископъ отозвались о немъ митрополиту, какъ о человѣкѣ малоумномъ. Митрополитъ понялъ, что этотъ отзывъ внушенъ былъ смиреніемъ Назарія, и отвѣчалъ имъ: „У меня много своихъ умниковъ. Пришлите мнѣ вашего глупца“.

Чрезъ годъ по прибытіи на Валаамъ Назарія, который

чрезвычайно быстро повелъ дѣло возстановленія внѣшне и внутренне обветшавшей обители, митрополитъ, въ ободреніе его, далъ такую грамоту (отъ 9 Марта 1787 года) Валаамскому монастырю, доселѣ тамъ свято хранимую:

„Божіею милостію смиренный Гавріилъ, митрополитъ Великаго Нова-града и Санктпетербурга. Премилосердный Богъ уготовалъ мѣста, соотвѣтствующія расположенію ревностнѣйшихъ въ теченіи пути добродѣтельнаго, дабы съ большею удобностью и благотишіемъ могли возносить мысли свои къ престолу Величествія Его и соединять духъ Свой съ Нимъ.

„Таковъ есть на озерѣ Ладожскомъ, прежде нарицаемомъ Нево, островъ Валаамъ. Удаленіе его отъ береговъ приноситъ обитающимъ на немъ совершенное уединеніе отъ молвъ житейскихъ. Свидѣтельствуютъ сіе: то начавшіе, то совершившіе подвигъ и просіявшіе святостью жизни святые отцы: Сергій и Германъ, Александръ Свирскій, Кириллъ Бѣлоезерскій, Савватій и прочіе сея обители иноки.

„Мы, имуще толикъ облакъ свидѣтельствующихъ, видимъ, Промысломъ Спасителя міра устроену быти сему острову ко пребыванію иночествующихъ. И дабы возстановить въ немъ селеніе святыхъ, установляемъ: да всегда въ немъ правила, хранимыя въ пустыни Саровской, содержатся непреложно.

„Сего ради и призвахомъ изъ оныя Саровскія пустыни честнаго отца іеромонаха Назарія, извѣстни суще о его подвигахъ и усердіи утверждати иночествующихъ въ спасительной жизни; ему же оныя правила для непрерывнаго въ Валаамскомъ монастырѣ храненія ввѣряемъ. Мы преклоняемъ колѣна сердца нашего къ Отцу Господа нашего Іисуса Христа, да соблюдетъ сердца и разумѣнія ихъ...“

Въ заботахъ своихъ о Валаамѣ, митр. Гавріилъ посылалъ монашествующимъ духовныя книги, иногда со своею надписью.

Чтобъ не нарушать тишины обители, было сдѣлано распоряженіе о перенесеніи изъ нея 4-хъ-дневной ярмарки въ Сердоболь.

Митрополитъ самъ составилъ правила общежитій (въ 20 пунктахъ) и разослалъ ихъ по монастырямъ, гдѣ ввелъ его.

Поддерживая всячески иночество, митр. Гавріилъ радѣлъ о монастыряхъ не только своей епархіи. Ему обязана возстановленіемъ знаменитая Симонова московская обитель. Основанная въ 1370 г. роднымъ племянникомъ преп. Сергія, она стояла въ числѣ первыхъ русскихъ монастырей, но къ концу 18-го вѣка упала до того, что ее хотѣли упразднить, а зданія отдать подъ кавалерійскія казармы!

Московскіе жители выразили желаніе, безъ помощи казны, содѣйствовать возстановленію Симонова, и митр. Гавріилъ провелъ это дѣло.

Въ Новгородѣ при Гавріилѣ устроено нѣсколько ракъ для св. мощей, возвращена въ Коневскій монастырь чудотворная Коневская икона Богоматери, перенесенная сюда въ одно изъ шведскихъ нашествій.

Во всѣхъ заботахъ его о монастыряхъ ближайшимъ повѣреннымъ митрополита былъ о. Ѳеофанъ, ученикъ старца Ѳеодора Ушакова. Онъ былъ вызванъ изъ Софроніевой пустыни (населенной учениками великаго старца Паисія Величковскаго) въ Невскую Лавру въ числѣ пяти опытныхъ иноковъ и былъ келейникомъ митрополита.

Пріобрѣтя довѣріе его, о. Ѳеофанъ разсказалъ митрополиту о ссылкѣ безъ вины въ Соловки старца Ѳеодора, а митрополитъ испросилъ у императрицы дозволеніе о. Ѳеодору вернуться въ Санаксаръ, и далѣе поддерживалъ о. Ѳеодора.

По рекомендаціи Ѳеофана назначенъ въ Тихвинъ настоятелемъ ученикъ о. Ѳеодора (изъ гвардейцевъ) о. Игнатій. Полъ-года Синодъ не хотѣлъ согласиться съ этимъ назначеніемъ, такъ какъ раньше всегда въ этотъ знаменитый монастырь назначали настоятеля изъ ученыхъ. Поднявъ Тихвинскую обитель, о. Игнатій возстановилъ и Симоновъ.

Глубокое духовное пониманіе митрополитъ Гавріилъ высказалъ въ дѣлѣ изданія одной изъ лучшихъ для руководства монашествующихъ книгъ *Добротолюбія*.

Старецъ Паисій Величковскій перевелъ эту книгу съ греческаго на славянскій и прислалъ рукопись митр. Гавріилу. Митрополитъ назначилъ комиссію изъ ученыхъ преподавателей для провѣрки перевода. Но понимая, что недостаточно было для вѣрности перевода одно знаніе греческаго, а требовалась глубокая опытность въ духовной жизни, онъ назначилъ въ помощь ученымъ о. Ѳеофана, о. Назарія и еще двухъ иноковъ, предписавъ постоянно совѣтоваться съ ними.

При всей своей дѣятельности, митр. Гавріилъ находилъ время и для ученыхъ трудовъ. Онъ былъ одинъ изъ старшихъ членовъ Россійской Академіи, и продолжалъ также свою духовно-литературную дѣятельность. Онъ написалъ толкованія на всѣ соборныя апостольскія посланія (кромѣ одного), на евангельскія блаженства и нѣкоторые псалмы Давида. Его перу принадлежитъ сочиненіе: „О служеніи и чиноположеніяхъ православной Греко-Россійской Церкви“ и „Послѣдованіе о посѣщеніи болящихъ“.

Одна изъ самыхъ свѣтлыхъ чертъ личности митрополита Гавріила была его горячая православная ревность. Вотъ, одинъ изъ примѣровъ ея.

Митрополиту стало извѣстно, что въ нормальныхъ училищахъ (впослѣдствіи изъ нихъ образованъ главный педагогическій институтъ) не соблюдаются посты. Онъ немедленно пишетъ завѣдывавшему этими училищами графу Завадовскому слѣдующее замѣчательное письмо:

„По требованію вашего сіятельства я препроводилъ пятерыхъ семинаристовъ, для приготовленія ихъ къ учительской должности, въ нормальныя училища. Отъ экономa того училища первый классъ для нихъ открытъ — нарушеніе постовъ [1]). Одинъ изъ нихъ имѣетъ отца, который сына проклинаетъ за нарушеніе поста, плачетъ и меня бранитъ.

„Сей опытъ подаетъ случай Ваше сіятельство просить, чтобъ установленія святой церкви въ этомъ училищѣ хранить. Мы видимъ плачевный и ужасный примѣръ Франціи.

[1]) Т. е. первое обстоятельство, съ которымъ они встрѣтились — нарушеніе постовъ.

Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

Папы разрушили установленія Церкви. Оттуда вышелъ Вольтеръ и нынѣшняя Франція. Они почитали это малостью; но сія малость хранила союзъ между государями и народомъ. Здѣсь, говоря истину, усиливается развратъ нравовъ. А оное училище заведено, чтобъ нравы поправить. Первыя времена Россіи хотя иные и почитаютъ непросвѣщенными, но тогда больше было къ Правительству и къ Церкви приверженности и честности слова.

„Долгъ мой велитъ ваше сіятельство просить, дабы благоволили экономy предписать, чтобъ посты въ нормальномъ училищѣ хранимы были. Нарушеніе же ихъ будетъ всеобщею проповѣдью для Россіи... Могутъ ли преступники закона Церкви быть учителями закона? Я довольно примѣтилъ, что отступленіе отъ Церкви въ народѣ начинается нарушеніемъ постовъ.

„Ваше сіятельство требуете въ сіе училище изъ семинаріи еще 45 человѣкъ. Но они, слава Богу, для измѣны Церкви въ семинаріи не приготовлены. Экономъ училища можетъ сказать, что соблюденіе постовъ дороже обходиться будетъ. Но драгоцѣннѣе обязанность къ Богу, государю, Церкви и союзъ Россіи. Покорнѣйше прошу запретить такія вольности дѣлать, а приказать держать учениковъ въ правилахъ христіанской Церкви, и какое ваше о семъ воспослѣдуетъ опредѣленіе, прошу меня увѣдомить. Я, получивъ сіе, поспѣшу препроводить ихъ къ вамъ".

Вотъ это—твердость убѣжденія и настойчивости, достойная православнаго пастыря и заслуживающая подражанія.

Заводовскій отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ строгое предписаніе о соблюденіи постовъ.

Нельзя обойти молчаніемъ и слѣдующій поступокъ митрополита.

Весьма приближенный ко Двору священникъ Самборскій, бывшій при нашей миссіи въ Лондонѣ, вернувшись въ Россію, продолжалъ ходить, какъ заграницей, въ свѣтскомъ платьѣ, бритый и съ напудренными волосами. Митрополитъ, находя это неприличнымъ, выговаривалъ ему и, наконецъ, рѣшился запретить ему служеніе.

Въ городѣ Софіи (часть Царскаго Села) въ присутствіи Императрицы должны были освятить соборъ, и Самборскій вышелъ встрѣчать митрополита въ пудрѣ и ризахъ.

Митрополитъ выслалъ его изъ алтаря и не допустилъ служить.

Близъ церкви въ Новгородѣ, гдѣ почивали мощи преп. Арсенія, приставали барки, находился питейный домъ и рабочіе безчинствовали. Митрополитъ предписалъ перенести мощи въ Кирилловъ монастырь.

Замѣчателенъ митрополитъ Гавріилъ и какъ дѣятель въ области миссіонерства: обращенія язычниковъ и раскольниковъ.

Нуженъ былъ миссіонеръ для проповѣди язычникамъ сѣверо-западныхъ американскихъ острововъ. По указанію о. Ѳеофана митрополитъ остановилъ свой выборъ на Саровскомъ монахѣ Іоакимѣ. Іоакимъ, любя Саровъ и подвиги безвѣстнаго, простого иночества, отклонялся отъ этого назначенія и даже сталъ юродствовать, чтобъ избѣжать этой почести.

Замѣчательнымъ письмомъ отвѣчалъ на извѣстіе о томъ митрополитъ Саровскому строителю Пахомію:

„Я пришелъ въ ужасъ, прочетши ваше письмо. Отецъ Іоакимъ, достойный христіанской любви, поступилъ съ собою такъ, чтобы — какъ вы пишете — спастись. Но тотъ не спасетъ себя, кто не хочетъ споспѣшествовать спасенію другихъ. Я пропу увѣщать его именемъ вземшаго грѣхи всего міра Іисуса Христа, дабы онъ послѣдовалъ стопамъ Его. Христосъ пришелъ въ міръ, въ сонмище людей развращенныхъ, чтобъ спасти ихъ. Христосъ его призываетъ. Благодать его ожидаетъ, чтобъ онъ ей содѣйствовалъ“.

Замѣчательна и та сердечность, съ которою онъ относился къ раскольникамъ, которыхъ присылали для увѣщанія въ Невскую Лавру.

Изъ нихъ особенно памятно обращеніе Устюжскаго раскольника Ксенофонта.

Онъ выказывалъ по отношенію къ митрополиту много

упорства и грубости. Однажды, призвавъ его къ себѣ, митрополитъ положилъ на него правую руку и сталъ увѣщевать его кроткими, отеческими словами. Раскольникъ дерзко сказалъ:

— Что ты меня такъ долго держишь? Отсылай, куда надо.

— Подумай, Ксенофонтъ: кротко отвѣтилъ ему митрополитъ,—и разсуди хорошенько, чего ради я тебя держу. Корысти ли отъ тебя какой получить хочу, или чести желаю? Я лишь о душѣ твоей пекусь, чтобъ она была спасена отъ вѣчной погибели.

Но и эти слова не подѣйствовали на раскольника. Тогда митрополитъ обратился къ висѣвшему на стѣнѣ Тихвинскому образу Богоматери и съ воздѣтыми руками началъ громко молиться: „Боже, умилосердись надъ Твоимъ созданіемъ, удаляющимся отъ истины! Пресвятая Владычица и Заступница христіанъ, преклони Сына Твоего, да извлечетъ Онъ этого человѣка изъ бездны невѣрія и осужденія!“

Эта молитва не была безплодна. Раскольникъ присоединился къ православію и сталъ Валаамскимъ инокомъ (въ схимѣ Киріакъ).

Замѣчательно также обращеніе расколоучителя, Новгородскаго купца Маркелла Кукина. Онъ былъ очень начитанъ и въ продолженіи шести недѣль ходилъ къ митрополиту для пренія о вѣрѣ. Однажды митрополитъ цѣлую ночь молился о немъ; потомъ, приведя его въ Софійскій соборъ, снова молился объ озареніи его благодатью святого Духа и такъ потрясъ его душу, что онъ вышелъ изъ собора съ сознаніемъ своихъ заблужденій.

Впослѣдствіи чрезъ этого Кукина митрополитъ совершалъ тайныя дѣла любви и милостыни; чрезъ него митрополитъ выкупалъ должниковъ, сидѣвшихъ въ острогѣ, устраивалъ трапезы для бѣдняковъ и раздавалъ милостыню.

Вообще митр. Гавріилъ былъ благодѣтелемъ старообрядцевъ. По его личному ходатайству предъ императрицей сложенъ былъ съ нихъ двойной подушный окладъ и отмѣнены другія стѣснительныя распоряженія. Но при всей своей любви къ нимъ, Гавріилъ зорко охранялъ права Церкви. Съ

большою осторожностью онъ принималъ всякую мѣру и законъ относительно раскольниковъ.

Не имѣя ораторскаго дарованія, какъ товарищъ его, витія митрополитъ московскій Платонъ, онъ проповѣдывалъ не часто. Но много потрудился съ Платономъ въ изданіи очень полезной книги „Поученія на воскресные и праздничные дни", назначавшейся въ помощь священникамъ, которые не могли сочинять своихъ проповѣдей.

Въ личной жизни своей митрополитъ Гавріилъ былъ и остался до конца истиннымъ монахомъ.

Мы видѣли образъ жизни его въ Сергіевской Лаврѣ. Тѣмъ же аскетомъ жилъ онъ и въ митрополичьемъ санѣ.

О. Ѳеофанъ, самъ строгій подвижникъ, говоритъ о немъ: „Я недостоинъ, но Господь Богъ привелъ послужить такому великому мужу. Онъ угодилъ Господу Богу".

Столъ его отличался такою скромностью, что о. Ѳеофанъ, огорчаясь за митрополита его скудостью, говаривалъ ему:

— У насъ есть всякія масла: миндальныя и другія.

На это митрополитъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Надобно, братъ, привыкать. Можетъ быть, современемъ и этого не будетъ.

Эти слова были пророчествомъ. Послѣдніе мѣсяцы жизни онъ провелъ въ отставкѣ, не получивъ даже за службу свою никакой пенсіи.

Никогда при немъ въ Лаврѣ не бывало торжественныхъ обѣдовъ. Однажды пріѣхалъ къ нему Псковскій архіепископъ Ириней и попалъ на обѣдъ, который состоялъ всего лишь изъ пироговъ съ горохомъ.

— Что это? съ удивленіемъ спросилъ гость.

— Пироги съ горохомъ, весело отвѣтилъ ему хозяинъ. Ты вѣдь, я думаю, ѣдалъ? Что, развѣ забылъ?—Ну, перекрестяся, благослови, Господи, ѣсть кушанье новаго изобрѣтенія, пирожки съ горошкомъ.

Если митрополиту ради гостей приходилось ѣсть въ неположенное время рыбы, то онъ возмѣщалъ это усиленьемъ поста въ другое время.

Стѣсняя себя, все свое онъ раздавалъ нуждающимся. У него было положено раздавать въ день 50 рублей милостыни, и 300 руб. ежемѣсячно посылалось въ тюрьмы. А келейникъ его Ѳеофанъ ежедневно кормилъ странниковъ.

Больныхъ митрополитъ снабжалъ лѣкарствами, которыя самъ составлялъ. Его благотворительность не ограничивалась Петербургомъ.

Изъ разныхъ мѣстъ обращались къ нему съ просьбами сироты, заключенные и погорѣльцы, и всѣ просьбы были удовлетворяемы частью изъ его доходовъ, частью изъ суммъ, Высочайше назначаемыхъ ему для этихъ цѣлей.

Многіе бѣдные духовнаго званія получали отъ него извѣстное содержаніе или на его счетъ содержались въ монастыряхъ.

Характера онъ былъ скромнаго и держалъ себя чрезвычайно осмотрительно, былъ молчаливъ; чрезъ это всякое его слово получало особую силу.

Замѣчательно, какъ митрополитъ Платонъ предсказалъ ему опалу, которой въ концѣ жизни своей подвергся митрополитъ Гавріилъ.

Они вмѣстѣ въ послѣднюю встрѣчу свою ѣхали изъ дворца, и Гавріилъ замѣтилъ Платону, что онъ за столомъ говоритъ слишкомъ открыто.

— Меня всѣ разумѣютъ говоруномъ, отвѣчалъ Платонъ, и не сердятся. А васъ, наоборотъ, считаютъ за скромнаго. Итакъ, если вы выпустите когда либо лишнее слово, тотчасъ поймаютъ его на бѣду.

Гавріилъ былъ чуждъ человѣкоугодничества, не льстилъ никогда, говорилъ правду.

По самостоятельности своей и твердости характера онъ не любилъ посторонняго вмѣшательства въ зависѣвшія отъ него распоряженія, особенно по опредѣленію на мѣста. Одному вельможѣ, просившему объ опредѣленіи діакона на священническое мѣсто, онъ велѣлъ сказать:

„Положите его сіятельству, что я никогда не вмѣшивался въ его дѣла, и не назначалъ, кого ему опредѣлить въ

какую должность. Потому прошу и мнѣ не мѣшать въ опредѣленіи людей на мѣста сообразно съ ихъ извѣстными мнѣ достоинствами".

Счастье не надмевало его сильнаго, истинно христіанскаго духа, а скорби не приводили его въ уныніе. Онъ во всѣхъ вселялъ невольное уваженіе, при величественной простотѣ имѣлъ благородную непринужденную важность.

Вообще замѣчательно, какъ при пышномъ дворѣ Екатерины онъ сохранилъ глубокое настроеніе инока и полную духовную сосредоточенность.

Въ концѣ жизни Богъ судилъ перенести Гавріилу, какъ почти одновременно и другому выдающемуся русскому человѣку, Суворову, опалу императора Павла.

Въ первое время царствованія своего этотъ извѣстный рѣзкою измѣнчивостью своего характера Императоръ относился къ Гавріилу съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ Екатерина. Пользуясь этимъ, митрополитъ исходатайствовалъ у Императора весьма важный указъ — объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія священнослужителей, осужденныхъ по уголовнымъ преступленіямъ. Когда въ 1798 г. митрополитъ просилъ уволить его отъ управленія С.-Петербургской епархіей, чтобъ удалиться ему въ Новгородъ, то Государь выразилъ ему желаніе, чтобъ онъ продолжалъ свою службу.

А черезъ годъ совершенно неожиданно послѣдовалъ краткій указъ: „Казанскому и Симбирскому архіепископу Амвросію повелѣваемъ быть архіепископомъ С.-Петербургскимъ. Преосвященный же Гавріилъ остается Новгородскимъ и Олонецкимъ".

Самая краткость указа обнаруживаетъ чувство раздраженія, которое внушило его. Разгадку находимъ въ запискахъ о. Ѳеофана.

„Когда — разсказываетъ Ѳеофанъ — великую княгиню Александру Павловну выдавали въ Австрію, былъ духовный театръ, всѣ преосвященные были. А Гавріилъ велѣлъ подать карету и уѣхалъ. Государь говоритъ: „эти старики какіе грубые". Въ двадцать четыре часа велѣно выѣхать изъ Петербурга".

Это указаніе столь близкаго къ митрополиту Гавріилу лица подтверждается и историческою справкой. Въ октябрѣ 1799 г. въ Гатчинѣ происходили торжества по случаю двухъ свадебъ: великой княжны Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургскимъ, и Великой княжны Александры Павловны съ Палатиномъ Австрійскимъ. 15 октября, въ субботу, въ Гатчинскомъ придворномъ театрѣ былъ оперный съ балетомъ, придворный спектакль: *Enea nel Jasio*. Лица первыхъ четырехъ классовъ, послы и находившіеся въ Гатчинѣ члены св. Синода были званы на этотъ спектакль. Понятно, что митрополитъ Гавріилъ нашелъ его неподходящимъ для духовнаго лица и уѣхалъ: быть можетъ, нѣсколько демонстративно. А на слѣдующій день появился указъ.

Что раздѣленіе епархіи было сдѣлано для того, чтобъ удалить Гавріила въ Новгородъ, видно изъ того, что на подлинномъ прошеніи Гавріила, которое онъ подалъ незадолго до смерти и въ которомъ просилъ отставки и отъ управленія Новгородскою митрополіею, доселѣ сохранилась чьято карандашомъ надпись: „Воля Государя, чтобъ, когда архіерей пойдетъ въ отставку, то Новгородскую епархію соединить съ Петербургскою“.

14 декабря 1799 г. опальный митрополитъ покинулъ Петербургъ. Онъ ѣхалъ больнымъ — въ бреду и горячкѣ, и въ полубезсознательномъ состояніи пріѣхалъ въ Новгородъ. Его на рукахъ внесли въ архіерейскіе покои, и онъ такъ разболѣлся, что опасались за его жизнь. Онъ пріобщился. Въ началѣ 1800 года онъ писалъ въ одномъ письмѣ: „Я столько слабъ, что ни встать, ни сѣсть, если не подымутъ, не могу. Ноги распухли и не могу не только ходить, но и стоять. Весьма исчезаютъ силы мои. Я ожидаю, что съ узрѣть Спасителя моего и перейти въ будущую жизнь“.

Такое состояніе вынуждало бы митрополита просить объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ, но его удерживало одно обстоятельство. Уѣзжая разстроеннымъ и больнымъ изъ Петербурга, онъ не произвелъ полнаго разсчета по сдачѣ Петербургскаго архіерейскаго дома своему преемнику, увѣренный въ распо-

ложеніи его къ себѣ. Но завѣдывавшія архіерейскимъ имуществомъ лица показали неправильныя цифры, недостатокъ нѣкоторыхъ вещей и денегъ, и дѣло дошло до того, что почти обвиняли престарѣлаго архипастыря въ присвоеніи себѣ казеннаго имущества. Все это вызвало переписку, крайне тягостную и оскорбительную для митрополита, и безъ того изнемогавшаго.

Всегда дѣятельный, и тутъ, въ послѣдній годъ своей жизни, митрополитъ выказалъ обычную свою распорядительность, успѣлъ устроить лѣтній архіерейскій домъ и обновилъ обветшавшій городской.

Поселясь въ древнихъ, низкихъ непросторныхъ келліяхъ близъ храма святителя Никиты, архіепископа Новгородскаго, митрополитъ, чувствуя близость смерти, еще усилилъ свои подвиги. За дверями храма, гдѣ ежедневно совершалась литургія, была спальная митрополита, и оттуда онъ слушалъ службу. Всякую недѣлю онъ исповѣдовался и въ этомъ же храмѣ пріобщался.

Немного бѣлаго хлѣба и горшочекъ сарачинскаго пшена съ черносливомъ составляли его обычную пищу. Послѣ легкаго послѣобѣденнаго отдыха съ помощію двухъ канонарховъ онъ читалъ бесѣды Іоанна Златоуста и другія духовныя книги. Часто онъ проводилъ всю ночь въ молитвѣ, стоя на колѣняхъ и проливая потоки слезъ. По субботамъ приходило къ нему множество нищихъ, и онъ раздавалъ милостыню. Онъ любилъ изъ своихъ рукъ кормить голубей пшеницею, и они такъ привыкли къ нему, что садились ему на плечи.

Въ эту пору митрополитъ написалъ свое завѣщаніе. Драгоцѣнныя, жалованныя ему вещи онъ завѣщалъ частью ризницѣ Новогородскаго Софійскаго собора, частію своему брату архіепископу Тобольскому Іоанну, незначительныя деньги — на поминъ родныхъ и на бѣдныхъ учениковъ Новгородской и Александро-Невской семинарій.

Все болѣе и болѣе слабѣя, онъ отправилъ Государю прошеніе объ увольненіи его отъ управленія Новгородской епархіей, съ пожалованіемъ ему пенсіи и назначеніемъ въ

его управленіе московскаго Симонова монастыря, гдѣ онъ надѣялся поселиться. Понятна была затаенная надежда старца окончить свои дни въ родной Москвѣ, въ воздвигнутой имъ изъ развалинъ древней обители. Но на прошеніе его послѣдовалъ столь же до странности сухой, какъ тотъ, которымъ онъ былъ лишенъ петербургской каѳедры, указъ: „Митрополита Новгородскаго Гавріила отъ увольненія епархіей увольняя, повелѣваемъ ему остаться въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ онъ нынѣ находится“.

За его долгую службу и заслуги предъ Церковью и государствомъ ему не дали даже пенсіи... И оказалось вѣрнымъ сказанное имъ когда-то келейнику Ѳеофану слово, что, можетъ, современемъ ждетъ его скудость.

Вообще, въ немъ замѣчали даръ прозорливости. Однажды, посвящая ставленника, онъ предъ великимъ выходомъ снялъ съ головы его покровъ и не сталъ посвящать его. Впослѣдствіи открылось, что этотъ человѣкъ былъ виновенъ въ государственномъ преступленіи.

Наконецъ, усѣянный при концѣ колючими терніями жизненный путь митрополита Гавріила окончился.

Въ 3 часа пополудни 26 января 1801 года, на 71-мъ году жизни, онъ тихо скончался, сидя на софѣ. Его окружали въ эту минуту многія духовныя лица, которыхъ онъ пригласилъ, чувствуя приближеніе смерти.

Его схоронили въ Софійскомъ Новгородскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Крестителя Господня Іоанна.

У мѣста его упокоенія была вдѣлана въ стѣну доска съ надписью.

Петрозаводскій юродивый Ѳаддей.

Между жителями города Петрозаводска сохраняются преданія о юродивомъ Ѳаддеѣ, современникѣ Императора Петра Великаго.

Въ десятыхъ годахъ истекшаго девятнадцатаго вѣка одинъ житель Петрозаводска, слышавшій въ дѣтствѣ раз-

сказы о подвижникѣ отъ его современниковъ, очевидцевъ его жизни, составилъ рукописное жизнеописаніе его, благодаря которому уцѣлѣли нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ.

Ѳаддей былъ средняго роста, имѣлъ благородную осанку; былъ кротокъ и смиренъ. Лицо его было благообразное, круглое и блѣдное, высокій лобъ, изрытый морщинами. Взоръ его свѣтился умиленіемъ и точно всматривался во что-то далекое, видное одному ему.

Жизнь его текла въ великой чистотѣ, полна Христіанскихъ добродѣтелей. Благочестіе просвѣтило его ясный отъ природы умъ; онъ надѣленъ былъ даромъ прозорливости и давалъ меткіе совѣты тѣмъ, кто искалъ у него духовной помощи. Постоянный постъ, убогая одежда — таковы были условія жизни Ѳаддея. Онъ носилъ грубую темную свитку, кожаный поясъ и жесткую власяницу. Подъ нею тѣло его тяготили желѣзныя вериги и крестъ на груди и плечахъ. Въ рукахъ носилъ онъ желѣзный посохъ.

Свои высокія духовныя свойства — свѣтлую душу, глубокій, тонкій умъ, добродѣтели свои Ѳаддей скрывалъ подъ видомъ юродства.

Происходитъ онъ изъ Олонецкаго края. Но изъ какого именно мѣста — неизвѣстно. Люди, имѣвшіе случай бесѣдовать съ нимъ, утверждали, что Ѳаддей пришелъ въ Петрозаводскъ въ 1706 году, когда при основаніи заводовъ переселяли туда жителей изъ другихъ мѣстностей. И поселился онъ въ маленькой хижинѣ, къ сѣверу отъ Петропавловскаго собора.

Бывая въ храмѣ, Ѳаддей молился всегда съ великимъ усердіемъ. Нѣкоторые изъ его современниковъ замѣчали какъ бы особое сіяніе на его лицѣ, когда онъ пріобщался святыхъ Тайнъ. Въ церкви Ѳаддей наблюдалъ за прихожанами, терпѣть не могъ, чтобъ они разговаривали между собою, и въ такихъ случаяхъ дѣлалъ виновнымъ строгій выговоръ.

Ѳаддей былъ весьма ревностенъ къ православію. Онъ не терпѣлъ раскола. Когда раскольники пытались убѣдить

его въ истинѣ своего ученія, онъ вмѣсто отвѣта читалъ имъ символъ вѣры, и билъ нарушителей правой вѣры своимъ жезломъ.

Постоянно занятый трудомъ или молитвой, Ѳаддей употреблялъ одну лишь постную пищу и то настолько лишь, чтобъ поддержать жизнь.

Когда ему давали деньги, онъ относилъ ихъ въ церковь или одѣлялъ ими бѣдныхъ.

На вопросы давалъ онъ отвѣты кратко и тихо, наставлялъ вразумительно. Дальновидные люди могли видѣть въ немъ, и подъ видомъ юродства, высокую духовную жизнь и великую мудрость.

Что въ немъ дѣйствовалъ въ сильной степени даръ прозорливости, доказывается слѣдующимъ.

Онъ предсказывалъ уничтоженіе впослѣдствіи Петровскихъ фабрикъ и заводовъ и устройство, вмѣсто нихъ, новыхъ, болѣе обширныхъ, умноженіе народонаселенія, расширеніе самого города (который тогда заключался въ нѣсколькихъ строеніяхъ около собора и заводовъ на рѣчкѣ Лососинкѣ), довольство жителей и большую извѣстность этого мѣста, населеннаго тогда одними рабочими заводовъ.

Народъ съ довѣріемъ слушалъ эти предсказанія.

Часто входилъ Ѳаддей на самый верхъ Петропавловской церкви, по существовавшимъ тогда наружнымъ лѣстницамъ и оттуда, обозрѣвая окрестности, онъ и предсказывалъ о перемѣнахъ въ судьбѣ Петрозаводска. Сойдя съ лѣстницъ, Ѳаддей долго молился предъ дверями храма, потомъ вмѣшивался въ толпы народа.

Народъ вообще уважалъ его за его мудрость и добродѣтели. Однако, находились люди, которые считали Ѳаддея помѣшаннымъ и глумились надъ нимъ. На ихъ обиды Ѳаддей не обращалъ вниманія и только молился за оскорбителей.

Благочестивая жизнь Ѳаддея обратила на него вниманіе чиновниковъ и народа, которые почитали его и съ радостью принимали его наставленія.

Въ 1719 г., при проѣздѣ императора Петра Великаго

чрезъ Петровскіе заводы Ѳаддей сталъ лично извѣстенъ государю.

Когда, при выходѣ императора изъ церкви, народъ сталъ громко привѣтствовать его радостными кликами, вдругъ изъ толпы выступилъ старецъ Ѳаддей въ черной одеждѣ, опоясанный ремнемъ, съ желѣзнымъ посохомъ въ рукахъ и, привѣтствуя Петра, упалъ къ его ногамъ.

Почтенный видъ старца поразилъ императора, и онъ приказалъ своимъ спутникамъ поднять Ѳаддея. Затѣмъ, сталъ разспрашивать его, откуда онъ и какъ живетъ. Вообще царь остался подъ сильнымъ впечатлѣніемъ чистой и цѣльной личности юродиваго и сблизился съ нимъ. Ѳаддею открылся свободный доступъ къ царю, и, при каждомъ посѣщеніи государемъ Петровскихъ заводовъ, онъ по часту бесѣдовалъ съ нимъ.

Памятна послѣдняя встрѣча Ѳаддея съ государемъ въ 1724 году.

Посѣтивъ въ этотъ годъ Петровскіе заводы и прощаясь съ блаженнымъ, государь сказалъ ему: „Прощай, почтенный и блаженный старецъ Ѳаддей. Въ молитвахъ своихъ вспоминай и на путь насъ благослови“.

Ѳаддей отвѣчалъ: „Господь Богъ благословитъ вхожденіе и исхожденіе твое отнынѣ и довѣка“. Потомъ, отъ полноты чувства, со слезами, показавшимися въ глазахъ, онъ сказалъ, что видитъ Петра въ послѣдній разъ, и повторилъ въ заключеніе: „Не бывать, не бывать, надежа-государь, не бывать!“

Эти слова не ускользнули отъ присутствующихъ, поразили они и самого Петра.

Говорятъ, что юродивый былъ тогда же арестованъ.

Но вскорѣ пророчество его сбылось. 28 января 1725 г. Петръ Великій скончался. Предъ кончиною, терзаемый недугомъ, государь вспомнилъ предсказаніе Ѳаддея и послалъ курьера на Петровскіе заводы, съ повелѣніемъ пустить юродиваго на волю и производить ему пожизненный пенсіонъ.

Но недолго могли примѣнять къ блаженному предсмертную милость государя.

Вскорѣ въ 1726 г. окончилъ и Ѳаддей свою праведную жизнь и погребенъ былъ при многочисленномъ стеченіи народа. Надъ его могилою была устроена часовня, гдѣ благочестивые люди долго по его кончинѣ служили по немъ панихиды. Впослѣдствіи эта часовня, къ сожалѣнію, разрушилась.

При входѣ въ ограду Петрозаводскаго Святодуховскаго собора видна одинокая могила, обложенная кирпичемъ, съ чугунною плитою безъ надписи. Это могила Ѳаддея блаженнаго.

Основатель голгоѳо-распятскаго скита іеросхимоиахъ Іисусъ.

Замѣчательный подвижникъ благочестія конца XVII и начала XVIII вѣковъ, іеросхимонахъ Іисусъ, родился въ Москвѣ въ 1635 году и назывался въ міру Іоаннъ. О происхожденіи его ничего неизвѣстно, кромѣ того, что отца его звали также Іоаннъ.

Въ юности хорошо обученный грамотѣ и чувствуя наклонность къ духовной жизни, Іоаннъ былъ поставленъ священникомъ къ одной изъ московскихъ церквей.

Съ первыхъ же шаговъ пастырской своей дѣятельности онъ обнаружилъ невольно свои высокія свойства. Строго слѣдя за собою, онъ старался, какъ говоритъ его рукописное житіе „творить истину и дѣлать добро“. Почти ежедневно онъ совершалъ службу, и, если литургію въ его храмѣ служилъ другой священникъ, о. Іоаннъ становился на клиросѣ и пѣлъ кіевскимъ напѣвомъ, сладостно, умилительно. Усердіемъ къ богослуженію и чистою своею жизнью онъ привлекалъ въ храмъ много богомольцевъ, къ нему ходилъ народъ и изъ другихъ приходовъ.

Къ нему стремились зайти и на домъ, чтобъ послушать его бесѣды. Но о. Іоаннъ не любилъ, чтобъ міряне разсѣивали его утромъ, когда онъ готовился къ службѣ или возвращался

послѣ богослуженія домой. Въ свободное же вечернее время онъ охотно бесѣдовалъ съ посѣтителями.

Много молился о. Іоаннъ у себя дома.

Кромѣ обычныхъ молитвъ онъ отправлялъ ежедневно иноческое правило, подвергалъ себя посту и уединенію. Ночью, заперевшись у себя въ спальней, онъ бодрствовалъ въ колѣнопреклоненной молитвѣ, со слезами и стонами вопія къ Богу.

Посѣтители, искавшіе у него облегченія своей душѣ, уходили отъ него удовлетворенными. Онъ успѣлъ приноровиться къ званію, возрасту и понятію всякаго. Со стариками онъ говорилъ о приготовленіи къ смерти и необходимой близости ея, съ молодыми — о борьбѣ со страстями, съ отцами семействъ—о воспитаніи дѣтей въ страхѣ Божіемъ. Все, что онъ говорилъ, онъ основывалъ на священномъ Писаніи и подтверждалъ примѣрами изъ жизни угодниковъ Божіихъ.

Онъ былъ по природѣ своей миротворецъ. Онъ отъ души радовался, когда узнавалъ о примиреніи поссорившихся, хотя бы даже неизвѣстныхъ ему людей. А, когда ему становилось извѣстнымъ, что въ знакомомъ ему семействѣ явились несогласія, — онъ немедленно спѣшилъ туда и почти всегда успѣвалъ водворить миръ между враждующими.

Дверь его была всегда открыта для нищихъ. Часто онъ угощалъ ихъ обѣдомъ въ своемъ домѣ и самъ садился между ними, потчуя ихъ, и, въ то же время, назидая ихъ духовной бесѣдой.

Всѣ шли къ нему съ горемъ. Кому подавалъ онъ милостыню, кому доставлялъ насущную пищу, кому сѣмена для засѣва полей. На себя тратилъ онъ малые остатки отъ своихъ доходовъ, а все употреблялъ на милостыню. Входя въ положеніе людей несправедливо тѣснимыхъ, онъ предстательствовалъ за нихъ предъ высшими лицами, и рѣдко ходатайство уважаемаго священника оставалось безуспѣшнымъ.

Слава добродѣтелей о. Іоанна распространилась широко по Москвѣ. Стеченіе людей, желавшихъ видѣть его и говорить съ нимъ, все увеличивалось. И онъ рѣшился уединяться, чтобъ избѣгнуть искушенія тщеславія. Даже благо-

творенія бѣднымъ сталъ онъ исполнять чрезъ вѣрныхъ людей, уклоняясь отъ личныхъ сношеній.

Между тѣмъ, Богъ назначалъ о. Іоанна къ еще болѣе обширной дѣятельности. Молва о немъ дошла до слуха императора Петра I, и о. Іоаннъ сперва назначенъ былъ Государемъ къ одной изъ придворныхъ церквей, а вскорѣ опредѣленъ въ духовники Государя и всего царскаго семейства. Весь царскій домъ и близкія къ Государю лица окружали о Іоанна вниманіемъ и уваженіемъ своимъ. А онъ и въ этомъ новомъ положеніи продолжалъ оставаться отцомъ для сиротъ, кормильцемъ голодныхъ, заступникомъ и помощникомъ несчастныхъ.

Особенно любилъ онъ посѣщать узниковъ, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ за преступленія и долги, и убогихъ, призрѣвавшихся въ богадѣльняхъ. Навѣщая ихъ, онъ обласкивалъ ихъ, надѣлялъ милостынею, разспрашивалъ о причинахъ заключенія, старался разбудить ихъ совѣсть, утѣшалъ ихъ надеждою на Бога. Нѣсколько часовъ въ день проводилъ онъ въ бесѣдахъ съ узниками, а въ великіе дни Пасхи и Рождества Христова угощалъ ихъ и выкупалъ изъ тюрьмы, платя ихъ заимодавцамъ изъ своихъ денегъ.

Къ себѣ же на домъ постороннихъ о. Іоаннъ никого не принималъ и самъ никуда не ходилъ: онъ не желалъ, чтобъ его видѣли гдѣ нибудь, кромѣ какъ въ церкви. Кто же нуждался въ его совѣтѣ, долженъ былъ писать ему, и о. Іоаннъ всегда въ такихъ случаяхъ отвѣчалъ.

Такъ прожилъ о Іоаннъ до шестидесяти лѣтъ, какъ его, отличавшагося всегда прекраснымъ здоровьемъ, стали безпокоить болѣзненные припадки и обмороки. Онъ ослабѣлъ до того, что пролежалъ три мѣсяца безъ всякаго движенія, но затѣмъ вполнѣ выздоровѣлъ.

Въ эти годы уже время думать о послѣднемъ покоѣ. Но о. Іоанну готовились великія испытанія, вполнѣ измѣнившія его жизнь, поставившія его на новый путь.

Точно чувствуя, что недолго ему жить прежнею жизнью, о. Іоаннъ сталъ принимать къ себѣ безъ исключенія всѣхъ

желающихъ. Число посѣтителей было громадно—и въ бесѣдахъ съ ними о. Іоанну приходилось проводить иногда цѣлые дни и ночи. Прощался онъ со всякимъ посѣтителемъ съ какою-то скорбію, какъ будто не надѣялся увидѣться съ ними.

Вскорѣ надъ о. Іоанномъ стряслась бѣда.

Извѣстно, что преобразованія Петра Великаго среди русскаго общества встрѣтили много несочувствія, много глухого противодѣйствія, а отчасти и открытой вражды. Одинъ Григорій Талицкій составилъ и распространялъ сочиненіе о томъ, что антихристъ уже явился въ міръ, воплотившись въ лицѣ Петра I.

Талицкій былъ казненъ, со своими единомышленниками, но на допросѣ назвалъ среди сочувствующихъ ему лицъ царкаго духовника о. Іоанна. Какъ ни была дика такая клевета, царь разгнѣвался на своего духовника и велѣлъ немедленно отослать его къ архіепископу Холмогорскому Аѳанасію при грамотѣ, въ которой было сказано, что о. Іоаннъ посылается „съ Москвы на Холмогоры по сыскному дѣлу вора Гришки Талицкаго, для постриженія и неисходнаго пребыванія въ Соловецкомъ монастырѣ“.

Это было во второй половинѣ зимы 1701 года.

О. Іоаннъ съ полнымъ спокойствіемъ вручилъ свою судьбу волѣ Божіей и безъ страха отправился въ путь. Архіепископъ Аѳанасій принялъ его ласково, нѣсколько дней далъ ему отдохнуть въ своемъ домѣ и затѣмъ отправилъ его при своей грамотѣ въ Соловецкій монастырь.

Настоятель архимандритъ Ѳирсъ предложилъ ему постричься, чтобъ исполнить волю Государя.

— Владыко святый, отвѣчалъ ему о. Іоаннъ—Промыслитель о всѣхъ, Христосъ Богъ нашъ, привелъ меня къ твоей святынѣ, чтобъ чрезъ тебя я могъ получить спасеніе. Что повелишь мнѣ недостойному, то и сотворю. Тутъ знаменитый, еще недавно могущественный царскій духовникъ поклонился архимандриту въ ноги до земли, и просилъ постриженія.

Для наученія монашеской жизни о. Іоаннъ, нареченный въ иночествѣ Іовомъ, былъ порученъ опытному старцу. И

сталъ онъ подвизаться великимъ подвигомъ: ничего онъ не вкушалъ кромѣ хлѣба и воды, изумлялъ всю братію постомъ, ночнымъ бодрствованіемъ, безотвѣтною и смиренною покорностью. Монахи прозвали его Іовомъ постникомъ.

Сперва назначено ему было послушаніе въ братской поварнѣ, куда онъ первый приходилъ на работу. Тамъ онъ своими руками рубилъ дрова, носилъ ихъ на плечахъ на высокія лѣстницы.

Стремленіе его къ подвигамъ день ото дня все возрастало. Настоятель и старцы обители, признавъ его совершеннымъ инокомъ, сняли съ него всѣ послушанія. Поселясь въ отдѣльной келліи, онъ занимался молитвою Іисусовой, читалъ св. Писаніе и другія душеполезныя книги, а временами занимался рукодѣліемъ.

До Государя дошелъ слухъ о высоко подвижнической жизни, которую ведетъ его бывшій духовникъ. А полная невиновность его вполнѣ обнаружилась. Государь сталъ звать его къ себѣ, къ прежней должности; но старца не манилъ уже къ себѣ міръ, и прежній, хотя и благочестивый, бытъ. Его влекло уже не только къ иночеству, но къ одному изъ труднѣйшихъ видовъ иноческой жизни — отшельничеству, и онъ переселился въ Анзерскій скитъ.

Уединенный, суровый Анзерскій островъ лежитъ въ двадцати двухъ верстахъ отъ Соловецкаго острова и прежде былъ необитаемъ. Въ 1616 году на немъ поселился преподобный Елеазаръ, вокругъ котораго собралось нѣсколько ревнителей скитской жизни. Келіи отшельниковъ стояли въ верстѣ одна отъ другой. Въ субботу вечеромъ они собирались для общей молитвы въ церкви, а въ воскресенье послѣ литургіи расходились опять по келіямъ, для уединенныхъ подвиговъ молитвы и богомыслія.

Вступивъ въ число братіи Анзерскаго скита, о. Іовъ считалъ себя послѣднимъ послушникомъ, и всѣмъ смиренно служилъ, особенно больнымъ и старымъ. Но вскорѣ братія избрала его своимъ начальникомъ.

Въ новомъ званіи своемъ о. Іовъ еще усилилъ свои

иноческіе подвиги. Въ сердцѣ, мысли и на устахъ его была постоянно молитва Іисусова, а тѣломъ онъ неутомимо трудился, прежде всѣхъ приходилъ на богослуженіе и на работу и послѣднимъ уходилъ. Весь день у скитянъ обыкновенно проходилъ въ келейной и соборной молитвѣ, трудахъ и послушаніяхъ, а по ночамъ о. Іовъ обыкновенно обходилъ кельи. Если слышалъ онъ, что стоятъ на молитвѣ, то радостно отходилъ. Если же слышалъ разговоры, то стукомъ напоминалъ о молитвѣ и утромъ обличалъ наединѣ виновныхъ. Этимъ обычаемъ подражалъ онъ великимъ отцамъ русскаго монашества, преподобнымъ Ѳеодосію Кіевопечерскому и Сергію Радонежскому.

Самъ же настоятель большую часть ночи проводилъ, стоя на молитвѣ на колѣняхъ, а съ первымъ ударомъ колокола первымъ шелъ въ церковь къ утренѣ.

Скитяне и наружно должны были выражать свое внутреннее настроеніе. Они держали руки на груди, при встрѣчѣ кланялись другъ другу въ поясъ. Умиленіе и миръ сіяли на лицахъ ихъ, привѣтливость была во взорахъ. Послушаніе было въ скиту безпрекословное — ничего не дѣлалось безъ благословенія старшихъ.

Заботясь о больныхъ, о. Іовъ своими руками обмывалъ и перевязывалъ имъ раны, часто мазалъ больныя мѣста освященнымъ масломъ, и тѣмъ исцѣлялъ ихъ.

Въ 1710 г. о. Іовъ принялъ схиму съ именемъ Іисусъ, въ память Іисуса Навина, вождя Израильскаго.

Ища уединенія, особенно же со времени принятія схимы, иногда отъ трудовъ настоятельства онъ удалялся куда нибудь въ пустынное мѣсто, а еще чаще уходилъ на время къ пустынникамъ.

Однажды, именно 18 іюня 1712 года онъ посѣтилъ одного изъ нихъ, Паисія, жившаго у подошвы самой высокой горы этого острова, на которой теперь стоитъ Голгоѳскій скитъ.

Гора эта расположена почти посреди острова, въ 6 верстахъ отъ Анзерскаго скита, и имѣетъ остроконечную вершину.

Оттуда открывается глазу необъемлемое пространство моря, холмы, поросшіе лѣсомъ, кое-гдѣ свѣтлыя озера, далѣе по зеркальной поверхности Бѣлаго моря другіе острова и на горизонтѣ очертанія величественныхъ зданій Соловецкаго монастыря. Думаютъ, что здѣсь начиналъ свои подвиги преп. Елеазаръ. И послѣ него кто нибудь изъ отшельниковъ всегда жилъ у этой горы.

У подошвы ея о. Іисусъ пожелалъ провести нѣсколько времени.

Въ первую же ночь, присѣвъ послѣ долгой молитвы, онъ забылся тонкимъ сномъ и увидѣлъ тогда Пресвятую Владычицу Богородицу, сіявшую неизреченнымъ свѣтомъ, и при Ней преп. Елеазара Анзерскаго. Старецъ въ благоговѣйномъ ужасѣ упалъ предъ Нею, и услышалъ тогда Ея голосъ:

„Сія гора отнынѣ нарицается второю Голгоѳою. На ней будетъ церковь во имя распятія Сына Моего и Бога, устроится скитъ и наречется Распятскимъ. Соберется множество монаховъ и прославится на ней имя Божіе. Я сама буду посѣщать гору и пребуду съ вами вовѣки!“

Тогда видѣніе прекратилось. Но тотчасъ послышался другой голосъ:

„Освяти гору Голгоѳу и поставь на ней крестъ!“

Это явленіе было разсказано о. Іисусомъ духовному его брату о. Паисію, который описалъ его рѣзными словами на деревянномъ крестѣ, сдѣланномъ руками старца и хранящемся въ скиту понынѣ.

Съ тѣхъ поръ о. Іисусъ сталъ заботиться объ устройствѣ на этой горѣ скита. Отъ Холмогорскаго владыки было получено на то разрѣшеніе, устроена тамъ церковь и въ 1715 г. освящена во имя Распятія Господа Іисуса Христа.

Императоръ Петръ Великій, узнавъ о явленіи, бывшемъ его духовнику и объ началѣ скита, помогалъ ему: такъ, онъ велѣлъ изъ Архангельскихъ казенныхъ магазиновъ отпускать ежегодно хлѣбъ для Голгоѳской братіи. Сестра царя, царевна Марія Алексѣевна, жертвовала въ обитель утварь, доселѣ хранящуюся тамъ.

Всего собралось братіи до 20 человѣкъ. Попрежнему настоятель, подражая великому учителю иноковъ, преп. Сергію, подавалъ всѣмъ примѣръ смиренія и трудолюбія, рубилъ дрова, носилъ на гору воду, мѣсилъ тѣсто въ пекарнѣ, не взирая на свой возрастъ.

Если рукодѣльемъ своимъ старцу удавалось заработать немного денегъ, онъ дѣлилъ ихъ на три части: одну для церкви, другую для братіи, а третью для нищихъ.

Имущества у него не было никакого, кромѣ немногихъ духовныхъ книгъ и двухъ ветхихъ одеждъ. Одну изъ нихъ, власяницу, онъ носилъ прямо на тѣлѣ, вмѣсто бѣлья. Другую, ветхую рясу, надѣвалъ сверху.

Жизнь въ скиту была въ высшей степени суровая.

Старецъ достигъ благодатныхъ даровъ.

Братія роптала, что слишкомъ трудно носить воду на гору изъ озера. О. Іисусъ помолился, чтобъ открылась вода на самой горѣ. Послѣ молитвы его явилась старцу Пресвятая Владычица съ преп. Елеазаромъ и двумя ангелами и указала ему мѣсто для колодца. Когда утромъ стали копать — докопались до обильнаго источника чистой и вкусной воды.

Разъ у келіи старца притаились разбойники, выжидая, когда онъ уйдетъ къ утрени, чтобъ тогда войти и ограбить келью. Читая правило, прозорливый старецъ прибавилъ къ молитвѣ своей такія слова: „Пошли, Господи, сонъ утрудившимся въ суетномъ угожденіи врагу“. Двое сутокъ проспали воры у его келіи, пока старецъ не разбудилъ ихъ. Онъ, накормивъ ихъ, отпустилъ, но начальство захватило ихъ и посадило въ тюрьму. Выпущены они были по просьбѣ о. Іисуса, покаялись и цѣлое лѣто трудились для обители.

Одинъ изъ скитянъ, котораго волновали страсти, пришелъ просить помощи у старца. Научивъ его борьбѣ съ ними, о. Іисусъ прикоснулся къ тѣлу его своимъ жезломъ. И страсти навсегда погасли въ этомъ инокѣ.

О. Іисусъ получилъ отъ Бога увѣдомленіе о времени смерти. Онъ простился съ братіею и тихо почилъ 85 лѣтъ отъ роду — 6 марта 1726 г.

Необыкновенный свѣтъ въ минуту кончины его освѣтилъ келію, слышалось небесное пѣніе и разлилось благоуханіе.

Тѣло его почиваетъ въ каменномъ храмѣ на вершинѣ Голгоѳы, и имя его въ сѣверномъ поморьѣ пользуется большимъ почитаніемъ.

Пустынножитель Ѳеофанъ и ученикъ его Климентъ.

Одинъ братъ Соловецкой обители, именемъ Петръ, бывши на Анзерскомъ островѣ, по монастырскимъ нуждамъ, часто посѣщалъ тамошняго пустынножителя Ѳеофана, жившаго подъ горою, называемою—Голгоѳа. Однажды, ведя духовную съ нимъ бесѣду, онъ спросилъ его: „Отче Ѳеофане! сколько лѣтъ жительствуешь ты въ пустынѣ?“ Старецъ отвѣчалъ: „25 лѣтъ“.— Тогда Петръ сталъ просить его: „скажи мнѣ, отче, Господа ради, гдѣ и какъ жилъ ты прежде, какъ ушелъ въ пустынь сію, и какъ здѣсь подвизался?“ — Старецъ прослезился и сказалъ: „Усердное твое прошеніе побѣждаетъ меня. Выслушай славы ради имени Божія, и во спасеніе души своей.

„Я жилъ въ Соловецкой обители, и былъ тамъ просфорникомъ; у меня былъ ученикъ Климентъ: и у обоихъ насъ было одно желаніе — отойти на пустынную жизнь. Ученикъ мой любилъ пость, и вкушалъ пищу иногда чрезъ вечеръ, а иногда чрезъ два дня. Въ одно время нашло на него сильное стремленіе въ пустынь, и, упавъ къ ногамъ моимъ, онъ усердно началъ молить меня, чтобъ благословилъ я его итти въ пустынь. Уступая ему, я отпустилъ его. Тогда удалился онъ въ глубь Соловецкаго острова, въ густые лѣса; выкопалъ тамъ пещеру, и началъ жить въ ней. Я же всегда имѣлъ попеченіе о немъ: и, наготовивъ для него изъ хлѣба сухарей, иногда самъ относилъ, а иногда, особенно зимою, посылалъ ему чрезъ одного богобоязненнаго

солдата. Ходя такимъ образомъ туда часто, то я, то онъ, мы сладко бесѣдовали съ отшельникомъ о разныхъ духовныхъ вещахъ. Тайна уединенія его какъ-то сама собою скоро открылась. Одинъ штатный служитель монастыря, намѣренно или ненамѣренно, идя по проложенной нами тропинкѣ, дошелъ до самой пещеры ученика моего, и узналъ его. Возвратясь-же въ монастырь, сказалъ о томъ настоятелю, которымъ былъ тогда о. Архимандритъ Іеронимъ. Настоятель тотчасъ послалъ за нимъ служителей и нѣкоторыхъ монаховъ, и они привели его, противъ воли, обратно въ монастырь. Такъ опять начали мы жить вмѣстѣ. Но у Климента не погасало желаніе окончательно утвердиться въ пустыни. Проживъ одну только зиму въ монастырѣ, едва онъ дождался весны, какъ опять началъ неотступно просить меня, чтобъ я отпустилъ его въ пустынь. Я опять благословилъ, и, давъ малую мѣру сухарей, охотно отпустилъ, зная крѣпкую его вѣру и установившійся нравъ въ послушаніи. Узнавъ о семъ, Архимандритъ оскорбился; и опять снарядилъ служителей и солдатъ и монаховъ искать его по всему острову. Я же послалъ къ нему того солдата, который и прежде къ нему ходилъ, сказать, что его ищутъ. Онъ успѣлъ увѣдомить его; я же усердно молилъ Господа Бога, скрыть его отъ мятежа человѣческа. Посланные много трудились, ища, и, не найдя его, возвратились безъ успѣха. Спустя же нѣсколько времени, я опять послалъ того же солдата увѣдать, гдѣ и какъ живетъ ученикъ мой. Солдатъ ходилъ по всему острову, и не нашелъ; не узналъ даже— живъ ли онъ, или нѣтъ. Такъ разлучился я съ ученикомъ своимъ.

„Наконецъ, разгорѣлся духомъ и я, привести въ исполненіе всегдашнее мое желаніе, водвориться въ пустыню; и, положась на помощь Божію, пошелъ въ путь. Сначала много ходилъ я по острову, ища ученика своего, и, не найдя нигдѣ, выбралъ себѣ мѣсто особое, между крытыми горами, въ глубочайшемъ рвѣ. Тамъ поставилъ хижину и началъ въ ней жить, со страхомъ работая Господу, во всякихъ ну-

ждахъ и лишеніяхъ, каясь о грѣхахъ своихъ. Тутъ я въ первый разъ началъ испытывать злобу бѣсовъ. Они являлись то какъ разбойники, то будто воинство ополченное, и великій наводили на меня страхъ и ужасъ. Тогда началъ я прилежно молить Бога, и Пресвятую Владычицу, и Преподобныхъ Отецъ нашихъ Зосиму и Савватія, чтобъ явилъ Господь мнѣ или ученика моего, или прочихъ Своихъ безмолвствующихъ рабовъ. Ходя опять съ этою цѣлію по острову, нашелъ я въ одномъ мѣстѣ двухъ рабовъ Божіихъ, живущихъ здѣсь уединенно въ одной келліи уже 7 лѣтъ. Но они ничего не знали объ ученикѣ моемъ; и стало мнѣ думаться, что онъ уже умеръ. Однакожъ, я не переставалъ искать его, и молитвенно воздыхать о немъ. Но, меня разыскали штатные служители, посланные о. Архимандритомъ за мной и увели обратно въ монастырь. Тогда о. Архимандритъ, призвавъ меня къ себѣ, заклиналъ меня не выходить изъ монастыря, пока онъ живъ; въ противномъ же случаѣ отнималъ всякое благословеніе. Такъ и нехотя долженъ былъ я оставаться надолго опять въ монастырѣ, въ общей жизни, на послушаніи.

„Немного спустя послѣ сего, о. архимандритъ избралъ меня закупать разные предметы для обители въ городѣ Архангельскѣ. Сколько я ни отказывался, ссылаясь то на немощь свою, то на неспособность къ такому дѣлу, онъ приказалъ мнѣ отправиться. Все лѣто хлопоталъ я по порученному мнѣ дѣлу. Когда же къ зимѣ переѣхалъ въ Суму, на Соловецкое подворье, то здѣсь исконный нашъ врагъ поймалъ меня, и началъ я жить развратно. Впрочемъ, милосердый Господь не попустилъ мнѣ навсегда гибнуть въ рукахъ вражіихъ. Когда пріѣхалъ я въ монастырь, то позвалъ меня къ себѣ звонарь, который слабо видѣлъ, и повѣдалъ мнѣ то, что случилось съ нимъ.

„Отче Ѳеофане“, говорилъ онъ, „кланяется тебѣ ученикъ твой Климентъ“. Тогда я началъ спрашивать у него, какъ и гдѣ видѣлъ его, и какъ онъ живетъ. И онъ разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ.

Въ бытность мою на Анзерскомъ островѣ, шедши однажды на Голгоѳу къ старцамъ, я сбился съ дороги въ сторону для ягодъ; но, занявшись исканіемъ ихъ, не замѣтилъ, какъ отошелъ далеко и потерялъ путь. Трое сутокъ блуждалъ я по пустынѣ, бродя туда и сюда, чтобъ найти дорогу, и не находилъ. На третій день увидѣлъ вдали дымъ, и очень обрадовался, полагая, что здѣсь укрывается какой нибудь потаенный рабъ Божій. Подойдя ближе, увидѣлъ я въ горѣ малую скважину, взлѣзъ къ ней, и понялъ, что тутъ была келлія. Отдохнувъ, я началъ творить молитву; и рабъ Божій, жившій въ ней, сказавъ: аминь, отворилъ, наконецъ, двери: и я вошелъ. Помолившись, я сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Я не узналъ его; а онъ призналъ меня, и спросилъ: братъ,—не ты ли звонарь — такой-то? Я отвѣчалъ: „такъ — я". „Но почему ты. отче, знаешь меня?" — „А развѣ ты, „продолжалъ отецъ, „не узналъ меня? Помнишь ли отца Ѳеофана просфорника, и ученика его Климента. Я самый ученикъ его Климентъ". Тогда я началъ просить его, чтобъ сказалъ, какъ пришелъ сюда, и какъ здѣсь проживаетъ. Онъ охотно все разсказалъ. „Когда, говорилъ онъ, по вторичномъ моемъ выходѣ изъ монастыря въ пустынь, отецъ Ѳеофанъ извѣстилъ меня чрезъ извѣстнаго солдата, что архимандритъ опять послалъ искать меня; тогда я, набравъ небольшой мѣшокъ сухарей, пришелъ къ берегу моря, и связавъ случившіяся тамъ три бревна вмѣстѣ, сѣлъ на нихъ, оттолкнулся отъ берега и отдался водной стихіи, болѣзненно въ страхѣ и трепетѣ взывая къ Господу Богу моему: Владыко, Христе Боже мой, не оставь меня,—окаяннаго раба Твоего, и спаси, имиже вѣси судьбами. Неси мене на крылахъ вѣтра, дышущаго по волѣ Твоей; если же не хочешь покаянія моего, то потопи меня въ глубинѣ. Буди во всемъ воля Твоя. Такъ, носимый волнами, присталъ я, по Божіему смотрѣнію, къ этому острову, и, благодаря и хваля Господа вышелъ на берегъ. Прошедши внутрь острова, увидѣлъ, что мѣсто весьма удобно къ уединенной жизни, построилъ хижину, какъ видишь, и вотъ живу въ ней уже 6-й годъ. — Тогда я спросилъ его,

чѣмъ онъ питается, и какова его тамъ уединенная жизнь. Онъ показалъ мнѣ въ углу келліи коренья, называемые: *Вакха*,—ихъ легко тамъ добывать въ большомъ количествѣ. Ихъ, сказалъ онъ, истираю я въ муку, и, мѣшая съ березовою корой, готовлю себѣ хлѣбы. Вотъ чѣмъ питаетъ здѣсь меня Владыко мой. Пребываніе мое здѣсь блаженно и небесно благодатію Божіею, какъ и всякаго истинно избравшаго безмолвіе. Одна намъ всѣмъ пустынникамъ напасть— отъ бѣсовъ, злобы коихъ никто впрочемъ и не знаетъ, какъ должно, кромѣ насъ. Но всесильна благодать Божія, и трудно имъ противу рожна прать. Вначалѣ я много пострадалъ отъ коварства ихъ: то страхъ наводили они на меня разными привидѣніями; то въ сонъ ввергали, особенно въ часы молитвы; то пищу предлагали прежде времени, чтобъ нарушилъ я постъ похотѣніемъ: случалось и раны терпѣть отъ нихъ на тѣлѣ, и оставаться едва живымъ. Но ради терпѣнія моего и вѣры въ Господа, Всесильнаго Спасителя нашего, теперь прекратились всѣ ихъ козни. Въ такой душеспасительной бесѣдѣ прошла вся ночь. „Теперь ты скажи мнѣ, братъ, спросилъ о. Климентъ: „живъ ли о. Ѳеофанъ и какъ живетъ?“ — Я отвѣчалъ ему, что ты нынѣ закупщикомъ. Услышавъ это, онъ всплеснулъ обѣими руками, и, упавъ ницъ на землю, горько плакалъ и рыдалъ; вставъ же отъ земли, сказалъ мнѣ: „ахъ братъ! онъ уже погибаетъ.— Увидишь, напомни ему одно, — гдѣ его прежнее стремленіе къ пустынной жизни“. Напитавшись такою святою бесѣдою, я поклонился рабу Божію, и, испрося его благословеніе и молитвъ о великихъ грѣхахъ моихъ, собрался въ путь.— Выведя меня изъ пещеры, онъ показалъ мнѣ дорогу къ скиту тамошнему; и такъ мы разлучились. Вотъ зачѣмъ я просилъ тебя придти ко мнѣ,—чтобъ разсказать тебѣ все это.—о любезномъ тебѣ ученикѣ Климентѣ.

„Слыша это, я умилился душею, и сокрушился надъ своимъ паденіемъ. Сознавая всю великость моихъ грѣховъ, я повергъ ихъ въ бездну милосердія Божія, крестною Смертію Господа Іисуса Христа намъ исходатайствованнаго, и

тѣмъ побѣдилъ духъ отчаянія, начавшій было тѣснить меня. Взявъ на мало дней хлѣба, я ушелъ тайно изъ монастыря, и, сыскавъ малую лодку, сѣлъ въ нее и пустился въ море, вручая себя всего Богу. Немного спустя, начался сильный вѣтеръ, поднялась великая буря, море колебалось и кипѣло волнами. Видя такую бѣду и угрожающую мнѣ скорую погибель, изъ глубины сердца возопилъ я къ Господу: „Владыко Господи, помилуй меня окаяннаго грѣшника, и даруй мнѣ прежде конца принести Тебѣ покаяніе. Пощади Твое созданіе, Владыко. Если и грѣшенъ я много, но все Твоя тварь. Благоволи, Господи, явить милость Твою на мнѣ. Или—яви и правду Твою, и, что угодно предъ очами Твоими, то сотвори. Если благоволишь помиловать и принять мое покаяніе, слава милосердію Твоему. Если предашь меня праведному суду и наказанію, слава правосудію Твоему. Во всемъ да будетъ воля Твоя всесвятая". Я изнемогъ и отъ страха, и отъ холода и жестокихъ вѣтровъ, и лежалъ безъ чувствъ, почти какъ мертвый, не зная, куда несли меня волны. Такъ плавалъ я въ морѣ 10-ть дней. Буря прибила меня къ берегу между Камою и Сорою.—Очувствовавшись, я кое-какъ взобрался на берегъ, и, черезъ силу собравъ дровъ, развелъ огня и сталъ грѣться, благодаря Бога, Творца твари, за спасеніе и избавленіе меня грѣшнаго отъ очевидной смерти. Укрѣпившись нѣсколько, я началъ молить благую и премудрую волю Божію, показать мнѣ мѣсто, гдѣ бы я могъ спастись. Вскорѣ, подошедъ ко мнѣ, одинъ поселянинъ, спросилъ: „что, отче, сидишь ты здѣсь и о чемъ плачешь?" Я сказалъ ему свое намѣреніе, и просилъ его свести меня въ глубочайшую пустыню, или въ непроходимые лѣса. Онъ охотно показалъ мнѣ такое мѣсто,—и даже съ кельей: и я поселился тамъ. Такъ укрылся я отъ взоровъ человѣческихъ и одному Богу возносилъ покаянныя мольбы. Но не укрылся я отъ врага. Ненавистникъ рода христіанскаго не переставалъ искушать меня и самъ и чрезъ людей. Такъ, однажды поселяне, ловя звѣрей, напали и на меня, много били и мучили, и въ озерѣ купали, и келлію сожгли, допытываясь и доиски-

ваясь денегъ. „Отдай намъ деньги, говорили они. Мы знаемъ, что ты былъ закупщикомъ монастырскимъ“. Они оставили меня едва живымъ. Но, съ помощію Божіею, я все перетерпѣлъ благодушно, моля отъ сердца Бога, не поставить имъ этого въ грѣхъ. Когда они удалились, пришедъ въ себя, я намѣревался отправиться въ дальнѣйшіе лѣса: собрался и пошелъ. Послѣ долгаго странствованія, нашелъ, наконецъ, небольшую гору, расклалъ огонь, чтобъ согнать снѣгъ, и, когда показалась земля, началъ копать пещеру, и, такимъ образомъ устроивъ келлію себѣ, поселился въ ней. Живя такъ, особенно въ зиму ту, много пострадалъ я отъ голода, питаясь мхомъ съ деревъ, гнилушками, березовою корою; лѣтомъ же собиралъ себѣ траву и ѣлъ ее, какъ скотъ, каясь о грѣхахъ. Отъ ядовитыхъ травъ выпали всѣ почти мои зубы, и дивиться должно, какъ еще осталась цѣлою внутренность моя. Повсечасно, ожидая смерти голодной, я усердно взывалъ къ Господу о помилованіи: и Господь наконецъ посѣтилъ меня Своею благодатію. Спустя пять лѣтъ страданія и бѣдствованія, узнали, наконецъ, о мнѣ жители тѣхъ мѣстъ: и, по добротѣ своей, начали приносить мнѣ нужное. Съ тѣхъ поръ я уже не терпѣлъ большихъ нуждъ и прожилъ тамъ въ блаженномъ покоѣ и безмолвіи, бесѣдуя съ Единымъ Богомъ, 24 года. Потомъ, не знаю какимъ образомъ, пришелъ туда ко мнѣ изъ Соловецкаго монастыря іеромонахъ Іосифъ; взялъ меня оттуда, и возвратилъ въ монастырь: а оттуда перевезли меня въ эту пустынь, гдѣ и живу“.

Послѣ этой бесѣды Петръ возвратился въ обитель, часто поминая объ отцѣ Ѳеофанѣ и втайнѣ помышляя, снова посѣтить его. Но чрезъ годъ, онъ увидѣлъ его въ самомъ монастырѣ, увидѣлъ измученнымъ, разслабшимъ, безъ волосъ на головѣ и безъ бороды. Проникшись жалостію, Петръ молчалъ отъ изумленія, и наконецъ, улучивъ время, пришелъ къ о. Ѳеофану, и, въ бесѣдѣ спросилъ: „отъ чего это, отче, у тебя такая немощь? И гдѣ волосы твоей головы и борода?“ Тогда отвѣчалъ ему старецъ: „чадо, или неизвѣстна тебѣ злоба бѣсовская? По отходѣ твоемъ, однажды, когда я стоялъ на

молитвѣ, многое множество бѣсовъ набилось въ келлію мою, въ видахъ страшныхъ, странныхъ и уродливыхъ, съ шумомъ и гамомъ. Видя это, я сотворилъ крестное знаменіе, и повергъ себя Богу всевидящему и всесильному.

„Они начали бить меня, я же, творя молитву, смѣло протягивалъ руки, чтобы уловить ихъ, но густой дымъ все скрылъ отъ взора моего,— я чувствовалъ только удары: — кто билъ прутьями, кто пихалъ ногами, кто заушалъ. Измучивъ меня такимъ образомъ до полусмерти, они начали палить меня огнемъ, и опалили мнѣ и голову и бороду. Это случилось со мною въ началѣ зимы, которую, по этой причинѣ, я пролежалъ всю въ крайней болѣзни; особенно первые три дня я былъ совершенно недвижимъ, и почти безъ чувствъ; — а потомъ меня взяли сюда“.

Вотъ что лично слышалъ и видѣлъ Петръ отъ старца, о самомъ старцѣ,— и что потомъ разсказалъ всѣмъ. Дальнѣйшія же обстоятельства его жизни проходили подъ глазами всѣхъ.

Проведши ту зиму въ великомъ изнеможеніи, на ижливеніи скита Анзерскаго, послѣ Святой Пятидесятницы, по причинѣ усиленія болѣзни, онъ взятъ въ Соловецкій монастырь (1819-го года), и помѣщенъ въ чуланѣ при хлѣбнѣ. Болѣзнь усиливалась: онъ страдалъ горячкою и не могъ принимать пищи, потому что все было ему горько. Но, слабѣя тѣломъ, онъ крѣпнулъ духомъ. Послѣ долгой подвижнической уединенной жизни, эти очистительныя болѣзни предсмертныя, благодушно имъ принимаемыя, не разстраивали его духовнаго преуспѣянія, а, напротивъ, просвѣтляли и возвышали. Въ немъ начали, наконецъ, видимо дѣйствовать благодатные дары Божіи, хотя не для всѣхъ замѣтно, и даже, можетъ быть, безъ вѣдома его. Такъ однажды, служившій въ хлѣбнѣ монахъ, Аввакумъ, всячески заботившійся о его покоѣ, принесъ къ нему пищу, набранную въ поварнѣ, и просилъ старца вкусить, хоть сколько нибудь. Старецъ, посмотрѣвъ на пищу, сказалъ: „ахъ, братъ! для чего ты взялъ эту пищу? Какая она смрадная и отвратительная; потому

что дана съ проклятіемъ, а не съ благословеніемъ". — Братъ хотѣлъ увѣрять, что ее дали охотно, безъ всякаго ропотливаго и клятвеннаго слова. Но старецъ прервалъ его и сказалъ: „всякая ложь, братъ, не отъ добраго духа. Хорошо, что прикрываешь брата и не хочешь смущать меня. Но я знаю, что говорилъ тебѣ келарь Сергій, когда ты попросилъ мнѣ пищи: что я напрасно поѣдаю хлѣбъ монастырскій, что и лицемѣръ я, и пустосвятъ,— и зачѣмъ не умираю, и многое другое. Нѣтъ, братъ, прими прочь такую пищу, и самъ не не употребляй ее, а выброс птицамъ. Подай лучше мнѣ немного той, которую ты вчера принесъ для себя". — Братъ Аввакумъ поспѣшно принесъ: „вотъ эту, сказалъ старецъ, можно вкушать: она очищена и освящена именемъ Божіимъ и благословеніемъ". Слыша это, братъ Аввакумъ дивился, какъ старецъ все знаетъ, не видавъ ничего самымъ дѣломъ.

Въ другое время этотъ Аввакумъ былъ въ немалой скорби, оттого, что наготовилъ много хлѣба, а расхода ему не было, и онъ началъ плѣснѣть. Старецъ, призвавъ его, спросилъ: „о чемъ скорбишь ты, братъ? Не скорби, скоро разобраны будутъ всѣ, еще не достанетъ". Дѣйствительно, на другой день начали пріѣзжать богомольцы, и въ два дня разобрали всѣ хлѣбы.

Еще прежде того, — когда старецъ былъ на Анзерскомъ островѣ, показалъ онъ необыкновенную прозорливость. Однажды монахъ Варнава съ двумя послушниками заготовлялъ рыбу въ тонѣ, называемой Кирилловою. Въ одинъ вечеръ этотъ монахъ былъ въ досадѣ, ропталъ, что у нихъ было плохое питье, именно квасъ вскисъ и заплѣснѣлъ. Имѣя довѣріе къ о. Ѳеофану, онъ утромъ пришелъ къ нему по обыкновенію для бесѣды. Старецъ, встрѣтивъ его, и, ничего не спрашивая, началъ укорять его за малодушіе, нетерпѣливость, забвеніе обѣта нищеты и всякой скудости. Дивясь прозрѣнію старца, инокъ, сотворивъ поклонъ, просилъ прощенія и молитвъ.

И много другихъ опытовъ прозрѣнія показалъ старецъ.

Вслѣдствіе такого видимаго совершенства духовнаго, старецъ, несмотря на то, что лежалъ въ невидномъ мѣстѣ, не могъ укрыться отъ лицъ искавшихъ душевной пользы. Очень многіе ходили къ нему и назидались. Старецъ скорбѣлъ, что такимъ образомъ, противъ воли, нарушается его безмолвіе; но все терпѣлъ благодушно, ради Господа, именемъ Котораго непрестанно дышалъ. Болѣзнь между тѣмъ усиливалась и увеличивала слабость. Къ посту Св. Апостолъ старецъ перенесенъ изъ хлѣбни въ келлію къ одному изъ учениковъ своихъ. Спустя три дня, старецъ, видя приближающуюся кончину свою, попросилъ—исповѣдаться и пріобщиться Св. Христовыхъ Таинъ. По пріобщеніи же тотчасъ началъ озираться по сторонамъ, и, какъ бы отворачиваясь отъ кого, велѣлъ ученику своему Антонію покадить келлію и сѣни роснымъ ладаномъ. Послѣ этого просвѣтлѣлъ онъ лицомъ и началъ кончаться, и, промучившись въ предсмертномъ томленіи съ часъ, предалъ духъ свой Богу.

Такъ отошелъ ко Господу старецъ, имѣя отъ роду 80 лѣтъ, 26-го іюня 1819 года въ 3 часа по полуночи; и погребенъ внутри обители близъ часовни Преподобнаго Германа.

Начало Саровской пустыни и первоначальникъ ея іеросхимонахъ Іоаннъ.

Къ числу знаменитыхъ русскихъ иноческихъ обителей—знаменитыхъ не древностью своей, а высокою жизнью иноковъ — принадлежитъ Саровская пустынь.

Въ короткое время своего существованія она выставила рядъ замѣчательныхъ настоятелей, впереди которыхъ не только по времени, но и по достоинству стоитъ первоначальникъ пустыни Іоаннъ.

Начавшись при необыкновенномъ стеченіи событій, предзнаменованная чуднымъ образомъ, Саровская пустынь дала русскому народу необыкновенныхъ людей.

Іеросхимонахъ Іоаннъ, первоначальникъ Саровскій.

Изъ нея вышелъ игуменъ Назарій, возстановившій Валаамъ, который доселѣ, среди замѣчаемаго во многихъ мужскихъ монастыряхъ упадка, является пышно цвѣтущею, могучею, крѣпкою, вѣтвистою отраслью иночества.

Еще же большее значеніе Сарова въ томъ, что здѣсь съ ранней юности жилъ, подвизначалъ и скончался великій старецъ Серафимъ, — одинъ изъ величайшихъ людей христіанскаго міра.

Мѣстность, гдѣ расположенъ Саровъ, была издавна населена народомъ финскаго племени, мордвою. Доселѣ сохранились тамъ курганы — мордовскія могилы, и встрѣчаются остатки ихъ сооруженій, въ видѣ ямъ и углубленій въ почвѣ. Племя это до нашествія татаръ платило дань рязанскимъ и владимірскимъ князьямъ.

Очень вѣроятно, что на той горѣ, гдѣ возвышается теперь Саровъ, былъ русскій сторожевой постъ. Возможность эта подтверждается нахожденіемъ въ почвѣ на горѣ при основаніи пустыни крестовъ.

Въ 1298 г. татары покорили это мѣсто подъ предводительствомъ ширинскаго князя Бахмета. И, вѣроятно, тогда же построенъ былъ на мѣстѣ теперешняго монастыря, на горѣ между рѣчками Сатисомъ и Саровою, татарскій городъ Сараклычъ. Онъ называется „царственнѣйшимъ“ городомъ, занималъ значительное пространство и былъ сильно укрѣпленъ. Четыре части его, окруженныя отовсюду рѣками или глубокими рвами и высокимъ валомъ, обороняли другъ друга. Часто бывали здѣсь битвы съ окрестнымъ населеніемъ, и первые монахи находили здѣсь въ землѣ стрѣлы, сабли, копья и много человѣческихъ костей.

Девяносто лѣтъ сидѣли здѣсь татары, и ханъ Беханъ (1389 г.) былъ послѣднимъ владѣтелемъ города. Тѣснимый мѣстнымъ населеніемъ, которое послѣ Куликовской побѣды Димитрія Донского, уже не считало татаръ непобѣдимыми, Беханъ долженъ былъ удалиться за Мокшу, гдѣ татары постепенно разсѣялись по разнымъ селеніямъ.

Стольный городъ Сараклычъ сталъ приходить въ запу-

стѣніе. Онъ заросъ лѣсомъ, заселился дикими звѣрями. Мало по малу оживленное нѣкогда мѣсто города превратилось въ дремучій боръ, и исчезла память о тѣхъ, кто тутъ жилъ. На существованіе города указывало лишь имя, данное мѣсту жителями: „Старое Городище".

„Лѣсъ великій — говорится въ сказаніи о Саровѣ — и древа, дубы и сосны, и прочія поросли, и въ томъ лѣсу живуще—многіе звѣріе, медвѣди, рыси, лоси, лисицы, куницы, а по рѣчкамъ Сатису и Сарову—бобры и выдры—и мѣсто то незнаемо бысть отъ человѣкъ, кромѣ бортниковъ — мордвы".

Триста лѣтъ пустовало это мѣсто.

Въ 1664 г. пришелъ сюда пензенскій инокъ Ѳеодосій, и, поставивъ келью на валу бывшаго города, сталъ подвизаться тутъ.

Иногда онъ ходилъ проповѣдовать жителямъ ближайшаго села Кременокъ и передавалъ имъ о необыкновенныхъ явленіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Не разъ по ночамъ онъ видалъ небо какъ бы раскрывшимся, оттуда являлся свѣтъ, освѣщавшій всю гору; иногда сходилъ сверху огненный лучъ, иногда слышался громкій благовѣстъ многихъ колоколовъ. Все это утверждало Ѳеодосія въ мысли, что этому мѣсту суждена великая будущность.

Ѳеодосій кончалъ послѣдніе годы жизни въ Пензѣ. Послѣ него здѣсь подвизался старецъ Герасимъ. Этотъ старецъ, проводившій жизнь поперемѣнно въ великихъ трудахъ и молитвѣ, тоже былъ свидѣтелемъ разныхъ знаменій.

Стоя на молитвѣ въ праздникъ Благовѣщенія, онъ услышалъ такой сильный звонъ, что гора, казалось, колебалась отъ него, и съ тѣхъ поръ этотъ звонъ слышался ему часто. „Мню, яко мѣсто сіе свято", — говорилъ старецъ.

Привлеченные молвою объ этомъ необыкновенномъ звонѣ, полагая, по суевѣрію, что это означаетъ присутствіе тамъ клада, нѣсколько крестьянъ села Кременки, стали рыть почву. Клада они не нашли, но нашли шесть четвероконечныхъ каменныхъ крестовъ и одинъ мѣдный.

Старецъ Герасимъ окончилъ жизнь строителемъ Красно-слободскаго монастыря.

По его уходѣ, лѣтъ десять или болѣе это мѣсто опять стало необитаемымъ, а окрестные крестьяне одни были свидѣтелями все не прекращавшихся на „Старомъ Городищѣ“ знаменій. То при ясной погодѣ слышался тамъ громъ, то доносился колокольный трезвонъ. Суевѣрные жители продолжали тщетно искать въ горѣ кладовъ. А мѣсто было все пустынное, пока не пришелъ сюда человѣкъ, избранный Богомъ, чтобъ заселить его.

Іеросхимонахъ Іоаннъ былъ сынъ причетника села Краснаго, Арзамасскаго уѣзда, Ѳеодора Стефанова, и родился въ 1670 г., въ міру назывался тѣмъ же именемъ Іоанна, которое получилъ впослѣдствіи при постриженіи въ схиму.

Отецъ его былъ человѣкъ благочестивый и окончилъ жизнь въ Арзамасскомъ Введенскомъ монастырѣ схимонахомъ съ именемъ Ѳеофана. Съ раннихъ лѣтъ Иванъ привязался къ церкви, помогалъ своему отцу на клиросѣ, пѣлъ и читалъ.

Чтеніе духовныхъ книгъ, особенно же житій святыхъ, было его любимымъ занятіемъ, и рано стала возникать въ немъ мысль о монашествѣ.

Одно видѣніе укрѣпило его въ этомъ намѣреніи.

Онъ видѣлъ во снѣ икону Пресвятой Богородицы, стоявшую на воздухѣ. Икона, обращенная ликомъ къ нему, сходила на храмъ и какъ бы призывала его къ себѣ. Ни о чемъ онъ не думалъ въ ту минуту, а только съ великою радостью смотрѣлъ на икону и плакалъ.

Это видѣніе онъ принялъ какъ зовъ Господа и Пресвятой Дѣвы къ монашеству. Бывали времена, что рѣшимость его ослабѣвала; но потомъ, въ страхѣ и раскаяніи, что онъ не послушался таинственнаго зова, онъ опять укрѣплялся въ своемъ рѣшеніи, и молилъ Бога указать ему опредѣленно свою волю.

И вотъ, онъ увидѣлъ новый сонъ.

Онъ находился въ домѣ своихъ родителей, сидѣлъ въ раздумьѣ все о томъ же неисполненномъ своемъ намѣреніи.

Вдругъ вошли къ нему иноки съ книгою и монашескимъ одѣяніемъ.

— Мы пришли постричь тебя по твоему желанію, сказалъ старшій изъ нихъ, съ виду іеромонахъ, и, взявъ ножницы, онъ совершилъ постриженіе...

6 февраля 1689 года, на 19-мъ году отъ рожденія, Иванъ былъ постриженъ съ именемъ Исаакія въ Арзамасскомъ Введенскомъ монастырѣ.

Нѣкоторые отголоски мірской суеты, неизбѣжно проникающіе въ стоящіе въ городахъ монастыри и частыя посѣщенія родныхъ и знакомыхъ (родное село его было въ 6-ти верстахъ отъ Арзамаса) принудили Исаакія искать полнаго уединенія.

Отъ пришедшаго въ Введенскій монастырь монаха Филарета (Санаксорскаго) Исаакій узналъ, что въ дремучихъ Темниковскихъ лѣсахъ, между Сатисомъ и Саровомъ, есть удобное для отшельничества мѣсто. Вмѣстѣ съ Филаретомъ Исаакій отправился туда и обошелъ все „Старое Городище“. Красота этого мѣста, непроходимая глушь, суровая дикость, совершенное безлюдье, величественная тишина этой таинственной горы: все произвело глубочайшее впечатлѣніе на молодого восторженнаго инока.

Помолясь, онъ вмѣстѣ съ Филаретомъ водрузилъ на горѣ крестъ и вернулся въ монастырь съ твердымъ намѣреніемъ переселиться сюда.

Въ 1691 г. Исаакій, которому былъ тогда 21 годъ, съ благословенія настоятеля и своего духовника, поселился вмѣстѣ съ Филаретомъ на „Старомъ Городищѣ“.

Только мѣсяцъ прожили они здѣсь. Устрашенный трудностями пустынническої жизни, Филаретъ вернулся въ Санаксарскую пустынь, куда пошелъ и Исаакій. Выдѣляясь среди братіи ревностною жизнію, онъ 22-хъ лѣтъ былъ рукоположенъ во іеромонаха, для чего ходилъ въ Москву.

Но, по возвращеніи въ Санаксаръ, сердце его опять разгорѣлось желаніемъ пустынническої жизни. Онъ сталъ отыскивать себѣ сотоварища, и нашелъ его въ лицѣ еще

не постриженнаго „бѣльца“, жившаго въ Спасскомъ Арзамасскомъ монастырѣ, Андрея.

Весною 1692 г. Исаакій опять пришелъ съ Андреемъ на Старое Городище, и поставили на валу келлію. Чрезъ нѣсколько времени Исаакій остался одинъ.

Тяжела, полна искушеній жизнь пустынника, и, чтобъ укрѣпить душу постоянною памятью о смерти, онъ сталъ рыть въ горѣ пещеру, какъ символъ гроба.

Этотъ трудъ разсѣивалъ помыслы, искушавшіе его, и давалъ ему душевный миръ.

Вскорѣ Богъ утѣшилъ его.

Однажды послѣ долгаго труда Исаакій прилегъ и какъ-бы сквозь сонъ увидѣлъ себя стоящимъ у Кіева, близъ Кіево-Печерской Лавры, на полянѣ, отовсюду окруженной лѣсомъ. Поляна была полна народа, и онъ услышалъ говоръ: „Архіерей Иларіонъ идетъ!“ Онъ увидѣлъ архіерея, въ мантіи и съ жезломъ, шедшаго прямо на него, и благословившаго его. Тогда Исаакій почувствовалъ въ сердцѣ необыкновенный миръ, и въ этомъ чувствѣ очнулся. Размышляя о снѣ, онъ рѣшилъ, что, вѣроятно, это былъ тотъ Иларіонъ, который первый сталъ копать Кіевскія пещеры; но ему не было извѣстно, былъ ли тотъ Иларіонъ архіерей. Справившись, онъ узналъ, что Иларіонъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ.

Время отъ времени присоединялись къ отшельнику товарищи, но скоро уходили отъ него, и онъ оставался терпѣть одинъ.

Какъ всѣ пустынники, онъ долженъ былъ вести постоянную и тяжелую борьбу со врагомъ спасенія. Какъ нѣкогда великимъ преподобнымъ: такъ теперь Исаакію видѣлись страшные призраки. Тогда искуситель являлся ему въ видѣ цѣлыхъ полчищъ, съ воплемъ гнавшихъ его съ этого мѣста; иногда въ видѣ близкихъ лицъ, будто бы призывавшихъ его назадъ въ міръ, гдѣ онъ могъ бы быть имъ полезенъ. Подчасъ находила на него страшная тоска и уныніе, представлялись всѣ удобства жизни въ монастырѣ, среди братіи, и ненавистною казалась пустынная келлія. Брался онъ за руко-

дѣліе или чтеніе: все валилось изъ рукъ; становился на молитву, нападали нечистые, хульные помыслы.

Къ такимъ внутреннимъ страданіямъ присоединилась тяжкая тѣлесная болѣзнь.

Все тѣло его было покрыто какъ бы однимъ струпомъ, а изнутри терзала страшная боль въ желудкѣ.

И вотъ, въ такихъ обстоятельствахъ съ величайшимъ напряженіемъ, всѣми силами своей души, отшельникъ сталъ вопить къ Богу, чтобъ Онъ не оставилъ его безъ помощи. И молился онъ со слезами, со стонами, до полнаго изнеможенія. Тогда, послѣ такой молитвы, на душу его сходила божественная радость, утишала болѣзнь, отгоняла помыслы, подавала миръ... А тамъ снова начинались скорби и искушенія.

Среди такой страшной борьбы подано было Исаакію облегченіе. Въ Санаксарскомъ монастырѣ была крайняя нужда въ іеромонахѣ, для совершенія литургіи. Братія пригласила Исаакія.

Около года прожилъ у нихъ Исаакій, ежедневно совершая литургію и пріобщаясь. И отъ благодати таинства прекратились скорби и искушенія; мало-по-малу смягчилась, стала прекращаться, а потомъ и вовсе исчезла болѣзнь. И, когда онъ вернулся опять въ пустыню, больше „не бысть стуженія и исчезоша вся болѣзни тѣла и чрева, и бысть въ велицѣй тишинѣ и мирѣ; ничтоже отъ тѣхъ страстей страждущи“.

Однажды, пришелъ въ пустыню Соловецкій монахъ Николай и, познакомясь съ Исаакіемъ, высказалъ ему свое намѣреніе, построить на Старомъ Городищѣ церковь. Хотя мысль эта казалась Исаакію неосуществимою: онъ принялъ ее глубоко въ душу. Нѣкоторыя знаменія подтверждали зарождавшуюся въ Исаакіи вѣру въ то, что здѣсь будетъ храмъ.

Между тѣмъ Господь вывелъ Исаакія на широкій путь общественно-церковной дѣятельности. О. Исаакій сталъ ревностнымъ борцомъ за православіе противъ раскола.

Расколъ въ Нижегородской области появился съ самаго начала его возникновенія и быстро распространялся. Обширныя лѣсныя пространства помогали раскольникамъ укрываться

отъ преслѣдователей. На рѣкахъ Керженцѣ и Бѣльбожа образовались раскольничьи населенія и скиты, среди которыхъ пользовался особымъ уваженіемъ скитъ подъ начальствомъ Іоны. У Іоны было два ученика—монахъ Филаретъ и бѣлецъ Іоаннъ Димитріевъ.

Встрѣчаясь съ раскольниками при посѣщеніи монастырей, Исаакій бесѣдовалъ съ ними, сильно сокрушался объ ихъ заблужденіяхъ и долго боролся съ желаніемъ идти къ нимъ съ проповѣдью.

Въ 1700 г., по случаю голода, болѣе всего поразившаго сѣверныя мѣста, многіе жители перемѣстились на время въ болѣе южныя области, и, среди такихъ переселенцевъ, раскольникъ Иванъ Корелинъ изъ-за Волги, бродилъ по городамъ и селамъ за милостыней. Зашелъ онъ на мельницу, бывшую въ двухъ верстахъ отъ пустынной келліи Исаакія, и, по просьбѣ хозяина, надолго здѣсь остался. Тутъ познакомился онъ съ о. Исаакіемъ, и часто бесѣдовалъ отшельникъ съ раскольникомъ, выясняя ему всѣ его заблужденія. Наконецъ, созналъ Иванъ Корелинъ свою неправоту, и вернулся къ Церкви православной. Отецъ Исаакій постригъ его съ именемъ Иринея. Съ ревностью новообращеннаго Ириней умолялъ о. Исаакія ѣхать на Волгу, чтобъ помочь его бывшимъ собратьямъ, въ ихъ духовномъ недугѣ, какъ помогъ онъ ему. Но о. Исаакій рѣшительно отказался, предоставляя дѣло волѣ Божіей. Тогда Ириней сталъ просвѣтительно дѣйствовать на ближайшихъ раскольниковъ.

На Макарьевской ярмаркѣ о. Исаакій имѣлъ случай встрѣтиться со многими раскольниками и, между прочимъ, съ самимъ Іоною. Мягкость и отсутствіе всякой рѣзкости въ рѣчахъ о. Исаакія благопріятно подѣйствовали на раскольниковъ, и они стали упрашивать его пріѣхать къ нимъ въ скиты. Наконецъ, они сами явились въ Саровскую пустынь, вызвали къ себѣ изъ Арзамаса Исаакія. Вліяніе подвижника и теперь оказалось столь же благотворнымъ: ученикъ Іоны, монахъ Филаретъ, перешелъ въ православіе и впослѣдствіи выстроилъ за Волгой, въ своемъ скиту, церковь. Теперь уже

Исаакій не сталъ отказываться отъ поѣздки за Волгу. Между тѣмъ, вернувшись въ скитъ, Филаретъ созвалъ братію и объяснилъ ей, что созналъ свои заблужденія, понялъ, что находился все время въ „прельщеніи“. Это заявленіе ошеломило раскольниковъ. Но кротко и съ любовью, неутомимо сталъ объяснять Филаретъ заблужденія раскола, подолгу говорилъ съ каждымъ отдѣльно и достигъ того, что всѣ они убѣдились въ истинѣ православія. По горячимъ просьбамъ Филарета, въ въ скитъ пріѣхалъ о. Исаакій.

Трогательная была минута, когда съ воплемъ и слезами раскольники отреклись отъ прежняго своего заблужденія и просили присоединить ихъ къ великому стаду Православной Церкви. Двѣ недѣли провелъ съ ними о. Исаакій, поучая ихъ. Всего обратилось въ православіе свыше 60 человѣкъ.

Такъ, первымъ проникъ въ неприступныя доселѣ твердыни раскола—скиты Бѣльбожа и Керженца—поборникъ православія Исаакій. И можно сказать, что онъ расчистилъ и подготовилъ почву, на которой впослѣдствіи такъ плодотворно поработалъ Питиримъ (Архіепископъ Нижегородскій).

Обращеніемъ Филаретова скита не закончилась дѣятельность Исаакія по просвѣщенію раскольниковъ. Онъ не ходилъ больше въ скиты и селенія раскольниковъ. Но они сами приходили въ Саровскую пустынь. Нѣкоторые оставались здѣсь, по присоединенію къ православію, иночествовать. Онъ не прекращалъ духовнаго общенія съ новообращенными имъ за Волгою, слѣдилъ за ихъ жизнію.

Братія и вкладчики Введенскаго Арзамасскаго скита избрали о. Исаакія настоятелемъ, и онъ принялъ это избраніе, утвержденное патріархомъ Адріаномъ, рѣшивъ въ себѣ послѣ недолгаго настоятельства возвратиться опять въ пустыню.

Въ Саровѣ остался одинъ о. Ириней. Исаакій обѣщалъ своему новообращенному ученику посѣщать его.

Нѣкоторое время Ириней жилъ одинъ. Потомъ поодиночкѣ собралось еще нѣсколько человѣкъ, искавшихъ пустынической жизни. Они поставили себѣ кельи подъ горою. у рѣчки Сатиса. О. Исаакій навѣщалъ и наставлялъ ихъ. Ири-

нею онъ предоставилъ нѣкоторое первенство надъ прочими. Но старался быть впереди другихъ лишь въ подвигахъ и трудахъ. Онъ особенно любилъ занятіе рыбною ловлей, посылалъ рыбу и въ Введенскій монастырь и окрестнымъ помѣщикамъ, которые за то давали пустынникамъ зерно и другіе припасы. Въ 1703 г. Ириней скончался.

Старшимъ среди братіи сталъ іеромонахъ Варлаамъ, изъ вдовыхъ священниковъ. Имѣя злобу на о. Исаакія, онъ доносилъ въ Москву, что о. Исаакій находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заволжскими раскольниками, и самъ зараженъ расколомъ. По этому обвиненію о. Исаакій вызванъ былъ въ Москву, Ему пришлось долго пробыть здѣсь, пока онъ не былъ оправданъ.

Тяжело подѣйствовало на душу подвижника все это происшествіе, и пустыня опять привлекла всѣ силы его души. Здѣсь, далекій отъ людей и ихъ злобы, думалъ онъ найти исцѣленіе глубокимъ ранамъ оскорбленнаго сердца.

Во Введенскомъ монастырѣ о. Исаакій поставилъ настоятелемъ любимаго ученика своего Аѳиногена, а самъ ушелъ въ Саровъ.

Теперь главною его цѣлью сдѣлалось устроеніе церкви. Въ то время было велѣно монахамъ жить въ монастыряхъ; а тѣхъ, которые станутъ собираться въ лѣсахъ—считать за раскольниковъ.

Еще раньше онъ дѣлалъ къ построенію храма нѣкоторыя попытки: посылалъ въ Москву, къ жившему тамъ владѣльцу сосѣдней съ горой земли, Полочанинову, съ просьбой—не уступитъ ли онъ клочекъ земли для церкви. Владѣлецъ не соглашался иначе, какъ за деньги.

Переселясь въ пустыню, о. Исаакій сталъ дѣйствовать настойчивѣе. Прежде всего надо было установить, кому собственно принадлежитъ гора между рѣчками Сатисомъ и Саровомъ.

Наконецъ, нашелся одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, князь Кугушевъ, который выяснилъ, что гора эта собственно не имѣетъ владѣльцевъ, и чтобы монастырю воспользоваться

ею, надо, чтобъ эта земля была записана за кѣмъ нибудь изъ помѣщиковъ и потомъ передана братству. Послѣ долгихъ хлопотъ, всѣ формальности въ Москвѣ были исполнены, и „земля подъ церковь справлена“ въ патріаршемъ приказѣ.

22 февраля 1706 г. о. Исаакій приступилъ къ рубкѣ лѣса для церкви. Прослышавъ про то, что на „Старомъ Городищѣ“ разрѣшено поставить храмъ, монахи разныхъ монастырей стали проситься къ о. Исаакію. Мѣстные крестьяне своей работой помогали дѣлу.

28 апрѣля заложили на горѣ храмъ. Постройка быстро подвигалась впередъ. Къ 16 мая уже были воздвигнуты стѣны, наложена кровля. 17 рѣшили воздвигнуть на храмъ крестъ.

Въ ночь на 17-е, на горѣ раздался громкій колокольный звонъ. Между тѣмъ въ пустынѣ не было ни одного колокола. Передъ полуднемъ 17 мая кровельный мастеръ доканчивалъ отдѣлку главы; а остальные работали внутри храма. Вдругъ въ полдень всѣхъ освѣтилъ необыкновенный свѣтъ и раздался трезвонъ многихъ колоколовъ, и продолжался около часу.

Къ торжеству освященія храма — 16 іюня — собрались тысячи народа.

Опять на столь долго безмолвномъ мѣстѣ бойкаго города Сараклыча кипѣла жизнь. Но не для битвы и не въ воинскихъ доспѣхахъ сходился сюда народъ, а для молитвы, неся съ собой церковную утварь, ризы, иконы въ жертву новому храму.

Наканунѣ была отслужена всенощная, и среди яснаго лѣтняго вечера впервые въ этихъ мѣстахъ раздался уже не чудесный звонъ невидимыхъ колоколовъ, а тихій благовѣстъ церковнаго колокола.

Основаніе церкви было началомъ будущей Саровской обители.

Для того, чтобъ обезпечить порядокъ въ жизни иноковъ, о. Исаакій написалъ, строго донынѣ въ пустыни соблю-

даемый, „уставъ общежительный“, который свидѣтельствуетъ и о великомъ духовномъ опытѣ старца и о практической его мудрости.

7 іюля 1706 г. о. Исаакій собралъ на совѣтъ всю братію и, по единодушному согласію, братія положила слѣдующее рѣшеніе — приговоръ, тогда же записанный.

„Въ сей Сатисо-Градо-Саровской пустыни, у святѣй церкви Пресвятыя Богородицы Живоноснаго Ея Источника, быть общежительному пребыванію монаховъ.... И положихомъ, по свидѣтельству и преданію святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, чинъ — уставъ общаго житія. И отнынѣ намъ здѣ всѣмъ живущимъ монахамъ и сущимъ по насъ настоятелямъ и братіямъ держать и хранить безотложно, дондеже благоволеніемъ Божіимъ обитель сія будетъ стоять“.

Правила Саровскаго общежитія—самыя строгія, въ духѣ древнехристіанскихъ общежительныхъ монастырей. Такъ, напримѣръ, исключена всякая собственность, запрещено ѣсть что нибудь внѣ трапезы.

Наконецъ, въ 1711 г. въ Саровское общежитіе была прислана отъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана, Митрополита Рязанскаго, грамота, по которой этотъ уставъ получилъ оффиціальное утвержденіе. Еще раньше Саровъ былъ признанъ независимымъ отъ Введенскаго монастыря, и о. Исаакій назначенъ строителемъ Сарова.

Вслѣдъ за построеніями первой церкви, возникли на горѣ еще двѣ церкви, а о. Исаакій, продолжая дѣло храмоздательства, устроилъ еще подземный храмъ во имя преп. Антонія и Ѳеодосія Кіево-Печерскихъ.

Этотъ храмъ очень утѣшилъ нѣкоторыхъ изъ братіи, которые на великій постъ удалялись въ пещеры, теперь ими значительно углубленныя въ гору и расширенныя.

Вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ, выпали на долю Сарова и испытанія. Такъ, во время отсутствія настоятеля, на братію дважды нападали разбойники и жестоко пытали иноковъ, доискиваясь, гдѣ спрятаны у нихъ сокровища, которыя суевѣрная молва приписывала первымъ инокамъ.

Въ одну изъ отлучекъ своихъ по дѣламъ въ Москву, о. Исаакій тяжко заболѣлъ. Жизнь его была въ опасности, и онъ пожелалъ принять схиму. При этомъ постригавшій его въ схиму строитель Красногривской пустыни, іеромонахъ Макарій, связалъ его обѣщаніемъ, что онъ отнынѣ уже не будетъ нигдѣ начальникомъ и будетъ въ Саровѣ наравнѣ со всѣми прочими, и даже ниже всѣхъ.

Въ схимѣ о. Исаакій принялъ прежнее свое имя Іоаннъ.

Болѣзнь миновала, и о. Іоаннъ вернулся въ Саровъ, гдѣ многое за время болѣзни его оказалось запущеннымъ. Среди братіи были неурядицы. Между тѣмъ дѣйствовать онъ уже не могъ. Іеромонахъ Макарій отказался разрѣшить его отъ его слова; братія подавала прошеніе митрополиту Стефану, и было о. Іоанну предписано „быть настоятелемъ и служить попрежнему“, причемъ упомянуто, что и въ древности обителями управляли схимонахи, какъ Оръ Черноризецъ (въ Ѳиваидѣ, въ Египтѣ), а въ Россіи—преп. Паѳнутій Боровскій.

Послѣднія десятилѣтія жизни о. Іоанна были имъ посвящены благоустройству обители.

Первыя церкви вскорѣ по построенію сгорѣли; были выстроены лучшія новыя; всѣ келліи перенесены на гору, устроена ограда и гостиница для пріѣзжихъ.

Затѣмъ, всѣ свои силы о. Іоаннъ употребилъ на обезпеченіе обители земельными угодіями.

Первоначальный кусокъ земли, закрѣпленный за обителью княземъ Кугушевымъ, представлялъ изъ себя лишь 30-ть десятинъ.

Посѣщавшіе обитель, видя жизнь иноковъ, давали посильныя пожертвованія, на которыя и прикупалась земля. Другіе же давали землю и лѣса и безмездно, во вкладъ.

Всего съ 1712 по 1729 годы пріобрѣтено земли по 63 купчимъ, поступнымъ и вкладнымъ актамъ—отъ 96 владѣльцевъ. Всѣ эти земли закрѣплены за обителью законнымъ порядкомъ.

Противъ монастыря начали долгій процессъ помѣщики Полочаниновы. Дѣло дошло до Сената, и Сенатъ повергъ на

заключеніе Императрицы Анны Іоанновны такое заключеніе: „Не соизволитъ ли Ея Императорское Величество указать, по неимуществу доходовъ, крестьянъ и руги, земли тѣ утвердить за оною пустынью вѣчно, другимъ не во образецъ“, на что Императрица, 25 октября 1730 г.,—написала: „учинить по сему докладу“.

Благословеніе Божіе видимо сопутствовало всему дѣлу созиданія Саровской обители.

Въ то время, какъ она возникала, царскою властію было воспрещено созидать вновь монастыри. И эта же власть дала указъ о построеніи обители на запустѣломъ Старомъ Городищѣ города Сараклыча. Теперь сильные люди, имѣвшіе защитниковъ у самаго Двора, оспаривали у монастыря землю, а дѣло кончилось въ его пользу въ то самое царствованіе, когда мало думали о защитѣ православной вѣры и поддержкѣ православныхъ учрежденій.

О. Іоаннъ установилъ ежегодно совершать 25 октября торжественную службу, со всенощнымъ бдѣніемъ и благодарственнымъ молебномъ Богоматери.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о состояніи Саровской пустыни въ послѣдніе годы жизни о. Іоанна.

Считая красоту храмовъ однимъ изъ лучшихъ способовъ воздѣйствія на душу человѣческую, о. Іоаннъ въ эти годы готовился строить каменные храмы, началъ заготовлять уже кирпичъ и каменный бутъ. Но совершить дѣло созиданія великолѣпныхъ Саровскихъ соборовъ пришлось ужъ преемникамъ его.

Число братіи въ 1733 году было 36 человѣкъ.

Бытъ въ пустыни былъ суровый. Все нужное для жизни пріобрѣталось трудами братіи. Сами воздѣлывали землю, сѣяли хлѣбъ, на жерновахъ мололи муку. Занимались токарнымъ и столярнымъ дѣломъ, шили одежду, плели лапти, служившія обычною обувью. Зимой носили нагольные тулупы, лѣтомъ балахоны изъ крашенины или изъ суроваго холста.

Единственнымъ лакомствомъ братіи въ праздничные дни служилъ настой изъ малины и мяты, который пили съ медомъ.

Въ 30-хъ годахъ 18-го вѣка о. Іоаннъ, — съ одной стороны чувствуя значительную слабость и утомленіе отъ всего, что онъ передѣлалъ за свой вѣкъ; съ другой, — стремясь къ тому совершенному уединенію, которымъ онъ начиналъ свою монашескую жизнь,—просилъ братію выбрать ему преемника изъ ихъ среды.

Духовная власть, по желанію братіи и уваженію къ заслугамъ о. Іоанна, постановила, чтобы новый строитель управлялъ монастыремъ „съ согласія“ о. Іоанна, которому было дано наименованіе „первоначальника“.

О. Іоаннъ сталъ часто уединяться въ пещеры. Въ одной изъ нихъ стоялъ его гробъ, надъ которымъ онъ проливалъ потоки слезъ, оплакивая свои грѣхи. Здѣсь мечталъ онъ и быть схороненнымъ. Но Богъ судилъ иначе. Ему предстоялъ принять великій вѣнецъ—неповиннаго страданія.

То было тяжелое время.

Постоянно по малѣйшему поводу возникали обвиненія въ политической измѣнѣ, и человѣкъ, разъ заподозрѣнный, пропадалъ для жизни: онъ томился въ застѣнкахъ такъ называемой, „Тайной канцеляріи“ или подвергался казни.

Въ 1733 году по ложному доносу Саровскіе иноки были заподозрѣны въ государственной измѣнѣ.

Въ апрѣлѣ 1734 г., по распоряженію Тайной канцеляріи, въ Саровъ прискакали ея чиновники съ солдатами для ареста о. Іоанна. Сковавъ его цѣпями, его посадили подъ караулъ; затѣмъ, допросивъ иночествующихъ, собрались везти его въ Петербургъ. Строитель Дорооей и вся обитель еле упросила дать имъ проститься съ о. Іоанномъ и двумя иноками, арестованными съ нимъ.

Ихъ вывели предъ врата обители въ кандалахъ, поставили въ десяти саженяхъ отъ ограды, въ рядъ. Съ боковъ и сзади стали съ оружіемъ солдаты. Братіи же велѣли выйти къ нимъ, но не подходя близко и не говоря имъ ни слова.

То была величественная минута. Бряцаніе кандалъ и плачъ братіи одни нарушали тишину.

Перекрестясь. первоначальникъ Саровскій положилъ три

поклона предъ святыми вратами созданной имъ обители. Затѣмъ, обернувшись къ оставляемой имъ братіи, трижды поклонился ей въ ноги, на что и братія отвѣчала земнымъ поклономъ. Затѣмъ, онъ молча осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ.

Около четырехъ лѣтъ томился въ узахъ о. Іоаннъ.

Предъ кончиною онъ былъ напутствованъ св. Дарами. Онъ умолялъ тутъ духовника доставить въ Саровскую пустыню строителю о. Дороѳею письмо: свой предсмертный завѣтъ братіи. Онъ умоляетъ ее твердо хранить уставъ, держать миръ и любовь между собою и безропотно нести послушанія.

Онъ почилъ 4 іюля 1737 года, на 67-омъ году отъ роду и погребенъ при церкви Преображенія Господня, что въ Колтовской, въ С.-Петербургѣ.

Донынѣ въ томъ храмѣ служатъ, по усердію православныхъ, панихиды по великомъ „трудникѣ“.

Старица Агафія Симеоновна Мельгунова, (въ иночествѣ Александра).

Основательница Серафимо-Дивѣевскаго женскаго монастыря.

Есть въ Россіи одно отдаленное отъ желѣзныхъ дорогъ и водныхъ сообщеній мѣсто, въ которомъ пріѣзжій, если онъ вѣрующій человѣкъ, чувствуетъ что-то особое, какую-то неизъяснимо сладостную, какъ бы разлитую въ воздухѣ благодать.

Это мѣсто — Серафимо-Дивѣевъ монастырь, лежащій въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи.

Начало этому монастырю положила старица Агафія Симеоновна Мельгунова, а выросъ онъ заботами и чудесами великаго старца Саровскаго, іеромонаха Серафима.

По самоотверженной жизни своей, отданной всецѣло Богу и служенію ближнимъ, по громадной нравственной силѣ и цѣльности своей личности, это, конечно, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ когда либо жившихъ русскихъ женщинъ,

и свѣтлая память о ней не должна погибнуть, но должна быть передаваема изъ родъ въ родъ, на поученіе послѣдующихъ поколѣній [1]).

Ей суждено было основать на землѣ четвертый „жребій" Богоматери.

„Жребіями" Богоматери считается Иверія, выпавшая Ей на долю, когда апостолы метали въ Іерусалимѣ жребій кому въ какую сторону идти для проповѣди. Затѣмъ гора Аѳонъ, гдѣ Богоматерь со св. евангелистомъ Іоанномъ и другими учениками по пути на островъ Кипръ, куда Она ѣздила для посѣщенія Лазаря Четвородневнаго, останавливалась, возвѣстила жителямъ-язычникамъ о Христѣ, и сотворила много чудесъ, и гдѣ теперь процвѣтаетъ столько монашескихъ обителей. Третьимъ жребіемъ Богоматери считается Кіево-Печерская Лавра, съ великою святынею ея— иконою Успенія, которую Сама Богоматерь въ чудесномъ явленіи Своемъ передала въ Царьградѣ зодчимъ, когда посылала ихъ въ Кіевъ строить Великую церковь въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

Изъ Кіева, изъ Фроловскаго женскаго монастыря, вышла старица Агафія Симеоновна.

Агафія Симеоновна Мельгунова (изъ рода нижегородскихъ дворянъ Бѣлокопытовыхъ) была вдова полковника, помѣщица трехъ губерній — Ярославской, Владимірской и Рязанской, гдѣ ей принадлежали обширныя помѣстья и 700 душъ крестьянъ. Кромѣ этой недвижимой собственности, она владѣла еще капиталомъ.

Мужа она лишилась рано, и вдовою, съ трехлѣтнею дочерью, прибыла въ Кіевъ.

Здѣсь она хотѣла посвятить жизнь свою Богу и приняла монашество съ именемъ Александры. Можно, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, предполагать, что постригъ ея былъ тайный.

---

[1]) Свѣдѣнія о жизни ея заимствованы изъ книги „Лѣтопись Серафимо-Дивѣевскаго монастыря"— архимандрита Серафима (Чичагова).

Въ Кіевѣ, гдѣ она, несомнѣнно, думала кончить свои дни, пришлось ей прожить недолго. Божественное призваніе направило ее въ другія мѣста.

Однажды ночью, послѣ долгаго стоянія на молитвѣ, мать Александра увидѣла Пресвятую Владычицу и услышала отъ Нея слѣдующее повелѣніе:

„Это Я, Госпожа и Владычица твоя, Которой ты всегда молишься. Я пришла возвѣстить тебѣ волю Мою. Не здѣсь хочу Я, чтобъ ты кончила жизнь свою. Но, какъ Я раба Моего Антонія вывела изъ Аѳонскаго жребія Моего, святой горы Моей, чтобъ онъ здѣсь, въ Кіевѣ, основалъ новый жребій Мой, Лавру Кіево-Печерскую: такъ тебѣ нынѣ глаголю: изыди отсюда и иди въ землю, которую Я покажу тебѣ. Иди на сѣверъ Россіи и обходи всѣ великорусскія мѣста святыхъ обителей Моихъ. И будетъ мѣсто, гдѣ я укажу тебѣ окончить богоугодную жизнь твою, и прославлю имя Мое тамъ, ибо въ мѣстѣ жительства твоего Я осную великую обитель Мою. Иди же, раба Моя, въ путь, и благодать Божія, и сила Моя, и благодать Моя, и милость Моя, и щедроты Мои — да будутъ съ тобою!“ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Хотя это видѣніе исполнило сердце матери Александры великой радости, но она, какъ опытная въ духовной жизни, боялась повѣрить истинности видѣнія.

Поэтому она повѣдала и все бывшее и сомнѣнія свои старцамъ-подвижникамъ Кіево-Печерской Лавры.

Послѣ долгихъ молитвъ и размышленій старцы пришли къ такому заключенію.

Что мать Александра не можетъ находиться въ „прелести“, въ духовномъ обольщеніи. Что врагъ рода человѣческаго, принимающій, на соблазнъ и гибель людямъ разнообразные виды, являвшійся подвижникамъ даже въ образѣ Христа, безсиленъ принимать образъ Богоматери и изображать знаменіе животворящаго креста. И что поэтому видѣніе Царицы Небесной надо признать истиннымъ.

Они совѣтовали матери Александрѣ скрыть свое постриженіе и, принявъ прежнее имя Агафіи Симеоновны Мельгуновой, безъ страха предпринять путь, назначенный Богоматерью, и ждать новаго указанія Богоматери, гдѣ повелитъ Она остановиться.

Свѣдѣній о томъ, сколько времени и гдѣ именно странствовала Агафія Симеоновна, не сохранилось.

По разсказамъ старожилъ, она въ 1760-мъ году шла изъ города Мурома въ Саровскую пустынь. Не дойдя 12 верстъ до Сарова, она остановилась на отдыхъ въ селѣ Дивѣевѣ, находящемся въ 55 верстахъ отъ г. Арзамаса, и въ 24— отъ Ардатова Нижегородской губерніи.

Она расположилась для отдыха на лужайкѣ у западной стѣны небольшого сельскаго деревяннаго храма. Здѣсь лежали бревна, на которыя она и сѣла. Отъ усталости она въ этомъ положеніи уснула, и тутъ опять ей было видѣніе Богоматери.

Пречистая Дѣва сказала ей:

„Вотъ то самое мѣсто, которое Я повелѣла тебѣ искать на сѣверѣ Россіи, когда еще въ первый разъ являлась Я тебѣ въ Кіевѣ. И вотъ, здѣсь предѣлъ, который Божественнымъ Промысломъ положенъ тебѣ: живи и угождай здѣсь Господу Богу до конца дней твоихъ. И Я всегда буду съ тобою, и всегда буду посѣщать мѣсто это, и въ предѣлѣ твоего жительства Я осную здѣсь такую обитель Мою, равной которой не было, нѣтъ и не будетъ никогда во всемъ свѣтѣ. Это четвертый жребій Мой во вселенной. И какъ звѣзды небесныя, и какъ песокъ морской умножу Я тутъ служащихъ Господу Богу, и Меня Приснодѣву, Матерь Свѣта, и Сына Моего Іисуса Христа величающихъ: и благодать Всесвятаго Духа Божія и обиліе всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, съ малыми трудами человѣческими, не оскудѣютъ отъ этого мѣста Моего возлюбленнаго!“

Очнувшись послѣ видѣнія, мать Александра долго не могла придти въ себя отъ благоговѣйнаго трепета. Затѣмъ она оглядѣла мѣстность вокругъ себя и стала молиться со

слезами вѣры и восторга. Въ такомъ душевномъ состояніи она дошла до Саровской пустыни.

Несомнѣнно, пустынь эта не могла не произвести очень сильнаго впечатлѣнія на мать Александру.

Мѣстоположеніе ея удивительно живописно.

Нѣсколько суровый отпечатокъ природы, высокая гора, на которой, затерявшись въ дремучихъ лѣсахъ, стоитъ пустынь: все какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ суровому уставу и строгой жизни ея иноковъ. Среди нихъ въ то время было много людей, выдающихся своею духовною жизнью. Настоятелемъ былъ многоопытный, вынесшій въ жизни великія испытанія— строитель Ефремъ, который пользовался такимъ уваженіемъ, что духовнаго общенія съ нимъ искалъ великій святитель Тихонъ Задонскій, бывшій съ нимъ въ перепискѣ.

Посовѣтовавшись съ Саровскими старцами, мать Александра, во исполненіе воли Богоматери, рѣшилась поселиться въ Дивѣевѣ.

Но село Дивѣево, вокругъ котораго добывалась мѣдная и желѣзная руда, и въ которомъ потому было много шумнаго, буйнаго населенія, много крику и дракъ, было неудобно, чтобъ жить инокинѣ, искавшей уединенія.

По совѣту старцевъ, она поселилась вблизи Дивѣева, въ деревнѣ Осиновкѣ, во флигелѣ, лежавшемъ за садомъ усадьбы князей Шахаевыхъ. Здѣсь жила она года три съ небольшимъ.

На этомъ мѣстѣ заболѣла и въ возрастѣ 9—10 лѣтъ скончалась единственная дочь матери Александры, и тѣмъ была порвана послѣдняя связь ея съ міромъ.

Тогда, по совѣту старцевъ, она рѣшилась окончательно распорядиться своимъ имѣніемъ. Она поѣхала въ свои помѣстья и за небольшую плату отпустила на волю своихъ крестьянъ. Тѣхъ же, которые не пожелали на волю, она продала тѣмъ именно помѣщикамъ, которыхъ крестьяне выбирали сами, зная, что за ними будетъ хорошо.

Увеличивъ такимъ образомъ свой и безъ того значительный капиталъ, она часть его употребила на вклады въ мона-

стыри и церкви для поминовенія родителей, мужа, дочери и родныхъ; большую же часть потратила на дѣло церковностроительства. Современникамъ ея было извѣстно 12-ть церквей, построенныхъ и возобновленныхъ Агафіей Симеоновной.

Кромѣ того, она обезпечила много вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ.

Надо полагать, что въ этихъ хозяйственныхъ ея дѣлахъ протекло нѣсколько лѣтъ, такъ что возвращеніе ея обратно въ Дивѣево можно относить приблизительно къ 1765 г.

Въ то время священникомъ въ Дивѣевѣ былъ о. Василій Дертевъ, извѣстный подвижнической своею жизнію. Онъ жилъ вдвоемъ со своей престарѣлою женой, и мать Александра была уже съ нимъ знакома.

Во дворѣ этого священника старцы и благословили ей поселиться.

Здѣсь и провела она послѣднія 20 лѣтъ своей сокровенной предъ Богомъ жизни.

Въ 1767 г. она начала, взамѣнъ Дивѣевскаго ветхаго деревяннаго храма во имя святителя и чудотворца Николая—воздвигать новый, каменный, въ честь преславной Казанской иконы Богоматери. Можно думать, что ея рѣшеніе къ этому дѣлу внушено ей было Пресвятою Дѣвою. Это былъ первый шагъ матери Александры къ созданію той первоначальной общины, изъ которой суждено было, благодатью Пресвятой Дѣвы, и молитвами старца Серафима—возрасти величайшей женской русской обители.

Въ 1770 г. также сталъ строить въ Саровской пустыни настоятель ея, о. Ефремъ, обширный, великолѣпный Успенскій соборъ. Но вскорѣ наступили голодные года (самый лютый изъ нихъ 1775-й), задержавшій ходъ построекъ.

Замѣчательное отношеніе къ постигнутому бѣдой крестьянскому населенію выказалъ и о. Ефремъ и мать Александра.

Бѣда была такъ велика, что многіе питались древесною корой, примѣшивали къ хлѣбу гнилое дерево и дубовые желуди. О. Ефремъ приказалъ кормить и поить всѣхъ приходящихъ въ обитель. Въ теченіе семи мѣсяцевъ кормилъ онъ

ежедневно по нѣскольку сотъ, а иногда и нѣскольку тысячъ человѣкъ.

Когда въ средѣ братіи начала проявляться боязнь, что, при такой раздачѣ монастырскихъ запасовъ, хлѣба не хватитъ для самого монастыря, о. Ефремъ, созвавъ старшую братію и описавъ предъ ними народную нужду, въ заключеніе сказалъ: „Не знаю, какъ вы. А я расположился, доколѣ Богу будетъ угодно за наши грѣхи продолжать гладъ—лучше страдать со всѣмъ народомъ, нежели оставить ихъ гибнуть отъ глада. Какая намъ польза пережить подобныхъ намъ людей? Изъ нихъ, можетъ быть, нѣкоторые до сего времени и сами питали насъ своими подаяніями!“

И тогда онъ приказалъ попрежнему кормить народъ и прибавилъ при этомъ, что недостатка въ хлѣбѣ не будетъ.

Чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ обитель большой, возовъ въ 50, обозъ съ мукой. Какъ говорили вощики, какой-то неизвѣстный человѣкъ нанялъ ихъ, насыпалъ хлѣбъ, заплатилъ за провозъ и приказалъ везти въ Оптину.

Столь же теплую заботу о голодающемъ населеніи выказала и матушка Александра.

Долго разсказывали мѣстные крестьяне, тогда старики, какъ въ малолѣтство ихъ былъ голодъ и какъ собирала ихъ, дѣтей, матушка Агафья Симеоновна и приказывала подносить кирпичи кладчикамъ, строившимъ Казанскую церковь. За эту работу она кормила ихъ сухарями съ водой и каждому платила въ день пятакъ, наказывая нести деньги родителямъ. Такъ и прожили Дивѣевскіе лѣто безъ нужды.

Около 1772 г. Казанскій храмъ, воздвигнутый матерью Александрою на мѣстѣ явленія ей Пресвятой Богородицы—былъ довершенъ. Онъ былъ трех-престольный.

Главный алтарь въ честь Казанской иконы, лѣвый придѣлъ—въ честь Николая Чудотворца, въ память первоначальнаго деревяннаго храма, правый придѣлъ, по особому указанію Божію, — въ честь святого первомученика архидіакона Степана.

Указаніе это состояло въ слѣдующемъ.

Мать Александра долго не могла рѣшить, какому святому посвятить ей третій придѣлъ. Однажды всю ночь она молилась въ своей келліи, чтобъ Господь явилъ ей волю Свою. И вотъ, раздался въ маленькомъ оконцѣ ея келліи стукъ, и, затѣмъ голосъ, произнесшій: „Да будетъ престолъ сей первомученика архидіакона Стефана!“

Въ радости мать Александра бросилась къ окну, чтобъ видѣть человѣка, произнесшаго эти слова. Но тамъ не было никого, а на подоконникѣ лежалъ неизвѣстно откуда явившійся образъ святого первомученика и архидіакона Стефана.

Образъ этотъ, который можно видѣть доселѣ, написанъ на простомъ, почти неотесанномъ обрубкѣ бревна. Онъ всегда стоялъ въ церкви, а теперь находится въ сохранившейся понынѣ келліи матери Александры.

Довершивъ храмъ, мать Александра отправилась въ Казань, откуда вывезла точный списокъ съ Казанской чудотворной иконы. Затѣмъ поѣхала въ Кіевъ, чтобъ испросить новому храму частицы св. мощей, которыя ей вложили въ сребропозлащенный крестъ. Въ Москвѣ пріобрѣла она колоколъ въ 76 пудовъ и нужную для храма утварь. Иконостасъ-же въ ея церковь былъ пожертвованъ о. Ефремомъ—старый иконостасъ изъ Саровскаго прежняго собора.

Въ свою очередь мать Александра оказала Саровской пустыни щедрую помощь въ дѣлѣ построенія Успенскаго Собора.

Въ чемъ же состояли подвиги матери Александры въ Дивѣевскую пору ея жизни?

Домашніе келейные подвиги ея остались неизвѣстны. Но вотъ что передавали о дѣлахъ ея современники: ея крестьяне, окрестные помѣщики, сестры Дивѣевскія.

Поселясь въ Дивѣевѣ, мать Александра заставила себя забыть свое происхожденіе, воспитаніе, богатство. Смиряя себя, она занималась самыми простыми работами, точно была служанкой о. Василія: чистила хлѣвъ, ходила за скотиной, стирала бѣлье.

Кромѣ этой постоянной черной работы, она ходила въ

Агафія Симеоновна Мельгунова (въ иночествѣ Александра).
Первоначальница Дивѣевская.

крестьянскія поля и тамъ жала и вязала въ снопы урожай на полосахъ одинокихъ, маломочныхъ крестьянъ. Когда въ страдную пору всѣ взрослые крестьяне уходятъ на цѣлый день въ поле, оставляя дома безъ призора однихъ малолѣтнихъ дѣтей: въ деревнѣ дѣйствовала мать Александра.

Она топила въ избахъ печи, мѣсила хлѣбы, приготовляла обѣдъ, мыла дѣтей, стирала ихъ грязное бѣлье, и, къ приходу умучившихся въ жаркомъ полѣ ихъ матерей, одѣвала ихъ во все чистое. Все это дѣлала она украдкой, чтобъ никто этого не видалъ.

Но, конечно, укрыться отъ людей она не могла. Крестьяне стали догадываться о своей невидимой помощницѣ. Когда же дѣти указывали родителямъ на мать Александру, она принимала видъ удивленной, ничего не понимающей, если ее начинали благодарить, и отрекалась отъ своихъ поступковъ.

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ матушка Александра въ праздники и воскресные дни никогда не возвращалась изъ церкви прямо домой. По окончаніи обѣдни она оставалась на церковной площади и поучала крестьянъ. Она объясняла имъ ихъ христіанскія обязанности, говорила о томъ, какъ надо проводить праздники, какъ правильно устраивать свою жизнь. Долго эти бесѣды, — ужъ много лѣтъ по смерти матушки Александры, оставались въ памяти мѣстнаго населенія.

Одѣвалась мать Александра не только просто, но и бѣдно, лѣтомъ и зимою носила она ту же ветхую и заплатанную одежду, опоясываясь кушачкомъ съ узломъ. На головѣ она носила холодную, черную, круглую шерстяную шапочку, отороченную заячьимъ мѣхомъ. Это смягчало ея головныя боли, которыми она часто страдала, надѣвала и бумажные платки.

Идя работать въ поле, она обувалась въ лапти. Подъ конецъ жизни ходила въ холодныхъ сапожкахъ, подаренныхъ ей одной помѣщицей.

На кровати ея вмѣсто тюфяка лежалъ войлокъ, а въ головахъ пуховыя подушечки, данныя ей усердными ея почитательницами, богатыми помѣщицами Чемодановыми и Аргамаковою. Но эти подушечки явились лишь незадолго до ея

смерти, а до того она подкладывала подъ голову камень, зашитый въ холстину, чтобъ онъ издали казался подушечкой.

Она постоянно носила власяницу.

Матушка Александра была прекрасная рукодѣльница, и бѣднымъ невѣстамъ вышивала красивые головные уборы, называющіеся въ тѣхъ мѣстахъ „сороками“, и красивыя полотенца. Одна изъ работъ ея доселѣ бережно хранится въ Дивѣевѣ. Вообще всѣмъ и всегда старалась она служить, чѣмъ только могла.

Внѣшность ея была такова. Средняго роста, веселаго вида, съ круглымъ, бѣлымъ лицомъ. Глаза у нея были сѣрые, короткій неправильный носъ, небольшой ротъ. Отъ постоянныхъ слезъ рѣсницы глазъ въ послѣдніе годы ея жизни были всегда красныя.

Постоянно высокое настроеніе души ея, постоянная любовь къ Богу и людямъ, живымъ пламенемъ горѣвшая въ ея душѣ, снискали ей разные благодатные дары.

Великій старецъ Серафимъ Саровскій часто вспоминалъ о великомъ ея дарѣ благодатныхъ слезъ, который посылается отъ Бога людямъ, преуспѣвшимъ въ молитвѣ и добродѣтеляхъ.

Когда она въ Саровскомъ соборѣ становилась на свое обычное мѣсто — противъ чудотворной иконы Богоматери, именуемой „Живоносный Источникъ“—изъ ея глазъ текли не слезы, а потоки слезъ.

Слова, совѣты ея были исполнены высокой мудрости.

Поэтому, къ ней отовсюду стекались не только простые люди, но и лица высшихъ сословій—купцы, помѣщики, даже духовные, чтобъ послушать ея наставленій, попросить ея молитвъ, въ недоумѣніяхъ помочь себѣ ея совѣтами.

Въ семейныхъ дѣлахъ—разныхъ осложненіяхъ, ссорахъ, къ ней шли, какъ къ высшему судіи, чтобъ безпрекословно подчиниться ея рѣшенію.

Женщина рѣдкаго природнаго ума, чрезвычайно образованная, начитанная, тонко воспитанная—она такъ твердо изучила всѣ церковные уставы, законы и положенія, что въ важныхъ случаяхъ искали ея указаній. За особое счастье

считали, если она брала на себя быть распорядительницею какого нибудь важнаго семейнаго торжества.

Вспоминая ее, одна ея современница разсказывала о ней, что мать Александра была такъ умна и образована, какъ рѣдко бываютъ мущины.

Однажды было большое торжество въ лежащемъ неподалеку селѣ Нучѣ: освящали храмъ, и просили всѣмъ распорядиться мать Александру. Народу было такъ много, что казалось невозможнымъ разсадить всѣхъ за угощеніе, слѣдовавшее за церковнымъ торжествомъ. Но она раздѣлила всѣхъ по сословіямъ: купцовъ посадила съ купцами, также и дворянъ, мѣщанъ, крестьянъ,—и всѣ эти группы размѣстила отдѣльно. Всѣ остались очень довольны, и всѣмъ всего хватило.

Наперерывъ всѣ старались оказывать матушкѣ знаки вниманія. За честь считали князья, знатные дворяне, духовенство провести ее подъ руку или слышать отъ нея нѣсколько словъ.

Саровскіе старцы продолжали быть руководителями матери Александры.

Незадолго до своей кончины, чтобъ вполнѣ исполнить повелѣніе Богоматери — она рѣшилась положить начало общинѣ.

Одна изъ совладѣлицъ Дивѣева (село Дивѣево принадлежало разомъ нѣсколькимъ помѣщикамъ), г-жа Жданова, слышавшая объ явленіи Богоматери матери Александрѣ и желая посильно послужить столь великому дѣлу, пожертвовала ей полъ десятины земли въ прилегающемъ къ церкви участку.

На этой землѣ мать Александра построила три келліи, съ хозяйственными принадлежностями, и обвела это пространство деревянною оградою. Одну келлію заняла она сама, другую отвела для трехъ послушницъ, которыя пожелали жить подъ ея руководствомъ, третья служила для отдыха странниковъ, которые въ большомъ количествѣ шли чрезъ Дивѣево въ Саровъ.

Здѣсь провела въ постоянныхъ трудахъ мать Александра послѣднее время своей жизни.

Строго исполняла она и ея послушницы суровый уставъ Саровской пустыни. Кромѣ постоянной молитвы, занимались онѣ шитьемъ свитокъ, вязали чулки, выполняли все нужное по рукодѣльной части для Саровской братіи. Въ свою очередь оттуда присылалось имъ все нужное.

Даже пищу ежедневно привозили имъ съ Саровской трапезы.

Въ то время великій старецъ Серафимъ не достигъ еще 30-ти лѣтняго возраста и былъ въ санѣ іеродіакона.

Но, несмотря на молодость его, мать Александра относилась къ нему съ великимъ уваженіемъ. Она точно предчувствовала, чѣмъ онъ станетъ для ея только что зародившейся обители и чѣмъ станетъ онъ для всего русскаго народа.

Лѣтомъ 1789 г. Саровскій настоятель о. Пахомій, казначей о. Исаія и іеродіаконъ Серафимъ отправились верстъ за 30, въ Нижегородскую губернію, на похороны одного постояннаго посѣтителя Сарова.

По дорогѣ они заѣхали въ Дивѣево, навѣстить матушку Александру.

Старица была въ то время больна и получила отъ Бога извѣщеніе о скорой кончинѣ своей. Она просила пріѣхавшихъ къ ней иноковъ особоровать ее.

О. Пахомій предложилъ ей отложить это до ихъ обратнаго слѣдованія, но больная сказала имъ, что они не застанутъ уже ея въ живыхъ. Тогда надъ нею эти Саровскіе иноки совершили таинство св. елеосвященія.

При прощаніи со строителемъ о. Пахоміемъ, мать Александра вручила ему послѣдніе остатки нѣкогда столь значительнаго состоянія. Остатки эти заключались въ трехъ мѣшкахъ: одинъ съ золотомъ, одинъ съ серебромъ, и два съ мѣдью, всего на 40 тысячъ. Изъ этихъ денегъ мать Александра просила о. Пахомія выдавать сестрамъ все необходимое къ жизни. Мольбой молила умирающая, чтобъ о. Пахомій поминалъ ее, не оставлялъ своей заботою и наставленіемъ ея неопытныхъ послушницъ и позаботился бы впослѣдствіи о той обители, что обѣтовала ей Владычица міра.

Такъ отвѣчалъ великой подвижницѣ старецъ:

„Матушка, не отказываюсь я послужить по силамъ своимъ и по твоему завѣщанію Царицѣ Небесной. За тебя молиться буду я до смерти. И никогда не забудетъ наша обитель твоихъ благодѣяній. Но слово какъ дамъ тебѣ, когда я старъ и слабъ, и доживу ли до того, какъ придетъ это время? А вотъ іеродіаконъ Серафимъ—молодъ, и доживетъ. Ему поручи это великое дѣло.

Тогда старица стала умолять отца Серафима не оставить ея возникающей обители, какъ внушитъ ему то Пресвятая Владычица.

Старцы уѣхали, и 13 іюня 1789 г. матушка Александра скончалась.

Одной изъ послушницъ своихъ она говорила предъ смертью: „Молись Богу, Господь не оставитъ тебя. Я ужъ скоро отойду отъ сего свѣта, а ты еще долго проживешь— и то, что сбудутся слова мои, и то, что соберется на мѣстѣ этомъ большая обитель, ты увидишь на дѣлѣ.

Предъ кончиною матушка Александра пожелала принять великій постригъ, и послала для этого въ Саровъ, откуда и пріѣхалъ для совершенія постриженія іеромонахъ. Постриженіе это, причемъ ей наречено имя Александры, было за двѣ недѣли до ея кончины, въ Петровскій постъ. Нѣкоторое время до кончины она стала ежедневно пріобщаться.

Пріобщилась она и въ день кончины. И, лишь только священникъ ушелъ изъ келліи—она и почила вскорѣ смертнымъ сномъ.

Какъ-то въ послѣдніе дни она говорила одной изъ послушницъ своихъ:

— А ты, Евдокіюшка, какъ я буду отходить, возьми образъ Пресвятыя Богородицы—Казанскія, да и положи мнѣ его на грудь, чтобъ Царица Небесная была при мнѣ во время отхода моего, а предъ образомъ затепли свѣчку.

При кончинѣ матери Александры было лишь двое послушницъ.

Саровскіе иноки, соборовавшіе матушку Александру, по-

спѣли къ ея похоронамъ. Отслуживъ соборомъ литургію и отпѣваніе, они схоронили матушку Александру противъ алтаря Казанской церкви.

Весь тотъ день шелъ проливной дождь. Хотя о. Серафимъ весь промокъ, онъ, по цѣломудрію своему, не остался даже обѣдать въ женской обители и пѣшкомъ ушелъ въ Саровъ.

Такъ въ смиренной простотѣ закатилась жизнь этой удивительной женщины. Но какимъ величіемъ вѣетъ отъ всей этой простоты ея! И въ смертный торжественный часъ душа ея осталась вѣрна этимъ величайшимъ добродѣтелямъ смиренія и преданности волѣ Божіей.

Получивъ великое повелѣніе Царицы Небесной, она принесла въ жертву этому повелѣнію всю свою жизнь, всю свою личность, и вѣровала до конца, хоть не видала при жизни исполненія того, что было ей обѣщано.

Ея крѣпкая и молчаливая душа уподобилась силою упованія своею тѣмъ великимъ ветхозавѣтнымъ мужамъ, о которыхъ говоритъ апостолъ, что ихъ „міръ весь не былъ достоинъ“, и которые умерли, не пріявъ обѣтованія.

И стяжала она себѣ блаженство тѣхъ, чью вѣру ублажилъ Христосъ: вѣру не видѣвшихъ и вѣровавшихъ.

Истинность же вѣрованія ея подтверждается всею послѣдующею исторіею Дивѣева.

Общеніе о. Серафима съ матерью Александрою не прекратилось со смертью старицы.

Чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этой смерти произошло такое событіе.

Молодая жена дворового человѣка, Александра Лебедева, въ 1826 г. заболѣла тяжкими припадками въ очень опасной и мучительной формѣ. Сколько врачей: русскихъ и иностранцевъ ни лѣчили ее — никто помочь ей не могъ, и, наконецъ, послѣдній докторъ объявилъ, что помощи и исцѣленія больная можетъ ждать себѣ лишь отъ Бога.

Этотъ отказъ докторовъ въ помощи чрезвычайно огорчилъ больную и ея родныхъ.

Въ ночь на 11 іюня 1827 г. больной былъ сонъ.

Ей явилась незнакомая старая женщина, со впалыми глазами, и сказала: „Что ты страждешь, и не ищешь себѣ врача?“ Больная испугалась, положила на себя крестное знаменіе и стала читать молитву животворящему кресту: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“.

Тогда явившаяся женщина сказала: „Не бойся меня! Я такой же человѣкъ, только теперь не сего свѣта. Встань съ одра своего и поспѣши скорѣе въ Саровскую обитель къ о. Серафиму. Онъ ожидаетъ тебя къ себѣ завтра и исцѣлитъ тебя.

— Кто ты, и откуда? рѣшилась спросить больная.

— Я изъ Дивѣевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафія, былъ отвѣтъ.

На другой день на парѣ господскихъ лошадей больную повезли въ Саровъ. Ѣхать шибко было нельзя. Съ больной и такъ постоянно происходили обмороки. Въ Саровъ пріѣхали послѣ поздней литургіи, во время обѣда братіи.

О. Серафимъ, затворившись у себя, никого не принималъ. Но только что больная, приблизившись къ его келліи, сотворила молитву, какъ о. Серафимъ вышелъ къ ней и, взявъ ее за руки, ввелъ къ себѣ. Накрывъ ее епитрахилью, онъ помолился надъ нею, потомъ напоилъ ее богоявленскою водой, далъ ей частицу антидора и три сухарика съ наказомъ:

„Каждыя сутки принимай по сухарю со св. водой. Да еще сходи въ Дивѣевъ, на могилу рабы Божіей Агафіи, возьми себѣ земли и сотвори на семъ мѣстѣ сколько можешь поклоновъ. *Агафія тебя жалѣетъ и желаетъ тебѣ исцѣленія.*

Потомъ старецъ прибавилъ: „Когда тебѣ будетъ скучно, ты помолись Богу и скажи: „Отче Серафиме, помяни меня на молитвѣ и помолися обо мнѣ грѣшной, чтобъ не впасть мнѣ опять въ сію болѣзнь отъ супостата и врага Божія“.

И ощутительно для нея, недугъ вышелъ изъ больной. Она стала невредимой, была здорова и впослѣдствіи, и родила еще четырехъ сыновей и пять дочерей.

О. Серафимъ всегда съ великимъ восторгомъ говорилъ о матушкѣ Александрѣ. Разъ онъ сказалъ духовнику дивѣевскихъ сестеръ:

„Какъ намъ оставить великое это Божье дѣло и тѣхъ о коихъ просила меня, убогаго Серафима, матушка Агафья Семеновна! Вѣдь она была великая жена, святая, смиреніе ея было неисповѣдимо, слезъ источникъ непрестанный, молитва къ Богу чистѣйшая, любовь ко всѣмъ нелицемѣрная Одежду носила самую простую, и то многошвейную, и опоясывалась кушачкомъ съ узелкомъ. А какъ идетъ, бывало, то госпожи великія ее ведутъ подъ ручки,—столь за жизнь свою была всѣми уважаема! Такъ какъ же намъ презрѣть ея прошенія! Я вѣдь теперь одинъ остался изъ тѣхъ, кого она просила о заведенной ею общинѣ. Такъ-то и я прошу тебя батюшка: что отъ тебя зависитъ, и ты не оставь ихъ!“

Еще часто говорилъ онъ: „Матушка Агафья Семеновна великая жена, и всѣмъ намъ благотворительница была и столь изобиловала благодатію Божіею, скажу вамъ, что въ бытность ея здѣсь, въ Саровѣ, во время службъ церковныхъ становясь въ тепломъ соборѣ, противъ чудотворной иконы Живоноснаго Источника, изъ глазъ ея текли не слезы, а источники слезъ, точно она сама содѣловалась тогда благодатнымъ источникомъ этихъ слезъ! Великая и святая жена она была, матушка Агафья Семеновна, вельми великая и святая!“

Однажды, передавая дивѣевскимъ сестрамъ два пука свѣчей, въ присутствіи своего сосѣда по келліи, о. Павла, старецъ сказалъ о. Павлу:

— Вотъ, батюшка, смотри: я имъ даю свѣчъ въ воспоминаніе матушки Александры! Она святая была! Я и донынѣ ея стопы лобызаю! Теперь пока ничего у васъ нѣтъ. А какъ Богъ благословитъ, въ мощахъ она у васъ будетъ, тогда все у васъ явится: какъ источникъ потечетъ со всѣхъ сторонъ. Народъ будетъ смотрѣть и удивляться, откуда что возьмется“.

Старецъ приказывалъ всѣмъ сестрамъ каждый день утромъ и вечеромъ ходить кланяться ея могилѣ, произнося при

этомъ: „Госпожа наша и мать, прости меня и благослови! Помолись, чтобъ и мнѣ было прощено, какъ ты прощена и помяни меня у престола Божія".

Вотъ еще замѣчательный случай исцѣленія силою о. Серафима и матушки Александры, доказывающій ихъ великое духовное общеніе. Это исцѣленіе произошло надъ отставнымъ поручикомъ Ф. Н. Сергѣевымъ.

21-го декабря 1879 г. съ нимъ сдѣлался ударъ. Сердобскій врачъ Черногубовъ объявилъ его домашнимъ, что жизни его осталось часа на два. Его пріобщили. Послѣ причастія совершенно сознательно представилось ему видѣніе мѣстъ, гдѣ онъ никогда не бывалъ.

Онъ видѣлъ себя въ Саровѣ, обходилъ св. ворота и церкви, кладя всюду по три земныхъ поклона. Дойдя до келліи о. Серафима и никого въ ней не видя, онъ приложился къ изображенію старца, трижды поклонился въ землю и пошелъ къ источнику о. Серафима. Здѣсь онъ увидѣлъ старца живымъ. Старецъ, наклонясь надъ источникомъ, глядѣлъ на воду. Онъ ходилъ за батюшкой кругомъ источника и на каждой сторонѣ сруба дѣлалъ по три поклона: затѣмъ о. Серафимъ ушелъ къ ближней пустынькѣ. Отпивъ немного воды, Сергѣевъ пошелъ по тому же направленію. Вскорѣ онъ увидалъ о. Серафима стоящимъ на камнѣ и молящимся съ воздѣтыми къ небу руками. Долго молился старецъ и, наконецъ, сказалъ больному: „Ты еще будешь въ Саровѣ. А теперь ступай скорѣй въ Дивѣево къ матери Александрѣ. Она тебя исцѣлитъ!" Тутъ больной увидалъ себя въ Дивѣевскомъ монастырѣ. Придя къ могилѣ матери Александры, онъ разсмотрѣлъ, что половина могилы сбоку обрушилась, и отстала гробовая доска, кости же праведницы будто источаютъ муро. Помолясь матери Александрѣ, онъ помазался этимъ муромъ, которое потекло по его лицу, и онъ проснулся отъ чувства щекотанія. Къ крайнему изумленію своихъ домашнихъ, онъ вошелъ къ нимъ безъ посторонней помощи въ другую комнату и сказалъ имъ: „Какъ мнѣ хорошо и легко! Сейчасъ былъ въ Саровѣ. Старецъ Серафимъ послалъ меня

въ Дивѣевъ къ матери Александрѣ, и вотъ тамъ она меня совсѣмъ исцѣлила".

Когда пришелъ священникъ, котораго звали особоровать умирающаго, онъ былъ изумленъ, видя этого человѣка совсѣмъ здоровымъ. Всетаки онъ посовѣтовалъ ему особороваться, и больной, стоя все время на ногахъ, самъ пѣлъ. Тутъ же далъ онъ обѣщаніе сходить въ Саровъ и Дивѣевъ. Пять лѣтъ медлилъ онъ исполненіемъ этого обѣщанія. Тогда ударъ съ нимъ повторился. Но при твердомъ его внутреннемъ рѣшеніи, непремѣнно весною отправиться въ Саровъ и Дивѣевъ: онъ тутъ же выздоровѣлъ. Будучи въ Саровѣ, онъ описалъ чудесное свое исцѣленіе.

Надъ могилой матушки Александры стоитъ скромный кирпичный памятникъ.

Келлія ея у Казанской церкви, для сохранности, обведена деревяннымъ двухъэтажнымъ зданіемъ, какъ бы футляромъ. Въ этой келліи собраны всѣ вещи, оставшіяся послѣ матушки Александры: чудесно явленная ей икона первомученика и архидіакона Стефана, икона Похвалы Богородицы. копія съ Казанской иконы, писанный красками портретъ о. Назарія, возобновителя Валаама. При всякомъ дѣлѣ, какъ бы испрашивая себѣ благословенія этого старца, матушка Александра имѣла обыкновеніе кланяться этому портрету.

Сколько думъ тѣснится въ богомольцѣ въ этихъ тѣсныхъ покойчикахъ, гдѣ такъ смиряла себя великая Божья душа.

Три маленькія комнатки, низкія, съ маленькими оконцами. Въ двухъ изъ нихъ по стѣнамъ лавки, въ третьей—крошечной спаленкѣ, лежанка. Вотъ ея утварь: чайничекъ, чашка, очки съ уцѣлѣвшими стеклами, ходящіе понынѣ большіе часы. А вотъ, ея „коренное убѣжище"—маленькій, безъ оконъ, аршина въ полтора квадратныхъ покойчикъ, гдѣ распятіе съ лампадой—и больше ничего. Тутъ она молилась цѣлыми ночами.

Въ другихъ комнатахъ стоятъ еще бутыли съ цѣлебной водой изъ источника. который. по преданію, течетъ изъ ея могилы.

Основатель пустыни „Бѣлые берега“ схимонахъ Симеонъ.

Если великъ передъ Богомъ подвигъ человѣка, который всѣ свои силы посвятилъ на служеніе Ему, и, въ стремленіи къ нравственному совершенству, оставилъ міръ „во злѣ лежащій“, обрекъ себя на жизнь отреченія отъ всѣхъ земныхъ радостей: то еще болѣе великъ тотъ, кто своимъ примѣромъ увлекаетъ другихъ идти тѣмъ же путемъ спасенія.

Великъ инокъ, вдали отъ людей, самъ-другъ съ природой предъ очами всевидящаго Бога, въ глуши пустыни воюющій противъ своего зла, чтобъ создать въ себѣ человѣка по образу и подобію Божію, человѣка, обликъ котораго нарисовало человѣчеству евангеліе. Еще болѣе великъ тотъ, кто, достигнувъ уединеннымъ подвигомъ высокаго нравственнаго совершенства — своею духовною силою притянетъ къ себѣ съ распутій міра подражателей своей жизни, чтобъ никогда не запустѣло то мѣсто, гдѣ, съ помощію Божіею, одержана была великая духовная побѣда, чтобъ не прерывалась цѣпь людей, непрестанно „поющихъ Богу“, чтобъ тамъ, гдѣ богатырствовалъ ради Бога одинъ человѣкъ, стали тѣсной дружиной спасаться многіе. И счастливъ тотъ, кто заставитъ безлюдную пустыню процвѣсть обиліемъ иноковъ, кому дастъ Богъ благодать „монастырь сограditи и братію собрати“.

И міряне, и иноки будутъ до конца вѣковъ благословлять его имя.

Міряне—потому, что монастырь нуженъ для міра. Здѣсь, окруженный задумчивой, всякимъ движеніемъ, всякимъ щебетомъ птицы и всякимъ шелестомъ листа, славящей Бога природой, отдыхаетъ зашедшій изъ міра странникъ. Вся пыль, которая на длинномъ и знойномъ житейскомъ пути насѣла на него, смоетъ тотъ потокъ чистыхъ настроеній, въ который онъ здѣсь погрузится.

Подъ тихіе напѣвы, подъ торжественный, неспѣшный чинъ истоваго богослуженія — молитва сойдетъ на него, и,

вмѣстѣ съ ней, все то, что примиряетъ человѣка съ жизнію, что́ силу ему даетъ идти твердо до конца. Ему вспомнится далекое безмятежное дѣтство, ласки матери, миръ семьи, придетъ опять юность съ ея честными стремленіями, съ ея — казавшимися тогда столь легко исполнимыми внутренними обѣтами провести свѣтлую, чистую, отданную служенію Богу и людямъ, жизнь.

И опять сильна и чиста душа, опять расширяется она великими намѣреніями, искать правды, жить хорошо... И пусть попрана бездна иллюзій юности, пусть людское зло обнажилось предъ человѣкомъ во всемъ своемъ безобразіи: о томъ, что конечная побѣда остается за добромъ, свидѣтельствуетъ лежащій вотъ тутъ, въ ракѣ, этотъ святой, одинъ изъ великихъ побѣдителей жизненнаго зла.

Пусть усталое сердце давно уже не знаетъ, что такое сочувствіе людей. Но оно ясно сознаетъ въ тѣ минуты, что вотъ, лежащій въ ракѣ и видитъ, и понимаетъ, и откликается ему, и поможетъ ему тѣмъ, что́ безконечно сильнѣе помощи людской — дерзновенной молитвой праведника къ Богу.

И уходитъ онъ изъ этого мѣста снова въ жизнь съ освѣженными силами, съ отдохнувшей душой, съ обновившейся вѣрой въ то, что стоитъ бороться за добро, что жизнь есть непремѣнно борьба, и что за побѣду въ ней готовятся людямъ вѣнцы.

А иноку какъ не прославлять того, кто подвигами своими первый освятилъ то мѣсто, которое и ему помогаетъ въ спасеніи.

И великъ будетъ тотъ мигъ на послѣднемъ Судѣ Христовомъ, когда основатели обителей, ведя за собою полки иноковъ, славившихъ въ ихъ монастыряхъ имя Христово, подойдутъ къ страшному престолу Господа славы и скажутъ: „Се азъ и дѣти, яже далъ еси ми“.

И это великое слово не скажетъ ли тамъ по праву и основатель извѣстной Бѣлобережской пустыни, схимонахъ Симеонъ?

Вотъ краткія свѣдѣнія о жизни этого подвижника, доста-

точныя, однако,—думается, чтобъ вызывать къ нему искреннее сочувствіе.

Старецъ Симеонъ былъ сынъ священника Тульскаго уѣзда села Архангельскаго.

Родился онъ въ 1672 году и во св. крещеніи названъ Симеономъ. Смерть отца его оставила его малолѣтнимъ, и для воспитанія его взялъ къ себѣ священникъ Тульской Успенской церкви Яковъ Ѳедоровъ. Здѣсь мѣстный дьячокъ обучилъ его чтенію, письму. У этого священника Симеонъ прожилъ до совершеннолѣтія.

Уже въ возрастѣ 35-ти лѣтъ онъ женился на вдовѣ Маріѣ Павловой. Поступокъ этотъ представляется мало понятнымъ, такъ какъ черезъ полъ-года Симеонъ ужъ оставляетъ жену и начинаетъ странствовать по русскимъ святынямъ.

Вскорѣ онъ основался въ Николаевскомъ Одринѣ монастырѣ, что̀ близъ города Карачева Орловской губерніи. Здѣсь постригли его въ рясофоръ съ именемъ Серафима. Недолго побывъ здѣсь, онъ перешелъ въ Предтеченскую Полбину пустынь (въ 9 верстахъ отъ г. Брянска Орловской губерніи), гдѣ его постригли въ мантію съ именемъ Серапіона. Отсюда удалился онъ на уединенное жительство въ Брянскихъ лѣсахъ.

Лѣса эти представляли тогда изъ себя въ полномъ смыслѣ слова то, что̀ называется дремучими лѣсами. Среди этихъ лѣсовъ, въ урочищѣ Полбинѣ, на берегахъ рѣки Снѣжита, которымъ, по бѣлому цвѣту ихъ, такъ подходитъ имя *бѣлыхъ береговъ*, съ 1706 г. уединилось нѣсколько монаховъ изъ находившагося у города Брянска (гдѣ теперь зарѣцкая слобода) Бѣлопесоцкаго Предтеченскаго монастыря.

Понудило ихъ къ этому то обстоятельство, что монастырь ихъ, по указу императора Петра I, подлежалъ преобразованію. Его монаховъ вмѣстѣ съ монахинями Воскресенскаго дѣвичьяго Брянскаго монастыря предписано было перевести въ Брянскій мужской Петропавловскій монастырь.

Находя совершенно неудобнымъ такое, хоть бы временное, смѣшеніе двухъ монастырей, мужского и женскаго—большая часть братіи удалилась въ одну дачу Петропавлов-

скаго монастыря, лежавшую въ 12 верстахъ отъ города, въ Брянскихъ лѣсахъ.

Къ этимъ-то инокамъ и присоединился о. Серапіонъ. который сперва подвизался въ этой мѣстности уединенно, а затѣмъ былъ избранъ отшельниками строителемъ новой, образованной ихъ общежитіемъ, пустыни.

Первою своею обязанностью о. Симеонъ счелъ устройство церкви. Всѣ иноки отправляли службу — утреню, часы, вечерню и монашескія правила въ часовнѣ, а для присутствія при литургіи и принятія Св. Тайнъ они должны были ходить всякій разъ въ Петропавловскій монастырь. Для старыхъ и больныхъ, особенно при распутицѣ, это было крайне неудобно. Наконецъ, въ 1721 году, по прошенію Петропавловскаго архимандрита Питирима, въ вѣдѣніи котораго находились эти пустынные иноки, имъ разрѣшено было въ мѣстѣ ихъ поселенія поставить церковь. Въ память того Предтеченскаго Бѣлопесоцкаго монастыря, изъ котораго они вышли,— они пожелали освятить этотъ храмъ въ честь Рождества Іоанна Предтечи. Церковь строили недолго, и черезъ годъ она была освящена. Къ освященію храма царица Евдокія Ѳеодоровна (Лопухина, первая супруга императора Петра I) пожертвовала обители иконы Пресвятой Троицы, Владимірскую — Богоматери, и всехвальнаго Іоанна Предтечи.

Но вскорѣ начальство Петропавловской пустыни стало относиться къ Бѣлобережской крайне враждебно. Новоустроявшаяся пустынь вызывала къ себѣ сочувствіе усердныхъ къ вѣрѣ людей, и у нея образовывались уже мало по малу нѣкоторыя средства къ обезпеченію нуждъ братіи. Между тѣмъ иноки Петропавловскаго монастыря, выставляя ея положеніе въ самомъ бѣдственномъ видѣ, стали усиленно хлопотать объ ея упраздненіи. Объ этомъ подано было прошеніе въ Москву, откуда велѣно было по этому предмету произвести допросъ. Эти обстоятельства были чрезвычайно прискорбны для Бѣлобережской братіи, и въ 1724 г. о. Серапіонъ отправился въ Москву. Его цѣлью было, чтобъ Бѣлобережская пустынь была признана самостоятельной и не-

зависимой отъ Петропавловской. Но это ходатайство не было удовлетворено духовнымъ приказомъ—вѣроятно потому, что Бѣлобережская братья поселилась на землѣ Петропавловскаго монастыря, и къ этому же монастырю была приписана и Бѣлопесоцкая пустынь, изъ которой они вышли. Успѣхъ своему дѣлу о. Серапіонъ сумѣлъ сыскать въ Петербургѣ, въ св. Сунодѣ, въ который онъ перенесъ свое ходатайство.

Возвращаясь въ пустынь, онъ принесъ икону, съ 1831 г. прославленную чудотвореніями и теперь составляющую главную святыню обители, для которой воздвигнутъ величественный пятиглавый храмъ. То была икона Богоматери, именуемая „Троеручица“. По преданію, при выносѣ иконы изъ Москвы, ее, какъ бы въ предзнаменованіе ожидавшей ее славы, провожали колокольнымъ звономъ.

Теперь къ иконѣ этой постоянно стекаются богомольцы, и еженедѣльно по субботамъ соборне отправляется молебенъ съ акаѳистомъ. Происхожденіе этой иконы видно изъ сдѣланной на ней надписи: „1718 года мѣсяца декембрія въ шестнадцатый день, написанъ сей св. образъ московскими жителями иконописцами, Артеміемъ Ѳедоровымъ, да Аѳанасіемъ Ивановымъ, по обѣщанію по родителехъ своихъ“.

Если строитель о. Серапіонъ успѣшно совершилъ предположенное имъ дѣло и обезпечилъ пустынѣ самостоятельность,—то вскорѣ ему пришлось много пострадать за то же дѣло.

Происками своихъ недоброжелателей онъ былъ обвиненъ въ самовольной отлучкѣ изъ пустыни (когда ѣздилъ по дѣлу въ Петербургъ и Москву), въ присоединеніи уже давно къ расколу, въ самовольномъ устроеніи пустыни, въ самочинномъ принятіи на себя званія строителя, между тѣмъ какъ въ этомъ званіи онъ былъ утвержденъ по представленію настоятеля Петропавловской пустыни. 54-хъ лѣтняго старца вызвали къ суду, публично приводили къ присягѣ. Затѣмъ онъ вытребованъ былъ въ Москву, въ духовный приказъ. Разумѣется, имъ были представлены всѣ доказательства своей невиновности. Но тѣмъ не менѣе его не оправдали и поступили съ нимъ жестоко.

Старецъ закованъ былъ въ цѣпи и отправленъ въ Спасо-Андроньевъ монастырь, гдѣ ему назначили самое тяжелое послушаніе — печь хлѣбы.

Тяжело было невинному страдальцу. Но Богъ испытываетъ человѣка лишь въ мѣру силъ его. Тяжелыя бремена возлагаетъ онъ лишь на плечи сильныхъ, и лишь великой вѣрѣ посылаетъ великія испытанія. Гоненіе за правду есть одинъ изъ высшихъ, лучшихъ вѣнцовъ, который Богъ можетъ послать человѣку, и въ жизни многихъ подвижниковъ можно примѣтить, что, лишь тогда, какъ душевныя силы ихъ вполнѣ развились, Господь, какъ бы для завершенія пройденнаго ими пути отреченія, посылаетъ имъ случай — невинно пострадать за правду.

Только мѣсяцъ о. Серапіонъ носилъ цѣпи. Настоятель Андроніева монастыря съ братіею очень скоро убѣдились въ высокихъ качествахъ о. Серапіона, которыя одни уже вполнѣ доказывали лживость возведенныхъ на него обвиненій. Онъ былъ оправданъ начальствомъ, ему данъ чистый паспортъ, а мѣстомъ жительства ему назначенъ Николаевскій Одринъ монастырь, гдѣ онъ началъ нѣкогда свою иноческую жизнь. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ опять возвращенъ въ Бѣлые Берега и утвержденъ строителемъ этой пустыни.

Эти непріятности, имъ перенесенныя, не были еще послѣдними. Позже обвиняли его въ томъ, что онъ принимаетъ въ пустынь бѣглыхъ, безпаспортныхъ людей и постригаетъ въ монашество безъ разрѣшенія начальства.

Но, если онъ и дѣлалъ это, — то лишь до выхода на этотъ предметъ особаго Высочайшаго указа.

Помощь Божія отвадила отъ о. Серапіона всѣ угрожавшія ему гоненіемъ бѣды, и послѣднія два съ половиной десятилѣтія своей жизни онъ провелъ сравнительно спокойно, приложивъ всѣ свои силы къ внутреннему устройству и внѣшнему созиданію обители.

Пустынь обезпечена была при немъ земельными угодіями.

Такъ, въ 1731 г. помѣщикъ Алымовъ представилъ пустыни въ вѣчное владѣніе пустошь Полбино, со всѣми угодьями.

Пожертвовалъ еще землю, урочище Царевопобоище, Карачевскаго уѣзда, помѣщикъ Даниловъ. Но при отобраніи у монастырей земельной собственности, при императрицѣ Екатеринѣ II, всѣ эти земли были утрачены.

Въ 1735 г. въ пустыни воздвигнутъ каменный храмъ въ честь иконы Владимірской, пожертвованной въ пустынь при возникновеніи ея царицею Евдокіею Ѳеодоровною.

Мало, или, скорѣе, никакихъ чертъ духовной личности о. Серафима не дошло до насъ.

Вотъ лишь одна изъ нихъ. Онъ не имѣлъ іерейскаго сана, оставаясь всю жизнь только монахомъ. И, несомнѣнно, онъ уклонился по смиренію отъ этого сана.

Ревностный и твердый, что́ можно судить изъ его дѣйствій по упроченію судьбы обители, онъ своимъ примѣромъ поучалъ братію.

Онъ далъ ей строгое и подробное правило относительно порядка совершенія церковныхъ службъ. Онъ заповѣдалъ строго воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, и тѣмъ, кто въ этомъ провинится, угрожалъ строжайшимъ наказаніемъ.

Его собственною рукою написано слѣдующее правило: „Образъ житія хранити по уставу. Излишнихъ вещей, кромѣ установленныхъ на нужныя потребы, не имѣти. Пищи и питія, кромѣ общія трапезы, не употребляти. Кто въ семъ изобличится, и въ противность сему поступитъ, тому безъ пощады наложится эпитимія по уставу“.

Въ 1741 г. о. Серапіонъ заболѣлъ, и въ болѣзни былъ облеченъ въ великій ангельскій образъ — постриженъ въ схиму, съ именемъ Симеона.

Онъ скончался въ томъ же году, 15 ноября, въ субботу, въ первомъ часу дня — 69-ти лѣтъ отъ роду.

Надъ могилой первоначальника Бѣлобережской пустыни, схимонаха Симеона, въ воздвигнутой имъ Владимірской церкви, устроена металлическая, высеребренная гробница.

Если сквозь завѣсу двухъ столѣтій такъ неясенъ внутренній обликъ схимонаха Симеона, то посмертныя явленія

его подтверждаютъ вѣру какъ въ праведность его жизни, такъ и въ то дерзновеніе, которое получилъ онъ по смерти у престола Божія.

Явившись одному больному, во время сна его, онъ сказалъ: „Ты бы сходилъ въ Бѣлые Берега, отслужилъ тамъ молебенъ Божіей Матери предъ Ея иконою, именуемою Троеруцицею и Іоанну Предтечѣ, что̀ на воротахъ [1])“.

Больной исполнилъ повелѣніе этого неизвѣстнаго, являвшагося ему старца, и получилъ исцѣленіе отъ болѣзни, которою страдалъ — падучей.

Въ пустыни исцѣленному показывали портретъ схимонаха Симеона, и онъ, тотчасъ узнавъ его лицо, сказалъ, что это и есть являвшійся ему во снѣ старецъ.

Въ пустыни сохраняется стоящая на надгробіи старца келейная его икона Знаменія Божіей Матери. Объ иконѣ этой сохраняется слѣдующій разсказъ. Одинъ раскольникъ, служившій въ пустыни наемнымъ рабочимъ, укралъ эту икону и понесъ ее къ себѣ лѣсомъ. Въ лѣсу онъ сбился съ хорошо извѣстной ему дороги. И, какъ ни отыскивалъ ея,— все выходилъ прямо къ монастырю. Понялъ онъ тогда, что благодать Богоматери чудесно охраняетъ эту икону, и, вернувшись съ нею въ монастырь, повинился въ своемъ поступкѣ.

Схимонахъ Симеонъ, облеченный въ схиму, съ жезломъ въ рукѣ, являясь иногда больнымъ, совѣтовалъ идти въ Бѣлые Берега и отслужить молебенъ Пресвятой Богородицѣ и панихиду по старцѣ Симеонѣ. Иногда онъ совѣтовалъ взять масло изъ лампады, которая горитъ на его гробницѣ, предъ иконою Знаменія.

Бѣлобережская пустынь издала въ картинахъ жизнь строителя своего, схимонаха Симеона. Одна изъ картинъ этихъ изображаетъ, какъ въ хлѣбопекарнѣ Андроніева монастыря, закованный въ кандалы, трудится этотъ старецъ.

Память старца Симеона чтится уже три четверти вѣка, и въ день кончины его, 15 ноября, торжественно отправля-

[1]) Церковь на монастырскихъ воротахъ.

ются: наканунѣ—всенощная, а въ самый день памяти—литургія и соборная панихида, на которую выходятъ всѣ іеромонахи и священнослужители пустыни.

Кромѣ того, всякую пятницу, по окончаніи вечерни, (если нѣтъ всенощной), служится панихида о іеромонахахъ, царяхъ и основателѣ пустыни — схимонахѣ Симеонѣ.

Старецъ іеромонахъ Ѳеодоръ (Ушаковъ).

Старецъ Ѳеодоръ памятенъ и необыкновеннымп обстоятельствами своей жизни, выдающеюся духовною крѣпостью своей, и великою мудростью, которую онъ проявилъ въ дѣлѣ возстановленія и упроченія двухъ обителей: Сѣнокосскаго монастыря и Арзамасской Алексѣевской женской общины.

Отецъ Ѳеодоръ происходилъ изъ извѣстнаго стариннаго дворянскаго рода Ушаковыхъ и родился въ родовомъ имѣніи Ушаковыхъ, на Волгѣ, близъ города Романова, Ярославской губерніи, въ 1718 году. Назывался онъ въ міру Іоанномъ.

О лѣтахъ дѣтства и отрочества его не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Вѣроятно, онъ получилъ обычное дворянское домашнее воспитаніе, какъ то дѣлалось въ зажиточныхъ семьяхъ того времени.

Когда онъ подросъ, родители его, какъ состоятельные люди, опредѣлили его на службу въ извѣстный гвардейскій Преображенскій полкъ, гдѣ онъ скоро получилъ чинъ сержанта.

Живя въ столицѣ, въ довольствѣ, среди веселыхъ и безпечныхъ товарищей, среди раздольнаго быта, какой существовалъ тогда въ столицѣ и гвардіи, Ушаковъ могъ бы легко потерять свои природныя хорошія наклонности. Но одно обстоятельство привлекло его мысли къ вѣчной жизни и круто измѣнило его жизнь. Однажды онъ находился въ товарищескомъ кружкѣ, и вдругъ, въ разгаръ веселья, одинъ изъ его товарищей упалъ на полъ и тутъ же умеръ.

Это событіе разомъ освѣтило въ глазахъ Ушакова непрочность всего того, что̀ люди зовутъ земнымъ счастьемъ; міръ разомъ утратилъ для него свое обаяніе, и онъ рѣшился тайно бросить все и уйти спасаться.

Рѣшенія своего онъ не сталъ откладывать. Быстро собравшись въ путь, онъ выѣхалъ въ сопровожденіи одного служителя, какъ будто отправляясь на побывку домой, къ родителямъ. По дорогѣ онъ отпустилъ слугу въ Петербургъ, самъ же надѣлъ потомъ тайно захваченную заранѣе нищенскую одежду и ушелъ на берега Сѣверной Двины, въ пустынные поморскіе лѣса. Нашелъ онъ тамъ заброшенную пустующую келью и прожилъ въ ней три года, невидимо трудясь въ молитвѣ и постѣ, вынося всю духовную трудность отшельничества. Самую скудную пищу — лишь достаточную, чтобъ ему не умереть — ему доставляли окрестные крестьяне. Когда онъ приступилъ къ этому подвигу, Ушакову было всего двадцать лѣтъ отъ роду.

Начальство, преслѣдуя селившихся въ сѣверныхъ лѣсахъ раскольниковъ, тѣснило и православныхъ, уединявшихся тамъ пустынниковъ. И Ушакову, приходившему иногда по нуждѣ въ село, приходилось терпѣть иногда ругань и побои. Онъ вынужденъ былъ перейти въ Площанскую пустынь Орловской губерніи. Какъ человѣка, не имѣющаго вида, настоятель долго не хотѣлъ принимать его. Когда онъ, наконецъ, согласился и приказалъ ему читать псалмы въ церкви, то по особой манерѣ чтенія его заключилъ, что Іоаннъ не церковникъ, а господскій человѣкъ или дворянскій сынъ, и помѣстилъ его, въ предохраненіе отъ непріятностей, въ уединенной кельѣ въ лѣсу.

Вскорѣ сыскная команда, посланная, чтобъ разорять тайныя жилища и забирать живущихъ по лѣсамъ, захватила и Ушакова, какъ не имѣвшаго вида. При допросѣ онъ не утаилъ, что ушелъ изъ Преображенскаго полка. Его отправили въ Петербургъ для личнаго представленія царствовавшей въ то время императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Когда его привезли во дворецъ, то гвардейцы съ любо-

пытствомъ смотрѣли на него, нарочно собравшись для того. За эти шесть лѣтъ онъ сильно измѣнился, и трудно было узнать товарищамъ блестящаго преображенца въ этомъ человѣкѣ съ блѣднымъ сухимъ лицомъ, во власяной одеждѣ, подпоясанной ремнемъ.

Случись это на нѣсколько лѣтъ раньше — въ царствованіе суровой императрицы Анны Іоанновны: не сдобровать бы Ушакову. Но Елисавета Петровна была ласковая, очень набожная, чтившая монаховъ, покровительствовавшая пустынникамъ и истинно русская царица.

Она спросила Ушакова:

— Зачѣмъ ты тайно ушелъ изъ моего полка?

— Для спасенія души, Ваше Величество: отвѣчалъ Ушаковъ.

— Прощаю тебя, сказала императрица и жалую прежнимъ чиномъ сержанта.

— Ваше Величество, отвѣчалъ пустынникъ, я желаю до конца своего иночествовать, и не хочу прежней мірской жизни и прежняго чина. Молодого человѣка не уволили ли бы, не повѣривъ, что онъ способенъ стать монахомъ: потому я и ушелъ тайно. Теперь же я испыталъ себя, и одного прошу у Вашего Величества — дать мнѣ умереть монахомъ.

Императрица соизволила на его просьбу, но велѣла ему поступить въ Александро-Невскую Лавру. Послѣ трехлѣтняго испытанія, 19 сентября 1747 г.—29-ти лѣтній Иванъ Ушаковъ, по Высочайшему повелѣнію, постриженъ въ присутствіи императрицы въ монахи съ именемъ Ѳеодора.

И въ Лаврѣ велъ онъ строго-подвижническую жизнь. Постояннымъ постомъ и молитвою умерщвлялъ онъ въ себѣ страсти, столь сильныя въ этомъ опасномъ возрастѣ.

Императрица продолжала милостиво относиться къ нему и, бывая въ Лаврѣ, спрашивала его, хорошо ли ему жить и не терпитъ ли онъ отъ кого обидъ.

Наслѣдникъ ея, Петръ Ѳеодоровичъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III) говаривалъ, что въ Невскомъ монастырѣ есть необыкновенный монахъ Ушаковъ, котораго за благо-

говѣніе и скромную жизнь онъ уважаетъ, и видъ у него постническій и отличный отъ прочихъ монаховъ.

Многіе изъ петербургскихъ жителей, всѣхъ слоевъ общества, стали обращаться къ о. Ѳеодору за духовными наставленіями. Какъ ни отнѣкивался онъ, говоря, что въ обители есть ученые монахи, болѣе его свѣдущіе: посѣтители искали не учености, а опытности духовной—и о. Ѳеодору пришлось уступить и давать духовные совѣты. Въ числѣ обращавшихся къ нему были и гвардейцы, прежніе его сослуживцы.

Стеченіе народа къ о. Ѳеодору возбуждало зависть въ другихъ монахахъ, которые донесли епархіальной власти, что о. Ѳеодоръ безпокоитъ обитель и дѣлаетъ соблазнъ.

По разслѣдованію оказалось, что, кромѣ добра, о. Ѳеодоръ ничего не приноситъ, и ему позволено было продолжать свою дѣятельность.

Среди руководимыхъ имъ лицъ онъ старался утвердить миръ, поселить уваженіе къ уставамъ Церкви, требовалъ соблюденія постовъ, воздержанія отъ роскоши. Въ праздничные дни эти люди собирались вмѣстѣ для чтенія святоотеческихъ книгъ.

Зависть братіи не прекращалась, и въ 1757 г. о. Ѳеодоръ, помня слова Спасителя: „Если гонятъ васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой!“—попросился на жительство въ Саровскую пустынь, что и было ему разрѣшено. Вмѣстѣ съ нимъ покинули Петербургъ нѣкоторые изъ его учениковъ и ученицъ.

Въ г. Арзамасѣ о. Ѳеодоръ помѣстилъ своихъ ученицъ въ женскій монастырь, откуда онѣ впослѣдствіи, по его просьбѣ, были перемѣщены въ другой Арзамасскій монастырь—упраздненный Алексѣевскій.

Проживъ два года въ Саровской пустыни, о. Ѳеодоръ, въ виду все увеличившагося числа его учениковъ, просилъ дать ему приписанную къ Сарову, захудавшую и обѣднѣвшую Санаксарскую пустынь. Его плѣняла красота мѣстоположенія и совершенная ея уединенность. Въ 1759 г. о. Ѳеодоръ съ учениками переселился въ Санаксаръ.

Старецъ Ѳеодоръ Ушаковъ.

Пустынь эта находится въ Темниковскомъ уѣздѣ, въ 3 верстахъ отъ уѣзднаго города Темникова, на лѣвомъ берегу рѣки Мокши. Онъ названъ Сѣноксарскимъ по окружающимъ монастырь сѣнокосамъ. Санаксарскимъ же зовется въ просторѣчіи. Подъ стѣнами его лежитъ Санаксарское озеро.

Санаксаръ о. Ѳеодоръ засталъ въ полномъ упадкѣ. Въ немъ была одна лишь деревянная старая церковь. Деревянная ограда и такія же кельи почти разваливались. О. Ѳеодоръ все это возобновилъ и починилъ, причемъ деньгами ему помогали лица, чтившія его въ Петербургѣ. Своими хлопотами онъ также привелъ въ извѣстность и закрѣпилъ за обителью актами принадлежавшіе ей угодья, сѣнные покосы и рыбныя ловли.

13 декабря 1762 г. о. Ѳеодоръ, по желанію мѣстнаго епископа, несмотря на свои отговоры и отказы, былъ рукоположенъ въ іеромонахи съ назначеніемъ настоятелемъ Санаксарскимъ.

Облеченный саномъ священника, о. Ѳеодоръ съ невыразимымъ благоговѣніемъ совершалъ служеніе въ церкви. Во время литургіи онъ весь сіялъ какою-то необычайною красотой и весь тотъ день находился въ глубокой радости, ярко выражавшейся на его лицѣ.

Настоятелемъ онъ былъ твердымъ и строгимъ, „въ наставленіяхъ нарочитое имѣлъ искусство, въ разсужденіяхъ былъ остръ и пространенъ“.

Въ церкви о. Ѳеодоръ требовалъ раздѣльнаго неспѣшнаго чтенія, — такъ, чтобъ и простымъ людямъ было понятно. Въ общемъ на богослуженія посвящалось въ пустыни въ сутки часовъ девять, а въ воскресные и полуелейные дни — десять и болѣе того: при всенощномъ же бдѣніи — до двѣнадцати.

Но при внятномъ чтеніи молящіеся чувствовали особую въ себѣ силу и усердіе и не скучали долготой службы. О необходимости хорошаго чтенія настоятель говорилъ такъ: „Если, по слову апостола, въ воинскихъ полкахъ труба будетъ издавать неопредѣленный звукъ, кто станетъ готовиться къ сраженію? (I Кор. XIV, 8). Такъ и мы скорочтеніемъ будемъ

только воздухъ церковный наполнять, а силы внутренняго смысла читаемаго не поймемъ. Души наши останутся голодными духовно, безъ назиданія. Не чтеніе слова Божія, а внутренняя сила и духъ онаго, понимаемые нами, служатъ намъ ко спасенію".

Вотъ слова, которыя и теперь заслуживаютъ по мудрости и выразительности своей самаго широкаго распространенія!

Одинъ изъ опытныхъ подвижниковъ, старецъ Парѳеній, Кіево-Печерской Лавры писалъ:

„Ни одинъ инокъ не возвращается въ келью свою такимъ, какимъ вышелъ изъ нея", такъ какъ внѣшній міръ разсѣиваетъ внутреннюю сосредоточенность. Такъ вотъ, въ предохраненіе иноковъ отъ этого разсѣиванія, въ огражденіе молитвою отъ могущихъ ихъ встрѣтить за стѣнами кельи искушеній, о. Ѳеодоръ предписалъ имъ, предъ выходомъ изъ кельи въ церковь, и обратно, молитвы: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Боже, очисти грѣхи моя и помилуй мя! Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя! Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и и святое воскресеніе Твое славимъ! — и Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородице" — (до конца).

Въ церкви братья должна была стоять не только безмолвно, но и не глядя на другихъ. Поклоны полагались не кто какъ вздумаетъ, а сообразно тому, какъ клалъ поклоны читающій и клиросные.

Старецъ завелъ у себя самую первую и прочную основу иночества: личное руководительство братіи и полное откровеніе помысловъ. Если кого тревожили помыслы — днемъ ли или ночью то было: всякій могъ немедленно идти къ настоятелю. О. Ѳеодоръ отечески выслушивалъ инока, и успакаивая его, говорилъ съ нимъ хоть часъ и два, и отпускалъ отъ себя лишь когда помыселъ, искушеніе это, утихали. Братья признавалась, что при выходѣ отъ о. Ѳеодора чувствовалась на душѣ какая-то сладкая свобода и тишина.

Ѣсть позволялось только за трапезой, въ кельи можно было брать лишь квасъ. Пища была самая грубая. Пироговъ и бѣлаго хлѣба не бывало и въ Свѣтлый праздникъ—развѣ кто

присылалъ готовыми. Огня никому не дозволялось имѣть по кельямъ, кромѣ иноковъ, занятыхъ ремеслами для монастыря; его давали только для топки печей. На монастырскія послушанія, покосъ, рыбную ловлю, выходили всѣ, во главѣ съ настоятелемъ.

Часто, кромѣ бесѣдъ наединѣ, по отдѣльности, о. Ѳеодоръ поучалъ братію и въ трапезѣ. Много объяснялъ онъ о необходимости имѣть духовнаго руководителя.

Іоаннъ Лѣствичникъ, говорилъ о. Ѳеодоръ, поучаетъ что весь подвигъ монашескаго житія состоитъ въ отсѣченіи воли. А безъ этого всякій, живущій въ монастырѣ, не монахъ, а мірянинъ. Какъ невозможно плавать кораблю безъ кормчаго и обучающемуся какому либо художеству обойтись безъ мастера и учителя: такъ тѣмъ болѣе невозможно вступающему въ монашество безъ опытнаго наставника спасти душу.

Очень мудрый отвѣтъ далъ старецъ на слѣдующій вопросъ одного помѣщика:

— Если человѣку, живущему въ мірѣ, не должно стремиться къ наслажденію благами этого вѣка: то для чего и сотворено Богомъ на землѣ столько пріятныхъ вещей? Какъ даны двѣ противоположныя заповѣди — о пользованіи благами міра, а съ другой стороны о постѣ и воздержаніи?

О. Ѳеодоръ отвѣтилъ:

— Какъ судить намъ о тайнахъ Божіихъ!.. Наше дѣло— безпрекословно повиноваться истинѣ. Вспомнимъ, что и въ раю дана была заповѣдь воздержанія отъ плодовъ древа познанія добра и зла. Видно изъ этого, что постъ сроденъ естеству человѣка. Но, еслибъ по этой нуждѣ поста Богъ не благоволилъ сотворить въ такомъ обиліи благъ земныхъ: тогда постъ у всѣхъ былъ бы невольный. Нужно думать, что обиліе благъ на землѣ не для наслажденія, а для совершенства поста. Не невольнаго поста ждетъ отъ насъ Богъ, а восхотѣлъ, чтобъ мы, при всемъ изобиліи, не воздерживались лишь, а постились изъ любви къ Нему, какъ заповѣдано святою Церковью. Обиліе же благъ земныхъ Богъ послалъ въ утѣшеніе для немощныхъ, больныхъ, престарѣлыхъ и младенцевъ.

Никому изъ братій старецъ не давалъ предпочтенія предъ другими: былъ ли кто его постриженникъ или пришлый; всѣ встрѣчали въ немъ одинаковую къ себѣ заботу.

Избѣгая поводовъ тщеславія, онъ не постился болѣе, чѣмъ было установлено, и, присутствуя всегда при братской трапезѣ, питался наравнѣ со всѣми, только беря всего понемногу.

Къ народу о. Ѳеодоръ былъ милостивъ. Ему доложили, что рабочіе, производившіе въ монастырѣ постройки, перебрали лишнія деньги, и едва ли можно надѣяться, что они вернутъ ихъ.

Старецъ на это отвѣтилъ: „Они, другъ мой, народъ бѣдный. Пусть этотъ излишекъ будетъ имъ вмѣсто милостыни“.

Въ 1763 году, по хлопотамъ о. Ѳеодора, вышелъ указъ императрицы Екатерины II о постриженіи 12 человѣкъ, жившихъ у о. Ѳеодора, изъ отставныхъ гвардейскихъ служащихъ. Въ слѣдующемъ году, когда по случаю учрежденія монастырскихъ штатовъ, Санаксарская обитель подлежала упраздненію: по ходатайству о. Ѳеодора она была оставлена, а затѣмъ наименована монастыремъ.

Въ монастырѣ воздвигнута была каменная двухэтажная церковь. Во время ея закладки, какъ разсказываютъ, рой пчелъ сѣлъ на мѣсто, опредѣленное для алтаря. О. Ѳеодоръ велѣлъ одному изъ братіи огрести ихъ въ улей, и съ тѣхъ поръ повелись въ обители пчелы.

Цѣнныя указанія о внутреннемъ строѣ первоначальной жизни въ Санаксарской пустыни сохранились въ запискахъ извѣстнаго архимандрита Новоезерскаго Ѳеофана, бывшаго ученикомъ о. Ѳеодора, а затѣмъ келейникомъ митрополита Петербургскаго Гавріила.

Онъ пошелъ въ монастырь 18 лѣтъ, подъ впечатлѣніемъ моровой язвы.

„Мы искали, пишетъ онъ, гдѣ бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали; въ Саровской пустыни — нѣтъ, еще слабо! пошли къ о. Ѳеодору въ Санаксаръ. Обитель заборомъ огорожена, церковь маленькая, волоковыя окошки, вну-

три и стѣны не отесаны, и свѣчъ-то не было: съ лучиной читали въ церкви. И платье-то какое носили: балахоны! Одинъ смурый кафтанъ былъ для одного, который для покупокъ выѣзжалъ... Начало-то обители было въ недостаткахъ, трудно. Ноги обертывали онучами изъ самой грубой пеньки, а босикомъ не ходили. Я съ о. Макаріемъ (изъ гвардейцевъ) въ одной кельѣ жилъ. Ему больше всѣхъ искушенія было отъ о. Ѳеодора. Тѣмъ, которые любили разбирать платье, онъ давалъ балахоны худо сшитые, съ долгою спиною или и съ заплатами. Одинъ изъ такихъ балахоновъ о. Ѳеодоръ и даетъ о. Макарію. Тотъ смущается, придетъ къ о. Ѳеодору, кажетъ какъ на немъ сидитъ балахонъ, какая спина. О. Ѳеодоръ начнетъ увѣщевать: „Зачѣмъ пришелъ въ монастырь? Да есть ли разумъ? Что вы, чѣмъ занимаетесь? Лишаетесь милости Божіей. — Тряпками занимаетесь. А надо заниматься тѣмъ, чтобъ душу свою очистить, чтобъ ни къ чему временному не пристраститься“. А послѣ ужъ къ такой одеждѣ привыкли. А чтобъ при себѣ что нибудь свое имѣть: этого ужъ не было! Огня въ кельѣ никогда не бывало. А послушаніе было такое, что я самъ и полы мылъ, и щепки собиралъ, и пищу варилъ. Сами караулили по ночамъ. Походимъ, да поклоновъ нѣсколько земныхъ и положимъ, помолимся“. Изъ числа учениковъ о. Ѳеодора впослѣдствіи вышло нѣсколько настоятелей, вдохнувшихъ новую иноческую жизнь въ упадавшіе монастыри.

Таковы: Игнатій, настоятель Островской Введенской (близъ г. Покрова Владимірскаго) пустыни, затѣмъ Нѣсношскаго монастыря, Тихвинскаго и возстановители Московской древней упраздненной Симоновой обители.

Ѳеодоровъ же ученикъ, какъ и о. Игнатій изъ гвардейцевъ, Макарій былъ преемникомъ о. Игнатія въ Нѣсношскомъ монастырѣ.

Затѣмъ, очень большія заслуги въ дѣлѣ оживленія русскаго иночества истинно монашескимъ духомъ оказалъ о. Ѳеофанъ. Чрезъ него митрополитъ Гавріилъ познакомился съ духовными, выдающимися иноками, которыхъ и назна-

чалъ въ настоятели великорусскихъ обителей, дотолѣ управлявшихся очень, въ смыслѣ нравственнаго руководства братіей, неудачно учеными малороссіянами изъ Кіевской академіи.

Крѣпкій духомъ, о. Ѳеодоръ не хотѣлъ знать уступокъ нововведеніямъ и обычаямъ, которыя онъ считалъ несогласными съ иночествомъ.

Однажды въ Москвѣ, когда о. Ѳеодоръ обѣдалъ у одного господина съ настоятелями московскихъ монастырей, зашла рѣчь о монашеской одеждѣ, и настоятели, объясняя о. Ѳеодору, что, по городскимъ обычаямъ, имъ невозможно носить простыя и дешевыя матеріи, спросили о томъ его мнѣнія.

— Могли бы вы, отцы, отвѣчалъ имъ пустынножитель, имѣть себѣ оправданіе, еслибы при постриженіи, предъ святымъ Евангеліемъ давали обѣты о претерпѣніи нищеты по другимъ какимъ правиламъ. Но, какъ чинъ постриженія одинъ, и обѣты одни, то немного тутъ требуется толкованія. По страстямъ же толковать и послаблять себѣ—это въ свое время послужитъ къ осужденію таковымъ себѣ потакателямъ. Не прилично духовнымъ людямъ имѣть богатое платье келейныхъ служителей свѣтскихъ съ пуклями *), также богатыя кареты, какъ знакъ любви къ пышности. Монахъ не свѣтскій господинъ, а человѣкъ, умершій міру, хотя и настоятель. Припомнимъ, что такъ говорилъ человѣкъ, привыкшій въ юности ко всякимъ удобствамъ, видѣвшій близко блескъ Двора. При этихъ условіяхъ слова о. Ѳеодора еще цѣннѣе.

И ученики о. Ѳеодора удивляли городскихъ иноковъ своею чисто иноческою послѣдовательностью и осмотрительностью.

Сопровождавшій о. Ѳеодора въ Москву ученикъ его былъ посланъ имъ по дѣлу на Дмитровку и зашелъ по дорогѣ къ обѣднѣ въ Георгіевскій монастырь, бывшій раньше на этой улицѣ. По окончаніи обѣдни, игуменья пригласила его къ себѣ пить чай. Онъ отвѣтилъ: „Такъ какъ о. Ѳеодоръ въ Москвѣ, то я не смѣю идти къ вамъ безъ его благословенія“ — и ушелъ.

*) Въ то время носили парики съ пуклями въ дворянскомъ обществѣ, и ту же прическу дворяне требовали отъ слугъ своихъ.

Едва въ его присутствіи игуменія не воскликнула: „Вотъ— это послушаніе!“

По уходѣ же его сказала сестрамъ: „Слышите, сестры: вотъ какъ живутъ настоящіе монахи“.

Много добродѣтелей было у о. Ѳеодора, много благъ сдѣлалъ онъ людямъ. Недоставало одного, чтобъ увѣнчать достойную жизнь его—неповиннаго страданія, и Господь далъ ему возможность перенести такое страданіе.

Темниковскій воевода Неѣловъ пожелалъ имѣть о. Ѳеодора духовникомъ. О. Ѳеодоръ предупредилъ его, что нужно полное повиновеніе во всемъ, что касается духовной пользы человѣка, избирающаго себѣ духовнаго руководителя. Воевода обѣщалъ полное послушаніе и въ теченіе трехъ лѣтъ исполнялъ это послушаніе. Затѣмъ онъ сталъ нерадѣть о душѣ: нарушалъ посты, притѣснялъ гражданъ, запечатывалъ лѣтомъ печи въ домахъ, беря за разрѣшеніе пользоваться всякою печью по рублю, несправедливо рѣшалъ дѣла, за подкупъ обвиняя невинныхъ въ пользу виновныхъ. Слыша обо всемъ этомъ, о. Ѳеодоръ строго обличалъ своего духовнаго сына, который на эти обличенія не обращалъ вниманія. Наконецъ, воевода въ самый разгаръ страдной поры заставилъ крестьянъ строить себѣ въ городѣ домъ. Крестьяне отправились къ о. Ѳеодору и просили его убѣдить воеводу, чтобъ онъ позволилъ имъ раньше убрать хлѣбъ съ полей, и о. Ѳеодоръ рѣшился ѣхать въ городъ.

Онъ засталъ воеводу въ присутственномъ мѣстѣ и на сдѣланный ему начальническимъ тономъ вопросъ, что́ ему нужно — о. Ѳеодоръ, высказавъ воеводѣ всѣ его неправды, просилъ его, чтобы онъ пересталъ притѣснять народъ. Воевода велѣлъ записать, что о. Ѳеодоръ предъ зерцаломъ назвалъ его грабителемъ, подалъ жалобу губернатору въ Воронежъ. Возникло дѣло, доходившее до Сената и Синода— и вскорѣ вышло повелѣніе: отца Ѳеодора, какъ безпокойнаго человѣка, отправить въ монастырь.

Гонитель о. Ѳеодора очень грустно и несчастно кончилъ свою безславную жизнь.

По сохранившимся письмамъ о. Ѳеодора къ сестрамъ Алексѣевской общины можно судить о томъ, какъ принялъ онъ это гоненіе.

„Нынѣ отъ васъ слѣдуетъ мое отлученіе, писалъ онъ, но вы о томъ, конечно, не печальтесь, понеже все не безъ воли Божіей совершилось. Итакъ, не печальтесь, а радуйтесь, что до такой скорби благость Божія насъ доводитъ, тѣмъ болѣе, что она пришла совершенно безвинно, а за одно обличеніе человѣческаго нечестія и вопіющей на небо несправедливости, что мы, по обязанности нашей, всегда о томъ говорить должны, и не токмо страдать, но и умирать" готовы.

Присланъ былъ въ Санаксаръ нарочный, такъ какъ велѣно было имущество его, описавъ, отправить съ нимъ вмѣстѣ въ сундукахъ. Но имущества всего оказалось: войлокъ коровьей шерсти на холстинѣ, небольшая подушка, овчинная шуба, мантія и ряса. Съ этимъ багажемъ его и отправили въ Соловки.

Три его ученика были послѣдовательно настоятелями.

Тяжелъ былъ Соловецкій климатъ о. Ѳеодору, тѣмъ болѣе, что отапливали его келью крайне скудно.

Девять лѣтъ томился онъ въ Соловкахъ; наконецъ, по предстательству о. Ѳеофана, митрополитъ Гавріилъ доложилъ о его дѣлѣ императрицѣ, и было велѣно возвратиться ему въ Санаксаръ.

Возвращаясь въ монастырь, старецъ въ Арзамасѣ прожилъ недѣлю, наставляя сестеръ общины и многочисленныхъ лицъ, нарочно съѣхавшихся, чтобъ увидать поборника правды. Наконецъ, прибылъ онъ и въ свою обитель. Это была трогательная минута.

Все братство Санаксарское вышло къ перевозу чрезъ рѣку Мокшу для встрѣчи. Обитель за время его отсутствія расширилась и обстроилась.

Но и здѣсь не безъ скорбей пришлось прожить старцу.

Настоятель, недовольный тѣмъ, что всѣ ходятъ къ старцу и ищутъ старца, донесъ архіерею, что о. Ѳеодоръ производитъ смущеніе, что иноки толпятся вокругъ него безпоря-

дочной толпой. Было запрещено посѣщать старца даже для духовныхъ нуждъ, и воспрещено старцу ѣздить въ Алексѣевскую общину, такъ что сестры вмѣсто живыхъ наставленій могли пользоваться лишь его письмами.

Недѣлю оставалось жить о. Ѳеодору, когда онъ, наконецъ, по смерти настоятеля, тѣснившаго его 5 лѣтъ, получилъ разрѣшеніе посѣтить Алексѣевскую общину.

Посѣщеніе это было послѣднимъ. У всѣхъ осталось въ памяти, какъ старецъ изъяснялъ слова Псалма: „На рѣкахъ Вавилонскихъ“.

— Когда сыны Израиля, говорилъ онъ, лишась Іерусалима, отечества своего, и не видя себѣ ни откуда нимало отрады въ землѣ чужой, какъ странники при рѣкѣ Вавилонской сидѣли и плакали: то этимъ плачемъ прообразовали состояніе всѣхъ въ бѣдахъ и скорбяхъ живущихъ на землѣ... Должно и намъ помнить, что и мы въ бѣдственной этой жизни какъ странники, всегда гонимые и томимые напастями отъ враговъ нашихъ, тогда только находимъ себѣ отраду, когда вспоминается намъ горній Сіонъ. Эти слова звучали прощаньемъ и всѣ сестры плакали.

Вскорѣ затѣмъ настали послѣдніе дни старца Ѳеодора.

Онъ горько и неутѣшно плакалъ и говорилъ: „Много, много отъ юности согрѣшилъ я“.

52 года онъ провелъ въ подвигахъ, 45 въ чинѣ иноческомъ (со дня постриженія въ Александро-Невской Лаврѣ) и тихо скончался 19-го февраля 1791 г., на 73-мъ году.

Тѣло его и въ земномъ покоѣ не предалось тлѣнію.

Онъ схороненъ въ Санаксарскомъ монастырѣ, у воздвигнутаго имъ храма, на сѣверной сторонѣ. Могила его окружена рѣшеткой и покрыта плитой аспиднаго камня.

Настоятельница Арзамасской Алексѣевской общины, Марья Петровна Протасьева.

Послушница о. Ѳеодора Санаксарскаго, настоятельница Арзамасской Алексѣевской общины, Марья Петровна Протасьева, происходила изъ стариннаго дворянскаго Костромской губерніи рода. Отецъ ея, бригадиръ, Петръ Григорьевичъ Протасьевъ, служилъ воеводою въ городѣ Ростовѣ. Здѣсь и родилась Марья Петровна 2 марта 1760 г.

При рожденіи ея случилось знаменательное событіе.

Ея мать жестоко мучилась. Во время этихъ мученій, она ясно разслышала, какъ кто-то наружѣ подошелъ къ окну и, постучавъ въ стекло, сказалъ: „У васъ родится дочь Марія!“— и повторилъ: „родится дочь Марія!“

Больная просила узнать свою мать, кто это стучитъ. Та, заглянувъ въ окно, увидѣла благолѣпнаго старца. Она побѣжала во дворъ, чтобъ встрѣтить его. Но во дворѣ никого не было, и никто его не видалъ. Когда родилась дочь, мать нарекла ее Маріею, именемъ, сказаннымъ старцемъ, котораго они сочли за дивнаго святителя и чудотворца Николая.

25 сентября 1766 г. госпожа Протасьева скончалась, оставляя Марію шестилѣтнею сиротой на попеченіе ея бабушки.

Бабушка, много ѣздившая по богомольямъ, часто брала внучку съ собой въ монастыри, и изъ всѣхъ впечатлѣній святыхъ мѣстъ, изъ бесѣдъ иночествующихъ добрыя сѣмена запали въ душу чуткаго ребенка.

Кромѣ того, у Протасьевыхъ былъ набожный конторщикъ, любившій читать творенія почивающаго въ Ростовѣ святителя Димитрія.

Однажды барышня подошла къ нему во время его чтенія и спросила, что онъ читаетъ.

— Книгу Святителя Димитрія, отвѣчалъ онъ.

— А что въ ней написано?

— А вотъ что: надо поститься, барышня, трудиться, и прочія добрыя дѣла творить, чтобъ спастись.

Быть можетъ, это краткая бесѣда была лишь первою бесѣдою и впослѣдствіи много пересказалъ молодой барышнѣ этотъ глубоко вѣровавшій человѣкъ.

И „Божественный огонь“ горячо вспыхнулъ въ ея душѣ. Она стала искать подвиговъ, стала подолгу молиться и поститься такъ, что даже и молочнаго не ѣла.

Это замѣтилъ ея отецъ и сталъ упрекать свою мать:

— Вотъ, до чего довела ты, матушка, ребенка своими разъѣздами по монастырямъ, гдѣ только и говорятъ про посты. — Какія мысли внушили дочери! — и онъ велѣлъ ей непремѣнно ѣсть скоромное. Пришлось повиноваться.

Съ 15-ти лѣтнемъ возрастѣ Марья Петровна стала обучать своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ отъ второго и третьяго браковъ отца. И мачихи и дѣти ихъ любили ее за доброту и привѣтливость.

Однажды шли у Протасьева приготовленія къ большому празднику. Присутствовать на немъ, принимать участіе въ общемъ весельѣ казалось тяжелымъ для Марьи Петровны. такъ какъ въ ней уже сложилось рѣшеніе проститься съ міромъ и стать инокинею.

Она рѣшила покончить разомъ и задумала тайно оставить отцовскій домъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для бала. она въ слезахъ написала отцу письмо, что разстается съ семьей только изъ желанія посвятить себя Богу въ какомъ нибудь монастырѣ, и что она проситъ ни у кого изъ домашнихъ не допытываться, какъ она пришла къ этому рѣшенію, такъ какъ никому она не открывалась. Письмо она положила отцу въ его кабинетѣ.

Помолясь Богу, она одѣлась странницею и взяла на дорогу бывшія у нея деньги.

Отецъ ей давалъ иногда на ея расходы, а кромѣ того она рукодѣльемъ своимъ зарабатывала кое-что на свѣчи для храма.

Настала ночь, все утихло въ домѣ. Тихо вышла она изъ своей комнаты, прошла дѣвичью и прочіе покои, и въ радости, что никто ея не остановилъ, перекрестилась и вышла во дворъ. Солдатъ, стоявшій обыкновенно у крыльца, не замѣтилъ ея: онъ спалъ, облокотясь на ружье. Она подошла къ забору, вынула колышекъ, заранѣе намѣченный, и вышла на улицу. Затѣмъ быстро зашагала впередъ. Пройдя нѣсколько верстъ, она провела часть ночи въ полѣ. Потомъ, страшась погони, пошла дальше.

Увидѣвъ ѣхавшаго тѣмъ же путемъ офицера, она, чтобъ онъ не замѣтилъ ея, спряталась въ ровикъ. Но не укрылась, и офицеръ послалъ своего слугу спросить, кто она. Она отвѣтила, что странница.

На слѣдующій день пришла она къ вечернямъ въ село Зарѣчье. У нея было 50 коп. мѣдныхъ денегъ, и, подавъ эти деньги, она просила отслужить всенощную чудотворной иконѣ, стоявшей въ храмѣ этого села. Ночь она провела въ домѣ дьячка, который узналъ ее, такъ какъ Протасьевы часто ѣзжали служить молебны предъ этой иконой. Упавъ въ ноги дьячку, она умоляла не открывать никому ея тайны и сказала, что идетъ въ Горицкій монастырь, гдѣ хочетъ постричься. Такъ какъ у нея платье было очень легкое, и она дорогой сильно прозябла, то она просила дать ей одежи потеплѣй взамѣнъ ея платья. И надѣла простую и тяжелую ихнюю одежду. Затѣмъ пошла дальше.

Бодро идя впередъ, заслышала она скачъ тройки, и была въ невыразимомъ ужасѣ. Бросившись въ сторону, она присѣла и закрылась платкомъ, какъ тройка остановилась, и она узнала посланныхъ людей. Къ ней подбѣжалъ ихъ конторщикъ, весь въ слезахъ, и воскликнулъ: „Барышня Марья Петровна, это вы? Что вы надъ нами сдѣлали!... Батюшка вашъ въ отчаяніи. Возвратитесь и утѣшьте его".

Она не хотѣла еще повѣрить, что ея мечта разрушена и воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ: я странница!

— Нѣтъ, барышня, сказалъ конторщикъ: я васъ не оставлю!

Онъ принудилъ ее сѣсть въ экипажъ и ѣхать съ нимъ. Да и сама она смягчилась его просьбами и слезами.

Между тѣмъ, въ Ростовѣ, когда миновала ночь ея побѣга, въ домѣ Протасьевыхъ вся семья встала въ обычное время. Не видя дочери, отецъ ее сталъ спрашивать:

— Гдѣ же Машенька?

— Вѣроятно, къ балу убираетъ голову, отвѣчали ему.

Чрезъ нѣсколько времени, когда ее тщетно звали, а она не откликалась, пошли въ ея комнату. Ея не было. Стали искать по всему дому: нѣтъ.

Отецъ рыдалъ и плакалъ, въ отчаяніи пошелъ въ свой кабинетъ, увидалъ ея записку и прочелъ ее въ величайшемъ волненіи. Въ домѣ разомъ узнали о побѣгѣ и поднялась тревога. Между тѣмъ встрѣтившій Марью Петровну офицеръ остановился напротивъ дома Протасьевыхъ и, такъ какъ смятеніе у нихъ приняло такіе размѣры, что было слышно снаружи, онъ послалъ человѣка спросить, что случилось. Ему отвѣтили, что барышня Протасьева бѣжала въ монахини. Тогда онъ описалъ свою встрѣчу съ незнакомкой, и немедленно былъ снаряженъ въ погоню конторщикъ.

Когда ее привезли, отецъ то обнималъ ее въ восхищеніи, то укорялъ, умоляя ее не повторять болѣе подобныхъ поступковъ, а свободно молиться и поститься дома.

Но рѣшеніе ея было безповоротно. Отецъ слышать не хотѣлъ о монастырѣ. Онъ прибѣгалъ къ ласкамъ, къ силѣ родительской власти, но не могъ побороть ея влеченія къ Богу. Наконецъ, онъ потерялъ надежду сохранить дочь для міра и благословилъ ее поступить въ Костромской монастырь, надѣясь тамъ навѣщать ее.

Здѣсь Марья Петровна вся предалась молитвѣ, посту и всяческому удрученію плоти.

Въ монастырѣ была схимница высокой жизни, и ей Марья Петровна усердно служила: носила ей въ келью дрова, топила у нея печи, стряпала для нея.

Отъ навѣщавшихъ ее родныхъ она старательно таила свои подвиги. Посѣщенія ихъ были для нея тягостны, мѣ-

шая ей сосредоточиться, ей захотѣлось болѣе дальней и болѣе суровой обители, а также мудраго духовнаго руководителя.

Какъ-то ей довелось встрѣтиться съ двумя Санаксарскими монахами, ѣхавшими въ Соловки къ сосланному туда о. Ѳеодору. Отъ нихъ узнала она о жизни старца, его мудрости, о суровомъ бытѣ возстановленныхъ имъ обителей, о его страданіи за правду. И ей захотѣлось познакомиться съ о. Ѳеодоромъ.

Тутъ вскорѣ умеръ ея отецъ, и ей стало возможно безпрепятственно ѣздить въ Соловки. По посѣщеніи о. Ѳеодора, Марья Петровна вступила въ Арзамасскую Алексѣевскую общину.

Эта обитель возстановленіемъ своимъ обязана о. Ѳеодору, который поселилъ въ ней нѣсколькихъ женщинъ, послѣдовавшихъ за нимъ изъ Петербурга. Подъ руководствомъ старца число сестеръ достигло до 150.

Обыкновенно два или три раза въ годъ изъ Санаксарскаго монастыря, отстоящаго въ 100 верстахъ отъ Арзамаса, о. Ѳеодоръ пріѣзжалъ въ Арзамасъ и, остановясь на Санаксарскомъ подворьи, навѣщалъ общину. Его встрѣчали тамъ, какъ родного отца.

Сестры сбирались слушать его наставленія въ большой кельѣ. и онъ давалъ и общіе всѣмъ совѣты и отдѣльно каждой, по нуждѣ ея.

Уставъ положенъ былъ о. Ѳеодоромъ такой, чтобъ у сестеръ все было общее, чтобъ всѣ безпрекословно повиновались настоятельницѣ и чтобъ всѣ трудились. Община не имѣетъ обезпеченія и, по завѣту о. Ѳеодора, не посылаетъ сборщицъ по городамъ. Трудомъ сестры зарабатываютъ пропитаніе.

Работы разнообразны. Золотошвейное дѣло, искусствомъ котораго община славится по всей Россіи, низали жемчугъ, шили платья, ткали холсты, вязали чулки. Во время работы одна изъ сестеръ должна читать духовную книгу.

Въ церковь въ простые дни ходили поперемѣнно, и тѣ лишь, которыя не имѣли особо важныхъ работъ, и ста-

Марья Петровна Протасьева
(схимонахиня Марѳа).

рушки. Въ праздникъ ходили всѣ и стояли, скрытыя занавѣсью отъ мірскихъ.

Было запрещено вести лишніе разговоры, преслѣдовались всякія ссоры; кромѣ десяти старушекъ, ходившихъ въ городъ за покупками, никто не выходилъ изъ ограды.

Сестры постоянно переписывались съ о. Ѳеодоромъ. Сохранились его замѣчательныя письма къ Протасьевой.

О. Ѳеодоръ очень цѣнилъ Марью Петровну и, такъ какъ настоятельница по престарѣлымъ годамъ, не могла ужъ управлять обителью, онъ назначилъ, противъ воли Марьи Петровны— ее настоятельницею, всего въ 25 лѣтнемъ возрастѣ.

Сперва за это многія роптали на старца и непріязненно относились къ Марьѣ Петровнѣ. Но терпѣніемъ и кротостью она пріобрѣла общую любовь.

Принявъ тайную схиму съ именемъ Маріы, она еще усилила свои подвиги, и, чтобъ скрыть постъ свой, говорила, что ей вредно молочное.

Обладая удивительнымъ даромъ слова, она, бывая въ міру, говорила за столомъ, и восхищенные ея бесѣдой не замѣчали, что она сама ничего не ѣстъ.

Ее очень любили и чтили во многихъ московскихъ семьяхъ, и ради нея помогали ея обители. Для этого-то и ѣздила она въ Москву.

Какъ ни скудна была община, много удѣляла матушка Маріа на бѣдныхъ и нищихъ, „съ которыми, говорила она, совходитъ благодать и благословеніе Божіе“.

Когда ей писали, что новыя лица просятся въ общину, а содержать нечѣмъ, она отвѣчала: „хоть 10 будутъ проситься, и всѣхъ приму. Лучше отъ своего тѣла оторвать, чѣмъ душѣ христіанской во спасеніи отказать“.

Запретъ о. Ѳеодору посѣщать обитель былъ для нея большимъ горемъ.

Только разъ потомъ посѣтилъ старецъ Алексѣевскую общину.

Послѣ кончины его мать Маріа искала совѣтовъ у о. Амфилохія іеромонаха Ростовскаго Спасо-яковлевскаго монастыря,

хотѣла ѣхать къ знаменитому старцу Паисію въ Молдавіи но получила извѣщеніе отъ Бога о скорой кончинѣ.

Послѣ недолгой, но тяжкой болѣзни, она тихо почила в 54 году 30 апрѣля 1813 г.

На погребеніе ея собралось множество народа разнаго званія, и здѣсь обнаружились многія ея сдѣланныя въ ве ликой тайнѣ добрыя дѣла.

Плачъ народа и монахинь заглушалъ службу, и отпе вавшій ее архимандритъ, самъ глубоко ее чтившій, воскликнул наконецъ: „Престаньте отъ плача и унынія. Я самъ изне могаю и продолжать не могу“.

Арзамасская Алексѣевская обіцина принадлежитъ к числу благоустроенныхъ обителей. Въ ней свыше 700 сестеp и свято хранится память объ о. Ѳеодорѣ и Маріи Петровн Протасьевой, схимонахинѣ Маѳѣ.

Схимонахъ Зосима.

...Все тихо валится кругомъ,
Еще пройдетъ немного лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ...

Смотрѣть немного... Что́жъ изъ нихъ,
Изъ этихъ камней, говоритъ
Моей душѣ, и шагъ мой тихъ,
И сердце такъ въ груди стучитъ?

Святыню вывезли... Но нѣтъ,
Не всю!.. Нѣтъ, чувствую, живутъ
Мольбы и слезы, столько лѣтъ
Отъ сердца лившіяся тутъ!

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой!

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.
И, что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ...
И вотъ — вдругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... и растетъ
За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостинницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!
Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
. . . . . .
Всечасно братья ждетъ гостей...
И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ...
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ —
Да страшный гнѣвъ Свой Богъ уйметъ...
Идутъ — съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исхода хоть слезамъ —
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...
И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ...

Въ этихъ проникновенныхъ строкахъ, представляющихъ собою отрывокъ изъ стихотворенія *Упраздненный монастырь*,

поэтъ А. Н. Майковъ рисуетъ исторію возникновенія пустынной обители, которую поэтъ посѣтилъ упраздненною, запустѣвшею.

Въ сказаніи о схимонахѣ Зосимѣ читатели увидятъ нѣчто подобное. Тѣ же уединенные подвиги, и, еще при жизни, прославленіе подвижника, въ пустынную келью котораго міръ сталъ стучаться усердною рукой, въ жаждѣ тѣхъ духовныхъ сокровищъ, которыми старецъ могъ обогатить ихъ. Не умерла память о подвижникѣ, и, передаваясь изъ рода въ родъ, дошла до нашего времени... Долгое время пустовало мѣсто, освященное дыханіемъ праведной души его, и лишь окрестные крестьяне творили память о немъ, въ простотѣ сердечной хранили то уваженіе къ старцу, съ которымъ относились къ нему когда-то знавшіе старца живымъ, современные ему ихъ праотцы. Но Богъ не попустилъ окончательному запустѣнію этого мѣста, и теперь на немъ зацвѣла иноческая обитель.

Возникновеніе этой обители, тѣ необыкновенныя обстоятельства, что сопровождали это возникновеніе — составятъ значительную часть жизнеописанія старца. О земной части жизни его дошли до насъ лишь скудныя свѣдѣнія. Но развѣ обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе у могилы старца обители, и, конечно, руководимыя имъ — не представляютъ собою черты тоже изъ его жизни,—но лишь изъ лучшаго, загробнаго, времени его жизни?

Праведники живы во вѣкъ какъ въ памяти народной, такъ и въ дѣлахъ своихъ.

Лѣтъ двѣсти тому назадъ въ одно уединенное мѣсто, расположенное верстахъ въ 25 отъ Троице-Сергіевой Лавры, въ прежней Переяславль-Залѣсской области, на берегу рѣчки Молохчи, пришелъ Троицкій инокъ старецъ Зосима.

Мѣсто это, представляющее свѣтлыя, покрытыя пустой травой поляны, окруженныя вѣковымъ боромъ, прорѣзываемыя извилистой рѣкой, полныя тишины, нарушаемой лишь пѣніемъ птицъ, полюбилось старцу, и онъ избралъ это мѣсто для своихъ уединенныхъ подвиговъ.

Неизвѣстно, кто былъ старецъ, каково его происхожденіе, каково его прошлое. Несомнѣнно одно: онъ былъ избранникъ Божій. Путь пустынножительства такъ труденъ, представляетъ собою столько духовныхъ опасностей, что только избранные, и по непосредственному, бо́льшею частію, указанію Божію, осмѣливаются вступать на этотъ путь.

Затѣмъ то, что о. Зосима былъ схимонахъ, указываетъ, что онъ былъ немолодыхъ лѣтъ, когда пришелъ въ Ульянову пустынь. Въ схиму молодыхъ не постригаютъ, и, несомнѣнно, о. Зосима долго раньше иночествовалъ подъ руководствомъ опытнаго старца. Затѣмъ, очевидно, стремясь къ совершенству для полнаго соединенія съ Господомъ, для устраненія отъ себя малѣйшихъ препятствій къ тому, чтобы всецѣло, всею душою, уйти въ созерцаніе Господа, онъ и вступилъ на путь отшельничества. Примѣръ отшельничества былъ у него предъ глазами: преподобный Сергій Радонежскій, изъ обители котораго онъ вышелъ.

Если нельзя сказать утвердительно, изъ какихъ мѣстъ Россіи происходилъ старецъ Зосима, то предполагать можно слѣдующее.

Въ Зосимовой пустыни существуетъ Смоленская икона Богоматери (Одигитріи), о которой полагаютъ, что она принадлежала старцу Зосимѣ. Такъ какъ почитаніе этой иконы, по мѣсту нахожденія ея въ г. Смоленскѣ, особенно распространено въ Смоленской губерніи, то нѣкоторые гадательно заключаютъ, что старецъ могъ быть родомъ изъ Смоленской губерніи.

Старца, поселившагося въ Ульяновой пустоши, не безпокоили ея владѣльцы. Въ старое время смотрѣли такъ сочувственно на людей, спасавшихся въ иноческомъ образѣ, и, тѣмъ болѣе — отшельническимъ житіемъ,— что владѣльцы лѣсовъ бывали лишь рады, когда въ этихъ лѣсахъ поселялись иноки. Ульянова пустошь принадлежала въ то время дворянскому роду Тимоновыхъ, въ обладаніи которыхъ она оставалась до двадцатыхъ годовъ истекшаго девятнадцатаго вѣка.

Старецъ Зосима поселился, по преданію, не одинъ; съ нимъ былъ еще монахъ Іона, который, вѣроятно, по старости лѣтъ Зосимы, былъ его келейникомъ. Жизнь старца была въ высшей степени проста. Помѣщался онъ въ тѣсной избѣ, въ углу которой стояли иконы, единственное его имущество. Лѣсные пни служили ему стульями. Онъ выкопалъ себѣ собственноручно колодезь у рѣчки Молочхи. Колодезь этотъ давалъ ему прекрасную воду.

Можно безошибочно предположить, что старецъ въ пустынѣ выдержалъ жестокую борьбу съ демонами, подобно всѣмъ пустынножителямъ. Старецъ Зосима побѣдилъ всѣ искушенія и остался въ пустынѣ.

Богатыя умственныя природныя способности отшельника, просвѣтленныя постояннымъ общеніемъ съ Богомъ, молва о подвигахъ его, и, такъ сказать, то ощущеніе въ немъ святости, которое выносили люди, видавшіе его: все стало привлекать къ нему народъ. Не только простолюдины шли къ старцу. Ѣхали къ нему и богатые люди, купцы, дворяне и вельможи. У кельи его была выстроена часовня, которая постепенно уставилась принесенными богомольцами образами. Собралось нѣсколько человѣкъ иноковъ, хотѣвшихъ жить подъ руководствомъ старца. Однимъ словомъ, образовалось какъ бы нѣчто въ родѣ пустыннаго монастырька. Между прочими трудами, братія занималась пчеловодствомъ.

По разсказамъ одного слѣпого старца, схимонаха Зосиму очень чтила императрица Елисавета Петровна (1741—1761 г.), и неоднократно бывала у старца. Свои поѣздки къ нему ей было удобно соединять съ посѣщеніями въ этой мѣстности другихъ лицъ. Именно, въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ царствованіе Петра Великаго, была заточена его родная сестра, и, слѣдовательно, тетка императрицы Елисаветы Петровны, царевна Марѳа Алексѣевна, навѣщать которую и ѣзжали члены царствующаго дома. Ульянова пустошь лежала всего въ 2—3 верстахъ въ сторону отъ большой дороги изъ Троицкой Лавры въ Александровскую

Марья Петровна Протасьева (схимонахиня Марѳа)
въ гробу.

слободу. Самая слобода эта, гдѣ нѣкогда былъ знаменитый дворецъ — монастырь Іоанна Грознаго, по завѣщанію императрицы Екатерины I, перешла по наслѣдству цесаревнѣ, впослѣдствіи императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Сверхъ того, одинъ изъ знаменитѣйшихъ придворныхъ Елисаветы Петровны, и родственникъ ея по бабкѣ ея, царицѣ Натальѣ Кирилловны Нарышкиной, матери Петра Великаго, С. К. Нарышкинъ былъ сосѣдъ Ульяновой пустоши. Да и владѣлецъ ея, Василій Тимоновъ, служилъ при Дворѣ.

Большое стеченіе народа къ старцу Зосимѣ показываетъ, что совѣты его приносили пользу людямъ, что онъ имѣлъ тотъ даръ руководства людьми, которое называется „старчествомъ“. Сохранилось преданіе, что цѣлыми толпами окружалъ его народъ, и онъ бесѣдовалъ съ ними, какъ учитель и проповѣдникъ. Въ одно изъ посѣщеній своихъ императрица Елисавета Петровна застала старца сильно больнымъ. Очень огорченная этимъ, она просила келейника старца, Іону, дать ей, знать немедленно въ Москву, если старецъ скончается, причемъ она обѣщалась пріѣхать на погребеніе его.

Вскорѣ по отъѣздѣ ея въ Москву старецъ скончался. Тотчасъ же въ Москву былъ снаряженъ гонецъ для извѣщенія императрицы. Императрица была нездорова и не могла прибыть къ похоронамъ старца, но отпустила на погребеніе его значительную сумму денегъ, и послала въ Ульянову пустошь архіерея и пѣвчихъ [1]).

Три недѣли лежалъ усопшій, пока не было, наконецъ, исполнено предписаніе царицы, замедленное дальностью разстоянія. Несмотря на сильные жары (это было въ іюлѣ мѣсяцѣ), за столь долгое время тѣло усопшаго нисколько не испортилось, и не было ни малѣйшаго запаха. Погребеніе было чрезвычайно торжественное, при громадномъ стеченіи народа.

[1]) Составитель исторіи Зосимовой пустыни впадаетъ въ противорѣчіе. Если относить время кончины старца къ 1710—1713 гг., то выходитъ, что цесаревна Елисавета Петровна не могла имѣть никакого отношенія къ пустыни при жизни старца. Или старецъ почилъ много позже, или то, что повѣствуютъ о заботахъ императрицы о старцѣ — относится къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, ея родной теткѣ.

Почившаго опустили въ вырытую имъ самимъ, и имъ же выложенную кирпичемъ могилу.

По кончинѣ старца память о немъ сохранялась лишь въ простомъ народѣ, среди окрестныхъ крестьянъ.

На могилѣ былъ поставленъ большой камень изъ бѣлаго камня съ надписью, и, по требованію крестьянъ, у могилы служились панихиды по старцѣ. Жившіе вокругъ старца иноки разошлись. По разсѣяніи братіи, пустынь старца была въ нѣкоторомъ времени упразднена, а часовню приписали къ Лукіановой пустыни, лежащей близъ г. Александрова. Сохранилась сдѣланная тогда опись предметовъ, оказавшихся въ пустыни. Изъ нихъ главнѣйшій—икона Богоматери (Одигитріи). Въ отдѣлѣ „хоромнаго строенія“ заслуживаетъ упоминанія „часовня новая, что построена царевной Натальей Алексѣевной для пріѣзду: дворъ съ келліею и сѣнями“. Все же нѣсколько иноковъ остались жить на мѣстѣ упраздненной пустыни. Въ 1728 г. пустынь была возстановлена, а въ 1764 году, въ царствованіе императрицы Екатерины II, когда множество монастырей было закрыто, та же печальная участь постигла и Зосимову пустынь. Часовня была приписана къ приходской церкви сосѣдняго села Никульскаго. Причтъ этого прихода служилъ, по желанію поклонниковъ, особенно многочисленныхъ въ лѣтнее время,—панихиды въ часовнѣ. Раньше пустынь считала своимъ праздникомъ день Преображенія Господня—6 августа; изъ села Никульскаго въ этотъ день бывалъ крестный ходъ, и около пустыни устраивалась ярмарка.

Говорятъ, что владѣлецъ Ульяниной пустоши, Тимоновъ, недовольный, что при такомъ стеченіи народа сильно топчутъ его луговую и лѣсную траву, задумалъ искоренить этотъ обычай и, какъ говорятъ, уничтожилъ всѣ документы, относящіеся до Ульяниной пустоши и стоявшей на ней Зосимовой пустыни. Иконы были вынесены изъ часовни и поставлены въ храмъ села Слатина; памятникъ о. Зосимы, со стесанной уже надписью, сняли.

Тимоновъ изъ часовни осмѣлился устроить птичникъ и помѣстилъ туда домашнихъ птицъ и двухъ свиней. Но послѣ

первой же ночи всѣ онѣ найдены были издохшими. Тимоновъ вскорѣ умеръ. Впослѣдствіи изъ рода Тимоновыхъ пустошь перешла къ ихъ родственникамъ Плахово, принадлежала. Все коладскимъ, и ими продана Макаровой, которая въ 1847 году перепродала пустошь на срубъ извѣстнымъ Александровскимъ фабрикантамъ — богачамъ Баранову и Зубову.

Къ 30-мъ годамъ исчезли всякіе слѣды пустоши. Часовня была разрушена, шесть келлій увезены въ село Слатино. Лишь деревянный крестъ на могилѣ старца отмѣчалъ мѣсто его упокоенія. Но то дѣлали люди. Божій же промыслъ хранилъ это мѣсто. Сглаживались внѣшнія воспоминанія о праведномъ старцѣ; но окрестное населеніе, убѣждаемое необыкновенными проявленіями помощи по молитвамъ у могилы его,—продолжало вѣрить въ то, что онъ угоденъ Богу. Сторожемъ лѣсной пустоши нанятъ былъ благочестивый крестьянинъ Семенъ Ермолаевъ, знавшій много преданій о Зосимовой пустыни и ея основателѣ. Онъ разсказывалъ, между прочимъ, слѣдующее.

Во время пилки лѣса пустынникъ Зосима явился пильщикамъ. Онъ ходилъ вокругъ своей могилы и кадилъ ее. Одинъ изъ пильщиковъ сталъ смѣяться и убѣждать товарищей, что это не праведный человѣкъ, а нечистый духъ въ видѣ монаха ходитъ здѣсь, чтобъ пугать людей. Этотъ пильщикъ на другой же день послѣ своего смѣха умеръ. Пастухи видали на могилѣ огни, и это внушило имъ желаніе раскопать могилу. Семенъ Ермолаевъ съ однимъ товарищемъ раскопали это мѣсто, увидали, что могила выложена камнемъ, и что гробъ сохранился въ полной свѣжести. Изъ этого гроба исходило на нихъ благоуханіе. Когда же они рѣшились открыть гробъ, ударилъ сильный громъ, отъ внезапной тучи сдѣлалось темно, и они въ страхѣ побѣжали.

Всегда относившійся съ благоговѣніемъ къ памяти о. Зосимы, а этими явленіями еще болѣе убѣжденный въ его праведности, Семенъ Ермолаевъ убѣдилъ Баранова и Зубова выстроить на могилѣ часовню, а г-жу Баранову пожертвовать въ нее иконы. Она же, по смерти мужа, достроила часовню.

Въ 1851 г. пустошь Ульянина при с. Каравайковѣ перешла во владѣніе г-жи Волковой, мужъ которой, по разсказамъ лѣсныхъ жителей и крестьянъ, сталъ горячимъ ревнителемъ памяти о. Зосимы. Въ часовнѣ на могилѣ о. Зосимы онъ устроилъ мраморную доску съ выбитыми на ней словами: „схимонахъ Зосима“. Сторожемъ къ часовнѣ онъ приставилъ того же Семена Ермолаева.

Съ тѣмъ же чувствомъ относился къ этой могилѣ Никульскій помѣщикъ Головинъ, очень уважаемый и вліятельный въ тѣхъ мѣстахъ человѣкъ. Онъ содержалъ сторожа пополамъ съ Волковымъ.

Въ 1854 году, по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, отъ 12 ноября, часовня была приписана къ приходской церкви, и причту ея поручено имѣть за сохраненіемъ въ ней должнаго порядка и благочинія бдительное наблюденіе.

Распоряженіе это придало еще большую извѣстность могилѣ о. Зосимы. Окрестные жители стали чаще приходить къ ней; крестьянки съ дѣтьми, особенно въ лѣтнее время, шли туда на богомолье, сносили свою работу — полотенца, матеріи, а также яйца, творогъ, и, оставляя эту жертву, сами брали песокъ изъ горы, гдѣ стоитъ часовня, воды изъ колодца, вырытаго, по преданію, о. Зосимою.

Мѣстный предводитель дворянства, В. В. Головинъ, очень заботился о часовнѣ, во время своихъ посѣщеній ея любилъ сиживать противъ часовни, между двухъ елей. Г-жа Яковлева, владѣлица села Дивова, собирала и записывала всѣ сказанія объ о. Зосимѣ. Даже лютеранка, владѣлица пустоши (съ 1855 г.), г-жа Неттель, заботилась о поддержаніи въ порядкѣ мѣста упокоенія о. Зосимы и не препятствовала крестьянамъ ходить къ его могилѣ.

Наконецъ, слѣдующее необыкновенное событіе положило начало устройству монастыря. Однажды къ сторожу при часовнѣ въ Ульяниной пустоши пришли два неизвѣстныхъ инока и объявили, что ихъ прислалъ монахъ Филиппушка *), чтобъ купить

*) Филиппушка былъ монахъ, странствовалъ по св. мѣстамъ, затѣмъ вступилъ на путь юродства. Со своими тремя сыновьями онъ выкопалъ пе-

у г-жи Неттель три десятины земли изъ пустоши Ульяниной съ могилой старца Зосимы. Удивляясь такому намѣренію, сторожъ направилъ ихъ ко владѣлицѣ. Издали завидѣвъ монаховъ, къ которымъ она вообще, какъ лютеранка, относилась съ предубѣжденіемъ, г-жа Неттель приказала прислугѣ не допускать ихъ къ себѣ и допросить ихъ, что имъ нужно. Когда она узнала объ ихъ желаніи, то очень на нихъ прогнѣвалась. Она съ любовію устраивала это имѣніе, а какіе-то монахи отъ какого-то Филиппушки осмѣлились предложить ей продать ему участокъ изъ этого имѣнія. Но, отстранивъ иноковъ, она не могла подавить въ себѣ страннаго, необъяснимаго для нея впечатлѣнія, произведеннаго въ ней ихъ приходомъ. Вскорѣ умерла ея единственная дочь, и эта смерть повергла ее въ глубочайшую скорбь. Она не знала, гдѣ ей хоронить дочь, пока ей не пришла мысль, положить ее въ Ульяниной пустоши. Когда она приказала слугѣ свести себя туда, ей очень понравилось это мѣсто, дышавшее глубокимъ миромъ, и дочь ея была схоронена неподалеку отъ могилы о. Зосимы.

Нѣсколько успокоившись отъ своего горя. она стала раздумывать о томъ, что по ея кончинѣ пустошь Ульянина можетъ перейти въ другія руки, и это постепенно довело ее до желанія предоставить этому присылавшему къ ней монаху Филиппушкѣ просимыя имъ три десятины съ могилой старца.

Она сама не знала, кто такой—Филиппушка, но это объяснила ей одна старушка крестьянка, ходившая къ ней работать, очень чтившая Филиппушку и бывавшая у него. Ей г-жа Неттель поручила передать отъ ея имени Филиппушкѣ, что она согласна продать эту землю, по какой ему угодно цѣнѣ. Но, когда старушка передала это порученіе, Филиппушка крайне былъ изумленъ, потому что онъ никогда туда не посылалъ, и о Зосимовой часовнѣ не имѣетъ никакого понятія.

щеры у Гефсиманскаго скита, что близъ Троицкой Лавры, и основалъ такъ называемую „киновію“ — небольшой монастырь тоже въ окрестностяхъ Лавры.

Между тѣмъ, сторожъ при часовнѣ разсказалъ В. В. Головину про двухъ монаховъ, приходившихъ отъ имени Филиппушки съ цѣлью купить земли, и В. В. Головинъ, хорошо знавшій Филиппушку, послалъ отъ себя крестьянина, спросить Филиппушку, вѣренъ ли этотъ радостный слухъ.

Крестьянинъ передалъ порученіе своего барина Филиппушкѣ при сыновьяхъ его, и средній изъ нихъ, о. Прокопій, чутко вслушиваясь въ разсказъ крестьянина, болѣе другихъ былъ изумленъ происшествіемъ и упросилъ своего отца позволить ему съѣздить на это мѣсто.

Явившись прежде всего къ В. В. Головину, о. Прокопій просилъ свезти его въ Ульянину пустошь, и мѣсто погребенія о. Зосимы чрезвычайно полюбилось о. Прокопію. Въ немъ зародилась, было, мысль, какъ-бы хорошо устроить здѣсь монастырь, и онъ вернулся въ Киновію къ отцу взять благословеніе у него на то, чтобъ начать переговоры съ г-жею Неттель.

Между тѣмъ, когда старушка-крестьянка вернулась къ г-жѣ Неттель отъ Филиппушки и разсказала все своей барынѣ, негодованію г-жи Неттель не было предѣловъ. Она считала оскорбленіемъ себѣ, что незнакомые монахи осмѣлились безпокоить ее, а теперь отрекаются отъ своего же предложенія, и когда, поддерживаемый въ своей просьбѣ В. В. Головинымъ о Прокопій явился къ ней, она отказалась принять его.

Наконецъ, въ 1864 г. г-жа Неттель объявила, что жертвуетъ 3 десятины съ часовней надъ могилой о. Зосимы, чтобъ монахи изъ Киновіи могли служить для желающихъ панихиды. Сосѣдняя помѣщица Барбашова пожертвовала изъ своего прилегающаго къ этимъ 3 десятинамъ участка—7 десятинъ. В. В. Головинъ выстроилъ двѣ избы съ двориками и хозяйственными принадлежностями, г-жа Яковлева пожертвовала каменное строеніе, чтобъ изъ его кирпичей выстроить каменную часовню. Киновійскіе иноки помѣстились въ выстроенной г. Головинымъ избѣ, въ другой жили рабочіе и пекли хлѣбъ. Въ часовнѣ совершались въ опредѣленные

часы богослуженія, братія расчищала чащу лѣса у часовни, выкорчевывала пни, разбивала дорожки. Еще братія косила сѣно, особенно же съ любовью занималась, въ память любившаго это занятіе старца — пчеловодствомъ.

Лишь черезъ годъ послѣ кончины Филиппушки, 17 мая 1869 г. г-жа Неттель сдѣлала, наконецъ, форменную дарственную на эту землю. Такое замедленіе и много другихъ обстоятельствъ доставили великія скорби о. Прокопію. Такъ, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что безъ надлежащаго отъ мѣстнаго епархіальнаго начальства разрѣшенія служитъ панихиды на могилѣ старца. Наконецъ, было получено на такія служенія — разрѣшеніе.

Въ 1887 г. о. Прокопій привлекъ вниманіе къ Зосимовой пустыни Московскаго торговаго дѣятеля Д. М. Шапошникова и убѣдилъ его въ необходимости устроить изъ часовни храмъ. Схимонахъ Зосима во снѣ явился г. Шапошникову въ видѣ худощаваго сѣдого старца съ блѣднымъ лицемъ, въ монашескомъ подрясникѣ, со скуфейкой на головѣ. Три раза произносилъ старецъ: „Я прошу тебя не оставлять начатаго дѣла, и Господь тебѣ поможетъ и не оставитъ!“ — и три раза со слезами обнималъ его. Съ великою ревностью принялись г. Шапошниковъ, его супруга и зять ихъ, В. П. Поповъ, за дѣло. Былъ образованъ храмъ изъ часовни, воздвигнута колокольня и деревянный съ 16 кельіями корпусъ для монашествующихъ. При перестройкѣ часовни, когда стали дѣлать фундаментъ подъ памятникъ для старца — фундаментъ этотъ, прочно сложенный, развалился, что дало поводъ дорыться до могилы — склепа, въ которомъ увидали нетлѣнный гробъ. Тутъ оказалось, что могила находится не на томъ мѣстѣ, гдѣ думали, и что памятникъ поставленъ былъ не совсѣмъ правильно.

Еще прочнѣе стало дѣло развитія Зосимовой пустыни, когда ее посѣтилъ и принялъ ея судьбу къ сердцу архимандритъ Павелъ, намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры. Много потрудился на ея пользу и извѣстный своею духовной ревностью П. Е. Ефимовъ. Теперь въ обители красуется воз-

двигнутый его иждивеніемъ трехъ-престольный соборъ, въ честь Смоленской иконы Одигитріи, преподобнаго Зосимы Соловецкаго и архангела Рафаила. Соборъ этотъ заключаетъ могилу старца. Обитель обведена каменною оградою въ 300 саженъ, съ башнями. Среди прочныхъ зданій и келлій оставлена на память о трудахъ первоначальной братіи ветхая хижина.

Въ обители до 50 монашествующихъ. Служба здѣсь истовая, продолжительная, старинное столповое пѣніе; на вечерней общей молитвѣ братія полагаетъ много земныхъ поклоновъ за благотворителей обители. Введено въ пустыни ежедневное откровеніе братіи своихъ помысловъ духовнику, столь необходимое въ духовной жизни. Братія постоянно занята послушаніями, которыхъ числомъ 14.

За монастырскими воротами есть гостинница. Путь въ Зосимову пустынь лежитъ чрезъ станцію Арсаки Московско-Ярославской желѣзной дороги, откуда до обители три версты.

Да, вѣрно слово Божіе: „Прославляющаго Мя прославлю!“—и мѣсто подвиговъ благоговѣйнаго старца Зосимы не запустѣло.

Блаженная Ксенія,

погребенная на Смоленскомъ С.-Петербургскомъ кладбищѣ.

Есть на окраинѣ Петербурга уголокъ, куда стекается въ горѣ и нуждѣ много народа, для служенія панихидъ. Эта могила „блаженной Ксеніи“ на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ.

Въ какой ни зайти туда день, тамъ всегда есть народъ, и служатся непрерывно, одна за другой, панихиды.

Въ чемъ значеніе этихъ панихидъ?

Православная церковь вѣруетъ глубоко въ общеніе двухъ міровъ: земли и неба, членовъ земной, воинствующей на землѣ, церкви и членовъ церкви, торжествующей на небѣ. Праведнымъ людямъ, причисленнымъ къ лику святыхъ, служатъ

молебны, представляющіе какъ бы зовъ земныхъ людей къ этимъ праведникамъ. Молебны эти замѣняются панихидами по лицахъ не причисленныхъ церковью къ лику святыхъ. Эти земныя о нихъ молитвы усиливаютъ еще ту радость, въ которой находятся они послѣ смерти, и на это дѣло любви земныхъ людей они откликаются своею сильной за этихъ людей предъ Богомъ молитвой.

И что это такъ, показываетъ много опытовъ помощи со стороны блаженной Ксеніи, поданной послѣ молитвы у могилы ея и отслуженной по ней панихиды.

Эта подвижница называлась Ксенія Григорьевна и была замужемъ за полковникомъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Петровымъ, служившимъ придворнымъ пѣвчимъ. 26 лѣтъ отъ роду она схоронила мужа, котораго горячо любила. Многіе полагаютъ, что съ горя она почти сошла съ ума, и тогда стала юродствовать.

Такое утвержденіе обнаруживаетъ лишь въ этихъ людяхъ непониманіе духовной жизни. Слабоумность и истинное юродство не имѣютъ между собою ничего общаго. Наоборотъ, чтобъ рѣшиться на юродство, необходимо величайшее мужество, то есть наличность въ человѣкѣ сильно развитой воли, и ясное сознаніе какъ о жизни вообще, такъ и объ избираемомъ пути.

Юродивыми въ истинномъ значеніи слова (конечно, здѣсь говорится не о тѣхъ пустосвятахъ, которые подъ лживою оболочкой юродивыхъ морочатъ иногда народъ) являются люди глубокихъ духовныхъ запросовъ, жаждущіе абсолютной правды. То, въ чемъ люди обыкновенные видятъ счастье,— это счастье ихъ не удовлетворяетъ. Всѣмъ ихъ существомъ владѣетъ одна мысль: перводанное человѣку блаженство утрачено, и ни въ чемъ иномъ, какъ въ Богѣ, утѣшенія нѣтъ. И съ безпощадной жестокостью они глумятся надъ этимъ жалкимъ обольщеніемъ людского счастья. Богатство, знатность, ученость, внѣшнія формы общежитія, все это они топчутъ, потому что во всемъ этомъ столько лжи, лжи и лжи. Съ сердцемъ, сожигаемымъ постоянной тоской, съ одной поддерживающей

ихъ завѣтной надеждой на лучшіе вѣчные края, съ виду угрюмые и суровые, полные въ то же время безграничной любви къ страдающему человѣчеству, проходятъ эти великіе люди чрезъ жизнь и точно кричатъ намъ: „Опомнитесь! Все здѣсь — призракъ. Одно только неизбѣжно — смерть. Одно только вѣчно и неизмѣнно: Богъ. Его ищите, къ Нему стремитесь!“

Итакъ, Ксенія стала юродствовать, съ поразительною для себя ясностью увидавъ чрезъ смерть любимаго мужа тщету земнаго счастья.

Все, что у нея было, она раздала нищимъ, сама одѣлась въ рубище, даже имя свое прежнее забыла, сама себя звала, и отъ другихъ требовала, чтобъ ее называли именемъ покойнаго мужа — Андрей Ѳедоровичъ.

Она поселилась на Петербургской Сторонѣ, гдѣ жилъ большею частью бѣдный трудящійся людъ. Тамъ ходила она изъ дому въ домъ, не имѣя постояннаго пристанища, а на ночи исчезала. Она уходила въ поле и тамъ молилась на всѣ четыре стороны. А, когда начали на Смоленскомъ кладбищѣ строить каменную церковь, однажды замѣтили, какъ Ксенія, шепча молитвы, всю ночь протрудилась въ томъ, что носила на верхъ постройки кирпичи.

Первое время Ксенія ходила въ платьѣ своего мужа, пока оно не истлѣло и не развалилось на ней. Потомъ она носила только рубашку, юбку и платокъ; теплаго платья не брала, а грудь прикрывала кусками изъ платья мужа. На ногахъ ея, распухшихъ отъ мороза, были надѣты безъ чулокъ разорванные башмаки. Потомъ она стала носить постоянно юбку и кофточку зеленаго или краснаго цвѣта.

Въ началѣ такой жизни родные и знакомые уговаривали Ксенію бросить ея странности. И кого бы не смутили поступки женщины, которая передала одной знакомой свой домъ съ тѣмъ лишь, чтобъ та пускала въ него даромъ бѣдныхъ, раздарила всѣ вещи мужа и стала скитаться въ мужскомъ платьѣ. Разсказываютъ, что та самая старушка, которой передала Ксенія свой домъ, обращалась къ начальству покойнаго Пет-

рова, чтобъ спасти имущество вдовы: но Ксенія была здорова и имѣла право распорядиться этимъ имуществомъ какъ хотѣла. И ее оставили въ покоѣ. Сперва еще кое-кто изъ родныхъ приглашалъ ее къ себѣ, но она кратко отвѣчала: „Мнѣ ничего не надо!“ И, нищая въ полномъ смыслѣ слова, она весело говорила, приходя куда нибудь: „Вся я тутъ!“

Народъ очень любилъ Ксенію, бѣдныя семьи считали за счастье, когда она придетъ къ нимъ. Матери радовались, если она покачаетъ люльку ребенка или поцѣлуетъ его, видя во вниманіи юродивой хорошій знакъ.

Извощики наперерывъ одинъ предъ другимъ упрашивали ее, чтобъ она позволила хоть нѣсколько шаговъ провезти ее, зная, что въ такомъ случаѣ у нихъ къ вечеру будетъ богатая выручка.

Когда она приходила на сытный рынокъ, отбою не было отъ торговцевъ — лоточниковъ, которые совали ей пироги и пряники, и если она брала у кого: народъ живо расхватывалъ товаръ счастливцевъ.

За Ксеніей замѣчали даръ прозорливости.

Наканунѣ дня смерти императрицы Елисаветы Петровны. Ксенія ходила по улицамъ Петербурга, крича: „Пеките блины, пеките блины, завтра вся Россія будетъ печь блины“.

За нѣсколько времени до катастрофы, отъ которой погибъ заключенный въ Шлиссельбургской крѣпости Іоаннъ Антоновичъ Брауншвейгскій, бывшій въ младенцахъ короткое время русскимъ императоромъ,— Ксенія все плакала и твердила: „Кровь кровь... кровь!“

Однажды пришла Ксенія къ знакомой, жившей на Петербургской сторонѣ, у нея дочь была ужъ взрослая.

— Вотъ, ты тутъ кофей распиваешь, сказала дѣвушкѣ Ксенія, а твой мужъ на Охтѣ жену хоронитъ.

Не могли понять дочь съ матерью словъ юродивой, и послѣ ея ухода отправились на охтенское кладбище. Тамъ дѣйствительно хоронили женщину, и вдовецъ вскорѣ женился на знакомой Ксеніи, по ея предсказанію.

Ксенія скончалась въ первой половинѣ 19-го вѣка.

Какъ началось почитаніе ея по ея смерти—неизвѣстно. Вѣроятно, образъ жизни ея, ея великое вольное страданье произвели такое глубокое впечатлѣнье, что люди стали звать ее по смерти ея. Она откликалась имъ помощью своею, и имя ея становилось все извѣстнѣе.

Часовня, сооруженная надъ могилою блаженной Ксеніи, воздвигнута одною матерью, дочь которой была потомъ спасена молитвами блаженной.

У матери — вдовы изъ высшаго званія была дочь уже взрослая. Къ ней посватался полковникъ, которому дано было согласіе. Между тѣмъ, сердца матери и дочери были непокойны. Онѣ поѣхали на могилу блаженной Ксеніи и со слезами предъ нею молились. Въ тотъ же день женихъ поѣхалъ въ казначейство за казенными деньгами и здѣсь былъ арестованъ по указанію часового; оказалось, что часовой этотъ сопровождалъ его, какъ важнаго преступника, онъ бѣжалъ и, убивъ встрѣчнаго офицера, завладѣлъ его деньгами и документами, присвоилъ себѣ, такъ сказать, его личность и чуть не сгубилъ молодую жизнь.

Докторъ Булохъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для пріисканія мѣста, три недѣли хлопоталъ безуспѣшно. По совѣту знакомыхъ, онъ отслужилъ панихиду на могилѣ блаженной Ксеніи и на другой же день назначенъ былъ въ городъ Ржевъ. Такой же случай былъ съ г. Исполатовымъ, которой послѣ молитвы у могилы блаженной Ксеніи получилъ предложеніе разомъ четырехъ мѣстъ.

Одна полковница привезла двухъ сыновей въ Петербургъ, опредѣлить въ кадетскій корпусъ, но это ей не удалось. Въ день отъѣзда она идетъ по мосту, горько плача. Къ ней подошла женщина простого по виду званія и говоритъ ей:

— Что ты плачешь? Поди, отслужи панихиду на могилѣ блаженной Ксеніи, и все будетъ хорошо.

— Кто же это Ксенія, гдѣ могила? — спросила вдова.

— Языкъ до Кіева доведетъ, отвѣчала незнакомка.

Вдова узнала, кто такое Ксенія и отслужила панихиду

на ея могилѣ. Вернувшись съ кладбища домой, она узнала, что въ ея отсутствіе ее требовали въ корпусъ: дѣти были неожиданно приняты.

Къ псковской помѣщицѣ пріѣхала погостить ея родственница, жившая въ Петербургѣ, и много разсказывала ей про блаженную Ксенію. Разсказъ этотъ настолько повліялъ на помѣщицу, что ложась спать, она помолилась о блаженной.

Она въ эту ночь видѣла сонъ, что Ксенія ходитъ вокругъ ея дома и поливаетъ его водой.

На слѣдующее утро загорѣлся сарай съ большимъ количествомъ сѣна. Домъ былъ въ опасности, но уцѣлѣлъ.

Въ одной Семьѣ, занимавшей совершенно исключительное по высотѣ своей положеніе, былъ опасно боленъ молодой мужъ.

Однажды камердинеръ, встрѣтясь въ корридорѣ съ молодой Наслѣдницей, разсказалъ ей, что былъ исцѣленъ пескомъ съ могилы блаженной Ксеніи и просилъ положить этого песку подъ подушку больного. Это было исполнено. Ночью, когда молодая жена въ полузабытьи сидѣла у постели мужа, она увидала предъ собою женщину въ рубищѣ, которая сказала ей, что мужъ ея выздоровѣетъ, и вскорѣ родится у нея дочь, которую нужно назвать Ксеніею, и она будетъ хранительницею Семьи.

Все такъ и совершилось.

...Но не перечесть всѣхъ явленій блаженной Ксеніи.

Самое народное усердіе, приводящее къ этой могилѣ все большія и большія толпы народа, показываетъ, что тамъ, дѣйствительно, люди въ горѣ и всякихъ жизненныхъ затрудненіяхъ своихъ находятъ помощь.

Какое-то особое чувство охватываетъ вѣрующаго человѣка у могилы смирившей себя и понесшей столь великое вольное страданіе, крѣпкой духомъ, теплой сердцемъ женщины, — и мы приведемъ здѣсь подробное художественное описаніе этой могилы, сдѣланное въ одной изъ повѣстей извѣстной писательницы г-жи Микуличъ.

„...Всѣ собравшіеся въ часовнѣ усердно молились.

„За что мнѣ разбили сердце?“ думала молоденькая женщина въ плюшевой кофтѣ, которая была уже матерью одного ребенка, а, ожидая второго, внезапно и случайно узнала о сразившей ее измѣнѣ любимаго мужа, въ котораго она такъ вѣрила...

— Охъ, грѣхи, грѣхи!—шептала мѣщанка, надъ сыномъ которой на завтра назначенъ былъ судъ по обвиненію его въ поджогѣ.

„Сдѣлай, чтобъ онъ меня полюбилъ!“ мечтала дѣвушка, положившая на могилу вѣнокъ.

— Господи помилуй!—вздыхала мать, съ грустью вспоминая о дочери и о ея попыткѣ самоубійства...

А за дверью звонко и радостно чирикали воробьи, перепархивая веселой стаей съ мѣста на мѣсто.

Собравшіеся въ часовнѣ усердно молились. Волны ладона вились надъ кадильницей, разливаясь по уютной горенкѣ. И, казалось, среди нихъ вставалъ блѣдный духъ усопшей, спѣша на помощь призывающимъ ее.

„Тяжело намъ, тяжело!“ говорили ей ихъ вздохи.

„Помоги же намъ, ты, презрѣвшая земное и спасенная страданіемъ!—говорили ей ихъ колѣнопреклоненныя колѣни.—Помоги, научи насъ, поддержи!“

Юродивый Алексій Стефановичъ,

покоящійся въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.

Буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ (I Кор. 1, 27).

Благодаря извѣстному изслѣдователю русской старины, архимандриту (впослѣдствіи епископу Угличскому) Амфилохію—сохранены хоть немногія свѣдѣнія о человѣкѣ, подвизавшемся въ срединѣ 18-го вѣка въ предѣлахъ Ростовскихъ. Память объ этомъ подвижникѣ донынѣ сохраняется и въ монастырѣ, гдѣ онъ провелъ послѣднія десятилѣтія своей жизни, и среди окрестнаго населенія.

Чтецъ Алексій Стефановичъ.

Архимандритъ Амфилохій почерпнулъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ крестьянъ, которые по свыше чѣмъ 80-ти лѣтнему возрасту своему лично еще знали Алексія Стефановича.

Алексій Стефановичъ проходилъ тяжелый путь юродства.

Истинное юродство о Христѣ есть такой путь жизни, избирая который люди окончательно отрекаются отъ родства, всѣхъ благъ земныхъ, и не только терпятъ, но и сознательно идутъ сами на всевозможныя униженія.

Люди, жившіе духовною жизнію, единогласно говорятъ, что гордость есть величайшая язва человѣчества, самое главное препятствіе для воздѣйствія на душу Божіей благодати. И вотъ, это-то страшное чувство и распинаютъ въ себѣ съ безпощадною послѣдовательностью Христа ради юродивые. Своимъ страннымъ видомъ, странными поступками, рѣзкимъ обличеніемъ неправды и беззаконій людскихъ они вызываютъ къ себѣ насмѣшки, оскорбленія, брань, побои. И все это они терпятъ безропотно, молитвою отплачивая своимъ обидчикамъ. Отъ земли, отъ земной жизни они рѣшились принять одно тяжелое, одно лишь горе—и всю жажду счастья, свойственную душѣ человѣческой—перенесли въ будущее, въ вѣчную небесную жизнь. Съ большимъ, чѣмъ кто либо изъ людей, правомъ эти люди могутъ сказать о себѣ словами апостола: „Не имамы здѣ пребывающаго града, но Грядущаго взыскуемъ“.

Міръ, не понимая ихъ, глумится надъ ними. И не поймётъ онъ, какая великая скорбь переполняетъ сердца этихъ людей.

Полные одной мысли и одного воспоминанія—объ утраченномъ людьми блаженствѣ, они не могутъ примириться съ жизнью чрезъ то, на чемъ обыкновенно люди примиряются съ жизнью. Отказываются считать за счастье и искать какъ счастья того, за чѣмъ гонятся въ бѣшеной жаждѣ прочіе люди. И дошедшая до глубокой невыносимой боли ихъ изнуряемая скорбь побуждаетъ ихъ глумиться, издѣваться надъ тѣми ложными призраками счастья, за которыми гонятся люди.

Люди ищутъ богатства. Они презираютъ его, отказыва-

ются отъ денегъ, укоряютъ богачей, неотзывчивыхъ къ недостаткамъ бѣдныхъ.

Люди любятъ скрашивать свое нравственное ничтожество богатыми нарядами. А они одѣваются въ жалкое рубище, и часто въ противоположность тѣмъ, у кого при изящной внѣшности страшный безпорядокъ въ душѣ, смердящія зловонныя язвы грѣха: они, истинно добродѣтельные люди, настоящіе „сыны свѣта“ нарочно принимаютъ самый непривлекательный обликъ, нарочно бываютъ грязны, грубы, дики на видъ.

Великая тайна этихъ людей,—тайна того, какъ въ этомъ безпримѣрномъ убожествѣ и смиреніи возвышается ихъ духъ, и все сильнѣй и сильнѣй становится въ нихъ дѣйствіе благодати.

Путь юродства во Христѣ столь тяжекъ, что даже первые вѣка Церкви, столь обильные ревностнымъ подвижничествомъ, немного знали людей, спасавшихся юродствомъ. Зато всѣ они достигли великой благодати, творили дивныя чудеса, дѣлались созерцателями величайшихъ духовныхъ откровеній.

Таковъ былъ свидѣтель явленія Покрова Богоматери, и видѣвшій райскія обители Андрей, Христа ради юродивый; изъ русскихъ Василій Блаженный, не страшившійся обличать Грознаго, затушившій, сидя въ Москвѣ на царскомъ пиру, пожаръ въ Новгородѣ. спасавшій, тоже находясь въ Москвѣ, своимъ чудеснымъ явленіемъ персидскихъ купцовъ, погибавшихъ отъ бури на дальнемъ морѣ.

Къ этимъ людямъ, быть можетъ, когда нибудь причисленъ будетъ и юродивый Алексій Стефановичъ.

Немного извѣстно о его жизни. Но, помня слова Спасителя, что „о деревѣ нужно судить по плодамъ“ — приходится признать праведною и угодною Богу эту отреченную жизнь.

Юродивый Алексій родомъ былъ изъ Ростова и происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ служилъ чтецомъ въ Ростовскомъ женскомъ монастырѣ. Неизвѣстно, что побудило

его вступить на путь юродства. Быть можетъ, примѣръ тѣхъ причисленныхъ къ лику святыхъ Христа ради юродивыхъ, что нетлѣнно покоятся въ Ростовѣ. Жизнь ихъ, несомнѣнно, была хорошо извѣстна Алексію Стефановичу.

Но, какъ бы то ни было, — въ концѣ первой половины 18-го вѣка онъ сталъ юродствовать, такъ что епархіальная власть нашла нужнымъ помѣстить его въ Борисоглѣбскій монастырь (что на рѣкѣ Устьѣ), въ 18 верстахъ отъ Ростова. Объ этомъ распоряженіи сохранился такой документъ: „Ростовскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря дьячекъ Алексѣй Степановъ 1749 года Генваря 18 дня за шалости, чинимыя имъ въ малоумствѣ, доколѣ въ совершенное состояніе не придетъ, присланъ въ Борисоглѣбскій монастырь для содержанія".

Митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ въ то время былъ знаменитый Арсеній Маціевичъ, человѣкъ крутого нрава... Очевидно, Алексій Стефановичъ не пришелъ уже больше никогда „въ совершенное состояніе", т. е. не сошелъ съ пути юродства, потому что до смерти, въ теченіе 32 лѣтъ, остался въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.

Здѣсь онъ велъ жизнь юродиваго „въ великомъ терпѣніи". Носилъ онъ всего одну только верхнюю одежду, прямо на голомъ тѣлѣ и ходилъ босой. Такой способъ одѣваться не былъ имъ никогда измѣняемъ и зимою.

Помѣщался онъ въ монастырской сторожкѣ и, опредѣленный въ число послушниковъ монастыря, былъ посвященъ въ стихарь.

Онъ любилъ въ своемъ монастырѣ за „раннею" обѣдней читать „апостолъ". По окончаніи этой обѣдни часто онъ хаживалъ къ „поздней" литургіи, въ Ростовъ, въ Успенскій соборъ.

Совершалъ онъ этотъ 18-ти верстный путь чрезвычайно быстро. Объ этой ходьбѣ его сохранился слѣдующій разсказъ.

Одна боярыня ѣхала на тройкѣ лошадей въ Ростовъ на богомолье. Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ она посѣтила Алексія Стефановича (доказательство того, что уже въ то

время онъ пользовался уваженіемъ лицъ, чтившихъ подвижничество). Она жалѣла, что не можетъ подолѣе остаться у него, такъ какъ до литургіи въ соборѣ оставалось очень мало времени. Юродивый замѣтилъ ея поспѣшность и сказалъ ей: „Мы увидимся въ Ростовѣ!“

Когда она пріѣхала въ соборъ, она увидала тамъ Алексія Стефановича, пришедшаго туда скорѣй, чѣмъ довезла ее ея тройка лошадей.

Вотъ какъ вольною мукою юродивый смирялъ свое тѣло.

Однажды встрѣтили его, идущаго изъ лѣсу, и спросили: „Гдѣ ты былъ, Алексѣй Степанычъ?“

— Въ банѣ былъ, отвѣчалъ онъ, прекрасно выпарился, ни одного мѣста не осталось не выпареннымъ!

Между тѣмъ, нѣкоторымъ удалось подсмотрѣть въ лѣсу, какъ онъ сидѣлъ въ муравейникѣ — и эту-то, принятую имъ на себя, пытку онъ и называлъ „баней“.

Онъ часто ходилъ въ нѣкоторые дома, и никогда ни дверей, ни воротъ послѣ себя не затворялъ. И однако было замѣчено, что послѣ его посѣщеній скотъ никогда не уходилъ со двора, и никакихъ пропажъ, при раскрытыхъ воротахъ и дверяхъ, не происходило.

Въ юродивомъ дѣйствовалъ и даръ прозорливости.

Въ одномъ домѣ мать сильно безпокоилась о томъ, что давно не получала извѣстій отъ сына, жившаго въ Петербургѣ, и передала свои опасенія посѣтившему ее Алексію Стефановичу. Онъ сказалъ тогда матери:

— Рѣка Нева глубока: много въ ней тонутъ!

Чрезъ недѣлю она получила извѣстіе, что сынъ ея утонулъ.

Однажды предъ бурею юродивый сталъ размѣрять землю у колокольни села Троицкаго, что въ Бору.

— Что ты дѣлаешь? — спросили его.

— А вотъ, мѣряю, куда крестъ упадетъ съ колокольни.

Разразилась буря и сорвала крестъ, который упалъ какъ разъ на мѣсто, указанное Алексіемъ.

Предъ пожаромъ, случившимся въ селѣ Вощажниковѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Борисоглѣбскаго монастыря, юро-

дивый, расхаживая по улицамъ, говорилъ вслухъ: „Ахъ, какъ жарко, ахъ какъ жарко!“—хотя жары не было никакой. Но въ слѣдующую ночь произошелъ въ этомъ селѣ сильный пожаръ.

Алексій Стефановичъ скончался 16 октября 1781 года. Онъ погребенъ архимандритомъ Варлаамомъ за алтаремъ. Одно неизвѣстное лицо, чтившее память подвижника, вскорѣ послѣ его смерти воздвигло на могилѣ его каменную часовню съ изображеніемъ на стѣнѣ ея почившаго.

Доселѣ мѣстное населеніе чтитъ память подвижника.

Испрашивая его загробныхъ молитвъ о себѣ въ разныхъ несчастіяхъ и скорбяхъ, надъ его могилой служатъ панихиды, и по вѣрѣ получаютъ помощь.

Ежегодно въ монастырѣ въ день ангела Алексія Стефановича, 12 февраля, и въ день кончины его, 16 октября — служится отъ братіи монастырской надъ гробомъ его панихида.

Въ кельяхъ настоятеля сохраняется (или, по крайней мѣрѣ въ 1863 г. сохранялся) современный портретъ подвижника.

Одѣтый въ широкій балахонъ съ открытою грудью, босой, онъ держитъ въ рукѣ длинную трость — отломанную отъ дерева вѣтвь.

Довольно длинные волосы головы и бороды всклокочены. Въ глазахъ, большихъ, огненныхъ, широко раскрытыхъ выражается глубочайшая грусть.

И теперь, когда забыто безслѣдно столько знаменитыхъ и блистательныхъ современниковъ этого избравшаго путь величайшаго уничиженія человѣка, — невольно, смотря на черты его лица, приходитъ на мысль заключеніе, что мудръ онъ былъ въ юродствѣ своемъ, что еще разъ его жизнь доказала глубокое слово апостольское: „Буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть“.

Задонскаго монастыря схимонахъ Митрофанъ.

Есть мудрая басня о простомъ лѣсномъ цвѣткѣ, попавшемъ въ букетъ съ гвоздикой и заимствовавшемъ отъ нея благоуханіе.

То же самое въ духовной жизни происходитъ съ людьми, которые ищутъ близости съ выдающимися подвижниками. Сіяніе ихъ святыни падаетъ и на тѣхъ, и въ лучахъ живущей въ нихъ благодати созрѣваютъ тѣ, меньшіе силами, менѣе выдающіеся способностями. но достигающіе значительной духовной высоты люди.

Большинство, или, по крайней мѣрѣ, очень многіе изъ святыхъ имѣли искреннихъ учениковъ, достигавшихъ подъ ихъ воздѣйствіемъ, праведности, даже святости.

Къ числу „птенцовъ“ великаго святителя Тихона Задонскаго принадлежитъ схимонахъ Митрофанъ, скончавшійся болѣе ста лѣтъ тому назадъ. но еще не забытый ни въ монастырѣ. ни окрестнымъ населеніемъ. Онъ покоится въ общей монастырской усыпальницѣ — пещерѣ, вмѣстѣ съ другими памятными подвижниками, жившими въ этой мѣстности, которая выставила столько свѣтлыхъ людей.

Уже та близость, которая связывала о. Митрофана съ великимъ святителемъ, считавшимъ его искреннимъ своимъ другомъ, показываетъ достоинства этого подвижника.

Схимонахъ Митрофанъ назывался въ міру Михаилъ Голощановъ, происходя изъ рода елецкихъ гражданъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Холиной и имѣлъ дочь.

Поживя въ міру, онъ не былъ удовлетворенъ міромъ. Его душа просила иного. Ему мечталась жизнь, вся отданная Богу, молитвѣ. Будь жена его иного чѣмъ онъ настроенія, представились бы препятствія къ оставленію имъ міра. Но жена его (Евдокія) такъ же мало какъ и онъ дорожила міромъ.

Задонскаго монастыря схимонахъ Митрофанъ.

Они разлучились по обоюдному согласію, и Евдокія приняла постригъ въ Знаменскомъ Елецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Сохранилось преданіе о благочестіи и милосердіи схимонахини Елисаветы (таково было ея монашеское имя). Въ то время вокругъ монастыря все былъ густой лѣсъ, въ которомъ укрывались бѣглые солдаты и разные бродяги. Они приходили иногда къ дверямъ келліи схимонахини, и она кормила несчастныхъ. Она скончалась 1-го августа 1765 года.

Мужъ ея, простившись съ Ельцомъ. поселился у ограды Задонскаго монастыря, въ собственной кельѣ и сталъ пользоваться совѣтами опытныхъ, жившихъ въ монастырѣ, старцевъ. Хотя и не живя въ самомъ монастырѣ, онъ охотно исполнялъ монастырскія послушанія. Такъ, онъ долгое время былъ просвирникомъ.

Добрыя свойства его обратили на себя вниманіе святителя Тихона Задонскаго, который подарилъ его полнымъ своимъ довѣріемъ до конца своихъ дней. Если принять во вниманіе совѣтъ святителя „не знаться дружески ни съ кѣмъ, пока добрѣ не явится, подлинно ли то добрый человѣкъ“— станетъ яснымъ, какого высокаго мнѣнія былъ святитель о простецѣ неученомъ Михаилѣ, сближаясь съ нимъ.

Письма свои къ нему святитель подписывалъ „Твой слуга и братъ“.

Познакомившись съ о. Митрофаномъ еще будучи епархіальнымъ Воронежскимъ епископомъ, святитель неоднократно давалъ ему тайныя порученія, требовавшія для выполненія ихъ теплаго, сочувствующаго горю людскому сердца—именно посылалъ его въ мѣстности, пораженныя бѣдствіями, съ милостынею.

Такъ, разъ святитель пишетъ, прилагая полтораста рублей: „Поѣзжай въ Ливны городъ и раздай погорѣлымъ, самымъ бѣднымъ, или доброму и вѣрному человѣку поручи. чтобъ роздалъ, ничего не утаивъ. Потрудись, не отрицайся! Будетъ тебѣ въ пользу души, и никому о томъ не сказывай. отъ кого посланъ, и чтобъ они были розданы погорѣлымъ

Ливенскимъ бѣднымъ—такъ приказано. Господь да помилуетъ тебя и сохранитъ въ вѣчную жизнь".

Къ 1768-му году относятся два письма святителя къ о. Митрофану, изъ Толшевской пустыни, куда св. Тихонъ удалился въ уединеніе, оставивъ каѳедру.

Въ одномъ письмѣ святитель пишетъ: „Поселился я въ Толшевѣ. Разлучились мы съ тобою. Быть такъ, не скорби. Духъ мой всегда съ вами соединенъ. Да дастъ милостивый Господь быть купно во обители Отца небеснаго!"

Въ другомъ, замѣчательномъ по воодушевленіи, письмѣ, святитель могучимъ духомъ своимъ поддерживаетъ подвижника, который, какъ всякій, живущій духовною жизнію, несомнѣнно, проходилъ иногда чрезъ дни глубокой тоски и уныніа.

„Не скорби, что я отлучился отъ васъ. Духъ мой всегда съ вами неотлучно, и я сіе, ей, правду говорю, не лгу! Терпи, терпи, на то шелъ въ монахи, то обѣщалъ при постриженіи.— Вотъ скоро, вотъ пріидетъ*) и не закоснитъ, и всему будетъ конецъ. А претерпѣвый до конца той спасется".

Святитель Тихонъ такъ же очень цѣнилъ другого человѣка безъ высокаго образованія, но начитаннаго въ словѣ Божіемъ, благочестиваго елецкаго купца Козьму Игнатьевича Студенкова. Часто втроемъ вели они долгія бесѣды о Богѣ и о спасеніи.

Однажды въ Задонскѣ святитель былъ въ состояніи сильнаго уныніа и написалъ къ Студенкову, прося его непремѣнно пріѣхать къ себѣ.

Между прочимъ, слѣдуетъ замѣтить, что святитель Тихонъ очень любилъ Елецъ за его искреннее благочестіе и называлъ его „Градъ Сіонъ".

Время было для путешествій неудобное: шестая недѣля Великаго поста. Пересѣкавшія дорогу изъ Ельца въ Задонскъ рѣки Сосна и Донъ уже разливались. Но Козьма Игнатьевичъ не посмотрѣлъ на это и поспѣшилъ въ Задонскъ,

*) Христосъ.

чѣмъ очень утѣшилъ святителя. Въ пятницу утромъ Студенковъ съ о. Митрофаномъ шли обѣдать къ св. Тихону, какъ на встрѣчу имъ попался рыбакъ, несшій о. Митрофану живого верезуба для вербнаго воскресенія. О. Митрофану захотѣлось угостить дорогого гостя, и онъ сказалъ ему: „Вербное воскресеніе будетъ, а Козьмы-то у меня тогда не будетъ. Станешь ѣсть верезуба?“

Гость согласился, и о. Митрофанъ приказалъ келейнику приготовить изъ этой рыбы уху и холодное. Пообѣдавъ весьма скудно у святителя, который не употреблялъ и масла въ понедѣльникъ, среду и пятницу Великаго поста, о. Митрофанъ съ гостемъ пошелъ къ себѣ, гдѣ они принялись за рыбу и велѣли келейнику поставить самоваръ.

Въ это время вошелъ къ нимъ святитель. О. Митрофанъ упалъ предъ нимъ на колѣни, каясь, что онъ соблазнилъ на рыбу Козьму. Зная строгую жизнь ихъ, святитель ласково сказалъ:

— Садитесь; любовь выше поста, и, самъ строгій постникъ, подсѣлъ къ нимъ, взялъ немного ухи и подчивалъ гостя.

Этотъ случай невольно приводитъ на память поученіе святителя, что, хотя постъ и необходимъ, но постъ безъ милосердія не спасетъ души: „Многіе, пишетъ святитель, не ядятъ мяса, рыбы и молока и прочихъ снѣдей, но пожираютъ людей живыхъ“.

Съ 1769 года, когда святитель Тихонъ переселился въ Задонскъ и вплоть до кончины его (13 августа 1783 года) схимонахъ Митрофанъ постоянно былъ при святителѣ, который постоянно приглашалъ его къ своей трапезѣ, посылалъ его съ милостыней. Такъ, онъ отправилъ о. Митрофана въ Елецъ, опустошенный пожаромъ. Въ постоянномъ общеніи съ великимъ угодникомъ, постоянно наблюдая примѣры его безропотнаго терпѣнія скорбей, обидъ, злословія и зависти, выпавшихъ на долю святителя въ достаточной мѣрѣ — созрѣла вполнѣ въ духовной жизни душа о. Митрофана.

Онъ присутствовалъ при кончинѣ святителя, который позволилъ ему остаться до послѣдняго вздоха у своего смерт-

наго одра. Чрезъ три года по кончинѣ святитель явился своему вѣрному собесѣднику, уже въ небесной славѣ, и сказалъ ему: „Отецъ Митрофанъ! Всемогущій Богъ хочетъ прославить меня!“

По кончинѣ святителя о. Митрофанъ пережилъ тяжелое время. Кто-то распустилъ про него клеветы. вслѣдствіе чего ему велѣно было перейти въ ограду монастыря и жить подъ наблюденіемъ назначеннаго на то іеромонаха.

О. Митрофанъ былъ удостоенъ отъ Бога великихъ даровъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ дѣйствовавшей въ немъ прозорливости.

Одинъ елецкій торговецъ отправился въ Малороссію для торговли. Такъ какъ онъ считалъ, что у него не хватаетъ денегъ для предположенныхъ оборотовъ, то онъ задумалъ попросить взаймы у о. Митрофана 200 руб., съ тѣмъ, чтобъ отдать ихъ по возвращеніи.

— Деньгами помочь я не могу, отвѣтилъ о. Митрофанъ. Но совѣтую вамъ пойти въ церковь и тамъ предъ иконою Царицы Небесной положить 200 поклоновъ, прося Ея помощи. Она поможетъ вамъ выше всякаго чаянія.

Купецъ исполнилъ это и поѣхалъ въ Малороссію. Дѣло шло очень успѣшно, и окончилось съ такой выгодой, какой онъ и не ожидалъ: „паче чаянія“.

Одна помѣщица-вдова, много слыхавшая о старцѣ, пріѣхала къ нему для бесѣды, и для перваго знакомства рѣшилась предложить ему немного денегъ и коровьяго масла. Послѣ бесѣды старецъ просилъ посѣтительницу отдать масло въ монастырскую трапезу, для всей братіи. А о деньгахъ сказалъ: „отдайте ихъ вашему человѣку. Они ему необходимы болѣе, чѣмъ мнѣ. Потому что онъ, хотя и имѣетъ сапоги, но безъ подошвъ и ноги его ничѣмъ не обернуты. А для Бога подобное доброе дѣло будетъ пріятнѣе великихъ пожертвованій, совершаемыхъ вами другимъ постороннимъ“.

Выйдя изъ келліи, помѣщица убѣдилась, что, дѣйствительно, обувь у ея слуги была очень ветхая. А, между тѣмъ, время было осеннее и погода сырая, со снѣгомъ.

Разъ во время нахожденія о. Митрофана въ одномъ домѣ въ Ельцѣ, изъ колыбели упалъ на полъ младенецъ и ушибся. На сѣтованія матери о. Митрофанъ сказалъ:

— Особенно не жалѣй о немъ. Хоть и жаль, а лучше бы ему совсѣмъ убиться... Тамъ будущее покажетъ.

Дѣйствительно, выросши, онъ былъ очень непочтителенъ къ матери и велъ вообще дурную жизнь.

О. Митрофанъ скончался 27 февраля 1793 года, въ воскресенье, и похороненъ согласно завѣщанію, скрѣпленному рукою святителя Тихона, въ пещерѣ, которую ископалъ самъ въ своей келліи. Мѣсто это тогда еще лежало за монастырской оградой.

И вотъ, прошло болѣе ста лѣтъ по его смерти.

Отчего же могила его не забыта и богато украшена, отчего ежедневно служатся на ней заказываемыя богомольцами панихиды?..

Значитъ, не прекратилось общеніе этого давно ушедшаго отъ земли инока съ живыми людьми: значитъ, вѣрятъ люди, что сильна теперь молитва его предъ Богомъ за тѣхъ, кто помнитъ его и зоветъ его.

Старица Таисія.

Въ житіи великаго святителя Тихона замѣчательно слѣдующее событіе, происшедшее 30 мая 1765 года.

Предъ началомъ Петрова поста издревле воронежское простонародье праздновало цѣлую недѣлю древнему богу Ярилѣ. Народъ, собравшись какъ бы для ярмарки на площадь, окружалъ молодого человѣка, который плясалъ предъ нимъ, опутанный лентами и цвѣтами, съ позвонками въ рукахъ, изображая этого Ярилу. Затѣмъ происходило пьянство, кулачные бои, доходившіе до убійствъ, и всякое безчинство.

Святитель Тихонъ рѣшилъ прекратить этотъ обычай, и поѣхалъ къ толпѣ, увлеченной пѣснями, пляской, воплями и кричавшей на всѣ лады. Негодующій святитель, въѣхавъ

въ самую середину толпы, сказалъ рѣзкое обличительное слово. Нѣкоторые въ страхѣ убѣжали, другіе слушали святителя, который угрожалъ отлученіемъ отъ Церкви, если не прекратится гульба. Заставивъ при себѣ разорить всѣ постройки, устроенныя для игрищъ, святитель лишь тогда возвратился домой.

Особенно глубоко запало сѣмя словъ святителя въ душу юной воронежской мѣщанки Татьяны Постоваловой, только что передъ тѣмъ плясавшей и пѣвшей въ хороводѣ.

Какъ разсказывала она потомъ — когда она услышала обличительныя рѣчи св. Тихона, ей вообразилось, будто насталъ страшный судъ, и въ страхѣ положила она — умилостивить Бога покаяніемъ, и тѣмъ избѣжать вѣчной муки.

Преданіе говоритъ, что прямо съ базарной площади, въ чемъ была, Татьяна пошла въ Воронежскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ была игуменья Прокла, въ схимѣ Пелагія, выбранная сестрами и поставленная въ игуменьи святителемъ. Тутъ же просила Татьяна принять ее въ монастырь, на что игуменья согласилась.

Сперва въ обители болѣли у нея ноги, но святитель Тихонъ исцѣлилъ ее.

Строгую жизнь вела Татьяна, въ иночествѣ Таисія. Она совершенно отказалась отъ своей воли, и усердно исполняла послушанія, чаще всего состоявшія въ услуженіи старымъ и слабымъ сестрамъ. Еще на ея обязанности лежало просѣвать муку для хлѣба. Случалось, что запрутъ ее на замокъ въ амбарѣ и даже забудутъ принести ей поѣсть и попить, а работа эта возбуждаетъ сильную жажду. Поропгала она — и однажды въ досадѣ вышла изъ монастыря и весь день пробродила въ сосѣднемъ лѣсу.

Какъ наступила ночь, она перелѣзла чрезъ ограду и пошла къ кельѣ, но келья была заперта, и ключъ взятъ игуменьей.

Шесть недѣль прожила она подъ открытымъ небомъ, ночью молясь предъ иконами. Наконецъ, о ней доложили игуменьѣ, и дверь была отперта.

Келья Таисіи никогда не запиралась. Питалась Таисія

чаемъ, разведеннымъ на холодной водѣ и лепешками. Всѣ ночи она молилась или работала.

Въ ней дѣйствовалъ даръ прозорливости.

Однажды принялась она вытаскивать изъ-за своей печки большую скамью и просила одну послушницу помочь ей. Та спросила, на что ей скамья.

— Неравно, гости будутъ.

Выдвинувъ скамью, Таисія сѣла на край ея и спросила послушницу:

— Хорошо ли, если я сяду здѣсь, а гости тутъ?

— Хорошо, — отвѣтила послушница.

Затѣмъ старица приготовила чайную чашку безъ ручки и выпросила у одной монахини варенье, говоря:

— Неравно, гости будутъ.

Въ три часа пріѣхалъ въ монастырь архіепископъ Антоній съ гостемъ своимъ, курскимъ Иліодоромъ. Игуменьи они не застали и прошли къ Таисіи. Усадивъ гостей на приготовленной скамьѣ, она угощала ихъ припасеннымъ ею вареньемъ, обмакивая въ него куски калача.

Одна купчиха навѣстила ее со своей невѣсткой. Таисія сокрушалась надъ нею, называла ее ласковыми именами и, наконецъ, набросила ей на шею четки.

Послушница, бывшая тутъ, спросила старицу:

— Неужели, матушка, она пойдетъ въ монастырь—такая богатая, да молодая, да красивая, къ тому жъ замужняя?

Старица не отвѣтила послушницѣ, а старой купчихѣ сказала:

— Если что случится, дай мнѣ знать!

Едва вернулись онѣ домой, мужъ молодой купчихи былъ разбитъ ударомъ. Вдова его поселилась въ Елецкомъ монастырѣ и скончалась инокинею.

За семь мѣсяцевъ до кончины своей старица сильно ослабѣла. Она предсказала, что умретъ на Святой.

Въ ночь съ середы на четвергъ Свѣтлой недѣли она тихо предала душу Богу.

Въ эту самую ночь одна монахиня видѣла знаменательный сонъ.

Будто чрезъ святыя врата обители приплыли на лодкѣ къ кельѣ старицы Таисіи святители Митрофанъ и Тихонъ. Они блистали небеснымъ свѣтомъ. Они усадили съ собою старицу Таисію и поплыли съ нею назадъ, оставивъ монастырь въ мракѣ.

Можно предполагать, что при поступленіи Татьяны Постоваловой въ монастырь, ей было 18 лѣтъ; старица Таисія скончалась 93 лѣтъ.

Могила ея — на кладбищѣ Воронежскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря, за горнимъ мѣстомъ лѣтняго храма, слѣва.

На плитѣ, покрывающей могилу, надпись.

Затворница Московскаго Ивановскаго монастыря Досиѳея (княжна Тараканова).

Жизнь инокини Досиѳеи представляетъ собою примѣръ великаго бѣдствія, ничѣмъ незаслуженнаго несчастія. Царской крови, родившись, казалось, для радостной жизни, для широкаго пользованія благами міра, она была въ разсвѣтѣ лѣтъ и силъ заживо погребена, но вынесла безропотно тяжкую долю и просіяла подвигами благочестія.

Такъ невольная затворница, жертва политическихъ разсчетовъ, она стала, когда смирилась предъ волею Божіею, безъ которой не упадаетъ волосъ съ головы человѣческой, истинной инокиней и праведницею, достигшей благодатныхъ даровъ.

Княжна Тараканова была дочерью императрицы Всероссійской Елисаветы Петровны отъ тайнаго законнаго брака ея съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ.

Судьба императрицы Елисаветы Петровны очень замѣчательна.

Она осталась 18-ти лѣтнею послѣ кончины своей матери, императрицы Екатерины I. Чрезвычайно красивая, живая, быстрая, находчивая — она была бы завидною невѣстой

для всякаго иностраннаго принца. Отецъ ея, Петръ Великій, думалъ выдать ее замужъ за короля французскаго Людовика XV: но ни этотъ бракъ, ни браки съ Голштинскимъ и Саксонскимъ принцами не состоялись. Думали, было, выдать Елисавету за молодого императора Петра II. Но, такъ какъ она была ему тетка (сводная сестра его отца), то по уставу православной церкви бракъ этотъ былъ невозможенъ. И цесаревна Елисавета осталась въ Россіи.

Быть можетъ, способствовало тому то, что сердцемъ она была чисто русскою дѣвушкою. Она любила все русское: впослѣдствіи, во все время царствованія своего, она окружала себя исключительно русскими людьми.

Она была искренне, пламенно набожна. Извѣстно, что она почитала монаховъ и монашество, относилась тепло къ такимъ лицамъ, которыя, такъ сказать, рѣзко выходили изъ рамокъ принятыхъ обычаевъ, какъ Арсеній Мацѣевичъ или о. Ѳеодоръ Ушаковъ. Извѣстно, какимъ почитаніемъ окружала она завѣтную святыню свою — Царскосельскую икону Знаменія Богоматери, какъ любила строить и украшать церкви. Вообще, то была искренне православная душа.

И глубочайшую привязанность свою это чисто русское сердце отдало не иностранцу. Она беззавѣтно, горячо полюбила русскаго человѣка.

Онъ былъ простого происхожденія—сынъ малороссійскаго казака Грицка Разума, Алексѣй Григорьевичъ, и служилъ придворнымъ пѣвчимъ. Долго пришлось таиться двумъ любившимъ другъ друга сердцамъ, но, по восшествіи своемъ на престолъ, императрица Елисавета 25 ноября 1744 года обвѣнчалась съ Алексѣемъ, пожалованнымъ до того графомъ Разумовскимъ: свадьба произошла въ Москвѣ, въ храмѣ Воскресенія въ Барашахъ на Покровкѣ. Вѣнчаніе совершено было негласно, но при свидѣтеляхъ, и Разумовскому были вручены документы о состоявшемся бракѣ.

Отличаясь благороднымъ характеромъ, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій никогда не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, и въ преклонной старости сжегъ даже доку-

менты о бракѣ своемъ съ императрицею Елисаветою Петровною.

Отъ этого брака родилось двое дѣтей. Объ участи сына извѣстно мало,—преданія свидѣтельствуютъ, что онъ жилъ до начала 19-го вѣка въ одномъ изъ монастырей Переяславля Залѣсскаго. Дочь же стала извѣстна подъ именемъ княжны Таракановой.

Отчего именно это имя получила дочь императрицы? Вѣрнѣе всего объясненіе, что это имя представляетъ собою измѣненную фамилію Дараганъ. Казачья фамилія Дараганъ (въ обиходѣ и письмахъ того времени встрѣчается часто „Дарагановъ“, отъ чего такъ близко и до Таракановъ) была въ близкомъ родствѣ съ Разумовскими, и одна изъ членовъ этой семьи сопровождала заграницу дочь графа Разумовскаго. Имя дочь эта носила Августа (конечно, оно ей дано, какъ память объ ея происхожденіи), по отчеству же называлась Матвѣевной, чтобъ отчасти затемнить указанія на ея отца.

Неизвѣстно, кѣмъ и когда отправлена была княжна Августа заграницу, но тамъ она воспитывалась и жила до 1780 года въ тишинѣ и довольствѣ. Тамъ бы, вѣроятно, и окончила она свою жизнь, еслибъ ея имя не послужило орудіемъ интриги.

Заграницей стало извѣстнымъ происхожденіе княжны. Въ то время государственные перевороты были часты, и тѣ самые поляки, которые когда-то произвели на Руси такую смуту именемъ младенца Димитрія, выставивъ подъ этимъ именемъ самозванцевъ: теперь выставили еще интриганку, будто бы дочь Елисаветы Петровны, и имѣющую предпочтительныя предъ императрицей Екатериной права. То была личность, извѣстная въ исторіи подъ именемъ принцессы Володомірской и не имѣющая ничего общаго съ княжной Таракановой. Несчастная жертва политическихъ происковъ поляковъ, эта женщина была захвачена и привезена въ Россію, посажена въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и скончалась въ 1775 году.

Между тѣмъ мысль о томъ, что истинная дочь Елисаветы жива, и что ею могутъ воспользоваться враги Россіи для новыхъ смутъ, очень тревожила императрицу Екатерину, которая дала тайное распоряженіе: силою или хитростью доставить ее въ Россію. Доподлинно неизвѣстно, какимъ образомъ это произошло. По намекамъ, сдѣланнымъ пострадавшею много позже близкой къ ней личности, госпожѣ Головиной, можно предполагать, что княжна была заманена въ Италію какъ бы для осмотра русскаго корабля, и, когда она взошла на него, ее объявили плѣнной и, распустивъ паруса, поплыли въ Россію. Случилось это въ 1785 году.

Въ Петербургѣ княжна была представлена императрицѣ. Императрица долго и откровенно бесѣдовала о смутахъ послѣдняго времени, пугачевскомъ бунтѣ, исторіи съ самозванной Таракановой, о томъ, какъ легко возникаютъ подобныя государственныя потрясенія, и въ заключеніе объявила, что благо государственное требуетъ, чтобъ княжна отказалась отъ міра и провела остатокъ дней своихъ въ монастырѣ въ строгомъ уединеніи.

Таракановой было тогда не болѣе 39 лѣтъ. Противиться было немыслимо. Мѣстомъ заточенія ея избранъ былъ Московскій Ивановскій монастырь.

Въ монастырѣ приказано было постричь ее и содержать въ глубочайшей тайнѣ, никого къ ней не пуская.

Замѣчательно, что предъ кончиною своей императрица Елисавета назначила Ивановскій монастырь для вдовъ и сиротъ знатныхъ лицъ, а теперь ему суждено было стать мѣстомъ томленія ея дочери.

Въ тѣсномъ помѣщеніи была поселена бывшая княжна Тараканова, постриженная съ именемъ Досиѳеи. Теперь (съ 1860 г.) кельи ея не существуетъ.

То были двѣ низкія, сводчатыя комнаты съ окнами во дворъ. Кромѣ игуменьи, духовника и келейницы, никто не входилъ къ Досиѳеѣ. Окна ея были постоянно задернуты занавѣсками, а, такъ какъ народъ, прослышавши про До-

сиѳею, собирался подъ окнами: было велѣно гнать останавливающихся съ этой цѣлью на дворѣ монастырскомъ.

Ее не пускали ни въ общую церковь, ни въ трапезу. Иногда для нея совершалось особое богослуженіе въ надворотной Казанской церкви, причемъ, кромѣ священника, причетника, игуменьи и келейницы, тамъ никого не бывало. Въ церковь эту изъ кельи Досиѳеи былъ крытый внутренній ходъ; во время этихъ служеній двери церкви наглухо запирались.

На содержаніе ея отпускалась изъ казначейства достаточная сумма, такъ что, пожелай она того: она могла бы пользоваться хорошимъ столомъ.

Понятны тѣ глубокія внутреннія муки, которыя переживала она въ своемъ невольномъ затворѣ. Конечно, она сравнивала его со своимъ прошлымъ: величіемъ своихъ родителей, своей прежней вольною и роскошною жизнію, и какая тоска въ эти минуты должна была грызть ея душу!

Кромѣ того, отъ пережитыхъ ею потрясеній что-то болѣзненное осталось въ ея душѣ. При всякомъ шорохѣ, всякомъ стукѣ въ дверь, она блѣднѣла и тряслась всѣмъ тѣломъ. Насколько она боялась всего послѣ перенесенныхъ ею невзгодъ, видно изъ того, что у нея былъ портретъ ея бабушки, императрицы Екатерины I и какія-то бумаги. И, чтобъ предохранить себя отъ всякихъ нареканій, она рѣшилась сжечь эти, несомнѣнно, драгоцѣнные для нея предметы.

И вотъ тутъ, среди страданій, вѣра во Христа была ей облегченіемъ. Воспитанная въ православіи и кроткая отъ природы, она дошла до великаго духовнаго дѣла: она смирилась.

Игуменьей въ то время была хорошая женщина; не безъ вліянія на духовную жизнь Досиѳеи былъ и знаменитый митрополитъ Платонъ.

Онъ близко зналъ и пользовался благорасположеніемъ ея отца, графа Алексѣя Кирилловича, который любилъ церковь, церковное пѣніе, духовенство. По смерти Екатерины, Платонъ бывалъ у Досиѳеи и въ большіе праздники пріѣзжалъ къ ней съ поздравленіемъ.

Смирившись, перенеся всѣ свои надежды въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни гонимыхъ, ни лишнихъ людей, гдѣ часто слава и почетъ смѣняются невыразимою горестью: всю себя Досиѳея посвятила подвигамъ. Ея время наполнено было молитвою, рукодѣліемъ и чтеніемъ духовныхъ книгъ. Деньги, которыя она выручала за рукодѣлье свое, продаваемое чрезъ келейницу, она чрезъ ту же келейницу раздавала бѣднымъ. Иногда отъ неизвѣстныхъ приходили къ игуменьѣ на ея имя большія суммы — и она ихъ тратила на храмы и на бѣдныхъ.

Съ кончиною императрицы Екатерины II, затворъ ея сталъ менѣе строгъ. Ее никуда не пускали, но она получила разрѣшеніе принимать у себя. У нея бывали значительныя лица, разъ былъ кто-то изъ царской фамиліи.

Къ ней обращались за духовными совѣтами. Такъ, ея наставленіемъ пользовались братья Путиловы—молодые благочестивые люди, ушедшіе въ монашество (о. Моисей Оптинскій и Исаія игуменъ Саровскій). О. Моисей такъ говоритъ объ этомъ:

„Жившая въ Ивановскомъ монастырѣ духовномудрая старица блаженныя памяти Досиѳея послужила мнѣ указаніемъ на избраніе пути жизни монашеской".

Народъ узналъ о благочестивой жизни, теплившейся въ уединеніи Ивановскаго монастыря, и сталъ ходить къ старицѣ.

Послѣдніе же годы жизни она провела въ полномъ уединеніи и высочайшихъ подвигахъ.

Сохранилось очень интересное описаніе посѣщенія затворницы помѣщицей Курманалѣевой.

Она обратилась къ Досиѳеѣ послѣ великой потери: схоронивъ мужа. Ей сказали, что, если Досиѳея и не приметъ ее, а лишь помолится — то ей станетъ легче. Долго добивалась вдова пріема затворницею. Наконецъ, дверь ея отворилась. Досиѳея вышла и сказала:

— Несчастная, зачѣмъ нарушаешь ты мое уединеніе? Ужъ много лѣтъ никого я не принимаю. А теперь и не время мнѣ видѣть людей. Скажи, что тебѣ нужно отъ меня?

Упавъ ей въ ноги, посѣтительница разсказала ей о своемъ горѣ, и что у нея нѣтъ дѣтей.

— Будутъ у тебя дѣти, отвѣчала ей затворница, хоть не твои родныя: ты будешь всю жизнь воспитывать сиротъ.

Затѣмъ она дала ей наставленіе, какъ жить, и сказала, что ей слѣдуетъ имѣть руководителя. Посѣтительница назвала ей Новоспасскаго монастыря іеромонаха Филарета. Тогда затворница поклонилась ей въ ноги, и просила передать старцу этотъ поклонъ. „Вотъ, вскорѣ и онъ мнѣ поклонится, прибавила она“.—Побывай у меня, сказала она на прощаніе, да смотри: смотри, не опоздай! — и назначила часъ. Посѣтительница сказала, что обѣщалась родственницѣ ѣхать съ нею въ Троицкую Лавру и можетъ опоздать.

Улыбнувшись, затворница отвѣчала:

— Путь въ Лавру отъ тебя не уйдетъ. Позднѣе этого дня ты меня не увидишь. Прошу тебя пріѣхать.

— Великая она подвижница, — сказалъ о затворницѣ о. Филаретъ, когда помѣщица передала ему порученіе,—совѣтую тебѣ быть у нея въ назначенный часъ, чтобы потомъ не пожалѣть.

И всетаки она опоздала на нѣсколько часовъ. Когда она пріѣхала, затворница уже мертвая лежала на столѣ.

Ее схоронили въ Новоспасскомъ монастырѣ, противъ кельи о. Филарета, и помѣщица, увидавъ, какъ изъ кельи своей о. Филаретъ земно поклонился гробу, вспомнила ея слова: „Вотъ, вскорѣ и онъ мнѣ поклонится!“

Когда помѣщица вошла къ старцу, онъ со слезами на глазахъ сказалъ ей:

— Да, великая была подвижница мать Досиѳея. Много, много перенесла она въ жизни. И ея терпѣніе да послужитъ намъ добрымъ примѣромъ.

Затворница Досиѳея, пробывъ 25 лѣтъ въ Ивановскомъ монастырѣ, скончалась 64 лѣтъ — 4 февраля 1810 года.

Ее хоронили торжественно. Митрополитъ Платонъ по болѣзни не могъ служить и отпѣвалъ ее викарій Августинъ.

Московская знать, екатерининскіе вельможи, доживав-

Затворница Досиѳея (Княжна Тараканова).

шіе свой вѣкъ въ Москвѣ и во главѣ всѣхъ главнокомандующій Москвы графъ Гудовичъ (женатый на двоюродной сестрѣ по отцу княжны Таракановой, графинѣ Прасковьѣ Кирилловнѣ Разумовской)—явились въ полной формѣ на похороны, и народъ заполнилъ улицы, по которымъ проходило похоронное шествіе.

Тѣло затворницы положено у восточной монастырской ограды, на лѣвой сторонѣ отъ колокольни (№ 122).

Могила ея покрыта дикимъ камнемъ, съ надписью: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшія о Господѣ монахини Досиѳеи обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ 25 лѣтъ и скончавшейся февр. 4 д. 1810 года“.

Въ томъ же монастырѣ есть слѣдъ и высокаго происхожденія почившей, о которомъ безмолвствуетъ надгробный памятникъ.

Именно, въ настоятельскихъ кельяхъ хранится портретъ усопшей, напоминающій собою черты лица ея царственной матери. На оборотѣ портрета надпись:

„Принцесса Августина Тараканова, въ иноцѣхъ Досиѳея, постриженная въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ по многихъ лѣтахъ праведной жизни своей и скончалась погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ“.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе III

Глава I. Религіозныя воззрѣнія Петра Великаго.—Недовольство приверженцевъ старины.—Послѣдній патріархъ Адріанъ.—Переходное время.—Монастырскій приказъ.—Мѣстоблюститель Стефанъ Яворскій и его стояніе за православіе 5

Глава II. Учрежденіе Св. Синода.—Мѣры къ упорядоченію религіознаго строя.—Взгляды Петра на монашество.—Оцѣнка тѣхъ и другихъ. 20

Глава III. Архипастыри стараго типа.—Іовъ новгородскій.—Св. Митрофанъ воронежскій.—Св. Дмитрій Ростовскій и его просвѣтительная дѣятельность 28

Глава IV. Ѳеофанъ Прокоповичъ. Его дѣятельность и личность . . 53

Глава V. Опальные архіереи. Исповѣдническій подвигъ Ѳеофилакта Лопатинскаго 67

Глава VI. Отношеніе къ церкви императрицы Елисаветы Петровны . 81

Глава VII. Екатерина II.—Архіереи великороссы.—Отобраніе въ казну монастырскихъ имѣній.—Монастырскіе штаты.—Протесты . . . 101

Глава VIII. Изъ архіерейской жизни XVIII вѣка.—Нѣсколько типовъ архіереевъ 139

ЧАСТЬ II.

Русскіе подвижники 18-го вѣка.

Митрополитъ Филоѳей (Лещинскій) 161

Іоаннъ (Максимовичъ), митрополитъ Тобольскій и всея Сибири . . 166

Павелъ Конюскевичъ, митрополитъ Тобольскій 172

Архіепископъ Тобольскій Варлаамъ 181

Симонъ Тодорскій, архіепископъ Псковскій и Нарвскій 184

Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій 198

Петрозаводскій юродивый Ѳаддей 219

Основатель голгоѳо-распятскаго скита іеросхимонахъ Іисусъ . . . 223

Пустынножитель Ѳеофанъ и ученикъ его Климентъ 231

Начало Саровской пустыни и первоначальникъ ея іеросхимонахъ Іоаннъ. 240

Старица Агафія Симеоновна Мельгунова (въ иночествѣ Александра). 257

Основатель пустыни „Бѣлые берега“ схимонахъ Симеонъ 277

Старецъ іеромонахъ Ѳеодоръ (Ушаковъ) 285

Настоятельница Арзамасской Алексѣевской общины, Марья Петровна Протасьева 300

Схимонахъ Зосима 308

Блаженная Ксенія 322

Юродивый Алексій Стефановичъ 328

Задонскаго монастыря схимонахъ Митрофанъ 336

Старица Таисія 343

Затворница Московскаго Ивановскаго монастыря Досиѳея (княжна Тараканова) 346

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN

DATE DUE

MAR 8 1991

FEB 27 1991

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 01921 9362

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD